СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкование
Послания
апостола Павла
К КОРИНФЯНАМ
ВТОРОГО

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкование Послания апостола Павла

К КОРИНФЯНАМ ВТОРОГО

Москва 2006

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Настоящий том содержит толкование епископом Феофаном Второго послания к Коринфянам святого Апостола Павла. Это замечательное свидетельство о величии апостольского делания, которое не ограничивается проповедью, но главное — приготовляет христиан к принятию Духа, через Божественные таинства, первыми служителями которых были Апостолы.

Рассуждая о своих испытаниях ради Христа, Апостол Павел говорит о видениях и откровениях Господа, которых он сподобился.

Святой Апостол вникает во все стороны жизни христиан: нравственно-религиозную, семейную, церковную. Так, конкретное дело — сбор денег для бедной Иерусалимской Церкви — проникнуто у него заботой о братских отношениях между членами христианских общин.

Но слава Церкви — не во внешнем, видимом, а в том, что в ней действует Дух, в ней всегда есть особые ревнители, которые, отрекшись от всего, посвящают себя молитве и богомыслию, искореняя в себе страсти, уверенные в том, что путь к богообщению — в чистоте, и на этом трудном пути человек руководится силой и действием всеосвящающей благодати Божией.

ПОСЛАНИЕ
К КОРИНФЯНАМ
ВТОРОЕ
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

I. ПОВОД К НАПИСАНИЮ

Припомним, что святой Павел, получив весть от домашних Хлоиных о некоторых нестроениях в Церкви Коринфской, послал туда святого Тимофея, чтоб удостовериться, в чем дело, и отчасти исправить что можно. Но вслед за отбытием из Ефеса святого Тимофея туда прибыли послы от Коринфской Церкви с посланием от коринфян. На это послание и по поводу всего, что делалось в Коринфе, святой Павел писал первое свое послание, препроводив его с теми же послами к Коринфской Церкви. В нем писал он, между прочим, что послал к ним Тимофея, наказывая, чтобы приняли и упокоили его, обещаясь и сам быть у них, как скоро устроит все в Ефесе, где намеревался пробыть до Пятидесятницы.

Таким образом, из первого послания видим, что главное посредствующее лицо между коринфянами и святым Павлом, от лица святого Павла, был святой Тимофей. Из второго же послания видим, что таковым лицом является уже святой Тит. Его с беспокойством ждет из Коринфа святой Павел в Троаде, его прибытием обрадован в Македонии, за хороший прием его благодарит коринфян и с ним посылает второе послание;

святой же Тимофей стоит вместе с святым Павлом в надписании послания как соучастник в нем, в самом же послании о нем уже не поминается. Что за перемена?!

Во введении к первому посланию уже высказано предположение в объяснение этого. Повторим его. Дела святого Апостола в Ефесе пошли не так, как он предполагал. Возмущение против него Димитрия среброковача заставило его удалиться из Ефеса гораздо раньше, нежели как он писал в Коринф; а это изменяло все его планы. Святой Тимофей не мог достигнуть Коринфа раньше самого Павла; милостыня не могла быть собрана, как он желал; неожиданное появление в Коринфе его самого могло неблагоприятно подействовать на многодогадливую ученость коринфян; к тому же и явиться туда, не зная, как принято первое послание, было бы не сообразно с правилом осмотрительности святого Павла. По всем этим причинам святой Павел, оставляя Ефес, отправил в Коринф святого Тита с известием о перемене своего плана и о прибытии своем к ним гораздо прежде, чем думал, поручив ему между тем заняться устройством собрания милостыни и особенно поподробнее вникнуть, как принято и какое действие произвело первое послание. Последнее, можно сказать, было главным пунктом, который был прикрываем распоряжениями по милостынесобиранию. Собрав верные сведения

о следствиях первого послания, святой Тит должен был поспешить навстречу святому Павлу, который предполагал дожидать его в Троаде.

Распорядившись так, святой Павел направил путь свой к Троаде. Троада морем почти столько же отстоит от Ефеса, сколько и Коринф. Но если святой Павел положил посетить некоторые на пути Церкви, то, прибыв в Троаду, он со всею вероятностию мог надеяться если не найти святого Тита уже там, то скоро дождаться его. Всячески у него было в мыслях заняться в Троаде благовестием (2 Кор. 2, 12). К этому по прибытии туда он и приступил; и дверь к тому отверзлась ему о Господе; но как Тита все не было, то от сильного беспокойства он не мог продолжать дела благовестия; почему, простившись с тамошними, поспешил в Македонию, вероятно в Филиппы (2, 13). Здесь святой Павел или нашел уже, или скоро дождался Тита с утешительными вестями из Коринфа; почему, сказав о своем переходе в Македонию, взывает: *Богу благодарение, всегда победители нас творящему!* (2, 14). В Македонии святой Павел догнал и святого Тимофея, который или по делам, или по болезни, или еще почему-либо замедлил там, если нужны и на этот предмет предположения. Вот почему во втором послании о святом Тите только говорится как о действующем лице со стороны святого

Павла, а святой Тимофей стоит только в надписании.

Второе послание к Коринфянам пишется вслед за прибытием Тита, как это само собою видно из того, что пишет святой Павел в сем послании о приеме, сделанном ему в Коринфе (7, 11—16); следовательно, пишется на основании тех известий, которые принес святой Тит, и сообразно с ними. Отсюда содержание послания дает возможность сделать наведение о том, что принес святой Тит из Коринфа; а это наведение, если его предначертать, даст возможность и яснее представить содержание послания, и понять, почему оно таково, а не инаково. Так и делают толковники: так надо сделать и нам.

Что же принес святой Тит? — Он принес удостоверение, что послание такое же оказало действие на коринфское общество, какое оказывает сильный ветер на собравшиеся где-либо дурные испарения. Общество встрепенулось и сильною возревновало ревностию тотчас же исправить все указанные неисправности (7, 11), и полную изъявило готовность сделать все возможное по собранию милостыни. Хотя в послании поминается об исправлении только одного дела, именно об отлучении кровосмесника (2, 5—8), и только стороною намекается об отвержении всего языческого (6, 14—17); но нет сомнения, что у них положено было исправить все по указанию святого

Павла с совершенною точностию. В этом должно удостоверять то самое, что святой Павел не поминает более ни о чем, считая то излишним уже и докучливым. Получив такое известие, святой Павел был крайне утешен и обрадован (7, 6—7).

Но было святым Титом принесено нечто и такое, что хотя не тревожило успокоенного насчет всего тела Церкви Коринфской духа апостольского, тем не менее, однако ж, требовало его внимания и попечения. Тело Церкви во всем представило себя чистым (7, 11) и полным истинного христианского духа; но по окраинам его ходили некоторые речи о лице святого Павла и о делах его не совсем хорошие; были, как кажется, и такие лица, которые не совсем охотно и скоро отставали от неодобрительных привычных дел (12, 20—21). — Последнее — дело немощи; а у первых видится враждебное расположение к святому Павлу. Эти осуждали, например, в святом Павле то, что он сначала хотел прямо к ним прибыть, от них пройти к македонянам, а от этих обратно к ним, чтоб от них отправиться в Иудею (1, 16), а потом переменил план и идет к ним уже чрез Македонию. Это, говорили, делает он *легкотою* или *совещает* нечто *по плоти* (1, 17). Когда святой Павел давал такое обещание — ни из Деяний, ни из первого послания не видно. Вероятно, он об этом передавал им прежде первого послания и прежде вестей от

домашних Хлоиных с кем-нибудь из верных лиц. Полученные после того сведения о состоянии Коринфской Церкви заставили его переменить это намерение. Но те, не зная этого, осуждали его и даже готовы были навесть некую тень нетвердости и на самую проповедь Евангельскую, и на домостроительство спасения в Господе (1, 17—22). Но этим одним злые речи не ограничивались. Говорили еще: какой он строгий в послании-то?! А когда здесь был, как себя держал смиренно и тихо? И это не всё; слышалось также: да настоящий ли он Апостол-то? — Такие и подобные им речи ходили в обществе христианском. Нет нужды доискиваться, от кого они исходили, от верующих ли заблуждавшихся или от неверов, зложелательных святому Павлу. Довольно знать, что они слышимы были среди христиан, чтобы видеть в том побуждение святому Павлу не оставить их без внимания и поспешить к верующим с пояснениями дела, могшими предотвратить их от заблуждения насчет его.

Те и другие вести побудили святого Павла писать новое послание к Коринфянам. Надлежало удостоверить их, прежде своего туда прибытия, что он совершенно успокоился на их счет и помирился с ними духом, ради той ревности об исправлении всего, какую они показали вследствие его послания. Надлежало дать верным достаточные объяснения, при помощи которых они

сами могли бы отражать пущенные в среду их пустые речи о святом Павле; ибо, если оставить их так, они могли набить в умы христиан опасные для дела Евангелия предубеждения относительно его лица и образа действования. Надлежало также побудить к исправлению тех, которые медлили еще исправлением, чтобы, пришедши к ним, не иметь нужды действовать по всей строгости апостольской власти, как сам говорит: *да не пришед безщадно сотворю по власти, юже Господь дал ми есть* (13, 10). И о милостыне тоже надлежало сказать слово-другое, чтоб обставить сие святое дело святыми побуждениями и делами, указать пределы должного и доброхотного, а отчасти поддержать и возревнование о ней: *да не како*, говорит, *аще приидут со мною Македоняне... постыдимся мы в части сей* (9, 4).

2. СОДЕРЖАНИЕ ПОСЛАНИЯ

Все это и составляет содержание послания. Есть в нем еще один предмет, будто не зависящий ни от каких обстоятельств, именно: речь о высоком достоинстве христианского откровения при внешней непоказности проповедников его и о том, как оно самым делом совершается и доходит до слуха желающих внимать ему. К обозрению этого святой Павел восторгся известием о победоносном действии письменного слова его к коринфянам. Ибо говорит об этом вслед за тем,

как, выслушав святого Тита, воззвал: *благодарение Богу, всегда победители нас творящему... и воню разума Его являющу нами во всяком месте* (2, 14).

Эти предметы святой Павел излагает в послании в таком порядке. *В средине* идет речь о милостыне и занимает две главы — 8-ю и 9-ю. *В конце* помещено строгое слово в развеяние злых о святом Павле речей и в побуждение неисправившихся еще исправиться. Говорили о нем, что он на письме строг, а когда сам бывает, то тих и кроток; а другие к этому прибавляли: да настоящий ли он еще Апостол-то? — Может быть, такие речи и были причиною, что у некоторых расслаблялась нравственная энергия, и они лениво исправлялись. Почему Апостол, имея в виду особенно отрезвить последних, пишет, что он и лицом к лицу такой же строгий бывает, как на письме, когда потребует нужда (гл. 10); и затем, доказав, что он настоящий Апостол, ничем не меньший, чем другие, и, следовательно, облечен полною апостольскою властью (гл. 11, 12), заключает: исправляйтесь заранее, — приду, не пощажду (12, 20 — гл. 13). Это излагается в 10—13 главах. *В начале* же святой Павел, после благодарения Богу за утешение, доставленное ему избавлением от многих бед (1, 1—11), говорит, по какой причине переменил он план своего путешествия (1, 12—2, 11); затем, восторгшись к

созерцанию высоты христианского откровения и домостроительства, воодушевленною речью излагает весь ход сего дела (2, 12—7, 1) и заключает выражением радости и утешения, какие доставлены были ему приемом Тита в Коринфе и всем, что он там видел и о чем передал Апостолу (7, 2—16). Это занимает первые семь глав.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ

Итак, послание делится на три части. *Первая* содержит изъявление благодарения Богу, радости и утешения, какие доставил святому Павлу добрый успех его послания, с изложением по поводу этого высокого достоинства христианского откровения и домостроительства и всего хода его (гл. 1—7). *Вторая* содержит наставления о милостыне с некоторыми на счет ее распоряжениями (гл. 8 и 9). *Третья* содержит нужные объяснения в отражение распускаемых о святом Апостоле злых речей и в побуждение не исправившихся еще исправиться (гл. 10—13). Короче можно их обозначить так: *первая* — теоретическая, *вторая* — практическая, *третья* — защитительная. Если различать их по тону, то сколько первая теплосердечна, столько последняя строго отрезвляюща, дыша неумолимостию власти. Того требовала отеческая забота святого Павла об исправлении неисправных.

4. ВРЕМЯ И МЕСТО НАПИСАНИЯ

По ходу дела видно, что сие послание писано в тот же год, в какой и первое, то есть 58-й или 59-й. Писано, вероятнее всего, в Филиппах и препровождено с Титом в сопутствии ему еще двух братий (8, 16–24).

ТОЛКОВАНИЕ

ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К КОРИНФЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. НАДПИСЬ И ПРИВЕТСТВИЕ (1, 1—2)

Глава 1, стихи 1 и 2. *Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, и Тимофей брат, церкви Божией сущей в Коринфе, со святыми всеми сущими во всей Ахаии: благодать вам и мир от Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.*

Надпись и приветствие обычные; но есть некоторые в них термины, вызывающие вопросы и требующие пояснения.

Святой Павел имел нужду подтверждать свое апостольское достоинство (последняя часть); между тем имени своего и лица

в надписании не обставляет особенными какими-либо указаниями, как это делал, например, в послании к Галатам, говоря: *ни от человек, ни человеком* (Гал. 1, 1). Из этого надобно заключить, что он не давал большого веса рассеиваемым об нем злым речам; почему и достоинства своего апостольского доказывать особенно не усиливался с самого начала.

В первом послании он поставлял с собою Сосфена, здесь ставит святого Тимофея. Сосфен, вероятно, с святым Титом возвратился в Коринф и там остался. Что святой Тимофей не будет в Коринфе, об этом сказал им святой Тит; но у них мог оставаться вопрос, где же он. Поставив имя его при себе, Апостол давал им знать, что он при нем. Это одно объясняло им все без особых прибавлений о нем. Святой Златоуст указывает, как обычно, нравственную сторону сего сопоставления, говоря: «Поставляя вместе с собою Тимофея, сим ему стяжевает большее уважение, а в себе показывает глубокое смирение. Ибо хотя Тимофей был ниже Апостола, но любовь все сочетавает». Феодорит же прибавляет: «Но блаженного Тита не поместил Апостол наряду с собою в писаниях, потому что назначал его быть служителем оных и с ним переслал послание сие».

Коринфское общество христианское Апостол называет *Церковию*, давая разуметь, что оно было вполне организованно, во всех частях, и имело

все, чему следует быть в Церкви христианской. В этом же он представил им «побуждение к единомыслию и единодушию» (Феодорит), «желая собрать и совокупить их воедино: ибо иначе не может быть Церкви там, где составляющие оную разделяются между собою и враждуют друг на друга» (святой Златоуст).

Со святыми всеми, сущими во всей Ахаии. «Сими словами Апостол и предпочтение оказывает коринфянам, когда чрез послание, писанное к ним, приветствует всех прочих и вместе всю из того языка собранную Церковь побуждает к миру и согласию. Наименованием же святых показывает, что нечистым не принадлежит сие приветствие» (святой Златоуст); — «не принадлежит оно никому, кто земен, оземлянел» (Экумений). Но кого разумеет святой Павел *под святыми сими*, частные ли лица или целые Церкви? — Надо полагать, целые Церкви. Ибо известно, что была Церковь в Кенхреях (Рим. 16, 1); вероятно также, что и в Афинах была Церковь, а может быть, и в других каких местах, недалеко и вдали. Ахаия обнимала и собственно Элладу, и Пелопоннес. А что Апостол сказал: *святым всем*, а не Церквам, то это ему обычно. Ибо, и к Ефесянам, и к Филиппийцам, и к Колоссянам пиша, он говорил то же: *святым всем*; тогда как во всех тех местах были Церкви вполне устроенные. Но было ли это окружное послание, назначенное и для

всех тех Церквей, которые означил Апостол словом: *святым всем*, или послание назначалось только для коринфян, а об тех помянулось только для привета, только в побуждение к братскому всех единению? Судя по тому, что в послании содержатся особенности, относящиеся исключительно к коринфянам, надо полагать, что это не было окружное послание. Но, как по тогдашней ревности к слышанию и ведению апостольского слова, послание к одной Церкви скоро становилось достоянием и других Церквей; то и послание к Коринфянам, вероятно, скоро разошлось по всем Ахайским Церквам. Предположив, что они встречали здесь вразумления, которые могли относиться и прямо к ним, должны будем допустить в них и то верование, что оно будто для них и писано. Святой Златоуст и полагает, что его можно назвать общим для всех посланием в том предположении, что оно общие всех врачевало болезни.

В словах: *благодать вам и мир*, можно под *благодатию* разуметь всю целость духовной жизни, а под *миром* всю целость благосостояния внешнего, то есть кроме мирного союза верующих между собою, кроме мирного течения дел их, особенно мирные соотношения ко внешним, чтоб не было гонений, притеснений, лишений, дабы при мирности внешней удобнее преуспевать и во внутренней Богоугодной жизни.

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. «Указывает им Владыку и Благодетеля» (Феодорит). Это обычное во всех посланиях слово. Но как Апостол не скучает поминать его всякий раз, не должно и нам лениться освежить при сем в уме своем то благое помышление, что всякое благо нисходит к нам от Бога Отца чрез Господа Иисуса Христа, прибавляя: во Святом Духе,— от Пресвятой Троицы,— Бога единого и благожелательного, и щедродательного бесконечно.

2. НАЧАЛО ПОСЛАНИЯ (1, 3—11)

Начинает свое послание святой Павел излиянием благодарных чувств к Богу за утешение в скорбях его и всех трудящихся в благовестии и избавление его от недавней смертной опасности, питая надежду, что Он и не перестанет избавлять, при споспешествовании тому, между прочим, и молитвы верных коринфян (1, 3—11). а) Воссылая Богу благодарение за утешение в скорби, Апостол удостоверяет, что это Бог делает для блага верующих (стихи 3—7), и б) питая надежду на избавление впредь от бед, участниками в доставлении сего блага признает и молитвы верных (стихи 8—11). Там и здесь выражает самый тесный союз трудящихся в благовестии с верующими в него, под влиянием их благовестия.

а) Бог посылает скорби для блага верующих (1, 3—7)

Стихи 3 и 4. *Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби нашей, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога.*

Благословен Бог! Как естественно было воззвать так святому Павлу после того, как Бог избавил его от *толикия смерти* во Асии (1, 10), и как он, не имевший покоя духу своему в Троаде (2, 13) и в Македонии испытывавший внеуду* брани, внутрьуду** боязни, утешен был пришествием Титовым (7, 5—6)! Всецело предан будучи Богу, всякий случай с собою он производил непосредственно от Бога и Его благостынную десницу видел не в утешениях только, но и в скорбях.

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа употреблено в таком же значении, как и Сам Господь сказал по воскресении: *восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17), то есть по домостроительству спасения нашего. «В словах сих ничего нет нового. Одного и того же Христа, по Его человечеству, Он есть Бог, а по Божеству Отец» (Феофилакт).

---

* Вне. — *Ред.*

** Изнутри. — *Ред.*

Отец щедрот и Бог всякия утехи,— Бог, Которого существо в том состоит, чтоб изливать одни щедроты и утешения: ибо Он *любы есть* (1 Ин. 4, 16). Так Он все устроил в сущем и так все строит в бывающем, что, не выходи только тварь из воли Его и Его предначертаний, она всегда будет пить одни утешения из чаши щедрот Божиих. В настоящем порядке вещей и то, что приносит по видимому скорбь, есть несомненно дело щедрот Божиих и ведет к утешению. Апостол говорит как бы сими словами: Отец и Бог, «изливающий щедроты, источающий милость и с отеческими щедротами поступающий с нами» (Феодорит). Богодухновенным писателям обычно именовать Бога не одним именем, а различно, заимствуя сии наименования от Его бесконечных совершенств, свойств и действий. «Так, святой Давид не везде одинаково называет Бога и не от одних и тех же свойств производит имена Его; но, когда рассуждает о войне и о победе, говорит: *возлюблю Тя, Господи, крепосте моя* (Пс. 17, 2); когда же воспоминает о избавлении от скорби и мрака, обдержавшего душу его, говорит: *Господь просвещение мое и Спаситель мой* (26, 1). Иногда заимствует наименование Его от человеколюбия, иногда от правды Его, иногда от суда Его нелицеприятного, сообразно тем обстоятельствам, в которых он находился.— Так и здесь святой Павел в начале послания своего называет

Бога со стороны Его человеколюбия: *Отец щедрот, Бог всякия утехи.* То есть: великие являть щедроты и миловать преимущественно пред всем свойственно и сродно Богу» (святой Златоуст).

Утешаяй нас во всякой скорби нашей. «Апостол показывает, что Бог всяческих подает равномерные искушениям утешения. Так и блаженный Давид сказал: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19)» (Феодорит). «Не сказал: не попускающий нам впадать в скорби, но: утешающий нас в скорби. Потому что сие и силу Божию показывает, и терпение скорбящих укрепляет. То же сказал и пророк Давид: *в скорби распространил мя еси* (Пс. 4, 2). Не сказал: Ты не попустил мне впасть в скорбь, или: Ты тотчас рассеял скорбь; но сказал: в продолжении скорби Ты распространил меня, то есть великую дал прохладу и отдохновение, что самое сделал Бог и с тремя отроками. Ибо Он не возбранил ввергнуть их в пещь и, когда они были ввержены, не угасил пламени; но, когда пылала пещь, подал им прохладу. И сие Бог обыкновенно делает во всех случаях. Намекая на то, и Павел говорит: *утешаяй нас во всякой скорби.* Но сим он показывает еще нечто новое. Что же такое? – То, что Бог не однажды, не дважды, но всегда так поступает. Ибо не так поступает Бог, чтобы ныне утешал, а в другое время оставлял; но всегда и во всякое

скорбное время подает утешение. Посему и сказал Апостол: *утешаяй*, а не: утешивый; и: *во всякой скорби*, не в той или другой, а во всякой» (святой Златоуст).

Яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога. — Яко возмощи, εἰς τὸ δύνασθαι, чтобы мы могли. Для того, говорит, Бог утешает нас во всякой скорби, чтоб и мы могли утешать других. Мы — это или святой Павел со святым Тимофеем, или вообще все Апостолы. Бог избрал их быть как органами слова Своего, так и орудиями утешения скорбящих за сие слово. Но как от Апостолов утешение могло переходить на других скорбящих? — Одни говорят: примером утешения, даруемого Апостолами, другие скорбящие воодушевлялись к благодушному терпению, и надежда подобного утешения утешала их в скорбях; другие: по любви к Апостолам другие, смотря на их скорби, и сами скорбели; но, когда они получали утешение, соутешались вместе с ними и они. И скорбь Апостолов была их скорбию, и утешение Апостолов — их утешением (Экумений, Феофилакт). То и другое, хотя может быть принимаемо, но не выражает вполне мысли Апостола. Тут утешение от Апостолов переходит на других без ведома самих Апостолов; а в слове святого Павла они представляются деятельно изливающими утешение в сердца других скорбящих.

Будучи утешаемы Богом, они становятся преизливающимся источником утешения для скорбящих; утешением, каким Бог утешает их, они делятся с другими. Это же каким образом? — Чрез слово. Сердце, полное утешения, и слову сообщает утешительную силу, так что оно дышит одним утешением. Скорбевший знает, с какой стороны приходят томящие и убивающие приливы скорби, и знает также, какие помышления воздвигает в душе утешающий Бог в отражение сих приливов; почему всякую душу может так настроить, что она, и скорбящи, присно будет радоваться. Этим даром преизобиловали Апостолы; и как, будучи живы, утешали всех скорбящих, так в писаниях своих оставили нам наставления, какими руководясь, всякий скорбный найдет себе утешение.

Стих 5. *Зане якоже избыточествуют и страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше.*

Выставляет причину, почему не должно сомневаться, что они точно могут утешать находящихся во всякой скорби. Не сомневайтесь, говорит, в этом, ибо у нас как скорби с избытком, так и утешения с избытком; больше всех скорбим, больше всех и утешения подает нам Бог. У нас его много в запасе; скорби — для нас, а утешения — для вас. Сказав, что страдания у нас с избытком, Апостол не остановился на этом одном; «но, дабы не привести в уныние учеников

слишком сильным описанием своих бедствий, показывает и великое богатство утешения, и, таким образом, ободряет их дух; и не только сим ободряет их, но и тем, что поминает о Христе, говоря о своих страданиях, что они суть страдания Христовы, и, таким образом, прежде всякого другого утешения извлекает утешения из самых скорбей. Ибо что может быть приятнее сего, быть общником Христу и ради Его терпеть страдания? Что может равняться с сим утешением?» (святой Златоуст).

Страдания назвал Апостол Христовыми, потому что они были за Христа, за слово Его и за дело проповеди о спасении всех в Господе Иисусе Христе. Еще более можно сказать: страдания за Христа суть Христовы, потому что Он Себе их присвояет, считает их Своими. Он однажды пострадал всеобъемлющим страданием; страждущие за Него вступают в сострадание Ему, в чем, как нередко уверяет Апостол, и состоит таинство нашего спасения. Причащение страданиям Христовым вводит в причастие и жизни Его, а в этом всё.

Поставив так близко страдания за Христа к страданиям Христовым, Апостол в этом общении со Христом чрез страдания указывает и источник утешения. Страдая за Христа, вступаем в общение страданий Христовых; но как Христос теперь во блаженной славе, то естественно чрез Христа избыточествовать утешениям, несмотря

на скорбность, или в самой скорбности, так что скорбность остается только совне, внутри же царствует одно утешение, и иначе сему быть нельзя. Это не помышлениями какими утешительными производится в сердце, а утешение, помимо всяких усилий ума и самоутешительных соображений, льется в душу от лица Христа Господа и, водворяясь в ней, преисполняет ее. *Христом*, говорит, *избыточествует утешение наше*, — избыточествует и над страданиями и поглощает их. Так понимает святой Златоуст: «Апостол прославляет человеколюбие Господа еще и тем, что говорит: мы гораздо более утешаемся, нежели сколько скорбим. Поелику не сказал, что утешение равно страданиям, но утешение, говорит, избыточествует, так что время подвигов есть вместе и время преизбытка утешения. Оттого страждущие за Христа никого не боятся и не трепещут, и среди самых напастей бывают спокойнее и радостнее всех: ибо они тут же сподобляются бесчисленных утешений от Самого Христа».

Стихи 6 и 7. *Аще ли же скорбим, о вашем утешении и спасении, действующемся в терпении техже страданий, яже и мы страждем. И упование наше известно о вас. Аще ли утешаемся, о вашем утешении и спасении, ведяще, зане якоже общницы есте страстем нашим, такожде и утешению.*

Таким образом, говорит, выходит, что страждем ли мы — ради вас страждем, утешаемся ли — ради вас утешаемся. Это прямая мысль обоих текстов, и она сама собою понятна. Но святой Павел излагает ее пространно, с некоторыми соприкосновенностями. Это — ради вас, Апостол выражает — *о вашем утешении и спасении.* Он говорил все об утешении, и представляется, будто оно главное, а тут привнесено *спасение.* Как утешение Христа есть плод страданий апостольских, это прямо выходит из предыдущего. Поколику страждем, говорилось впереди, потолику утешаемся; утешаемся же для того, чтоб имели мы возможность утешать и других скорбящих. Отсюда очевидно, что страдают Апостолы, чтоб самим исполниться утешения и потом переливать его в душу других находящихся во всякой скорби, то есть и страдают, и утешаются для утешения других. Но как тут *спасение*? — Оно-то главное и есть. Ибо Апостолы страдали за проповедь Евангелия, а Евангелие есть благовестие о единственном для нас образе спасения, приемля которое верою, внемлющие благовестию спасались. Ревность о сем спасении и воодушевляла Апостолов в трудах проповеди и в перенесении всех скорбей. Она шла впереди; она привлекала и утешения. Равно и верующие, приемля благовестие от Апостолов, вступали в путь спасения; но вместе с сим вступлением подвергались и скорбям,

а скорбя по сей причине, сподоблялись утешения от Апостолов, скорбящих за Евангелие и спасение их,— так что такая неразрывная связь страданий и утешений в Апостолах и верующих существует ради содевающегося в одних чрез других спасения. Только в порядке спасения так бывает, что страдания сами из себя источают и утешение. Это, как выше говорилось, потому, что верующих и спасающихся страдания вводят в сопричастие страданиям Христовым, в сочетание с Самим Христом, из Коего, как в блаженной славе состоящего, тотчас же изливается и утешение. Главное, следовательно, и в Апостолах, и в верующих — содевание спасения. Утешение его содевает и, отнимая разрушительное действие у скорбей, не дает им препятствовать устроению спасения.

Блаженный Феодорит пишет: «Для вас (мы, Апостолы) подпадаем всякого рода искушениям (скорбям). Ибо, если бы не захотели мы преподать вам спасительную проповедь, никто не причинил бы нам страданий. Но поелику промышляем о вашем спасении, то от противников приемлем приражение к нам горестей, а от Владыки Бога пользуемся утешением. А таким образом, ради вас имеем то и другое. Приобщитесь же с нами того и другого, как усвояющие себе все наше».

Это усвоение всего апостольского было уже в них в действии. Веру приняли; по вере начали содевать спасение; ради же того и другого начали и страдать. Посему Апостол и говорит: *страждем о вашем утешении и спасении, действующемся в терпении техже страданий, яже и мы страждем*. Уверовали, отстали от языческих богов, устранились от языческих обычаев, отчуждились от порядков языческой плотской жизни, стали странниками среди своих; и за это подвергались неприятностям, лишениям, притеснениям. Они спасение содевали; но как нельзя было не раздражить тем других, то это содевание спасения сопровождалось терпением страданий. Апостол говорит: *техже страданий*, в смысле: таких же страданий, то есть за то же дело, за какое и мы страждем, за содевание спасения. Он не увещание какое пишет, а излагает дело, как оно есть. Мы страдаем, неся вам спасение благовестием; вы страдаете, приняв благовестие. Это и есть свидетельство, что спасение содевается в вас. Если же спасение, то и утешение, ибо они неразлучны. Святой Златоуст говорит: «Не мы одни (Апостолы) виновники вашего спасения, но и вы сами. Ибо как мы, проповедуя, терпим скорби, так и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вам то, что сами получили; а вы, чтобы принять даемое и не потерять. Не тем только устрояется спасение ваше, что вы веруете,

но и тем, что вы также страдаете и терпите, как и мы. Из сего видно, что действительная сила спасения не в том только состоит, чтобы не делать зла, но и в том, чтобы самим мужественно терпеть зло».

Не излишне обратить внимание и на слово: *действующемся*. Совне — страдания; под прикрытием их, внутри действуется спасение. Кем и как? — Как будто помимо и без ведома спасаемых. Они только страждут и на то силы напрягают, чтобы терпеть; а там — внутри — само собою действуется спасение. Но хотя и само собою, все же без действующего ему нельзя действоваться. Кто же сей? — Благодать Божия, о Христе Иисусе, Господе нашем, Который как благоволил Сам пострадать, так и спасение всех устрояет под гнетом страданий. Святой Златоуст замечает на сие слово: «Не сказал: действующем, но *действующемся*, показывая тем, что их ревности много содействовала благодать, действующая в них».

И упование наше известно о вас. Страждете, сказал, как и мы, содевая свое спасение. Но хотя вы и бесчисленные терпите бедствия, однако мы надеемся, что вы не отпадете даже и тогда, когда вас будут гнать. Мы не только не имеем подозрения, чтобы вы смутились нашими страданиями, но и уповаем, что вы пребудете тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностям (святой Златоуст).

Утешаемся *о вашем утешении и спасении: ведяще, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению.*

Там во свидетельство того, что Апостолы страждут за утешение и спасение верующих, приводит он страдания сих последних. Страдания сии удостоверяли, что спасение действуется; со спасением же неразлучно утешение. Но что спасение в них действовалось, – это от Апостолов, благовествующих и страждущих за благовестие. Здесь и то, что утешаются ради их же утешения и спасения, посредствуется страданиями их. Мы страдаем за благовестие, вы страдаете за принятие благовестия. Скорбно было бы нам видеть, что вы страдаете будто по нашей вине. Но это не сокрушает нас. Почему? – По несомненному совпадению в нас с страданиями и утешений. Ибо как в нас, так должно быть и в вас. Наши страдания источают нам утешение Христом Господом и Спасителем нашим. Несомненно, то же должно быть и в вас: ибо Христос Господь тот же и для вас, как и для нас; потому что и вы Его дело делаете, как и мы. Ведая сие, мы не смущаемся вашими страданиями, сопровождающими принятие нашего благовестия, *ведяще*, что вы как *общницы есте страстем, такожде и утешению.*

Но это бывало после, впереди же вот что: Господь среди самых страданий преисполнял Апостолов всяким утешением. Испытывая это и

зная, что верующие тоже, несомненно, подвергнутся страданиям, Апостолы наперед сказывали им все — и то, что непременно подвергнутся страданиям, и то, что в самых страданиях получат утешение. Зная это, и верующие мужественно встречали страдания и, перенося их терпеливо, утверждались во спасении и сподоблялись утешения. Не предупреди их о всем Апостолы, не вступили бы они в борьбу, а следовательно, и на путь спасения и утешения. А как бы Апостолы стали предупреждать, не испытывая сами утешений в страданиях? И выходит, что Бог посылал им утешение ради утешения и спасения верующих. Ибо то уже был неизбежный путь: веровать, и по уверовании страдать. Страдания отталкивали бы от веры, если бы не источали утешения. Они и источали, но чтобы поверить тому, нужны были опыты. Опыты сии и являл Бог в лице Апостолов, которые с дерзновением потом и удостоверяли всех: будете страдать, не смущайтесь; в самых страданиях получите утешение. Так с нами всегда бывает, так и с вами будет: общники страстем нашим — общники и утешения нашего.

Но можно слова: *утешаемся о вашем утешении* и: *общники страстем — общники утешению* понимать так, что это бывает по сочувствию. Видят верующие Апостолов страждущими, и себе страждут; видят утешенными, и себе утешаются,

и еще более утверждаются в деле спасения. Так святой Златоуст: «Наше утешение обращается вам в успокоение, даже и тогда, когда бы нам не случилось утешать вас словами. Если малую только получим отраду, то и сего довольно к утешению вашему. И хотя бы нам одним случилось получить утешение, и это уже утешит вас. Потому что как страдания наши вы принимаете, как свои собственные, так и всякое утешение наше вы должны считать своим собственным. Ибо как в скорбях наших вы участвуете, почему же не будете участвовать в радостях? Нет; как тогда, как преследуют нас, вы скорбите, как бы сами вы терпели гонение, так, мы уверены, что и тогда, когда мы получаем утешение, вы принимаете оное так, как бы вы сами им наслаждались».

б) В избавлении от бед участвуют и молитвы верующих (1, 8—11)

Стих 8. *Не бо хощем вас, братие, не ведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити.*

Не хощем вас не ведети — хотим, чтоб вы знали. «О сем мы возвещаем вам, говорит, дабы вы не были в неведении о случившемся с нами. Ибо мы желаем, чтобы вы знали все, что с нами происходит, и весьма о сем заботимся. А это есть самое сильное доказательство любви его к ним» (святой Златоуст).

О скорби нашей, бывшей нам во Асии. Какую скорбь разумеет здесь Апостол? – Или ту скорбь, какую потерпел он от тех *многих сопротивных*, о коих поминал в первом послании (1 Кор. 16, 9) (святой Златоуст, Экумений, Феофилакт),– или «имеет в виду восстание, воздвигнутое сребровачем Димитрием» (Феодорит). Но почему не разуметь здесь, кроме того, и той великой крайности, в которой находился Апостол, борясь со зверем в Ефесе (1 Кор. 15, 32)? – Эти два места взаимно себя объясняют, и все, что говорит теперь Апостол, становится совершенно понятным, когда допустим, что он разумеет ту скорбь, какую испытал, быв поставлен в необходимость стать лицом к лицу со зверем; понятно, как он по премногу и паче силы был отягощен в эту пору, как не надеялся живым остаться и сложился в мыслях, что ему больше уж и не жить (*осуждение смерти имехом*), и как, когда Бог избавил его от сей беды, то то же сделал, что избавил от смерти. Потому полагаем, что лучше всего остановиться на сем обстоятельстве, не уклоняясь в аллегорическое толкование борьбы Апостола со зверем, не прикрываясь тем, что ничего не говорится о том в Деяниях.

По премногу и паче силы отяготихомся,– «подобно кораблю, обремененному сверх силы каким-нибудь грузом и готовому утонуть.– Словами: *по премногу и паче силы,* с первого взгляда

кажется, будто одно и то же выражается, но в самом деле это не одно и то же. Премного не значит уже — *паче силы*. Почему, чтобы кто не сказал: как ни чрезмерна была опасность, но она не велика была для тебя, Апостол присовокупил, что она и велика была, и превышала силы наши, и столько превышала, *яко не надеятися нам и жити*, то есть мы не чаяли уже и в живых быть. Каковое состояние Давид называет *вратами ада, болезнями смертными и сению смерти* (Пс. 87). То же самое и Апостол говорит, то есть что они подверглись было такой опасности, которая несомненно угрожала им смертию». Это слова святого Златоуста. Как они хорошо идут, когда вообразим святого Павла стоящим пред зверем!

Стих 9. *Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога возставляющаго мертвыя.*

Сами в себе осуждение смерти имехом, то есть сами в себе, в своих мыслях, положили, что не жить уже нам более, присудили себя к смерти и решились на то. Святой Златоуст говорит: «Что значит осуждение смерти? — Значит приговор, определение, ожидание смерти. Ибо так говорили дела, такой приговор произносили случившиеся обстоятельства, то есть что мы непременно должны умереть. Впрочем, не случилось сего на самом деле, но остановилось только на нашем ожидании. Ибо хотя течение дел очевидно сие показы-

вало, но сила Божия не допустила приговору сему прийти в исполнение, допустив оному поразить только наши мысли и наше ожидание. Почему и говорит: *сами в себе*, а не на самом деле осуждение *смерти имехом*. – Для чего же Бог попустил им подвергнуться такой опасности, что они потеряли надежду и даже отчаялись в жизни? – *Да не надеющеся будем на ся, но на Бога*. Впрочем, святой Павел сказал сие не потому, чтобы сам был расположен к самонадеянности. Нет; но он под видом повествования о себе самом хотел только вразумить других, а притом сказал так и по свойственному ему смирению. Он никогда не оставляет своего обычая ставить себя наряду с худшими людьми, которых нужно много учить и исправлять. Ибо если и для уцеломудрения обыкновенных людей довольно бывает одного или двух искушений, как же тот, который подвигами целой жизни стяжал особенное пред всеми людьми смиренномудрие и столько претерпел, сколько никто другой, по истечении стольких лет и по достижении любомудрия, достойного небес, мог иметь нужду в столь тяжком вразумлении? Из сего явно, что здесь он только по смирению и для приведения к тому же смирению тех, кои много мечтают о себе и гордятся собою, говорит: *да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя*. Здесь опять напоминает им о воскресении, о котором столь

много говорил в первом послании, и настоящими обстоятельствами еще более утверждает истину оного». И о борении со зверем поминал Апостол в первом послании в числе доводов, убеждающих веровать в истину воскресения. Там коротко, здесь пространнее. Избавление от такой смертной крайности очень похоже на воскресение из мертвых. Почему и Бога не окачествовал он при сем другим наименованием, как назвав Его восстановителем мертвых. Потому же, может быть, и там, трактуя о воскресении, вспомнил об избавлении своем от челюстей звериных, как бы врат смертных.

Стих 10. *Иже от толикия смерти избавил ны есть, и избавляет, наньже и уповахом, яко и еще избавит.*

Мы, говорит, были в такой крайности, что смерть наша была дело решенное. Избавив нас от такой крайности, Бог избавил нас от смерти; мы явились — яко от смерти живые, как похороненные восстали из гробов. «*От толикия смерти избавил*, говорит. Не сказал: от толиких опасностей, как для того, чтобы показать сим непреодолимую силу искушений, так и для того, чтобы еще более уверить в истине своего учения, которое предлагал прежде. Поелику воскресение мертвых есть еще дело будущее, то он показывает здесь, что оно и каждодневно бывает. Ибо когда Бог человека отчаявшегося и к смертным

вратам адовым приблизившегося исторгает оттуда, то что другое делает Он, как не воскрешает мертвого, изымая из самых уст смерти впадшего в оные? Посему-то при неожиданном освобождении какого-нибудь человека из отчаянного состояния у многих вошло в обычай говорить: на сем человеке мы видели воскресение мертвых» (святой Златоуст). У нас говорят: из мертвых воскрес.

И избавляет. То говорил о великой скорби, бывшей во Асии; а это говорит о скорбях, от которых только что избыл, и туге сердечной, испытанной в Троаде, и о тех внешних бранях и внутренних болезнях, кои беспокоили его в Македонии. Скорби продолжаются; по следам их идет и избавляющая от них милость Божия. Рука Божия, держащая меня и защищающая, никогда не отъемлется. Чувствую это и исповедую.

Наньже и уповахом, яко и еще избавит. — *Уповахом* — возуповахом, несомненное имеем упование, непоколебимо веруя, что всегда так будет, пока суждено нам Богом жить и действовать во славу Его, насаждая на земле Евангельскую веру; так будет, что Бог будет нас избавлять от всяких крайностей. Мы будто обречены на страдания и скорби. Это мы знаем и ничего другого не ожидаем впереди; но это нас не смущает и не останавливает: ибо сколько несомненны для нас беды и скорби, столько же несомненно и избавление от

них. Одно ожидание покрывается другим; и покой духа нашего пребывает твердым. Апостол говорит как бы: «Нам непрестанно должно подвизаться в продолжение всей жизни; впереди еще много будет искушений, и в оных опять не будем оставлены, а получим помощь и споборство свыше» (святой Златоуст).

Стих 11. *Споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о вас.*

Споспешествующим относится не к *избавит* только, но и к *избавляет*, и *избавил есть*. Хочет сказать: ваша молитва всегда помощна и содейственна нам, и была, и есть, и будет. «*Избавил ны есть*, говорит, от смертей оных, по ходатайству всех вас в молитвах за нас» (святой Златоуст, так и Фотий у Экумения). Если б это пособие молитвенное к будущему только избавлению от бед относилось, Апостол сказал бы: споспешествуйте и вы. Но он не просит, а говорит как о действии благочестивом, исполняющемся и без того, по заведенному порядку. И сама собою устроялась молитва об отце-просветителе, и, надо полагать, заповедь была полагаема прямо по просвещении. Всюду все общею молитвою и молились о своем отце, родившем в духовную жизнь. Так *молитва бе прилежна, бываемая от Церкве к Богу* о Петре (Деян. 12, 5). Так и о святом Павле молились все Церкви, да благопоспешит ему

Бог во всем. Эта молитва содействовала к тому, что Бог избавил, избавляет и будет избавлять его от всех бед. Это не условие, без которого помощи Божией и состояться нельзя; но таков уже порядок в духовном царстве, что такая молитва неотложно бывает в нем, хотя Бог и Сам по Себе все ниспосылает, *яко Отец щедрот и Бог всякия утехи*. «Заметь здесь, — говорит святой Златоуст, — и то, что, когда Бог и по милости дарует что-нибудь, и здесь молитва много содействует. Так хотя в начале послания Павел приписал свое спасение щедротам Божиим; но здесь приписывает он его и молитвам верных».

Спопешествующим, συνυπουργούντων, *и вам*. Кто же другие соучастники в этом деле? И сам святой Павел, и все другие Церкви, и верующие. Так Богу угодно было устроить царство Христово, чтобы нужда одного была общею всех нуждою, и избавление от нее было принимаемо как благо для всех. Бог хочет чрез сие всех держать в союзе любви, живом и сердечном. Нигде сей союз не выражается так осязательно, как в сочувствии и единодушной вследствие того молитве. Все становятся тут как одна душа. Оттого и молитва такая сильна и скороуслышна. Святой Златоуст говорит: «Часто единодушная и согласная молитва многих преклоняет Бога. Посему и пророку Ионе сказал Он: *Аз же не пощажду ли града сего, в немже живут множайшии, неже*

дванадесять тем человек (Ион. 4, 11). Это после того, как они покаялись и возопили к Богу в молитве. Также и молитва о Петре что сделала? — Молитва сия была столь сильна, что и тогда, как двери темницы были заперты, и узы связывали Апостола, и с обеих сторон около его спала стража, извела его из темницы и освободила от всех оных опасностей».

Да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о вас. — *Дарование*, χάρισμα, такой дар, такое благо, которого естественным путем никак получить нельзя, а только от Бога, от щедрот Божиих (Фотий у Экумения). *Дарование еже в нас* здесь значит спасение наше. Апостол говорит: «Спасение наше, то есть избавление от всех бед, о коих поминал, Бог восхотел даровать всем вам, дабы многие благодарили Его, потому что и благодать получили многие» (святой Златоуст). Он указывает на дело уже совершившееся, но в нем указывает и закон промыслительных Божиих действий в силу молитвы многих. Бог слышит молитвы многих и дарует просимое, чтобы за данное по молитве многих многие благодарили. Что же? Благодарение ли нужно Богу? — Нет; но для Него дорого и ценно пред очами Его то, чем вызывается благодарение. Благодарение вызывается чувством благобытия, а благобытие есть цель Божией щедродательности. Благодарение есть свидетельство, что Божия

щедродательность разливается на многих, многими приемлется и водворяет среди них благобытие. В сем — покой Божий. Но это чувство благобытия бывает ценнее в очах Божиих, когда его чувствуют не ради того, что каждый сам получил от руки Божией, а что получили другие. В этом случае благодарение намащается благоуханием любви бескорыстной и благодарящих поставляет в подобонастроение с дарующим. Вот какие начала скрыты в слове Апостола! «И сие сказал он как для того, чтобы побудить их к молитве за других, так и для того, чтобы приучить их всегда благодарить Бога и за избавление других от бедствий, показывая вместе, что и Бог сего особенно желает. Молящие и благодарящие за других и в том и другом случае гораздо большую собирают пользу себе самим» (святой Златоуст).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ (1, 12–7, 16)

Сначала Апостол 1) объясняет, по какой причине переменил план своего путешествия, 1, 12–2, 11. Затем 2) беседует о высоте христианского откровения и всего домостроительства спасения, излагая и то, как оно водворяется на земле, 2, 12–7, 1. Наконец, 3) выражает радость и утешение, доставленные ему прибытием Тита и всем, что видел он в Коринфе и что передал ему, 7, 2–16. Почему вошли сюда эти предметы, выяснится в самом толковании.

1. ПРИЧИНА ПЕРЕМЕНЫ ПЛАНА ПУТЕШЕСТВИЯ (1, 12–2, 11)

Ходили речи в Коринфе: думал прийти к нам, а теперь идет иначе. Что за переменчивость? Это легкота. Такие пустые речи отнести бы следовало к третьей части, где Апостол занимается развеянием пусторечия на его счет. Но он выделил эту речь из суммы других и занялся ею прежде всего ради того, что по поводу ее иные наводили тень и на неизменность самого благовестия, достоинство которого для Апостола Павла было выше всего на земле. Почему он и ставит этот предмет

на первом месте. Ход мыслей его здесь такой: а) я всегда и всюду действовал по чистой совести; так действовал и у вас; и вам должна быть хорошо известна искренность моих речей, 1, 12—14. б) Опираясь на этом, не следовало вам дурно толковать и то, что я хотел так прийти к вам, а теперь иду иначе, будто это легкота, будто есть тут какое-то совещание по плоти, стихи 15—17. в) Но это еще ничего, я боюсь, как бы вы дальше не пошли и на основании этого не стали допускать помыслов о нетвердости благовестия. О, нет; слово благовестия нашего тотчас сопровождалось и делом, — вы приняли помазание. Следовательно, слово ваше было — да, стихи 18—22. г) Из этого одного вы должны были заключить, что к перемене плана моего была причина, стоящая внимания. И я вам объявляю ее. Это было желание избежать скорбной необходимости самому распоряжаться судом и расправою над опечалившим всех нас, 1, 23—24. д) Вы хорошо сделали, поступив с ним, как я писал; но как он кается, то можно его опять принять в общину, 2, 1—11. Это последнее слово приложено здесь затем только, чтоб не возвращаться опять к тому же предмету; а сказать о нем, что сказано, следовало.

а) Искренность апостольская (1, 12—14)

Стих 12. *Похваление бо наше сие есть, свидетельство совести нашея, яко в простоте и чистоте*

Божией, а не в мудрости плоти, но благодатию Божиею жихом в мире, множае же у вас.

Впереди выразил святой Апостол надежду, что Бог как избавлял их, так и всегда будет избавлять от всех бед. Но упования такого нельзя питать тому, у кого нечиста совесть. Только чистота совести дает такое дерзновение упованию, а без того оно замирает, как цветок на морозе. Об этом и говорит теперь Апостол; но это же самое послужило ему исходною точкою и для объяснения того, о чем намерен был говорить далее.

Похваление бо наше, говорит, *сие есть*. Похваление — то, что пред сим сказал: *наньже уповахом, яко и еще избавит* (стих 10). Чтоб похвалиться так, я имею основание в свидетельстве совести. Похваление — здесь, следовательно, то же, что дерзновение. Феодорит пишет: «Дерзновение же нам дает (на то, чтоб надеяться на избавление от опасностей) свидетельство совести». Или похваление означает внутреннее утешение. Бог избавлял и избавит; но пока придет избавление, ибо для сего есть свой термин, нас поддерживает, нам подает мужественное и благодушное перенесение прискорбностей сознание, что мы страждем безвинно. Святой Златоуст говорит: «Здесь Апостол открывает нам еще другое, не только не маловажное, напротив, очень важное средство к утешению, могущее ободрять душу и тогда, когда ее подавляют бедствия, показывает

еще другую свою добродетель. Какую же? — Ту, что мы, говорит, где ни жили, везде поступали по чистой и искренней совести. А это не мало служит к успокоению и утешению нашему. Так говорит Апостол верующим для того, чтобы и их научить не упадать духом в скорбях, но радоваться, если только будут иметь чистую совесть. *Похваление наше*, говорит, *свидетельство совести*, то есть когда совесть наша не имеет причины осуждать нас как преступников, преследуемых за худые дела. Ибо, говорит, хотя бы мы терпели бесчисленные бедствия, хотя бы нам отвсюду угрожали нападения и опасности, для нашего утешения достаточно одного свидетельства чистой совести, что мы терпим сии бедствия не за какое-нибудь преступление, но за благоугождение Богу, за добродетель, за истинное любомудрие и за спасение многих. Итак, первое утешение, о котором выше говорил Апостол, проистекало от Бога, а сие, о котором теперь говорит, от них самих и было плодом чистой их жизни. И потому, что сие последнее было плодом их добродетели, называет оное и похвалою своею».

В чем же именно похвала, и что свидетельствовала совесть? *Яко в простоте и чистоте Божией жихом. Жихом*, ἀνεστράφημεν, вращались среди других, держали себя в сношениях с другими и действовали на них и пред ними. *В простоте*, ἐν ἁπλότητι, какая бывает у детей, бесхит-

ростная, никаких замыслов не скрывающая, открытая вся как есть. *В чистоте*, ἐν εἰλικρινείᾳ, искренно, как на душе, так и вовне, ни слово, ни дело, ни мина и ничто внешнее наше не разнится с тем, что у нас на сердце. *Божией* – или Богоподобной, или Богу угодной (Феофилакт), или от Бога подаемой и как пред Богом являемой. Итак, Апостол говорит здесь: «Ничего не делали коварно, или лицемерно, или притворно, ни из ласкательства, или злонамеренно, или для обмана и обольщения, ни по другим подобным побуждениям; но поступали всегда со всякой свободою, простотою, истиною, в чистоте и незлобии сердца, искренно, от души; поелику не имели ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорного» (святой Златоуст).

Не в мудрости плоти. Плоть здесь – жизнь, которую отцы называют внешнею; мудрость сей жизни состоит в том, чтобы всячески ухитряться поддерживать добрые отношения к другим и благосостояние семейное, маскируя себя и тщательно прикрывая свои цели, которые все сосредоточиваются в том, чтобы жить всегда в собственное удовольствие, преследовать свои интересы и не ударять себя в грязь лицом, никого и ничего не щадя, что встречается как препятствие на пути, прикрывая, однако ж, и это благовидностию. Эта мудрость не имеет в виду ни добродетели, ни славы Божией, а лишь удовлетворение

эгоизма, который и рождает ее, и питает, и совершенствует. Она и на словах хитра, а еще более хитра в ведении дел своих. Если б раскрыть все ее хитросплетения хоть в одном случае, изумились бы и не поверили, что человек сам может так ухитряться. Оттого есть у нас поговорка: лукавый его научил. Поговорка эта недаром, — она выражает истину. Могла ли показаться такая мудрость в духе Апостолов, преисполненных Духа Божия? Святой Павел и отрицает это, говоря: *не в мудрости плоти* мы всегда действовали, «то есть без коварства и лукавства, без изысканных слов и хитросплетенных умствований. Итак, чем лжеапостолы надмевались, то именно Апостол Павел отвергает и презирает, явно показывая сим, что плотское мудрование недостойно похвалы и что сам он не только не ищет, но еще стыдится и отвращается оного» (святой Златоуст).

Но благодатию Божиею жихом в мире, то есть так жили, как внушала нам Божия благодать, как руководила нас и как действовала в нас. Жизнь *во благодати*, ἐν χάριτι, противоположна предыдущей жизни по мудрости плотской. Святые отцы различают три степени, или класса, жизни, в которых может по временам вращаться один и тот же человек. Одна — жизнь плотская, как указано пред сим: она называется жизнию нижеестественною, и даже противоестественною; другая — жизнь добродетельная, по требованиям совести,

возможная даже и вне благодати: она называется естественною; третья – жизнь благодатная, зачинающаяся, зреющая и разнообразно проявляющаяся действием лишь благодати Божией: она называется вышеестественною и возможна только в истинном христианстве, составляя его отличительную черту. Она совершенно противоположна жизни по мудрости плоти. В ней ничего не делается для себя, а все во славу Божию и благо других; ничего также не делается по своим смышлениям, а все по внушению благодати, и, что ни делается, делается не своими силами, а благодатию, которая собственные силы человека берет только как орудия для проявления своих действий. У кого она есть, те сознанием и сердцем живут в Боге едином, Который, живя в них, чрез них действует и вне их. Но где Бог, там уступают пределы естества; оттого такая жизнь не бывает без чудодействий. Особенно не могла она быть без того у Апостолов. Почему когда говорит святой Павел: *благодатию Божиею жихом*, то разумеет не только высоту, чистоту и отрешенность нравственную, но и проявление силы Божией чрез них.

Святой Златоуст говорит на это: «Что такое *благодатию Божиею*? – То есть премудростию и силою, данными нам от Бога, доказывая оные чудесами, и победою, которую одержали мы над мудрецами, риторами, философами и царями, мы,

люди грубые и ничего не заимствовавшие от людской мудрости. И не напрасно Апостолы сим утешались и хвалились, когда уверены были в себе самих, что действовали не человеческою силою, но благодатию Божиею совершали все, и не в Коринфе только, но и во всей вселенной. Ибо говорит: *в мире жихом, множае же у вас*. Что такое *множае у вас*? — То есть *благодатию Божиею жихом*. Ибо у вас мы больше совершили, говорит, чудес и знамений, большую соблюдали осторожность и особенно заботились вести себя так, чтобы не заслужить от вас укоризны. Ибо и сие последнее относит Апостол к благодати Божией, ей же приписывая и собственные действия. Ибо известно, что в Коринфе он отказался от прав своих относительно содержания проповедников слова Божия (1 Кор. гл. 9) и, щадя слабость коринфян, проповедовал Евангелие без всякого со стороны их возмездия». Выходит, по святому Златоусту, *множае же у вас* не к *благодатию Божиею* только относится, но и к *в простоте и чистоте Божией* и к *не в мудрости плоти*. Как последние черты он производит от благодати Божией, то и сказал вообще, что *множае у вас* благодатию Божиею отличалась и светила наша жизнь.

Стихи 13 и 14. *Не иная бо пишем вам, но яже чтете и разумеете. Уповаю же, яко и до конца уразумеете; якоже и разуместе нас от части, яко*

похваление вам есмы, якоже и вы нам, в день Господа нашего Иисуса Христа.

Пишем, — говорит не о прежнем писании, или о писании вообще, а об этом самом, что теперь пишет. Не иное пишем, говорит, а иное в мыслях держим, а то самое и в мыслях имеем, что выражают написанные слова. Какие понятия возбуждают у вас читаемые слова, те самые и у нас находятся. Слова *читать* и *разуметь,* ἀναγινώσκειν и ἐπιγινώσκειν, по созвучию часто ставятся одно с другим, хотя выразить нужно бывает одно что-либо. Так и здесь святой Павел хотел сказать: что пишем, вы это знаете сами, из нашего у вас пребывания, и, читая писанное, вы тотчас видите, что это так есть. Почему Экумений и Феофилакт под ἀναγινώσκειν разумеют не *читать,* а *припоминать.* Греческое слово дает на это право: ἀνάγνωσις — ἄνωθεν γνῶσις. — Будет: не другое что пишем, как то, что сами припоминаете, и то, что знаете. Так и святой Златоуст: «Самих коринфян приводит в свидетели того, что им говорит. Пусть, говорит, никто не думает, что слова мои суть самохвальство, неоправданное делами. Ибо я передаю вам только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, в том мне свидетелями прежде других должны быть вы. Ибо, читая послания наши, вы видите, что в них написано то же самое, что вам известно о нас на самом деле, — и что наше свидетельство о себе в посла-

ниях наших не только не противоречит делам нашим, напротив, то, что вы прежде знали о нас, совершенно согласно с тем, что читаете о нас в посланиях».

Следующие за сим слова: *уповаю же, яко и до конца уразумеете*, лучше читать в связи с: *якоже и разуместе нас от части*. Из опытов нашего среди вас пребывания и действования вы нас поняли отчасти; надеюсь, что и всегда так понимать будете. Он хочет сказать, что как доселе мы не подали вам никакого повода думать о нас, будто мы лукавы и неискренни, так и вперед не встретите таких поводов; каковы мы были, таковы теперь, таковы и будем; и слово наше, и образ действования нашего всегда одинаков был, есть и будет. Не свое передаем, не свое вводим, а Божие; Бог же неизменен есть и истина Его вечна. Кто свое проповедует и вводит, тот может ныне так говорить и действовать, а завтра иначе. Мы же — орудия Божии: Бог есть действуяй в нас.

Слова: *уразуместе от части* и *до конца уразумеете* — можно понимать и как указание на степени познания. Отчасти вы познали нас и поняли; уповаю, что дойдете и до совершенного нас познания, поймете нас вполне. Знанию и пониманию человеческому естественно расти.

Яко похваление вам есмы, якоже и вы нам, в день Господа нашего Иисуса Христа. — Это не

предмет уразумения, не указание на то, что именно коринфяне уразумели в Апостолах отчасти и что до конца уразумеют, — но новое подтверждение искренности апостольской. Он хочет сказать: что говорим вам и пишем, чему вас учим и что заводим у вас, — все то так делаем, как имеющие на суд Божий предстать. И я удостоверяю вас, что в день Господень, то есть в последний день суда, мы вам будем в похвалу. Судия всеправедный и всеведущий похвалит вас за то, что вы следовали слову нашему и искренно поверили ему; — и вы нам будете тогда в похвалу, за эту веру вашу нам наш Судия не покорит, но похвалит. Так несомненно верно слово наше, что хотя бы мы в других отношениях оказались на суде недостойными похвалы, но за то, что передали вам сие слово и сделали вас верными Ему, нас похвалит Судия праведнейший. «Смотри, — взывает святой Златоуст, — как он возводит коринфян к высшему и приучает их к любомудрию, когда устремляет мысли к оному великому дню Господню. Тогда, говорит, и мы прославимся в вас, и вы в нас, когда откроется, что у вас были такие учители, которые ничему человеческому не учили и, ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода к соблазну; а у нас были такие ученики, которые поступали не так, как обыкновенные люди, — не колебались, но

с готовностию все принимали и ни в чем не противомудрствовали. И ныне открыто сие имеющим ум Христов, а тогда откроется всем. Итак, хотя мы и скорбим ныне, но не малое имеем утешение как от доброй совести, так и от ожидаемого тогда откровения. Ныне одна совесть наша знает, что мы во всем поступаем по благодати Божией, как и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда все человеки узнают и наши, и ваши дела, и увидят, что мы прославлены друг за друга».

Мы вам, говорит, будем в похвалу в день Господень, а вы нам. Но о себе сказал он, что как всегда был верен истине Божией, так и впредь не престанет быть таковым. Потому, по соответствию речи, наводит и коринфян на обещание и решение — как доселе были верны слову принятому, так и впредь пребыть ему верными, и не в той только мере познания его, в какой сделались причастниками его доселе, но и в какой бы мере ни познали его. И никакой не было трудности для коринфян понять, что это есть неизбежное условие для того, чтобы не посрамиться на суде. Учители прославятся за то одно, что учили; а ученикам нельзя быть прославленными за одно слышание и принятие их учения. Это послужит еще к большему осуждению, если к принятию учения не присоединится и следование ему, искреннее и неуклонное до конца.

б) Неосновательность толкования в худую сторону того, что Апостол переменил свой план (1, 15—17)

Стих 15. *И сим упованием хотех к вам приити прежде, да вторую благодать имате.*

Сим упованием, то есть тем, которое выразил выше, что коринфяне до конца будут понимать его человеком, искренно говорящим; но разумеет здесь не то, что сам уповает от коринфян, а то, что коринфяне видели бы в нем до конца, как он уповает, то есть речь всегда искреннюю. *Сим упованием* будет: в таком настроении, искренно, неложно, нелукаво. Когда хотел я прежде к вам прийти, то таково истинно было у меня желание; и, когда извещал вас о том, говорил сущую правду.

Но когда это? — Верно, святой Павел, прежде чем писал первое послание, где пишет, что идет к ним чрез Македонию, извещал их чрез верных лиц, что придет из Ефеса прямо к ним, от них сходит в Македонию, из Македонии же опять к ним возвратится, а от них отправится во Иудею. Когда дошли до Апостола вести о разноречиях среди коринфян, и особенно о кровосмеснике, он переменил этот план; наперед послал туда святого Тимофея, а вслед за ним готовился и сам идти уже чрез Македонию. В первом послании он и писал об этом. Услышав это, некоторые стали говорить: вот он какой, ныне так, завтра иначе.

Об этих речах передал ему святой Тит по возвращении из Коринфа, и об них-то начинает теперь речь святой Павел. Таково, говорит, было мое непременное желание и намерение, чтобы к вам наперед прийти.

Да вторую благодать имате. – *Благодатию* называет посещение коринфян, и по причине радости и утешения, которые тем доставлялись, и по причине благ духовных, которых чрез то сподоблялись они: ибо с Апостолами всегда шла и обильная благодать и слова помазанного, и приосенения верующих наитием облагодатствования, или еще и явления благодатных исцелений, избавления от бесов, и проявления других сил. Но что значит: *да вторую благодать имате*? – По сказанному смыслу благодати, – чтобы второго сподобились вы моего посещения. А это как? – Прямее бы всего так положить: первую благодать имели вы в первое мое у вас пребывание, а это посещение было бы второю благодатию. Но наши толковники не берут в таком смысле сего слова, а разумеют так: первая благодать была бы, когда бы я прямо к вам прибыл, а второю была бы, когда я, посетив Македонию, опять к вам бы возвратился. Феодорит пишет: «*Да имате вторую благодать*, то есть сугубую радость от того, что примете меня у себя два раза».

Стих 16. *И вами проити в Македонию, и паки от Македонии приити к вам, и вами проводитися во Иудею.*

Чтобы не видеть противоречия в сих словах святого Павла с тем, что он писал в первом послании, надо иметь в мысли, что таков план был, как сказано у Апостола, прежде первого послания; но потом он переменил его и писал, что идет к ним чрез Македонию. Эта перемена и подала некоторым повод обвинять Апостола в изменчивости. Можно только спросить, отчего не сказал святой Павел об этом в первом послании? Причину, почему переменен план, выставляет он ниже, именно — нежелание лично распоряжаться с кровосмесником; а об этом писать, как всякий видит сам, не приходилось. К тому же когда он писал: *Македонию бо прохожду* (1 Кор. 16, 5), — как будто хотел сказать: знайте же, что обещанное отменено, и отменено не без причины.

Стих 17. *Сие же хотя, еда что убо легкотою деях? Или яже совещаваю, по плоти совещаваю, да будет у мене еже ей, ей, и еже ни, ни?*

Место это не совсем будет понятно и связно с предыдущим и последующим, если не дополнять его мыслию, что Апостол говорит здесь уже о перемене плана путешествия. Все наши толковники так и делают. Вот за всех слова святого Златоуста. «Здесь Апостол уже прямо отклоняет от себя упрек в неисполнении своего обещания прийти к коринфянам. Ибо смысл слов его такой: я хотел прийти к вам. Почему же не пришел? Не по легкомыслию ли и непостоянст-

ву? (Ибо сие значат слова: *еда что убо легкотою деях*?) Нет. Почему же? — Потому что *яже совещаваю*, не *по плоти совещаваю*. Что же значит: не *по плоти совещаваю*? Не как плотской человек; — *да будет у мене, еже ей—ей, и еже ни—ни*. Но и это не ясно. Что же такое он говорит? Человек плотской, говорит, то есть прикованный только к настоящему, в настоящем всегда живущий и не находящийся под влиянием Духа Божия, может ходить всюду и блуждать где вздумает; напротив, подчиненный Духу Божию и Им водимый и управляемый не может всегда быть господином своей воли, завися от власти Духа. С ним бывает то же, что с верным рабом, который знает только исполнять приказания господина своего и не имеет власти над собою, и не знает отдыха даже на малое время; — он обещает иногда что-либо своим товарищам, но после не исполняет своего обещания, когда оно окажется противным воле господина его. Вот что значат слова Апостола: не *по плоти совещаваю*, — то есть я нахожусь под управлением Духа Божия и не имею власти идти куда хочу: я подчинен власти и повелениям Духа Божия, и Его голос управляет и руководит мною. Потому я и не мог прийти к вам, ибо это не угодно было Духу Божию. (Подобное часто говорится в Деяниях Апостольских, Деян. 16, 6—9. В иное место намеревались идти Апостолы, но совсем в другое повелевал им идти

Дух Божий.) Итак, что я не пришел к вам, несмотря на мое обещание, это зависело не от легкомыслия моего или непостоянства, но от Духа Божия, Коему я подчинен и должен повиноваться. Что же? — скажет кто-либо. Разве Апостол не по внушению Духа Божия обещался прийти? — Нет, не по внушению Духа. Это обещание было делом любви его к коринфянам».

Мысль святого Златоуста та, что кто по плоти совещает, тот когда положит что сделать, то уж, чего бы то ни стоило, усиливается сделать так, чтобы поставить на своем, чтобы было у него да — да, а нет — нет. Блаженный Феодорит так выражает мысль Апостола: «Не порабощаюсь я, говорит, страсти, чтобы так или иначе, но исполнить свое желание. Кто следует пожеланиям плоти, тот ув-лекается собственными своими помыслами, хотя бы они крайне были нелепы; а кто целомудренно о чем-либо задумывает, тот, хотя бы задуманное было и нечто доброе, как скоро приметит, что не приносит это пользы другим, не приводит намерения своего в исполнение. А что мы, как скоро усмотрим что полезным для вас, с усердием, нимало не колеблясь, предлагаем вам это, — о сем свидетельствует проповедь; потому что неоднократно, предлагая вам это, не переменили слов своих». Последние слова блаженного Феодорита служат переходом к следующим словам Апостола.

в) Эта перемена никакой не кладет тени на неизменность Евангельской истины (1, 18—22)

Стих 18. *Верен же Бог, яко слово наше еже к вам не бысть ей и ни.*

Могли подумать, что если у него да — не да, и нет — не нет, то, выходит, об одном и том же у него то да, то нет. А что если и Евангелие его таково же?! Предотвращая это, он говорит: нет, не думайте так; Евангелие мое неизменно верно, как верен Бог. Так святой Златоуст: «Здесь Апостол опровергает возникающее возражение. Ибо могли ему сказать: если ты прежде положил в своем обещании прийти к нам, а после переменяешь прежде сказанное, если у тебя нет *ей—ей* и *ни—ни*, то горе нам! Не случалось ли того же и в самой проповеди? Чтобы сего не подумали и не смущались, он говорит: *верен Бог, яко слово наше еже к вам не бысть ей и ни.* В проповеди, говорит, сего быть не может; но это бывает только в преднамереваемых путешествиях. В проповеди слова наши всегда верны и неизменны. Ибо *словом* здесь называет он проповедь. Далее представляет на сие неоспоримое доказательство, дело проповеди относя к Богу. И слова его имеют такой смысл: обещание пришествия было мое, то есть я от себя обещал оное; проповедь же не моя и не человеческая, но Божия; а что от Бога, то недоступно для лжи и обмана. Посему и сказал: *верен Бог*, то есть истинен. Итак, ничего не

подозревайте в том, что происходит от Бога, ибо здесь ничего нет человеческого».

Стих 19. *Ибо Божий Сын Иисус Христос, Иже у вас нами проповеданный, мною и Силуаном и Тимофеем, не бысть ей и ни, но в Нем Самом ей бысть.*

Доказывает неизменную верность слова своего самым делом, самым производством проповеди. Когда, говорит, мы у вас проповедали Христа Спасителя, было ли так, что мы говорили одно, а вышло другое? — Нет; но, что ни говорили мы, все то оправдалось делом в вас и на вас самих. Мы говорили: веруйте в Сына Божия распятого, и получите отпущение грехов, чрез крещение приимете новую жизнь, чрез возложение рук наших (то же, что ныне миропомазание) даров Святого Духа сподобитесь и силою преисполнитесь к преодолению всякого греха, всякой страсти и всякого вражеского насилия. Сбылось ли так, как мы говорили? — Сбылось, и это вы знаете. Так не думайте и не говорите, что Христос, нами у вас проповеданный, был да и нет: ибо ясно видите, что в Нем всё — да. Что ни говорим мы о Нем, все то так и есть; и чего ни чаете вы от Него, приступая к Нему, все то сполна и с преизбытком получаете. «Все проповеданное нами о Христе с совершенною точностию оказалось и на деле» (Экумений).

Поставляя с собою Силуана и Тимофея, с которыми в первый раз насаждал веру в Коринфе, Апостол возводит коринфян к воспоминанию того, что были они до принятия веры и что стали по принятии оной. Он как бы говорит: вспомните, что вы были до общения со Христом Господом и что стали потом; но какими вы стали потом, мы вам это обещали прежде, чем вы стали Христовыми. Христос, Сын Божий, нами у вас проповеданный, стало быть, был — да.

«Силуаном здесь назван Сила, ибо он разделял с Павлом узы в Филиппах (Деян. 16, 25). Его оставив в Берии Македонской, Павел пошел в Афины (Деян. 17, 14). Он-то вместе с Тимофеем, прибыв к Павлу в Коринф, стал его сотрудником в проповеди» (Феодорит).

Стих 20. *Елика бо обетования Божия, в том ей, и в том аминь, Богу к славе нами.*

Все обетования Божии, говорит, во Христе Иисусе, Господе нашем, исполняются с совершенною точностию, — в Нем они *ей* и *аминь*. Обетования Божии изречены в Ветхом Завете чрез пророков. Они касались лица Христа Спасителя, времени, места и прочих обстоятельств Его явления, — особенно же относились к делу спасения, которое имело быть Им совершено, то есть как Он пострадает, грех ради наших, умрет на кресте, воскреснет, вознесется на небо и сядет одесную Отца, — как Духа Божественного от Отца нис-

послет на обновление духовной жизни в роде человеческом чрез веру и благодать, для приготовления таким образом сынов вечного царствия. Все эти обетования, предызображенные в пророчествах, совершенно исполнились и исполняются во Христе Иисусе Господе. Приступающие верою к Господу тотчас на себе и испытывают исполнение всех обетований, относящихся к делу спасения: испытывают отпущение грехов, в чем свидетель им облегченная совесть; испытывают обновление, в чем свидетель им сознание новой жизни, восприемлемой в купели; испытывают наитие благодати Святого Духа, в чем свидетель им ощущаемая ими нравственная сила на преодоление всякой страсти и всякого греха; испытывают всыновление, в чем свидетель им внутреннее чувство сыновства Богу, Духом возгреваемое, вследствие коего вопиют: Авва, Отче. Другая часть обетований верующим относится к будущей жизни,— это воскресение и вечное блаженство со Христом. Эти еще не исполнились, но что несомненно исполнятся, в этом удостоверяют исполнившиеся уже обетования, которые все Апостол совмещает в даровании Духа, называя сие дарование обручением, или задатком наследия. Из сего прямо следует, что все обетования Божии во Христе Иисусе — *да и аминь.*

Богу к славе нами. Как обетования Божии о Христе Иисусе исполняются? — Чрез Апостолов.

Ибо, чтобы сделаться причастником их, надо веровать. Как же уверовать без проповедующих? Их и устроил Господь. Сам воссел одесную Отца; вместо же Себя Духа Утешителя ниспослал и, облекши силою Его Апостолов, послал их по всему лицу земли насадить веру и водворить в людях спасение. Умножение содевающих спасение есть слава Божия на земле — последняя цель исполнения всех обетований Божиих в Господе. Для нее пришествие Господне во плоти, для нее проповедь апостольская, для нее вера, для нее и будущее блаженство, да всеми устами и всеми делами славится единый Бог, — и Апостолами, и верующими, и делами тех и других.

Святой Златоуст в беседе на сие место останавливается вниманием преимущественно на будущих обетованиях. «Много, говорит он, обетований содержит проповедь Евангельская, и о многих обетованиях благовествовали и проповедовали Апостолы. Ибо они говорили и о воскресении, и о всыновлении, и о бессмертии, и о великих наградах в будущей жизни, и неизреченных там благах. Сии-то обетования Апостол называет непреложными. Если же непреложны обетования Божии и нет сомнения, что Бог исполнит оные, то тем более верен Сам Он и слово о Нем твердо: и нельзя сказать, что иногда Он есть, иногда же нет Его; но всегда есть и один и тот же. Что же значит: *в том ей, и в том аминь*? — Сим он

показывает, что обетования Божии непременно сбудутся, ибо исполнение их зависит от Бога, а не от человека. Итак, нечего бояться. Ибо обещает не человек, которого можно подозревать в неверности, но Бог, Который говорит и творит».

Стихи 21 и 22. *Извествуяй же нас с вами во Христа, и помазавый нас, Бог, Иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша.*

Извествуяй, βεβαιῶν — утверждающий; но не просто утверждающий, а утверждающий в убеждении, сообщающий нам непоколебимую уверенность в твердости веры и обетований о Христе Иисусе Господе. — *И помазавый*, то есть Духом Святым нас исполнивший, силою Которого сообщаются духу нашему совершенства, предызображавшиеся в древних первосвященниках, пророках и царях. Помазание сие — не знак внешний, а внутреннее вселение означаемого. Что обетования Божии неложны, в этом удостоверяет сие помазание. Так устроил и так совершает в нас Сам Бог. — *Нас с вами*, то есть и Апостолов, и верующих: ибо говорится о том, что одинаково действуется и в тех, и в других; и Апостолы в сем отношении не имеют преимущества пред верующими, ибо сие принадлежит к общему строю веры и дела спасения.

Следующие слова: *Иже и запечатле нас* объясняют помазание; а — *даде обручение Духа в сердца* указывают основание для извествования.

Запечатле – значит положил в нас печать дара Духа Святого. Дар Духа и есть печать Божия на нас. Печать на воске дает форму ему; печать в духе нашем есть сформирование его по действию воспринятого Духа благодати. Этим означается и возрождение, и облагодатствование. Апостол хочет сказать словом *запечатле*, что все это не имя и знак, но сила и жизнь. – *Даде обручение Духа в сердца наша.* Запечатление Духом и есть дарование Духа в сердца, или вселение Его во внутреннем нашем человеке. Это вселение есть обручение, то есть залог, задаток, в удостоверение, что и все обетования, не исполнившиеся еще, исполнятся несомненно. Удостоверение поселяется тем, что задаток дан такой большой. Если бы маленький был задаток, уместно было бы еще сомневаться, как обычно и бывает в житейском быту; а когда такой большой, как дарование Духа, кто может сомневаться, что и будущее все исполнится в точности?

Святой Златоуст говорит: «Из бывшего (то есть сбывшегося) Апостол утверждает истину будущего. Ибо если Сам Бог утверждает нас во Христа, то есть не попускает нам колебаться в вере во Христа, и Сам помазал нас и даровал Духа в сердца наши, то как не дарует нам благ, обетованных в будущей жизни? Как не даст нам и сих благ после того, как даровал уже начало и

основание, корень и источник оных, то есть истинное познание о Нем, и причастие Святого Духа? Подлинно, если и настоящие блага, которыми пользуемся, уже даны ради тех, которых ожидаем еще, то Даровавший настоящие, верно, дарует и ожидаемые. И если сии полученные нами блага Он даровал нам тогда, когда мы были еще врагами Его, то тем паче дарует нам будущие, когда мы сделались уже любезными Ему. Посему Апостол не просто сказал: *Духа*, но прибавил: *обручение*, то есть залог, дабы сим более нас уверить и обнадежить в получении всего обещанного Богом. Действительно, если бы Бог не хотел даровать нам всего, что обещал, то не благоволил бы дать и залога, чтобы не погубить оный попусту и напрасно».

Таким образом, говорит, что слово наше не было в вас ей и ни, и что, напротив, все, нами вам возвещенное, неизменно верно, в этом осязательное удостоверение имеете вы в том, что с вами и в вас совершилось и вами получено. Не дерзайте потому наводить на это тень сомнения из-за того, что я переменил план. Напротив, из верности дела спасения, в вас совершившегося, вам следовало бы заключить, что если я изменил свой план, то изменил не по какому-либо легкомыслию или изменчивости, а имея на то важные причины. Я сейчас и скажу вам их.

г) Настоящая причина изменения плана путешествия (1, 23—2, 4)

Стих 23. *Аз же свидетеля Бога призываю на мою душу, яко щадя вас ктому не приидох в Коринф.*

Свидетеля Бога призываю на душу, — не наказанию Божию себя подвергая, говорит так, а просто Бога представляя свидетелем истины слов своих. Он говорит как бы: говорю как пред Богом, видящим душу мою. Блаженный Феодорит пишет: «Божественный Апостол, желая уверить, что слова его истинны, призвал во свидетельство Видящего наши помышления».

Бог свидетель, говорит, что *щадя вас не приидох,* — не пошел то есть прямо в Коринф, как обещался. Дело шло так. Апостол наказывал, что намерен прибыть в Коринф прямо из Ефеса, но прежде чем успел он это сделать, пришли недобрые вести. Получив эти вести, Апостол отложил намерение идти прямо в Коринф, но писал послание, убеждая коринфян все неисправное исправить самим прежде его прибытия, чтобы, когда он придет, и им радостно было встретить его, как исправным уже, и ему только радоваться, видя их исправность. Если б он прямо пошел в Коринф, то ему самому надлежало бы исправлять неисправное; а это, как ни смягчай, не может не быть горько и для исправляющего, и для исправляемых. Это и разумеет он, говоря: *щадя вас.*

Самоисправление же и легче, и имеет свою приятную сторону, в ожидании одобрения от заметившего неисправность и желавшего исправления Апостола. Святой Златоуст говорит: «Что значит: *щадя вас*? — Я слышал, говорит, что некоторые из вас блудодействовали, потому и не хотел прийти к вам, чтобы не опечалить вас. Ибо, находясь у вас, я бы поставлен был в необходимость сам разбирать и исследовать сие дело и многих наказать. Итак, я за лучшее почел не быть у вас, чтобы дать вам время раскаяться, нежели, пришедши к вам, наказывать вас и еще большую понести скорбь самому от вас».

Стих 24. ***Не яко обладаем верою вашею, но яко споспешницы есмы вашей радости: верою бо стоите.***

Сказал выше: *щадя вас*, не пришел к вам. Это — *щадя* могло показаться иным слишком властительским тоном, как будто он считал себя вправе делать с ними и их верою что хочет. Могли подумать: «Что же это? Для того ли мы уверовали, чтобы принять на себя рабство и чтобы наказывал ты нас властительски?» (Феодорит). Предотвращая это, Апостол пишет: это сказал я не потому, чтобы властвовать над верою вашею; вера — дело свободы; хотите — веруйте, хотите — нет. «Нежелающего верить кто властен принудить к вере?» (святой Златоуст). Но когда вы вступили в область веры, то должны быть во

всем верны вере. И я блюститель сей верности. По долгу моему не могу оставить без исправления ваших неисправностей. Все, чему учил я вас и что завел у вас, не мое, а Божие; ничем из того поступиться не могу. Коль скоро оказываетесь неисправными, я должен исправлять вас, а это горько для вас. Я же не хочу быть виновником вашей скорбности, а хочу, чтоб от меня лично всегда вам исходило одно радостное. Вот в каком смысле сказал я: *щадя вас*... не хотя вас огорчить, а напротив, всегда и всем споспешествовать вашей радости. Ибо, когда вы исправитесь от одного заочного моего вразумления, для вас не будет в этом ничего скорбного; напротив, вы ощущать будете радость самоохотного исправления; и, когда после сего приду к вам, мне будет радостно видеть вас исправными, и вам будет радостно встретить меня и видеть радующимся о вас. Итак, я пощадил вас, чтобы быть споспешником вашей радости. «Я не пришел к вам, чтобы не ввергнуть вас в уныние,— чтобы дать вам случай радоваться своему исправлению только от заочной моей угрозы. Мы все делаем для вашей радости, о сем только и заботимся» (святой Златоуст).

Верою бо стоите. Мысль ясна; но в какой связи она здесь стоит, не видно. Феофилакт пишет: «Что касается до веры, то вы в ней стоите (ἑστήκατε – установились, тверды). В других

отношениях вы пошатнулись; и, если бы виновные в том остались неисправившимися, я должен бы был на них налегнуть и тем опечалить их (и вас всех) и себя самого». Так и Экумений. Святой Златоуст не выражает этого, но, держа ту же мысль, вводит в намерения Апостола, почему он об этом сказал: «Смотри, с какою опять осторожностию говорит он; не стал снова упрекать их, потому что очень довольно уже обличил их в первом послании, и они после того показали уже некоторую перемену в жизни. Если же бы и после сей перемены они услышали те же упреки, какие и прежде, то сие могло бы погубить их (ввергнуть в уныние или отчаяние). Почему сие послание и написано с большею кротостию, нежели первое». Итак, Апостол сказал это, чтоб ободрить коринфян и поднять их дух, одобрив их в этом главном отношении.

Но, может быть, у Апостола здесь такая мысль, как бы он говорит: ведь вы верующие; вера давала вам и довольно побуждений, и довольно силы к тому, чтоб исправить все неисправности к собственному вашему удовольствию и к моей радости. Вот почему я уверен был, что буду споспешником вашей радости, если предоставлю вам самим исправиться, помянув только о неисправностях. Этим я точно оказал щадение вас; но почему это сделал я, причиною тому моя уверенность, что вы верою стоите.

Глава 2, стих 1. *Судих же в себе сие, не паки скорбию к вам приити.*

Не хотел я прийти к вам прежде, чем исправитесь, видя, что тем причиню скорбь и вам, и себе. Я и рассудил в себе, или сам с собою, не идти к вам прямо из Ефеса, а прежде написать вам, чтоб вы все поисправили сами и чтобы мне, когда после сего приду, прийти к вам не на скорбь уж, а на радость. Надежда же моя на то, что так будет, основывается на вашей вере; ибо в вере вы тверды.

Стих 2. *Аще бо аз скорбь творю вам, то кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене?*

Место это темновато, но, по связи с течением речи, нельзя не видеть, что святой Павел оправдывает здесь образ своего действования успехом, относя и его в похвалу коринфянам. Поелику надобно было исправлять, то это без скорби обойтись не могло. Дело благоразумия было сделать это как можно с меньшею скорбию или со скорбию почти незаметною. Я это и сделал: писал к вам, укоряя и убеждая исправиться. Конечно, это не могло не быть скорбным не для тех только, кого касалось обличение, но и для всех вас. Но эта скорбь к чему повела? – К исправлению, а исправление – к обвеселению меня. Кто может больше обвеселить меня, как не тот, кто в такой силе принимает скорбь от меня?

Итак, если я скорбь творю вам, и моим неприбытием к вам, и моим обличительным посланием, пусть творится скорбь: она врачевство; приявшие скорбь исправятся, исправившись, обвеселят меня, мое же обвеселение отразится опять на вас, и будет у нас общее веселье. Феодорит пишет: «Ибо что меня столько веселит, как чувствительность обвиняемых? Она показывает мне пользу, произведенную обвинениями».

Чтобы видеть связь этих слов с предыдущими, надобно поставить между ними дополнительную мысль: не судил я лично скорбь вам нанесть, а если уж нельзя было обойтись без сего, ограничился повержением вас в скорбь чрез послание. В следующем стихе он и прямо выражает сие. Святой Златоуст говорит на сие место: «Не хотел я, говорит, прийти к вам, чтобы не огорчить вас новыми упреками, негодованием и отвращением. Правда, и мне не обошлось без огорчения, когда я принужден был упрекать вас и видеть вашу скорбь от того; но сие же самое вместе доставило мне и удовольствие. Ибо это было признаком величайшей ко мне любви вашей, когда я так много значил для вас, что и одно негодование мое могло снедать* вас. Никто столько не радует меня, сколько тот, кто снедается от слов моих и скорбит, видя меня огорченным. Правда, лучше бы было сказать так: если я и оскорбляю вас,

---

* Уязвлять. — *Ред.*

то кто же может и обрадовать вас? Но он не говорит сего и, желая исправить коринфян, превращает речь сию и говорит: хотя я и заставляю вас скорбеть, впрочем, снедаясь скорбию от моих слов, вы доставляете мне великую радость».

Стих 3. *И писах вам сие истое, да не пришед скорбь на скорбь приму, о нихже подобаше ми радоватися, надеяся на вся вы, яко моя радость всех вас есть.*

Этим полнее и точнее определяется мысль предыдущего темноватого места. «Для того пришествие мое предварено посланием, чтобы оно послужило для вас уврачеванием, а мне уготовало радость, в которой будете участвовать и вы, признав радость мою своею собственною» (блаженный Феодорит). Этот и есть смысл моего к вам послания. Затем писал, чтоб вы исправились и чтобы, пришедши к вам прежде послания и прежде вашего исправления, не принять мне скорбь на скорбь. Скорбь уже имел я ту, что у вас были немалые неисправности; да, пришедши к вам прежде вашего исправления, должен бы был принять новую скорбь, лично обличая неисправных и исправляя их. И эта последняя скорбь увеличивалась бы тем, что, тогда как надлежало бы мне найти вас на высших степенях совершенства и радоваться тому, я увидел бы вас совсем неисправными. Это уж и третья скорбь, и притом самая чувствительная,— когда скорбь принима-

ешь по причине тех, которые должны бы были доставлять радость. Вот по какой причине я не сам пришел к вам прямо из Ефеса, а наперед послал послание, чтоб, получив послание, вы исправились и я, пришедши после сего, только бы радовался у вас. Я действовал так, *надеяся*, в полной уверенности, что *моя радость всех вас есть*, то есть что вы возревнуете доставить мне радость исправлением всех неисправностей, почитая радость мою общею всех радостию, желая увидеть меня радующимся, чтоб от видения радости на лице моем и самим вам обрадованными быть. Святой Златоуст мысль Апостола выражает так: «Я для того прежде написал вам, чтобы к прискорбию моему не найти вас неисправившимися. Я уверен, что вы радуетесь, если видите меня радующимся, и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальным. Поступил же я так, имея в виду не свою, но вашу пользу. Хотя от вашего огорчения я получаю немалое удовольствие, когда вижу вас столько о мне заботящихся, что вы и сами скорбите, когда видите меня скорбящим, несмотря, однако, на такое расположение моего духа, поелику я имею в виду вашу пользу, то и *когда писах вам сие истое, да не скорбь приму*, и в сем опять искал я не своей, но вашей пользы. Ибо я знаю, что вы и сами будете скорбеть, увидев меня скорбящим, равно как и возрадуетесь, когда увидите меня радующимся.

Примечай, как у места* сказал Апостол и сие: *о нихже подобаше ми радоватися*. Ибо сие свидетельствует искренность его и великую к ним любовь. Так мог сказать какой-нибудь отец к детям, для которых он много сделал добра и много потрудился. Итак, говорит, если я только пишу и нейду к вам сам, то нейду потому, что сим устрояю что-нибудь лучшее о вас, а не по ненависти к вам, и не потому, чтобы отвращался вас, но потому, что очень люблю вас».

Стих 4. *От печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имам изобилно к вам.*

«Апостол чувствительно коснулся их в прежнем послании; посему объявляет, что написал это не просто с намерением огорчить их, но имея в виду уврачевать погрешивших, за которых и терпел он великую болезнь (сердечную), и послание свое послал с надеждою на них, показывая тем, какое имеет к ним расположение» (Феодорит). «Поелику Апостол сказал, что радуется, когда они скорбят (в чувствах покаяния и исправления), то, чтобы на сие коринфяне не сказали ему: так ты заботишься о том только, чтобы тебе самому радоваться и показывать всем, сколь великую ты имеешь силу у нас, — для сего он присовокупил: *от печали бо многия* и проч.

* К месту. — *Ред.*

Какая душа может быть нежнее и чадолюбивее сей, которая так говорит? Апостол не только не менее, напротив, еще гораздо более скорбел о согрешивших, нежели сколько скорбели сами согрешившие. Ибо не просто говорит: от печали, но *от многия печали*; не слезами только, но *многими слезами*, и от *туги сердца*, то есть я был задушаем и подавляем печалию, и, не могши далее переносить давления от этого облака печали, я решился писать к вам, — не для того, впрочем, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам. Надлежало бы сказать так: не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить, ибо для сего и писал, но Апостол не говорит так; напротив, чтобы сделать речь более приятною и крепче привязать к себе коринфян, он вместо напоминания об исправлении уверяет их в любви своей, по которой все делает. И не просто говорит: имею к вам любовь, но — *юже имам изобильно к вам*, желая и сим привлечь их к себе, показав, что он более всех любит их и к ним расположен, как к избранным ученикам. Таким образом, Апостол хотя и с гневом говорил, но сей гнев происходил от великой любви и скорби. Ибо, и пиша послание, говорит, я скорбел и страдал не о том только, что вы согрешили, но и о том, что я поставлен был в необходимость огорчить вас, и все это от любви, — подобно отцу, который, будучи поставлен в необходимость

отсекать и прижигать гнилые члены у любимого сына, вдвойне страждет, и от представления болезни сына, и от необходимости самому отсекать больные члены. Посему то, что вы почитаете признаком недоброжелательства к вам, служит признаком величайшей к вам любви. Если же огорчить вас я возбужден был любовию, то тем более радоваться, видя вашу скорбь. Так Апостол защищает себя. Он и часто так защищается, и не стыдится сего. Ибо если и Бог это делает, когда говорит: *людие Мои, что сотворих вам*? (Мих. 6, 3), то тем более мог делать сие Павел» (святой Златоуст).

д) Помилование покаявшегося кровосмесника (2, 5—11)

Стих 5. *Аще ли кто оскорбил мене, не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас.*

«От защищения себя самого он переходит теперь к защищению впадшего в блудодеяние» (святой Златоуст).

Этот текст точно стоит на переходе от предыдущей мысли к следующему изъявлению помилования покаявшемуся грешнику. Выше сказал, что если писал к ним строго, то писал со скорбию и слезами, и писал так не с тем, чтоб опечалить их, но чтоб любовь изъявить. В чем любовь? — В том, что, произнося строгий приговор на согрешившего, он их защищал, с них снимал пятно, их

очищал и обвеселял. Ибо, говорит, этот, совершивший такое неслыханное преступление, опечалил не меня одного, но отчасти и вас, отчасти, говорю, чтоб не сказать тяжелого слова, но мысль моя та, что он опечалил и вас не менее, чем меня (святой Златоуст). Итак, произнося на него приговор, и притом чрез ваше или общественное решение, я вас удовлетворял, за вас стоял, вашу скорбь хотел прогнать. – И познайте в этом любовь мою.

Но в этом самом представлении дела Апостол приготовлял коринфян и к принятию следующего изречения о помиловании.

Стих 6. *Довольно бо таковому запрещение сие, еже от многих.*

Узнав о падении, бывшем среди вас, я скорбел о том и сокрушался. Когда я обличил сие непотребство, восскорбели и вы о том не меньше меня. Потому единодушно произнесли прописанный мною приговор ему. И вот он отлучен и несет на себе тяготившую нас скорбь. Нам отрадно, ему тяжело. Он болит сердцем и сокрушается. Что до меня, то, смотря на эту скорбь его покаянную, я утешаюсь: ибо это значит, что он жив духовно. Радует меня очевидное его желание быть в общении с нами причастником великих обетований верующих о Христе Иисусе. Но я желаю, чтоб и вы, как скорбели вместе со мною из-за него, так вошли и в соучастие радости моей

из-за него же. Писал я строго, да познаете любовь мою, имея в мысли явить сию любовь и к согрешившему, если покается. Вот он кается; явим же к нему любовь! — Святой Златоуст говорит: «Апостол начинает говорить о сем коринфянам тогда же, когда наперед похвалил их за то, что они одни имеют с ним радости и одни и те же скорби, и сказав наперед: *яко моя радость всех вас есть*. Если же радость моя есть вместе и ваша радость, то вам должно, говорит, и теперь вместе со мною радоваться, так же как и тогда вместе со мною скорбели. Ибо как тогдашнею скорбию своею вы доставили мне удовольствие и радость, то же сделаете и ныне вашею радостию, если только примете участие в моей радости».

Все грехи, совершенные до крещения, омываются крещением и прощаются даром. Грехи же по крещении требуют очистительного наказания. Требовалось оно и для коринфского грешника. Апостол говорит: что касается до очистительного наказания, которое должно возлагать на кающегося, то в отношении к нашему покаяннику довольно этого, совершившегося уже, запрещения *еже от многих*, то есть этого отлучения, произнесенного собранием верующих, «потому что все стали отвращаться от него, как повелел Апостол» (Феодорит). Запрещение, — ἐπιτιμία, — обнимает все, что было возложено на согрешившего, несмотря на его покаяние. Тут начало и основа-

ние наших церковных эпитимий и самого образа их употребления, то есть произнесения их по всей строгости и потом сокращения их, смотря по чувствам сокрушения кающегося лица.

Замечательно, что Апостол и здесь, как в первом послании, не поминает имени согрешившего, ни имени греха его. Святой Златоуст говорит о сем: «Не говорит: впадшему в блудодеяние, но, опять так же как и в первом послании, *таковому*, хотя и по другой причине. Тогда говорил так по отвращению от соделанного греха, а здесь по снисхождению к согрешившему. Посему же здесь не упоминает он и о содеянном грехе, ибо время уже было защитить виновного».

Стих 7. *Темже сопротивное паче вы да даруете и утешите, да не како многою скорбию пожерт будет таковый.*

«Апостол повелевает здесь не только разрешить положенное наказание, но и возвратить виновного в прежнее его состояние. Ибо, если кто, наказавши виновного, просто отпускает его без всякого утешения, тот никакой пользы не делает ему. Но смотри опять, как Апостол удерживает и виновного, чтобы он, получив прощение, не сделался хуже. Ибо, несмотря на то, что он исповедал свой грех и раскаялся в нем, Апостол дает виновному видеть, что он получает прощение не столько за раскаяние, сколько по милости и снисхождению; почему и говорит: *да даруете*

и утешите. Сие видно и из последующих слов. Ибо не говорит: разрешаю простить виновного, потому что он достоин сего или что он принес искреннее покаяние, — но потому, что он слаб. Посему и присовокупил: *да не како многою скорбию пожерт будет таковый.* Говоря сие, Апостол свидетельствует и о великом раскаянии виновного, и не допускает его дойти до отчаяния. Что же значит: *пожерт будет?* — Или то, что таковый может сделать то же, что сделал Иуда, или что он в образе жизни может сделать хуже. Ибо хотя, говорит, он и не таков, чтобы не мог более переносить мучений продолжительного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь или предаться большему нечестию. Посему нам должно быть осмотрительными, чтобы рана не сделалась жесточае и опаснее и чтобы неумеренностию в наказании не погубить и того, что уже сделали доброго. Говоря сие, Апостол хотел, как я прежде заметил, и обуздать, и вразумить виновного, чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. Ибо, говорит, я принял такового в прежнее мое расположение не потому, чтобы он совершенно очистился от скверны соделанного греха, но убоявшись, чтобы не сделал чего-нибудь хуже. Отселе мы научаемся, что меру покаяния надобно назначать не только по свойству грехов, но и вместе сообразуясь с свойством духа и состоянием

самих грешников. Так тогда и поступил Апостол, ибо и его устрашала слабость грешника. Потому и сказал: *да не пожерт будет*, как бы зверем каким, или волнами, или бурею».

Стих 8. *Темже молю вы, утвердите к нему любовь.*

Утвердить, — κυρῶσαι, — решительное дать определение, подписать утверждаемое. Может быть, Апостол разумеет и то, чтобы общим приговором возвратили ему любовь свою, или одно то хочет означить, чтоб любовь сия была крепкая, полная, безвозвратная. Он говорит как бы: «Присоедините член к телу, приобщите овцу к стаду, покажите горячее к нему расположение» (Феодорит). «Не повелевает уже, но просит коринфян, не как учитель, но как равный, и, предоставив им восседать на судейском седалище, сам стал на месте защитника. Ибо как он достиг уже чего хотел, то от радости не знал меры своему смирению. О чем же ты просишь, скажи мне? — *Утвердите к нему любовь*, то есть с искреннею и крепкою любовию, а не просто и как случилось, примите его. Говоря сие, Апостол опять усвояет коринфянам добродетель очень высокую. Те самые, которые прежде показали такую любовь к своему собрату и так защищали его, что гордились сим, после такое возымели к нему отвращение, что Павлу великого стоило труда заставить их принять виновного в прежнюю любовь. Вот

похвальное качество в учениках, вот совершенство в учителе: когда ученики так послушны, а учитель таких послушных образует учеников! Ибо никого не должно ни безрассудно любить, ни отвращаться без причины. Если б и ныне так было, то согрешающие не были бы так равнодушны и нечувствительны к своим грехам» (святой Златоуст).

Стих 9. *На сие бо и писах, да разумею искусство ваше, аще во всем послушливи есте.*

Писах, — ἔγραψα, — написал, что можно относить и к прежнему посланию, и к предшествующим здесь словам. Прежде, пиша о наказании виновного, Апостол имел уже в виду помиловать его, если покается. Одно, говорит, сделали; делайте и другое. Этим покажете *искусство* — разумность в послушании, что не по своим расчетам и смышлениям оказываете послушание, а по самому послушанию, имея сию добродетель и действуя по ней независимо от всего. В этом прописал он им неотразимое побуждение к исполнению его желания, поставив их в состояние учеников, подвергшихся испытанию, которых вся забота ответить так, чтобы получить одобрение испытующего. Святой Златоуст говорит: «Да разумею, говорит, послушны ли вы, то есть не только в отсечении виновного от верующих, но и в присоединении к ним. Видишь, как и здесь Апостол поставляет коринфян в необходимость решиться

на сей подвиг, ибо как тогда, когда виновный согрешил, Апостол представил им, сколь опасно для них будет, если они не отсекут его, сказав, что *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. 5, 6) и многое другое; точно так же и здесь представил им всю опасность непослушания и сказал почти следующее: как прежде я должен был заботиться не о виновном только, но и о вас, так и теперь не более забочусь о нем, сколько и о вас, чтобы кто не почел вас за людей упорных, бесчеловечных и не во всем послушных. Ибо удаление виновного из вашего общества могло показаться некоторым и делом ненависти и жестокости, напротив, восприятие его в любовь вашу особенно докажет искренность вашего послушания, а вместе и вашу готовность, и способность к делам человеколюбия. Ибо добрые и умные ученики повинуются своему учителю не только в первом его требовании, но и в другом, хотя бы приказывал и противное что первому требованию. Посему Апостол и сказал: *во всем*, дабы показать, что коринфяне, в случае непослушания, не столько его, сколько себя постыдят, заслужив славу непокорных. Делает же сие он для того, чтобы и сим побудить их к послушанию, как показывают и сии слова: *на сие бо и писах вам*. Хотя и не для сего писал Апостол, ибо главная цель его была спасение согрешившего, однако говорит: *для сего*, чтобы тем более расположить коринфян в пользу

виновного. Впрочем, сам он и себе не вредит в достижении главной цели, и коринфянам благоприятствует. Сказав же: *во всем*, сим напоминает им о первом их послушании и выставляет его здесь на вид, с намерением похвалить их (и похвалою за прежнее послушание расположить к новому)».

Стих 10. ***Емуже аще что даруете, и аз: ибо аз аще что даровах, емуже даровах, вас ради, о лице Иисус Христове.***

В самую тесную связь поставляет себя с коринфянами, так что где они, там и он. И их он пускает вперед, а себя представляет идущим вслед за ними, свое им послушание оказывает, чтоб и у них отсечь всякую вину к непослушанию. Он уже изрек помилование виновному прежде, когда те еще и думать о том не думали; но изрек, имея в виду их пользу, их благо, их общее спасение; *даровах*, говорит, *вас ради*. Не власть свою являя и упражняя, сделал это, но заимствовал побуждение к такому делу со стороны вас, от вас будто повеление получив. «Видишь ли, — говорит святой Златоуст, — как опять Апостол уничижает себя пред коринфянами, поставляя их на первом месте, а себя на втором; и все сие для того, чтобы смягчить ожесточенные души и преклонить непреклонные сердца. Но чтобы сим не подать коринфянам повода думать, что все дело предоставлено их власти, и чтобы

они не стали упорствовать в прощении виновного, Апостол, ограничивая власть их, говорит, что и сам он даровал прощение виновному: *ибо и аз, аще что даровах, даровах вас ради*, то есть и сие самое сделал я для вас. И в первый раз, когда Апостол повелевает коринфянам отсечь виновного, он не дал им власти простить его, сказав: *уже судих... предати таковаго сатане*, а потом допустил и их к участию в сем приговоре, когда сказал: *собравшимся вам... предати таковаго* (1 Кор. 5, 3—5). Он поступил так, имея в виду две важные вещи: чтоб и приговор произнести, и (произнести) не без согласия коринфян, чтоб не огорчить их. Точно так поступает он и здесь, ибо говорит: *аз даровах* прощение виновному, я, который в первом послании осудил его. Потом, чтобы коринфяне не оскорбились, как бы презренные от Апостола, он говорит: *вас ради*. Что же это? Ужели он простил согрешившего для людей? — Нет; ибо для сего и присовокупил: *о лице Иисус Христове*, то есть или по воле Божией, или во славу Христа». Феодорит об этом пишет так: «Чтобы не подумал кто, будто бы Апостол из угождения людям вознерадел о справедливости, он присовокупил: *о лице Иисус Христове*, то есть делаю это тогда, как видит сие Христос и благоугождается сделанным». Можно и так: в порядке спасения, по началам спасения. Ибо Христос Иисус есть Спаситель; и действующий во спасение

истинное действует о лице Его. Или потому так сказал, что и он, как и все Апостолы, как говорили, так и действовали всегда пред Богом во Христе, ни себя не имея в виду, ни угождением людям не руководясь. Ниже святой Златоуст говорит о сем: «*О лице Иисус Христове*,— или во славу Христа, или потому, что Сам Христос повелел простить согрешившего. Сии последние слова особенно убедительны были для коринфян. Ибо они убоялись уже отказать в прощении, которое служило к славе Христа и было Ему угодно».

Стих 11. *Да не обидими будем от сатаны: не не разумеваем бо умышлений его.*

Да не обидими будем,— ἵνα μὴ πλεονεκτηθῶμεν,— да не будем облихоимствованы, да не послужит образ действования нашего ему в пользу, да не извлечет он из него себе выгоды. Как? — Если, закрывши нам глаза ревностию будто по правде, сделает то, что мы допустим погибнуть брату. Сатана всюду вмешивается с своими советами. Он не всегда прямо худое внушает, но нередко и доброе, только цель у него всегда одна — наша погибель вечная. В настоящем случае он мог коринфянам внушать: как можно терпеть такого? Вы язык свят, люди обновления; место ли ему быть среди вас? Гоните его прочь. А ему другие речи мог говорить: пропал уже ты; нет тебе спасения! Брось их; видишь, какие они? Ступай

опять к язычникам и живи себе как душе угодно. — Апостол и себя ставит в число обижаемых от сатаны. Конечно, и около их он покушается поживиться, ибо бесстыдству его нет меры, когда и к Спасителю подступал. Но Апостолы, Духом Божиим просвещаемые, видели козни его и тотчас рассекали все узлы и хитросплетения сих козней. Почему и говорит: *не не разумеваем бо умышлений его*. Мы, говорит, ясно видим и понимаем, к чему он что ведет и как чем может воспользоваться в свою пользу. Разумея же сие, не можем допускать, чтобы он имел в чем-либо успех. В этом — окончательное убеждение простить виновного. Ибо ясно дает видеть, что если они не делают, как он им предлагает, то вместо Христа Господа волю сатаны исполнят и вместо спасительного пагубный для себя сделают шаг. Святой Златоуст говорит: «Апостол поставляет на вид коринфян общий для всех вред в случае их непослушания, ибо говорит: *да не обидими будем от сатаны*. Здесь он очень кстати назвал сатану обидчиком и похитителем. Ибо он не свое уже берет, но наше похищает. Ты же не о том только помышляй, что один согрешивший мог бы сделаться добычею сего зверя, но представляй и то, что угрожает опасность всему стаду уменьшением числа его, и особенно теперь, когда сатана имеет возможность возвратить потерянное им. *Не не разумеваем бо умышлений его*, то есть сатана

и путем благочестия может привести к погибели. Ибо он не только может довести до блудодеяния, но и с противной стороны безмерною печалию во время покаяния может ввергнуть в погибель. Таким образом, если сатана, вместе со своею собственностию захватывая и нашу, когда и того, кого доводит до греха, погубляет, и того, кому мы предписываем спасительное покаяние, у нас похищает, то как же назвать это, если не обидою и похищением? Ибо для него не довольно, что низлагает нас чрез грех; он и чрез покаяние делает то же, если мы не будем осторожны и осмотрительны. Посему Апостол весьма справедливо назвал хищением и обидою тот случай, когда сатана побеждает нас нашим же оружием. Ибо ему свойственно овладевать нами чрез грех, а не чрез покаяние, которое наше есть оружие, а не его. Итак, если сатана и чрез покаяние может овладеть нами, то рассуди сам, какое постыдное для нас отсюда унижение! Как он насмехается и издевается над нами, как над бессильными и немощными, побеждая нас нашим же оружием! И подлинно, для него весьма смешно и для нас крайне постыдно, что он нашими врачевствами причиняет нам раны. Посему-то Апостол и сказал: не неразумеем бо умышлений его, то есть сколь хитрый, коварный, злокозненный, злодейственный умысел скрывает сатана и на самое благочестие наше. Соображая все сие, и мы не

должны презирать никогда и никого из согрешающих. Равно, и согрешая сами, не должны предаваться отчаянию, но, опять, не должны оставаться и в беспечности; напротив, сердечно да сокрушаемся о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них (но и делом показывая и болезнование о грехах, и исправление в них истинное)».

2. О ВЫСОТЕ ХРИСТИАНСКОГО ОТКРОВЕНИЯ, ИЛИ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТИНЫ, С ИЗЛОЖЕНИЕМ И ТОГО, КАК ОНА ВОДВОРЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ (2, 12—7, 1)

Кончив речь о перемене плана путешествия, Апостол хотел излагать, что было с ним на сем пути, то есть из Ефеса чрез Македонию, чтобы дойти до возвращения Тита, и по поводу сего, и особенно по поводу того, что он сообщил, сделать нужные наставления (гл. 8, 9) и вразумления (гл. 10—13); но лишь дошел сказанием своим до возвращения в Македонию (2, 12, 13), как, прежде чем успел сказать о приходе Тита, взят был Духом в созерцание силы, славы, светлости и чудных действий Евангельской истины и начал излагать свои созерцания текучею и воодушевленною речью, пока не излил всего, что Дух давал ему провещавать в это время (2, 14—7, 1). Кончив это, опять начинает прерванную речь и сказывает, как обрадован был приходом Тита и всем, что он передал ему (7, 2—16). Здесь

с Апостолом было то же самое, что с пророками, когда взымал их Дух. *Взя мя Дух*, говорили они. Взял Дух и святого Павла и показал ему в уме то, что он говорит о христианском откровении, или Евангельской истине. Это всякий тотчас видит, читая послание: ибо речь о том начинается неожиданно.

Стихи 12 и 13 будут, таким образом, введением в беседу о Евангельской истине как подавшие к ней повод. По содержанию они стоят в прямой связи с тем, что пишется после с 7, 2 и далее и составляют с тем одно.

Стихи 12 и 13. *Пришед же в Троаду во благовестие Христово, и двери отверзене ми бывшей о Господе, не имех покоя духу моему, не обретшу ми Тита брата моего, но отрекся им, изыдох в Македонию.*

В Троаду Апостол направился из Ефеса, может быть, и сухим путем, и, посетив лежащие на пути Церкви, имел в мысли заняться проповедию Евангелия в этом городе; ибо во второе путешествие, когда он Духом Божиим веден был в Македонию чрез этот город, не видно, чтоб он в нем останавливался для проповеди. Между тем, как видно, это был неминуемый переходный пункт из Асии в Македонию и обратно. Это расположило Апостола насадить здесь веру. Дверь для проповеди была отверста: Апостола слушали охотно и веровали с полною покорностию слову благода-

ти. Если, таким образом, дверь была отверста, и отверста о Господе, то проповедь и в один день могла сделать многое. Она действует мгновенно, и одна и та же речь, тысячами ушей быв принята, могла обратить тысячи. Потому, когда Апостол говорит вслед за сим, что, не имея покоя, по причине неприбытия Тита, должен был оставить их, это не значит, что он бросил дело неконченным, а только что не мог долго быть у них. Дело же благовестия и засеменено, и зрело. Оно обычно и везде само зреет под действием благодати. Евангелие не многословно, но содержит всеобъятную систему ведения, которая потом сама собою может развиваться в умах и сердцах смиренно верующих. Эту истину подтверждает вся первоначальная проповедь апостольская. Так было и в Троаде; потому, когда на обратном пути из Эллады чрез Македонию прибыл сюда Апостол, он нашел здесь веру в полном цветении и в сладостных беседах с верующими проводил целые ночи (Деян. 20, 7).

То, что святой Павел покоя не имел, и тени не представляет тех беспокойств, какие обычно испытываются нами по причине каких-либо личных опасностей и потерь. Он беспокоился за дело Божие. Если Титу было наказано, выполнив все порученное в Коринфе, поспешить в Троаду, и по расчету времени ему следовало бы быть уже там, а его не было, то Апостол, естественно,

мог предполагать случайности, разорительные для дела Церкви и Евангелия. Апостол только и жил для благосостояния Церкви и для успехов Евангелия. Касаться этих предметов есть то же, что касаться зеницы ока его. Вот он и в смущении, и покоя не имеет. Его томила неизвестность происходившего в Коринфе; Дух же Божий не благоволил открыть ему то, или исполнить сердце его благонадежием, оставив его естественному течению человеческих чувств под действием внешних обстоятельств. Это и заставило его, не нашедши Тита в Троаде или скоро не дождавшись его, самому поспешать к нему навстречу. Почему, простившись с троадянами, *отрекся им*, отправился он в Македонию, ибо туда лежал его дальнейший путь, и чрез ту страну должен был возвращаться к нему святой Тит.

Этим сказание здесь кончается. Какие вести принес святой Тит и как святой Павел ими был обрадован, об этом он пишет ниже, 7, 2 и далее; здесь же одно воспоминание о том восхитило дух его; и он, не успевши и слова сказать ни о приходе, ни о вестях святого Тита, взят был Духом в созерцание силы и славы Евангельской истины и, воззвав: *Богу благодарение*, начал излагать воодушевленною речью свои созерцания.

Эту речь можно назвать беседою об одном и том же предмете, но без определенного, обдуманного плана; представления в ней сменяются одни

другими, исчерпывая свой предмет, но не держась того обычая, чтоб одно выходило из другого. Можно, однако ж, указать в ней три поворота и ими обозначить разделение ее: а) *сначала* излагает Апостол свойства и действия Евангельской истины, или христианского откровения, 2, 14—4, 6; б) *потом* сказывает, что при всей высоте сего откровения носители и разносители его по земле крайне уничиженны, суть сосуды скудельные, действуют, однако ж, ревностно, воодушевляясь надеждою на будущее, 4, 7—5, 10; *наконец*, в) излагает, как идет самая проповедь, с приложением сего и к коринфянам, 5, 11—7, 1.

а) О свойствах и действиях христианского откровения, или Евангельской истины (2, 14—4, 6)

Слово благовестия: аа) самосвидетельствованно, расходится, как благоухание, 2, 14—3, 3; бб) оно не наше, а от Бога, и преславно,— преславнее ветхозаветного, 3, 4—11; вв) оно светло и просветительно, 3, 12—18; гг) оно действует неотразимо, когда бог века не ослепил у кого разума, только представь его совести в чистом виде без всякой примеси, 4, 1—6. Во всех этих пунктах Апостол говорит о себе и вообще об Апостолах, поколику они были органами благовестия, но то, что он говорит, очевидно, может быть относимо только к самому Евангелию, а не к разносителям его.

аа) Слово благовестия самосвидетельствованно (2, 14—3, 3)

Апостол говорит: мы, — разносители благовестия, — благоухание Христово, которое для одних — живот, а для других — смерть, 2, 14—16. Тут ничего от нас не зависит, ибо мы ничего от себя не прибавляем к благовестию; само оно так действует, 2, 17. Оттого мы не приносим никуда рекомендательных писем и от тех, кого просветим, не берем их, чтобы с ними представиться далее где; но само благовестие нас рекомендует и сами обращенные заменяют рекомендательные письма. Смотрят, что сделало наше благовестие, и удостоверяются в его истине, 3, 1—3. Такие мысли сокрыты в словах Апостола, хотя с первого раза они и незаметны. Представляя их, не думаем делать насилие слову, а желаем только, сколько сил есть, войти в дух апостольского свидетельства.

Стих 14. *Богу же благодарение всегда победители нас творящему о Христе Иисусе, и воню разума Его являющу нами во всяком месте.*

Богу благодарение! Это воззвал он после того, как представил в уме, что сделало его послание в Коринфе, как передал ему о том святой Тит. Грешники раскаялись, неисправности все исправлены, недоумения рассеялись, и всеми изъявлена полная готовность следовать слову Апостола. Слово его оказалось вполне победоносным, и

он справедливо мог сознавать себя в положении победителя, совершающего триумфальное шествие после какой-нибудь знаменитой победы. Потому и воззвал: *благодарение Богу, победители нас творящему*! — *Победители творящему*, — θριαμβεύοντι, — устрояющему для нас триумф, посаждающему нас на триумфальную колесницу. *Всегда* победители творящему, — всегда так делает для нас Господь, что, когда все будто восстает против нас и все сделанное нами будто разлагается, Он опять все восстановляет в силе и возвращает полную славу истине своей. Вот и теперь в Коринфе все будто расстроилось, — в Асии я отягчен был сверх сил, в Троаде покоя не имел, в Македонии не лучше было; а когда пришел Тит и сказал, что было в Коринфе, не могу не видеть и пред всеми не исповедать победоносной силы Божией, сопровождающей слово наше, устное ли то или письменное. Почему «за все прославляем Бога, Который, премудро правя нами, водит нас туда и сюда, делая всем известными и чрез нас распространяя ведение благочестия» (Феодорит).

Апостол говорит, что их, Апостолов, делает Бог победителями; собственно же победоносным является слово благовестия истины, и на них слава победы падает только, как на органы сего слова. Почему далее говорит, что Бог победителями творит их о *Христе*, и именно чрез то, что они

всюду являют *воню разума Его*, то есть распространяют всюду благоухание познания о Боге и Христе Господе Спасителе,— называя сие познание благоуханием, по причине сладостности его и по причине охотного, с радостию и удовольствием, принятия его всеми способными к тому. «Указав на Дающего победы, далее сказывает и причину сих побед, присовокупив: *о Христе*, то есть чрез Христа и проповедь о Нем. *Вонею разума* называет он познание о Христе. Мы, говорит, подобны царской кадильнице, потому что всюду ходим, нося с собою небесное миро, от которого исходит духовное благоухание. Сие сказал он, чтобы показать силу проповеди» (святой Златоуст). Сия воня разума победоносна. Как невеста в Песни песней, так души, внявшие слову благовестия о Христе Спасителе, могли взывать: *воня мира Твоего паче всех аромат... вслед Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 2—3). Текут вслед Господа, как толпы народа за триумфальною колесницею победителей. Не это ли сходство подало Апостолу повод употребить и означенную метафору: *воня разума*?

Стих 15. *Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих.*

Мы, говорит, *благоухание Христово есмы*. Если какую материю или одежду надушить каким ароматом, то, куда ни внеси их, они всюду распространяют свой аромат, и другого запаха от них

уже не слышно никакого, хотя они имеют свой природный запах. Так Апостолы, преисполненные ведения Христова, куда ни являлись, являлись ничего другого не ведающими, кроме Господа Иисуса Христа. Слово их было только о Нем, силы являли они только о имени Его, верующих освящали именем Его, заповеди давали от лица Его, Церкви созидали во славу Его, и все, что от них ни исходило, все было о Христе, для Христа, от Христа. Так осязательно они были благоухание Христово! И это как для спасаемых, так и для погибающих.

Спасаемые — это те, которые веровали, освящались таинствами, возрождались к новой благодатной жизни и начинали ходить в сем обновлении жизни. *Погибающие* — это те, которые отвращались от слова благовестия и враждебно относились как к нему, так и к Благовествуемому, и к благовестникам. Для тех и других они были благоухание Христово. Тем и другим они ясно, убедительно и осязательно представляли, что иного спасения нет, как в Господе Иисусе Христе; те и другие хорошо понимали, в чем сила сего слова благовестия; но одни принимали его и спасались, а другие отвращались от него и оставались в своей погибели. В том, что есть спасаемые и погибающие, ничего нет рокового, хотя на опыте можно видеть, как иные неудержимо стремятся в пагубу, несмотря на все заботы об их

спасении, а другие держатся твердо на спасительном пути, несмотря на окружающие их неблагоприятности спасения. Без Бога нет спасения; и Он всем хочет спастися, только никого не неволя. Потому если есть погибающие, то потому, что не хотят спасаться. Хотя то, почему иные не хотят, изъяснить мы не в силах; однако же то несомненно, что конечная того причина в их произволении.

Стих 16. *Овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот. И к сим кто доволен?*

«Всем предлагаем мы благоухание Христово, но не все ощущающие оное приобретают спасение. Ибо для болезненных глаз и свет опасен и враждебен; однако же не солнце причиняет вред. Говорят, что птица гриф бегает от благоухания мира, однако же миро остается миром, хотя гриф и бежит от него. Так и спасительная проповедь верующим доставляет спасение, а неверующим причиняет погибель» (Феодорит). Есть яства, которые один принимает с удовольствием, а другой и запаха их сносить не может, и когда ощутит его, то испытывает сотрясение во всем своем теле. Природа яств одна и та же; то, что они так противоположно действуют на тех и других, зависит от случайных настроений их организма. Христос Господь есть существенная жизнь для всех нас; и благовестие о Нем по существу

своему животворные для всех содержит начала; между тем по случайным нравственным настроениям для одних оно — жизнь, для других — смерть. «Но спасается ли кто или погибает, — проповедь Евангельская всегда удерживает свое достоинство. Как свет, и тогда, как ослепляет слабых зрением, остается светом, хотя ослепляет; или как мед, хотя бы казался горьким для больных, не перестает быть сладким по своей сущности, — точно так же и благовестие о Христе всегда имеет свойственное ему благоухание, хотя не верующие сему благовестию и погибают; ибо губит их не благовестие, но собственное их ожесточение. И погибелию нечестивых еще более обнаруживается благоухание проповеди. Таким образом, сила благовестия обнаруживается не только в спасении добрых, но и в погибели нечестивых, ибо и солнце потому особенно и ослепляет взоры слабых, что светит очень ясно. Также и Спаситель, хотя *лежит на падение и на восстание многим* (Лк. 2, 34), однако не перестает быть Спасителем и тогда, когда бесчисленное множество людей падает. Итак, благовестие всегда есть спасительное благоухание; но, обоняя благоухание сие, одни спасаются, а другие погибают, — так, впрочем, что, если кто погибает, тот бывает сам виною своей погибели» (святой Златоуст).

И к сим кто доволен? Говоря, что спасительное слово благовестия для одних есть воня в

смерть, а для других воня в живот, Апостол, естественно, возбуждает у всех вопрос: как же это? Предполагая этот вопрос как бы уже предложенным себе, он отвечает на него: *к сим кто доволен*? Кто может объяснить, как это бывает? Бог одного добра желает и одно добро подает; Христос Господь есть наш Спаситель и Живот, и благовестие о спасении в Нем есть слово животворное. Откуда быть пагубе? Разве только от нас. Но и от нас как? Разве только в таком случае, если бы мы стали к благовестию примешивать свои мудрования и потому проповедовать его нечисто. Но этого, говорит, о нас сказать нельзя, как видно из следующего стиха. Таким образом, почему слово благовестия оказывает такие противоположные действия, остается непостижимым. Кто доволен* к тому, чтобы понять это и объяснить?

Такое понимание сих слов и их связь с последующими представляется самыми прямыми, если иметь во внимании двоякое действие благовестия. А если так смотреть на предыдущую речь, что в ней Апостол только стороною намекнул на то, что благовестие бывает и вонею в смерть, главною же целию имел представить животворность и победоносность слова благовестия; то в словах: *и к сим кто доволен* Апостол очевидно хотел отклонить от себя всякую честь участия

* Способен. — *Ред.*

в сей победоносности и все отнести к Богу. Что слово благовестия идет по миру, как победитель на торжественной колеснице, это не от нас, этого из людей никто бы и не мог совершить. Оно само так победоносно силою Божиею, в ней сокрытою, или ей сопутствующею и ей вседейственность сообщающею. Так святой Златоуст: «Поелику Апостол так много сказал великого и необычайного, усвояя себе повсеместное торжество, то, опять, старается умерить сказанное, все относя к Богу. Он говорит как бы: все сие Христово, и нет ничего нашего. Лжеапостолы хвалятся проповедию как своею; напротив, истинный Апостол в похвалу себе вменяет то, что ничего не называет своим. Почему и говорит: *и к сим кто доволен*? Откуда уже само собою следовало: а если мы сами по себе не довольны к сему, то все происходящее с нами и чрез нас есть дело благодати».

В таком случае следующие слова будут уже иметь такой смысл: все в благовестии есть дело Божие, дело благодати; нашего тут ничего нет и не может быть. Наша забота вся на то обращена, чтобы в слово благовестия не примешивать ничего своего, а передавать его чистым, как получено, давая ему возможность беспрепятственно действовать всею полнотою свойственной ему силы.

Стих 17. *Несмы бо, якоже мнози, нечисто проповедающии слово Божие, но яко от чисто-*

ты, но яко от Бога, пред Богом, во Христе глаголем.

Нечисто проповедающии слово Божие, — καπηλεύοντες, — корчемствующие слово Божие. Корчемники, чтобы больше иметь дохода, подливают в вино воду, а чтоб эта смесь не потеряла цвета и вкуса вина, подмешивают туда и еще что-нибудь и, таким образом, продают будто настоящее вино, но оно уже не настоящее: и силы той не имеет, и на здоровье действует вредно. Подобны им примешивающие к чистому слову благовестия свои мудрования. Хотя бы такие мудрования и не были ложны, а были прибавляемы в виде объяснения дела по началам ума, — и тогда они, расширяя и разводя слово без нужды, ослабляют его и отнимают у него силу и целительность, какие свойственны ему в его целости беспримесной. Если же примешивается ложь, то все уже извращается и слова благовестия становятся зловестием. Апостол говорит: мы ничего такого не делаем, — не только лжи, но и никакого своего мудрования не прилагаем к слову благовестия, передавая его в его природной чистоте, — так, как приняли его от Бога, — как лица сознающие, что говорим пред очами Самого Бога, говорим во Христе, Его силою, Его охранением, в Его славу, или яко Его дело исполняющие. Святой Златоуст говорит на это: «Хотя мы, говорит Апостол, возвещаем много великого и необычай-

ного, впрочем, ничего не присвояем себе, напротив, все относим ко Христу. Мы не хотим подражать лжеапостолам, которые много присвояют себе самим, ибо это значило бы поступать подобно корчемнику, когда он подделывает вино или продает за деньги то, что надлежало бы давать даром. В самом деле, мне кажется, что Апостол здесь искусно осмеивает любостяжание лжеапостолов и намекает на то, о чем я прежде говорил, то есть что они проповедуют Божественное с примесью своего собственного. Обличая тот же порок, и Исаия говорит: *корчемницы твои мешают вино с водою* (Ис. 1, 22). Хотя это сказано о вине, впрочем, не погрешит, кто отнесет сие и к учению. Не так, говорит, поступаем мы; но во что уверовали сами, то же предлагаем и другим, и преподаем учение чистое, без всякой примеси. Почему и присовокупил еще: *но яко от чистоты, но яко от Бога, пред Богом, во Христе глаголем*, то есть не с тем проповедуем, чтоб обманывать вас, как бы свое дарствуя вам что-нибудь, или от себя что-нибудь привнося и примешивая,— *но яко от Бога*, то есть не говорим, будто мы от себя что-нибудь дарствуем вам, но утверждаем, что мы все получили от Бога; ибо выражение: *яко от Бога* значит ничем не хвалиться, как своим, но все приписывать Богу. *Во Христе глаголем*, то есть все говорим не от нашей мудрости, но просвещаемые силою Христовою». И Феодорит в этом

месте указывает главною ту мысль, что Апостолы слово благовестия передавали как оно есть, в его природной чистоте: «Апостол дает знать, что сам он предлагает учения, внушаемые благодатию Божиею, а противники корчемствуют словом Божиим, обращая его в баснь* тем, что собственные свои мысли примешивают к благодати, как делают мешающие чистое вино с водою».

Приведем мнения и других наших толковников на некоторые речения: *но яко от чистоты*, — ἐξ εἰλικρινείας, — от искренности, без лукавства, — «от чистого и бесхитростного сердца (с детскою простотою)» (Феофилакт). *Но яко от Бога*, — «как от Бога приняли и Богом научены» (Экумений), — так и говорим. *Пред Богом*, — «сказал это Апостол, чтобы показать прямоту и благодерзновенность своего сердца. Наше сердце, говорит, в этом деле столько чисто, что мы дерзаем представлять его оку и суду Божию» (Феофилакт). *Во Христе*, — «то есть говорим оглашаемые и научаемые Христом. Вот какую истинность и чистоту, по свидетельству Апостола, имеет преданное нам слово благовестия!» (Экумений).

Таким образом, если действенно и победоносно наше слово благовестия, все то принадлежит самому благовестию и силе Божией, ему сопутствующей, а не нам. Мы только стараемся пере-

* Ложное и бесполезное учение. — *Ред.*

давать его во всей чистоте и беспримесности от каких-либо мудрований и собственных своих соображений.

Глава 3, стих 1. ***Зачинаем ли паки нас самех извещавати вам? Или требуем, якоже нецыи, извещавательных посланий к вам, или от вас известительных?***

Апостол ведет речь применительно к обычаю и употреблению рекомендательных писем. Желая встретить благосклонный прием в каком-либо месте, иной берет рекомендательное письмо от известного лица и с ним является в то место; затем, устроив там свои дела, — торговые, а иногда и учительские, — берет и от жителей того места одобрительное удостоверение, чтобы найти подобный же прием и в другом месте. Святые Апостолы никуда не являлись с такими письмами, а с одним словом благовестия и с силою Духа Божия и Христовою, им сопутствовавшею. Это заменяло для них всякое рекомендательное письмо. Сила слова Евангельского и знамения, сопровождавшие его, удостоверяли всех, что они точно посланники Божии. Из этого удостоверения рождалась вера, верою принималось все благовестие; за этим следовало освящение и обновление благодатию и сообщение особых даров. С этого момента начинало властвовать не внешнее уже, но внутреннее удостоверение в небесном достоинстве благовестия; и это не только для

самих принявших благовестие и обновившихся в силу его, но и для всех сторонних. Видели сторонние обновление духовное в какой-либо местности, изумлялись и сами приходили к тому убеждению, что принятое ими благовестие небесно, Божественно и достойно благоговейного внимания и верования. Таким образом, обновление сие в одном месте служило вместо рекомендательного письма для Апостолов во всех других местах.

Такой ход успехов благовестия и напоминает теперь святой Павел коринфянам в нескольких выражениях. Сказал он выше, что они ничего не примешивают к слову благовестия своего, но, передавая его в его природной чистоте, оставляют его самодействовать как ему свойственно. Теперь напоминает им: вспомните, ведь мы к вам пришли с одним словом благовестия, и оно само сделало из вас то, что вы теперь. Его силой вы есте то, что есте. Вы это знаете; и вот вам самое близкое для вас удостоверение, что слово благовестия самодейственно и всепобедительно, как я говорил выше! Вот и для нас рекомендательное письмо и пред вами, и пред всеми другими. — Но выражает это святой Павел фигурою поправления, как бы так говоря: но что же это мы? — Будто снова начинаем себя рекомендовать вам, как незнакомые, как будто в первый раз вступающие с вами в сношение? — Никакой нет нужды

нам себя рекомендовать вам, или представлять, как есть обычай, рекомендательные письма от других к вам и от вас к другим. Все подобное заменяете вы сами; вы сами — рекомендация наша и пред вами, и пред другими. — *Извещавати*, συνιστάνειν, представлять кого кому, или рекомендовать.

Блаженный Феодорит пишет в этом смысле: «*Зачинаем ли — извещати*? Не нам следует сказать это, а вам, которые в точности знаете касающееся до нас (и до дела благовестия у вас)». Экумений таким оборотом передает речь Апостола: «Не скажи кто, что все это мы излагаем, желая порекомендовать вам себя самих, или вам себя представить? — Нет; разве нам нужны, как иным некиим, рекомендательные письма к вам или от вас? — Нисколько; вы наше рекомендательное письмо».

Стих 2. ***Послание бо наше вы есте, написаное в сердцах наших, знаемое и прочитаемое от всех человек.***

Вы — рекомендательное наше письмо, письмо открытое, которое все люди знают и читают, — видят веру вашу и добрую по вере жизнь, дознают, или и прямо знают, откуда у вас такая перемена, и, дознав, или зная, что все это произвело в вас благовестие наше, начинают благоговеть пред ним, искать случая услышать его, чтобы и самим вкусить плодов его. Такое чрез вас всюду

распространяемое настроение лучше всякого рекомендательного для нас письма. Как написано это послание, ниже объясняет Апостол в 3-м стихе, говоря, что они — послание Христово, Духом Святым написанное; а что здесь говорит: *написано в сердцах наших*, то этим Апостол хочет сказать лишь: все вас читают как послание наше, но вы для нас не чужды, как и мы для вас, — мы носим вас в сердцах своих. Чтобы кто не сказал: вот мы для вас — рекомендательное письмо, а вы это письмо бросили открыто, — читай кто хочет, — Апостол говорит на это: пусть там читают вас открыто, но мы дорожим вами не менее, как всякий другой дорожит рекомендательным письмом. Тот свое письмо завертывает и сохранно кладет за пазуху, а мы вас носим в сердце своем, вы там у нас написаны. Где нужно, мы и сами его прочитываем другим, и от нас люди знают об вас не менее, как и чрез видение вас самих.

Святой Златоуст говорит: «Здесь Апостол выражает не только свою любовь к ним, но и свидетельствует об их добродетельной жизни, то есть что они своими добродетелями могут доказать пред всеми достоинство своего учителя. Ибо сие означают слова его: *послание наше вы есте*. Что сделали бы ваши письма, в которых стали бы вы одобрять и прославлять нас, сие исполняете вы своею жизнию по вере, которую видят и о которой слышат все. Ибо добродетели учеников

служат наилучшим украшением для их наставника и одобряют его лучше всякого письма. *Написанное в сердцах наших*, потому что мы везде обносим вас с собою и содержим в сердце нашем. Как бы так он говорил: вы служите нам одобрением пред другими, и мы всегда имеем вас в сердце своем и пред всеми проповедуем о ваших добродетелях. Потому не имеем мы нужды в одобрительных от вас письмах к другим, вы служите одобрением нашим. Если нужно будет нам рекомендовать себя пред другими, мы вас выставим на среду вместо одобрительного письма. Сие говорил он и в первом послании: *печать бо моего апостолства вы есте* (9, 2)».

Блаженный Феодорит пишет: «Не имеем нужды в посланиях,— о нас свидетельствуют самые дела и есть у нас одушевленное послание, которое говорит вам и всем в нашу пользу,— это вера ваша, прославляемая везде, и на суше, и на море,— потому что мы, избавив вас от заблуждения, привели к свету Боговедения».

Стих 3. ***Являеми, яко есте послание Христово служеное нами, написано не чернилом, но Духом Бога жива, не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных.***

Там сказал только, что коринфяне суть послание их, которое все читают то посредством того, что видят их, то посредством того, что сами насадители веры в них говорят о них, нося их

всюду в сердце своем написанными. Теперь объясняет, какого рода они — послание, как такое послание написано и где. Это-то главное и есть в речи Апостола, ибо у него цель одна — сказать, сколь высоко и самоодобрительно слово благовестия, чрез которое коринфяне стали тем, что суть.

Являеми, пред всеми являетесь, всем узнающим вас явно бывает, что вы *послание Христово*, послание, Самим Христом писанное и о Христе, то есть послание, свидетельствующее о спасении во Христе, или писанное в духе и по предмету домостроительства спасения во Христе Иисусе. На вас для всех видно, как начинается дело спасения, как устанавливается, как спеется, чем красится (дары Духа Святого) и чем увенчается; вы — живописанный закон жизни о Христе Иисусе. Святой Златоуст говорит: «Возводя их к высшему разумению, называет их посланием Христовым, как имеющих в себе написан закон Божий (о Христе Иисусе). Что Бог благоволил открыть всем (чрез благовестие наше), все сие, говорит, написано в сердцах ваших». Феодорит пишет: «И что я говорю: *наше*? Вы — послание Самого Спасителя нашего, изречения самой проповеди Его». Экумений и Феофилакт толкуют: вы — послание Христово, «потому что закон Его и заповеди Его в вас пребывают и вами блюдутся».

Служеное нами. Написал вас Христос Духом Святым, «а мы только служители писмен*» (Феодорит). «Мы приготовили вас к принятию писмен сих. Как Моисей обделал камни и скрижали, так мы приготовили души ваши» (святой Златоуст). «Таким образом, мы посредством проповеди были служителями только веры вашей и вашего ведения дела спасения» (Экумений и Феофилакт). Сама же вера и само ведение и все прочее, чем содевается спасение, написано было в сердцах ваших не нами. Помимо нас, хотя при нашем служении вам словом и действием, все то написал в вас Дух Святой.

Написано не чернилом, но Духом Бога жива. Хочет сказать, что писание их совершалось не внешне, а внутренне, не внешним, а внутренним способом. Обыкновенно пишут на бумаге чернилами. Желающий знать написанное читает, понимает и принимает: так оно переходит к нему внутрь — в сознание, и там умом понимается, сердцем ощущается и вступает в чин возбудителя желаний и деятельной энергии. С вами, говорит, не так было: Дух Божий прямо проник в сердца ваши и там живописал истины спасения, преобразившие вас и исшедшие потом в дело. Вместе с словом благовестия, — духодвижным и духоносным, — Дух Божий проходит ко внутреннему человеку и возбуждает его к вниманию.

* Творений. — *Ред.*

Внемлющий, принимая чрез слова представление за представлением, узревает наконец, в чем дело и что требуется. По узрении этого, не без содействия благодати, ему предлежит решить, согласен или не согласен. Дух благодати отстраняется при сем: решение принадлежит свободе. Но когда внутри изречется согласие, то оно закрепляется в существе души благодатию, причем и все слышанное из ума, где оно собрано было вниманием, переходит в сердце и печатлеется там живосоставно. Это первое — начальное — писание. В нем программа новой жизни, которой требования отсюда же исходят, но не вдруг сознаются и приемлются. Христианство — не теория, а жизнь. Изрекающий согласие принять его принимает обязательство и жить по нему. Эти требования жизни тотчас и входят в сознание и приемлются совестию в закон. Но, при всем том, это новый процесс внутренней духовной жизни. Дух благодати помогает ясно вообразить все требуемое и снова отступает, чтобы свобода сама непринужденно изрекла согласие на это. Когда изречется сие согласие, Дух благодати все сознанное, как условие христианской жизни, печатлеет тогда в совести и в сердце: и се живописанные скрижали закона жизни о Христе Иисусе! Это второе писание. Третье писание продолжается непрерывно во всю жизнь. Ничто из этого не делается без Божественных таинств: первое писание

завершается святым крещением; второе – святым миропомазанием, а при Апостолах – возложением рук; третье – всю жизнь повторяющимися таинствами покаяния и причащения.

Таким образом, верует кто, возрождается, вступает в новую жизнь и ведет сию жизнь, – все действием Духа Божия. Если все сие и есть именно писание Христово, то само собою очевидно, почему оно написанным почитается не чернилами, а Духом Бога жива.

Не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных.

От рекомендательных писем перешел Апостол к живому писанию, чрез благовестие напечатленному в коринфянах, а это привело к писанию Духом в сердцах, в отличие от писания хотя перстом же Божиим, но вне, на скрижалях каменных. Так все это отделение о превосходстве новозаветного откровения составляется у святого Павла, как вяжется цепь, звеном цепляясь за звено.

Моисей приготовил каменные доски. Бог же перстом Своим написал на них заповеди закона Своего. Это великий символ, изображающий нравственный строй Ветхого Завета. Скрижали – вне человека подзаконного. Читая их, он понимал, что требовалось, и, поелику при законе лежал ответ кровию за неисполнение, понуждался исполнять то. Но это шло отвне, и на нем лежало, как

внешнее иго. В христианстве закон жизни о Христе Иисусе пишется Духом Бога жива во внутреннем человеке, в сердце, самом исходище жизни, и, оттуда исходя и обнимая сознание и свободу, наполняет все исходища жизни и является вовне в делах как естественное проявление того, что состоялось и созрело внутри. Вот великое и существенное различие христианского законописания и законописания ветхозаветного. Там закон читаем был на скрижалях, входил в сознание и ложился на совесть; здесь исходит из сердца вместе с сознанием и совестию, и прямо возбуждает и располагает к делам, кои охотно творятся, а не как там, из-под ига.

На скрижалях сердца плотяных, – Феофилакт и Экумений переставляют так: на скрижалях плотяных, то есть на скрижалях сердца, или в сердце. Сердце – скрижали Закона, когда оно все пропитано заповедями, или одною волею Божиею, так что ни сочувствия, ни расположения не являет ни к чему, кроме заповедей, или кроме того, на чем есть печать воли Божией. Тогда сердце сочетавается с совестию неразрывно, объединяется с нею, и совесть делается ясным и точным определителем закона жизни о Христе Иисусе и вообще, и в частностях. Апостол представляет дело в идеальном совершенстве, достижимом однако ж. Чтобы сердце дошло до такого совершенства, много нам надо трудов и подвигов.

Это состояние современно с чистотою сердца. Почему пророк и молился: *сердце чисто созижди во мне Боже и Дух прав обнови во утробе моей*. Дух прав обновляется вместе с чистотою сердца, или чрез чистоту сердца. Дух же правый во утробе и есть Духом Бога жива написанное на скрижалях сердца писание закона жизни о Христе Иисусе. — Эту цель имели в виду все святые Божии и мерою достижения ее меряли степени восхождения своего к совершенству.

бб) Слово благовестия не наше, а от Бога и преславно, — преславнее откровения ветхозаветного (3, 4—11)

Стихи 4 и 5. *Надеяние же таково имамы Христом к Богу; не яко доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога.*

Хотя впереди Апостол все относил к слову благовестия и благодати Духа, живописавшего на сердцах коринфян; не мог, однако ж, умолчать, что то и другое было и служило ко спасению чрез них. Они были ближайшие к коринфянам орудия Божественного на них воздействия благодати. И коринфяне это знали из самого дела. Из уст их шло победительное слово благовестия; чрез крещение, или ими самими, или по их руководству совершавшееся, подавалось возрождение к новой жизни; чрез возложение их рук

нисходили дары Святого Духа. Все это ведали коринфяне. Потому, когда Апостол возвеличил так дело Божие, в них и на них явленное, мог подать им повод подумать о нем и других содействователях ему более, нежели сколько они суть. Почему и счел нужным оговорить это и представить дело, как оно есть. Он говорит как бы: точно, и мы тут действуем, и действуем с полным дерзновением, с полною уверенностию в Боге чрез Христа Господа; и Он никогда не посрамляет нашего упования, но всегда действует чрез нас по всей полноте действий Божественных, каким положил Он совершаться в людях по домостроительству спасения. Но не подумайте о нас что-либо лишнее. Несмотря на все это, чрез нас совершающееся, мы тут — ничто. Не только придумать от себя что-либо к лучшему на людей действию мы не можем, как от себя, но и того, как все действуется, не понимаем. Действия, во спасение от нас исходящие, оказываются полными, и мы являемся будто гожими и способными к совершению их, но сия гожесть и способность не от нас — *довольство наше от Бога*. Он действует чрез нас о Христе Иисусе благодатию Святого Духа.

Надеяние — имамы, — πεποίθησιν, — уверенность в Боге имеем, что Он не откажет воздействовать чрез нас в том или другом случае, как обетовал и положил, и имеем сию уверенность

чрез Христа Господа, ибо действуем в порядке домостроительства спасения, совершенного Господом. Феодорит пишет: «Смело уповаем на Бога всяческих, потому что Христос дерзновение сие дал нам; о себе же не думаем высоко и не из собственных своих помыслов слагаемую предлагаем проповедь». Святой Златоуст говорит: «Опять все приписывает Богу и виновником всего называет Христа. Не сказал: *надеяние имамы таково*, по которому одно усвояем себе, а другое Богу; напротив, *таково*, которым все возлагаем на Бога и Ему вменяем: ибо довольство наше от Бога». Вот Экумениево слово: «*Надеяние имамы*, дерзаем, говорит, совершенно возлагаемся на Бога, чрез Христа исполняясь воодушевленным к Нему дерзновением; сами же по себе мы нисколько не довольны достойно поработать в сем служении; даже в ум взять не можем величия дел, а не только понять что-либо в нем».

Стих 6. ***Иже и удоволи нас служители быти Нову Завету, не писмене, но Духу: писмя бо убивает, а Дух животворит.***

«Что значит: *удоволи нас*? — То, что Бог сделал нас способными к таковому служению. Ибо великое дело — сообщить вселенной такие скрижали и писмена, которые гораздо важнее первых. Потому присовокупил: *не писмене, но Духу*. Вот различие ветхих и новых скрижалей! Моисей принес не Дух, а писмена, а нам вверено преподание

Духа» (святой Златоуст). «Сам Бог всяческих преподал нам силу, достаточную к тому, чтобы служить благодати Духа. Ибо предлагаем не ветхие писмена Закона, но новый дар Духа» (Феодорит). «Бог удоволил нас, исполнил силою Своею, сделал нас служителями, пригодными к такому великому и Божественному делу, служителями *Нового Завета, не писмене, но Духа*. И Закон был духовен, но Духа не подавал, как подает Новый. Нам, говорит, вверено преподание не писмени, как Моисею, но Духа. Апостолы не учение только о духовном и Божественном преподавали, но подавали Духа, возлагая руки на верующих» (Феофилакт).

Вот существо Нового Завета – одуховление верующих. Слово, исходившее из уст Апостолов, было такое же, как и ветхозаветное; и если б апостольское служение одною проповедию ограничивалось, то Новый Завет не был бы выше Ветхого, хотя бы понятия, сообщаемые проповедию, были и выше ветхозаветных. Не в понятиях сила Нового Завета, а в благодати Духа. Слово благовестия только приготовляло к принятию Духа; но дело новозаветное совершал Дух, приемлемый чрез Божественные таинства, коих первыми служителями были Апостолы. Дух, вошедши в сердце, не писал только Новый Завет, но совершал его, преобразуя внутреннего человека по духу Нового Завета. Дух все делал: Он и

веру воображал; Он и новую жизнь устроял; Он пути жизни направлял. И тут Апостол не новое что возвещает, а указывает исполнение того, что предвозвещено издревле пророками. Пророк Иеремия предрекал: *се, дние грядут, глаголет Господь, и завещаю дому Израилеву и дому Иудину завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их... дая законы моя в мысли их, и на сердцах их напишу я* (Иер. 31, 31—33). Пророк Иезекииль дополняет сие пророчество: *И дам им сердце ино, и дух нов дам им, и исторгну каменное сердце от плоти их, и дам им сердце плотяно, яко да в заповедях Моих ходят, и оправдания Моя сохранят и сотворят я: и будут Ми в люди, и Аз им буду в Бога* (Иез. 11, 19—20). Предсказания сии исполнились, когда Господь излил Духа Своего Святого на святых Апостолов, а потом ими, чрез посредство Богоучрежденных таинств, и на всех верующих. Верующие все принимали Духа и становились новы в самых исходищах жизни. Так это и всегда бывает со всеми, которые искренно веруют и нелицемерно идут путем веры. Вот, говорит, какого завета быть служителями удоволил нас Бог,— *не писмене, но Духа*!

Писмя бо убивает, а Дух животворит. «Апостол о том и другом выразился, взирая на конец, потому что закон наказывал преступающих, а благодать животворит верующих» (Феодорит). «Письмом здесь называет он закон, угрожающий

наказанием преступникам закона, а Духом — благодать, чрез таинство крещения животворящую умерших грехами. Прежде сказал он, что один завет написан на скрижалях каменных, а другой на сердцах плотяных. Но ему показалось, что такое различие еще невелико, а потому присовокупил, что прежний Завет написан буквами и чернилами, а Новый — Духом. Но как и сие различие еще не вполне могло возбудить его слушателей, то он указывает в них еще нечто такое, что сильно было окрылить их, то есть то, что *писмя убивает, а Дух животворит.* Что же это значит? — По ветхому закону грешник подвергается наказанию, а по новому он прибегает к крещению и становится праведным; а соделавшись правым, он оживает, освободившись от смерти греха. Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть; а если постигнет убийцу благодать, то она освящает и оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу (Числ. 15, 32—36). Вот что значит: *писмя убивает*! Напротив, благодать ловит бесчисленных человекоубийц и разбойников и, омывши их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: *Дух животворит*! Закон кого поймает, того из живого делает мертвым, а благодать преступника из мертвого (духовно) соделывает живым. Благодатию крещения омываются грехи, заглаж-

даются прежние неправды; человек оживает, и всякая благодать напечатлевается в его сердце, как на скрижали» (святой Златоуст).

К настоящему времени и христианство все заключено в письмена. Духодвижное слово апостольское составляет наше откровение новозаветное; духоносные таинства обставлены благолепною обрядностию; руководительные мановения Духа исполняются в отношениях пастырей и пасомых. И все сие определено уставом. Но устав — писмя, буква; исполнение его — форма внешняя. Во всем этом можно и не быть духу жизни. Можно двигаться в жизненных формах без жизни. Можно знать на память и понимать весь Новый Закон, и не иметь Духа, просвещающего верою живою; можно строго исполнять все чины церковные и не иметь Духа оживляющего, или не иметь жизни духовной; можно пребыть и в полном подчинении пастырству, не встречая руководства, истинно от Духа исходящего. Истинно духовная жизнь движется во всех этих порядках, но не необходимо ими предполагается. Все живем по установившемуся чину; но одни одухоблены, а другие нет. Из двух стоящих в храме, и даже действующих, один может быть духоносен, а другой нет. Итак, как же? И тут писмя убивает? — Писмя, буква, форма везде одну цену имеет; и когда нет при них Духа, они ничто. Дух же идеже хощет дышит, и не веси, откуду и как

приходит. Без веры и таинств не приходит; но и они могут быть исправляемы лишь по форме, без проявления внутренней силы. Что все это так, повсюдные опыты удостоверяют. Они у нас пред глазами. Но как и почему так делается, тут мы ума приложить не можем. Великим секретом закрыл Господь зарождение и спеяние жизни от Духа. Так Его воле угодно; воля же Его свята, и праведна, и блага. Одно утешение: *ищите и обрящете*.

Стихи 7 и 8. *Аще ли служение смерти писмены образовано в каменех, бысть в славу, яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово, славы ради лица его престающия: како не множае паче служение Духа будет в славе?*

Уже довольно показал Апостол превосходство Нового Завета пред Ветхим, особенно тем, что тот, Ветхий, был начертан мертвыми буквами на камне, а этот, Новый, живописуется животворящим Духом в сердце, отчего тот мертвящ, а этот животворящ. Теперь хочет представить преславность Нового Завета, помрачающую славу Ветхого, и для этого пользуется указанием на славу, отражавшуюся на лице Моисея, когда он сходил с горы после беседы с Богом. У него здесь идет такое умозаключение: сколько превосходнее домостроительство спасения, нами вам предложенное и вами принятое, пред ветхозаветным, это вы знаете по собственному опыту; вы

приняли животворящего Духа, новую жизнь вам даровавшего, вас освятившего и знамение своего в вас пребывания осязательно являющего (в чрезвычайных дарах). Ничего такого ветхозаветное служение не давало. Но смотрите, какою славою сопровождалось его учреждение? Моисей, сходя с горы с начертанием его, блистал славою. Заключайте же отсюда, что если то, столько низшее сравнительно с нашим служение так являлось славным, то насколько славнее его наше служение? Цель такой речи Апостола будто такая: я толкую вам о превосходстве новой благодати пред ветхозаветным служением; при этом может иному прийти на мысль: но как же, Моисей сиял славою; а здесь что видим? Спаситель в уничижении, Апостолы все непоказны и всех верующих участь такая же не славная. Смотрите, не соблазнитесь такою мыслию; напротив, из того самого, что то ветхозаветное служение явилось так славным, заключайте, что наше несравненно славнее. Ибо силу его вы уже изведали на себе и свидетельство его превосходства в себе носите. Если то, что получаете от сего служения, несравненно превосходнее того, что давало то служение, то не сомневайтесь, что и слава нашего служения блистательнее славы того служения. Не смотрите на видимость; видимое временно, невидимое вечно. Видимо ли то, что имеете вы от Духа благодати? — Невидимо. А менее

ли оно от того действительно? — Нисколько не менее; ибо вам не стороннее что сказывается о сем, а то, что вы сами ощущаете и в себе испытываете. Так — если это несомненно, хотя невидимо, не сомневайтесь, что и слава нашего служения действительно есть блистательнее славы служения ветхозаветного, хотя блеска славы сей никто не видит. — Внушает им Апостол эту истину посредством умозаключения, ибо на славу сию не мог он указать так, чтобы и телесные очи видели ее, как славу Моисея видели израильтяне, — не мог сказать: на, вот смотрите — какая слава! И умными очами слава сия не созерцается, как свет какой, а только приемлется в несомненности убеждения, что она есть. Эта несомненность убеждения есть свет ее. Самая же слава — превосходство достоинства его, ясно сознаваемое. Все же сие строилось на том несомненном факте, что домостроительство спасения давало Духа благодати, сообщало новую духовную жизнь и венчалось особыми дарами. Это всеми испытываемое оживление от Духа, эта духоносность и духодвижность, присущие всем, давали умозаключению Апостола точку опоры неколеблемую и силу, способную отражать все недоумения.

Такое построение мыслей видит у Апостола святой Златоуст, а за ним и все наши. Он говорит: «Апостол сказал, что Моисеевы скрижали были каменные и начертаны буквами или

письменами, а новозаветные скрижали плотяны и пишутся Духом; сказал также, что *писмя убивает, а Дух животворит*. Оставалось наконец присоединить к сему сравнению нечто другое, немаловажное, именно о славе лица Моисеева, какой славы никто не видел в Новом Завете телесными очами. Потому первая и казалась великою славою, ибо поражала чувства и созерцаема была телесными очами, хотя вместе была и недоступна. А слава Нового Завета есть духовная. Но постижение сего превосходства последней недоступно было для немощных, потому ветхозаветная слава более восхищала и привлекала их к себе. Итак, поелику он допустил уже такое сравнение (Нового Завета с Ветхим), то решился показать и превосходство новозаветной славы. Поелику же это было очень трудно по причине немощи слушателей, то смотри, что он делает и какой для достижения сей цели употребляет способ: сие различие и превосходство он показывает чрез умозаключения, которые извлекает из вышесказанного им. Если ветхозаветное служение, говорит, было служение смерти, а новозаветное есть служение жизни, то, без сомнения, и слава последнего служения больше славы первого. Поелику он не мог представить новозаветной славы очам телесным, то превосходство ее и показывает чрез умозаключения».

Умозаключений сих строит Апостол три, исходною точкою для которых служат, с одной стороны, слава Моисеева лица, а с другой — духовные совершенства новозаветного служения. Производство умозаключения везде одно: то меньше, да так славно; как же не будет несравненно превосходнее это, лучшее и большее? Ставит наперед, чем то меньше и чем это больше, и отсюда выводит очевидное заключение: если то меньшее — славно, то, конечно, это большее несравненно славнее. В сравнение идут следующие черты: то — служение смерти (мертвое), а это — служение Духа (живое и живоносное) (стихи 7, 8); то — служение осуждения, а это — служение правды (9, 10); то — престающее, а это — пребывающее (11). Кто не видит, что если первое славно, то второе должно быть несравненно славнее?

После сего понятно содержание этих, 7—11, стихов. Надобно, однако же, сделать нужные замечания на некоторые речения.

Что разуметь здесь под служением? — Не Моисеево посредство и Апостольство, а домостроительство спасения подзаконное и благодатное, в их сравнении одного с другим. Так святой Златоуст и все наши. Феодорит только то на то, то на другое указывает. И по ходу речи лучше разуметь последнее. Апостол в этом отделении рассуждает все о превосходстве Нового Завета

и его выставляет на вид, себя же всячески прячет и заслоняет. Пред этим только сказал, что сами по себе они ничто. Уместно ли предполагать, что после такого слова он тотчас выставляет славу Апостольства?

Аще ли служение смерти писмены образовано в каменех, бысть в славу. — *Образовано* — ἐντετυπωμένη, напечатлено буквами на каменех — на двух скрижалях каменных. На этих скрижалях написано было только десятословие; под служением же смерти разумеется все ветхозаветное учреждение. Апостол обнимает все его тем одним, что написано было на скрижалях, ради того, что десятословие составляло средоточие всего ветхозаветного учреждения, и ради того, что слава на лице Моисея в первый раз показалась, когда он сносил скрижали, а может быть, и ради того, что писание буквами на камнях очень хорошо выражает существенные черты Ветхого Завета. Слова: *бысть в славе* указывают на прославление *зрака плоти лица* Моисеева, когда сходил он с горы. Это прославление было так велико, что Аарон и все сыны Израилевы не могли выносить блистание его, и *убояшася приступити* к Моисею (Исх. 34, 29—30). Это и выражает Апостол, когда говорит: *яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово.* Сам Моисей сначала и *не ведяше, яко прославися зрак плоти лица его*, но, когда узнал, стал возла-

гать покров на лице свое (стих 33) для того, чтоб беспрепятственно входить в общение с сынами Израиля по делу устроения всего Завета. Восходя же на гору, Моисей снимал покров для беседы с Богом. Это прославление лица было следствием видения славы Божией, ее отражением; почему по окончании всего дела устроения заветных порядков, вероятно, прекратилось. Почему Апостол и назвал славу сию престающею. Не могли, говорит, сыны Израилевы взирать на Моисея, — *славы ради лица его престающия*.

Но чего ради учреждение сие названо *служением смерти*? — «Апостол служение закона нарек служением смерти, потому что закон наказывал (смертию) преступников» (Феодорит). «Под служением смерти Апостол разумеет закон, хотя закон не был виновником и породителем смерти. Виновник смерти — грех. Он вел к нарушению закона; а закон обнаруживал это и подвергал осуждению за грех. Он яснее открывал зло и только наказывал за зло, а не побуждал ко злу; и служил не для того, чтобы производить грех или смерть, но чтобы наказывать того, кто грешит. А таким образом он был вместе и истребителем греха. Ибо когда показывал грех столько страшным, то, без сомнения, сим заставлял и убегать его, или укрощал грех страхом наказания» (святой Златоуст). Удерживал от дел греха закон, а сила греха оставалась в действии и при

нем. Поелику сила греха есть мертвящая сила, раздражаема же она была законом, не дававшим между тем помощи к противостоянию ему, то он держал подзаконных в мертвящей области греха. «Закон не другое что был, как письмена. А письмена никакой помощи, как, напротив, бывает в крещении, не доставляли находящимся под законом; но скрижали и начертания приносили смерть преступающим письмена» (святой Златоуст). Вот почему закон есть служение смерти!

Или, может быть, подзаконное учреждение названо служением смерти в том смысле, что было мертвое служение, то есть письменное, буквенное, уставное, служение внешнее, без внутренней силы жизни. Закон не давал Духа, а предписывал только дела. Дела делались обычным порядком, а внутри не было духовной жизни, ибо она дается Духом, которого не сообщал закон. В Новом же Завете, напротив, первое дело есть дарование Духа, который, возрождая к новой жизни, живописал вместе в сердце и законы сей жизни, подавая силу не внешне только подавлять, но истреблять грех. Почему, противополагая новозаветное учреждение ветхозаветному, яко служению смерти, он назвал его служением Духа, давая разуметь, что служение Духа, по нему, то же есть, что служение жизни, то есть живое, из сердца исходящее, не внешними предписаниями определяющееся, а извнутри исходящее, как потреб-

ность сердца. Но таковым служение сие является только потому, что само есть плод благодати Святого Духа. Сознавая превосходство такого служения, и всякий с Апостолом воззовет: *како не множае паче служение Духа будет в славе?*

Стих 9. *Аще бо служение осуждения, слава, много паче избыточествует служение правды в славе.*

Ветхозаветное учреждение было служением осуждения, потому что закон только обличал грех и осуждал грешника, как грешника, в ведении грешащего, и оставлял на этом грешника, дальше не вел его. Грешник не мог не сознавать праведности осуждения и желал бы избыть от него и больше ему не подвергаться, но не мог, потому что закон не давал на то сил. Таким образом, закон подзаконных всегда держал под осуждением, не давая из него исхода. Напротив, завет благодати хотя тоже открывается всесторонним осуждением призываемых к нему, но говорит: *покайтеся, и да крестится кийждо вас... во оставление грехов, и приимете дар Святаго Духа* (Деян. 2, 38). То есть в нем с первого шага дается отпущение грехов, в которых осуждает закон, и сообщается новая жизнь, сильная неуклонно ходить в заповедях Божиих, — обновляется дух правый во утробе, сообщающий приявшему его внутреннюю правоту, или праведность. Почему он есть служение правды, — δικαιοσύνης, —

праведности, святости и непорочности, не именем, а существенной. Итак, если служение осуждения — слава, то есть славно, то служение, дающее праведность и святость, не паче ли избыточествует славою, хотя для чувственных глаз это и не видно, как там виделось на лице Моисея?

Стих 10. *Ибо не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу.*

Вставлена пояснительная мысль на предыдущее заключение. Как будто слышалось возражение: да как же это? Ведь то учреждение служения так очевидно прославлено?! — Апостол отвечает: пусть прославлено, но ведай, что оно прославлено совсем не в том смысле, чтоб славнее того ничто уже не могло явиться, чтобы то была слава самая высшая, выше которой уже и ожидать нечего другой. Καὶ γὰρ οὐ δεδόξασται, — ибо и не прославлено прославленное в части сей, то есть в устроении ветхозаветного служения, — εἵνεκεν τῆς ὑπερβαλλούσης δόξης, — ради того, или в том смысле, что то была самая превосходная слава. То была слава совсем не последней степени, а умеренная, и была дана только для впечатления на чувственных сынов Израиля, дана на время учреждения закона, чтоб на нем они всегда видели отсвет небесного происхождения. Когда же кончилось установление закона, — и слава та престала. Следующий стих как раз вяжется с этою мыслию: *аще престающее славою...* Если

теперь это престающее славно, то сколько славнее должно быть пребывающее!

Понимая так сие место, мы остаемся вниманием на Синайской горе, пред Моисеем с прославленным лицом, и меряем славу его тамошнею же меркою, какую дает ей последующее течение дел. Но можно славу ту поставить пред лицом славы новозаветного учреждения и понять сие место так: то прославленное и славою не кажется пред Евангелием, ради превосходства славы сего последнего, «как свет светильника, и сильный сам по себе, неприметным делается среди полудня пред светом солнца» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Сперва Апостол показал, что и служение оправдания в славе, и не только в славе, но и преизбыточествует славою. Теперь показывает уже, как велико это превосходство, говоря: если сравню сию славу с ветхозаветною, то слава Ветхого Завета не будет даже славою». Феофилакт прибавляет: «И закон был славен сам по себе, в своей мере, но по причине преизбытка славы Евангелия он является уже не славным».

Стих 11. *Аще бо престающее, славою, много паче пребывающее, в славе.*

Третье «умозаключение, другим образом показывающее превосходство Нового Завета, заимствованное от времени. Ибо ветхозаветное служение получило конец, а сие постоянно пребывает» (святой Златоуст). «Апостол назвал *преста-*

ющим закон, как утративший силу свою с пришествием Владыки Христа, а дар благодати *пребывающим*, как дар, который не будет иметь конца. Посему, если закон, говорит он, сподобился славы, то, конечно, во много крат большей славы сподобится дар благодати» (Феодорит). «Если имевший престать закон дан при сопровождении такой славы, не тем ли паче в славе будет всегда имеющий быть Новый Завет?» (Феофилакт).

Такими сопоставлениями и заключениями Апостол выяснил, что новозаветное домостроительство спасения преславнее ветхозаветного. Но как? Есть или будет? – Мысль Апостола та, что оно есть преславнее, только слава сия не видимая, а умносозерцаемая, духовная. Она раскроется видимо во второе пришествие Господне, но дотоле пребудет невидимою, хотя тем не менее действительною. Коринфяне уже познавали ее в дивных действиях Духа Святого, но эти действия бывали, как блеск преходящей молнии, и хотя оставляли уверенность в славности Евангельского устроения, без видимого, однако ж, постоянно явления сей славы. В Церкви Божией сия невидимая внутренняя слава постоянно присуща. Но осязательно является действительность Духа только в лицах, долгим трудом и потом очищающих себя от страстей. Слава, о коей говорит Апостол, не есть, ни в каком случае, внешняя, видимая, как, например, слава Церкви при Констан-

тине Великом. Эти славности всегда случайны, приходят и отходят, и на них останавливаться вниманием не должно, и тем паче мерять ими достоинство царства благодати. Поистине так надо судить, что будь эти внешние славности или не будь, для дела Божия от этого — ни ущерба, ни прибыли. То важно и тем дорожить надо, чтоб в Церкви всегда присуща была действенность Духа и всегда в ней были ревнители, ревнующие востекать в такую меру. Оскудение их есть оскудение духовной славы царства Христова, а прекращение — померклость славы. Где это есть, там водворяется служение смерти и осуждения, при всей видимости служения духа и правды.

вв) Слово благовестия светло и просветительно (3, 12—18)

Прояснив большую преславность Евангельского домостроительства сравнительно с славою устроения ветхозаветного, прознаменованного прославлением лица Моисеева, Апостол долее останавливается вниманием на сем последнем обстоятельстве. Моисей с прославленным лицом, сокрытым под покровом, есть великий символ, выражающий самым точным образом значение Ветхого Завета. Как Моисеево лицо славно было, но скрыто, так что другие уже не видели сей славы, так Ветхий Завет славен, но слава его прикрыта. Слава его есть сокрытый во всех его

чинах и постановлениях Христос Господь; но слава сия прикрыта вещественностию, так что, если смотреть на одну внешность, то все ветхозаветное устроение не представляет ничего, кроме стихийного служения жертвами, курениями, омовениями. В существе же это все есть только тень, тело же тени сей Христос Господь. Узреть сие тело и, следовательно, понять, что есть ветхозаветное устроение, может только верующий в Господа. Он сквозь покров внешний проникает внутрь и видит сокрытый там свет. Таковы, говорит Апостол, мы, верующие. Мы прямо видим Господа и славу Его, и сами все больше и больше просвещаемся тою же славою.

Стих 12. *Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем.*

Упование здесь близко к значению совершенного убеждения; упованием же назвал убеждение ради того, что оно обнимает и настоящее, и будущее. Он говорил о преславности новозаветного домостроительства. Эта преславность уже есть, присуща и проповедающим о сем завете благодати, и вступающим в него,— хотя она невидима для очей телесных, но лишь умно созерцается и сердцем ощущается. Присуща же так, что, начавшись, не престает никогда, а в будущем веке явится во всем блеске и вовне. Это все объемля равным убеждением, он назвал его упованием, имея в намерении, может быть, и то, чтоб взор

того, кто «желал бы видеть сию славу собственными очами, обратить для сего к будущему веку» (святой Златоуст). При таком убеждении мы, говорит, *многим дерзновением действуем.* — *Действуем,* — χρώμεθα, употребляем дерзновение, пользуемся дерзновением. *Мы,* Апостолы, проповедники новой благодати, смело предлагаем всем благодать сию, будучи уверены, что предлагаем вещь воистину преславную, славнее которой и в Божеских учреждениях нет, а не только в человеческих. «Знаем великость славы и нимало не сомневаемся, но с дерзновением показываем превосходство благодати (Феодорит)». Святой Златоуст говорит: «*Имуще,* говорит, *таково упование. Таково* — какое же? — То, что мы удостоились большего, нежели Моисей, и не только мы, но и все верующие. *Многим дерзновением действуем.* Пред кем, скажи? Пред Богом или пред учениками? — Пред вами, говорит, которым проповедуем мы, то есть мы везде проповедуем с свободою, ничего не скрывая, без всякого притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно и не боясь того, чтобы не поразить взоры ваши, подобно как Моисей поразил взоры иудеев».

Стих 13. *И не якоже Моисей полагаше покрывало на лице своем, за еже не мощи взирати сыном Израилевым на конец престающаго.*

Повторим эту историю словами святого Златоуста. «Прежде надобно рассказать самую исто-

рию, ибо и сам Апостол не выпускает ее из виду. Что же говорит сия история? Когда Моисей, получивши в другой раз скрижали, сошел с горы, то некоторая слава, исходя от лица его, столько просияла, что иудеям нельзя было приблизиться к нему и говорить с ним, доколе он не наложил покрывала на лицо свое. О сем написано в книге Исхода, 34, 29–34. На сию историю указывая, Апостол говорит: *не якоже Моисей полагаше покрывало на лице свое*... Слова его имеют такой смысл: нам не нужно покрывать себя подобно Моисею. Ибо вы можете взирать на славу сию, хотя она гораздо более и выше Моисеевой». Феодорит о сем пишет: «Не имеем нужды в покрывале, как Моисей, потому что беседуем с верующими, а верующие пользуются лучом умного света. Говоря сие, Апостол дает видеть, что Божественный Моисей, предвозвещая неверие иудеев, наложил на лицо свое покрывало, научая тем, что не в состоянии они будут увидеть конец закона, потому что конец закона – Христос, в оправдание всякому верующему. – Сие и сказал Апостол: *за еже не мощи взирати сыном Израилевым на конец престающаго*. Ибо престающим, то есть теряющим свою силу, назван закон, а концом престающего – проповеданного под законом, то есть Христа».

Другие наши толковники главные термины этого текста: прикрывание лица Моисеем и конец

престающего, истолковывают так: Экумений: «Для чего же это, как бы спрашивает кто Апостола, не прикровенно проповедуете вы и не затеняете слова своего, подобно покрову какому? Для чего? — Во-первых, по уверенности в чистоте проповеди, а далее и потому, что вы можете видеть красоту, сущую в проповеди. Ибо вы не слепотствуете, подобно иудеям. Сколько выше новозаветное устроение, столько превосходнее и научаемые ему. Те не могли взирать на лицо Моисея, слава которого имела прекратиться. Желая показать кратковременность той славы в сравнении со имеющею всегда пребывать славою Нового Завета, говорит, что они не могли *взирать на конец престающаго*. Не могли взирать на славу ту израильтяне, и Моисей прикрывал ее, и, когда прикрывал, она прекращалась для израильтян, невидима была более ими, чем означалось, что она была престающая. Так она была кратковременна, что лишь начиналась, тотчас и преставала (быв прикрыта)». Феофилакт: «Не имеем нужды в покрове, ибо вы можете видеть славу Евангелия, то есть уразумевать таинства его, таинства Божии; и нам нет нужды прикрывать их примрачностию, как покровом каким. Израильтяне, будучи грубы, не могли видеть, что закон имеет конец, что он должен престать. Прикрытие то означает огрубение ума и сердца».

Сведем все высказанное воедино. Апостол хочет сказать, что время прикрытия миновало; теперь следует говорить открыто. Что закон престанет, это лежало в существе его и назначении его; но сказать этого прямо израильтянам при первом его установлении нельзя было; ибо, не могши понять, почему так быть должно, они не могли бы вынести слова сего без вреда себе и закону. Между тем надобно же было это означить. Оно и означено символически в прикрытии лица Моисеева, означавшего сокровенность некоего дивного света под стихийным служением закона, с указанием и на то, что, когда явится свет тот, престанет и закон. Словом это не сказано, но представлен вразумительный символ, и способные после могли прозирать значение его. Апостол дает разуметь, что теперь свет тот явился и нам нечего прикрывать его. Покровы прежние, стихийное служение, должны быть разорваны, и мы всем открыто указываем истинный свет.

Итак, Моисей употребил такой символ ради того, что сыны Израиля не могли вынесть прямого слова о конце закона, или имеющем быть прекращения силы и обязательности его. Но ограничить мысль Апостола, при слове о конце закона, этим одним было бы очень недостаточно. Ибо настоящий конец закона есть Христос Господь. Кто говорит о конце закона, не может не иметь в мысли и Христа Господа. Израильтяне не

могли вместить прямого слова о конце закона ради того, что не могли уразуметь, что есть Христос Господь, хотя Он был тело для тени закона. Если б это они могли понять, нечего было бы скрывать и конца закона. А этого не могли они понять по грубости и плотяности ума их. Итак, не могли взирать израильтяне на конец престающего ради того, что не могли видеть Христа Господа в законе. Следующие слова: *конец престающаго* прямо наводят на мысль о Христе Господе, конце закона, как и указывает Феодорит.

Стих 14. *Но ослепишася помышления их: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтении Ветхаго Завета пребывает не откровено, зане о Христе престает.*

Символ покрытого светоносного Моисеева лица означал, что под вещественностию стихийного ветхозаветного служения сокрыт умный свет. Но сокрыт не с тем, чтоб он навсегда оставался сокрытым, или для всех был недоступным. Нет; он прикрыт на время, и способные прозревали в него и ясно понимали смысл сокрытого, как видно из святого пророка Исаии и многих других, или и всех пророков и праведников, которые всякий в своей мере познавал сокрытое под сению закона и воспринимал исходящий из-под сени сей свет. Для большинства же покровы закона оставались непроницаемыми, и

это не только прежде пришествия Христова, но и тогда, как Он пришел уже и светом Своим осветил значение ветхозаветного устроения. Это и показывает здесь Апостол, возлагая вину не на закон, а на ослепление держащихся его. Ослепились, говорит, помышления их, и не видят они сокрытого в законе света. Для них покров непроницаемый доселе лежит на законе, как лежал на лице Моисея. И не прозреть им внутрь, пока не уверуют во Христа Господа. Как только уверуют, покров снимется, и они ясно увидят все, что было сокрыто в законе. Святой Павел говорит это по своему опыту. Как все стало для него ясно в законе, показывают его толкования сеновных* учреждений закона, рассеянные в его посланиях.

Святой Златоуст говорит: «Смотри, к чему он направляет речь свою. Что тогда однажды сделано было Моисеем, то навсегда осталось на законе его. Впрочем, сказанное относится не к обвинению закона, равно как и не к обвинению Моисея, что он тогда покрывал себя, но к обличению грубости иудеев. Почему говорит: *ослепишася помышления их*. Но какая связь сего ослепления с тогдашним покрывалом, скажет кто-нибудь? — Та, что оно предзнаменовало будущее. Ибо они не только тогда не видели закона, но и ныне не видят его, и они сами причиною сего, ибо ослеп-

* Прообразовательных. — *Ред.*

ление зависит от нечувствительного и грубого их сердца. И только мы теперь видим закон, а от них сокрыты не только благодать, но и самый закон. *До сего дне*, говорит, *покрывало в чтении Ветхаго Завета пребывает не откровено*. То есть иудеи не знают, что сие покрывало уничтожилось, потому что не веруют во Христа. *Зане о Христе престает*. Ибо если оно чрез Христа уничтожено, как и действительно Им уничтожено, о чем и самый закон еще прежде предсказал, то не принявшие Христа, Который отменил закон, откуда могут узнать, что сей закон отменен? А не зная сего, очевидно, не знают и силы самого закона, говорящего о сем. Спросишь: где же сказал закон, что он во Христе имеет конец? — Послушай самого законодателя, который так говорит: *Пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашея, яко мене, Того послушайте по всему, елика аще речет к вам. Будет же всяка душа, яже аще не послушает Пророка онаго, потребится от людей* (Втор. 17, 15—18; Деян. 3, 22—23). Видишь ли, каким образом закон показал, что он во Христе имеет конец? Ибо сей Пророк, то есть Христос Господь во плоти, Которого Моисей велел слушать, отменил и субботу, и обрезание, и все ветхозаветные обряды. И Давид, предвозвещая то же самое, сказал о Христе: *ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4), а не по чину Ааронову. Посему и Павел, толкуя

сие место, ясно сказал, что *прелагаему священству, по нужди и закону пременение бывает* (Евр. 7, 12). Кроме сих, и многие другие свидетельства можно привести из Ветхого Завета, которые показывают, каким образом закон должен получить конец во Христе. Теперь, когда ты оставляешь ветхий закон, тогда хорошо разумеешь закон; если же продолжаешь держаться закона и не веруешь во Христа, то ты не знаешь и самого закона».

Стихи 15 и 16. *Но даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердце их лежит; внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало.*

Ту же мысль сказывает, ссылаясь только на повсюдный опыт. Все, говорит, это испытывают, что, читая Моисея, то есть закон, без веры в Господа, ничего там не видят; *покрывало лежит на сердце их*, видеть и можно бы, но очи сердца закрыты неверием, оттого, видя, — не видят и, читая, — не разумеют. Коль же скоро уверуют в Господа и *обратятся к Нему, взимается покрывало* с сердца, открываются очи их духовные верою, и они ясно начинают видеть все, сокрытое в законе. Это чудо духовное сам святой Павел испытал и видел его на всех других иудеях, истинно уверовавших. По вере то же самое иначе видится, иначе читается, иначе разумеется. Парфений Гуслицкий сказывает о себе, как он сто раз читал одно место в книге о вере и оно не давало ему

никакой мысли; но когда стал склоняться к вере, то это место вдруг, как молниею, просветило очи его сердечные, и он ясно увидел правоту Церкви и ложь раскола. Так бывало и с иудеями; пока не верили — не видели Христа Господа в законе, а когда начинали веровать, Он ясно ими там узревался во всем. Сердце, сжатое неверием, и ум держало в оцепенении, и не давало ему расширить кругозора своего умного; когда же отходило неверие, кругозор ума расширялся, и все представлялось ясным. Подобное нечто и всеми испытывается при чтении Божественного Писания, хотя не от неверия, а от неприготовленности жизнию к созерцанию большего, нежели что представляет буква Писания.

Святой Златоуст говорит: «Поелику Апостол сказал, что даже доселе *покрывало в чтении закона пребывает не откровено*, то, дабы кто не подумал, что сии слова означают темноту закона, он и прежде, хотя другими словами, старался показать несправедливость сего. Ибо когда сказал: *ослепишася помышления их*, то сим ясно показал, что виноваты иудеи сами. То же самое показывает и в настоящем месте, говоря: *покрывало лежит на сердце их*, то есть так бывает по причине грубого и плотского разумения иудеев, потому что они не способны понимать Моисея, видеть славу лица его. *Внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало*. Показывает и вра-

чевство, или способ исправления. Хотя он не сказал прямо: когда оставят закон, но ясно указал на сие, сказав: *внегда обратятся ко Господу*. Таким образом, он до конца выдержал историю. Ибо и Моисей, когда говорил с иудеями, покрывал лицо свое; когда же обращался к Господу, снимал с себя покрывало. А сие прообразовало имеющее быть после, то есть когда мы обратимся к Господу, тогда узрим славу закона. Видишь ли, как он сильно влечет иудея к вере? Он показывает, что приходящий к благодати не только может смотреть на Моисея, но и стать на одной степени с сим законодателем, ибо не только, говорит, ты будешь созерцать славу, которой тогда не видал, но и сам приобщишься не той же только славы, но и гораздо лучшей. Каким образом? — Поелику ты, обратившись ко Господу и получив благодать, будешь наслаждаться такою славою, в сравнении с которою слава Моисея так мала, что не есть и слава».

Стих 17. *Господь же Дух есть: а идеже Дух Господень, ту свобода.*

Место это трудновато, особенно в словах: *Господь же Дух есть*. Дух здесь очевидно есть Дух Святой; ибо значение его здесь должно быть то же, что и в следующих словах: *идеже Дух Господень, ту свобода*, а тут явно говорится о Духе Святом. Слову *Господь* надо бы означать Господа Спасителя, Сына Божия воплотившегося:

ибо пред сим указано, что покрывало вземлется, когда обратятся ко Господу, а выше немного говорилось, что оно престает о Христе. Стало быть, по течению речи Господь есть Христос Спаситель. Но когда поставим сии термины в положение: *Господь же Дух есть*, то получим выражение несообразное, именно: Господь Спаситель, Сын Божий воплотившийся есть Дух Святой. Говорить так противно догмату о Пресвятой Троице: ни об одном лице Пресвятой Троицы нельзя говорить, что оно есть другое лице; например, Сын есть Дух, Дух есть Сын, Отец есть Сын или Дух, и обратно. Хотя они равночестны, единосущны и сопрестольны, но каждое лице есть то самое лице, какое есть, а не другое. Потому настоит необходимость или слово *Господь* принять в значении вообще Божества или слово *Дух* в значении вообще духовности. То есть признать, что здесь говорится или о Господе, что Он есть Дух, то есть естеством Дух, или о Духе Святом, что Он есть Господь, то есть Бог. И по контексту, и по грамматике то и другое можно. Что же принять? — Принять лучше то, что ближе подходит к течению мыслей. Пред сим сказал Апостол, что покрывало с сердец снимается, когда обращаются к Господу. Естествен вопрос после этого, как же это совершается? А ответ на это прямой — какой? — Благодатию Святого Духа. Потому, если положим, что в 17-м стихе говорится о Святом

Духе, то положим то, что совершенно сообразно с течением мыслей. Апостол указывает здесь на способ, как отверзаются очи сердечные и снимается с них покрывало. Следовательно, если примем, что в словах: *Господь же Дух есть* говорится о Духе Святом, что Он есть Господь, то примем мысль, совершенно согласную с течением мыслей Апостола. При этом, может быть, нам и не удастся хорошо сладить речь, но это не на укор принимаемой мысли.

Наши толковники все так понимают сие выражение, что в нем говорится о Божестве Духа Святого. Святой Златоуст говорит: «Некоторые говорят, что в каком смысле говорится в Писании — *Дух есть Бог*, в таком же смысле сказано и здесь, — *Господь Дух есть*. Но это несправедливо. Апостол не то выражает, что Господь есть Дух, а то, что Дух есть Господь. А между сим и оным соединением слов большое различие. О ком Апостол говорил все, что говорил выше, например, когда говорил: *писмя убивает, а Дух животворит*, и опять: *написано не чернилом, но Духом Бога жива*, — о Сыне ли говорил сие или о Духе? — Очевидно, что о Духе; ибо к Нему от письмени возводит он иудеев. Но дабы кто, — услышав о Духе и рассуждая сам с собою, что Моисей беседовал с Господом, а сей с Духом, — не подумал отсюда, что Апостол (новозаветное домостроительство) ниже Моисея (ветхозаветного

устроения), то он, предупреждая таковую мысль, говорит: *Господь же Дух есть*, то есть и Дух есть Господь. А дабы ты знал, что он говорит об Утешителе, присовокупил: *а идеже Дух Господень, ту свобода*; так что тебе нельзя уже сказать, что слова его значат то же, что — идеже Господь Господень».

То же выражает и блаженный Феодорит: «В словах: *Господь же Дух есть* Апостол показал равночестие Бога и Духа; ибо Моисей обращал взор к Богу, а мы обращаем его к Духу. Но он не упомянул бы о Духе, намереваясь показать превосходство нового пред ветхим, если бы знал, что Дух Святой есть тварь; ибо если Он тварь, по учению Ария и Евномия, и мы приступаем к Духу, а Моисей к Богу и Отцу, то значит, что наше гораздо ниже ветхого. Если же не ниже, а выше, и гораздо выше, то следует, что Дух Святой не тварь, а равномощен и равночестен Отцу. Но, водясь бесстыдством, говорят еретики, что здесь Господь назван Духом, а не Сам Дух Господом. Неразумия и бесстыдства исполнено это, ибо божественный Апостол произвел полное сравнение письмени и Духа; говорит: *написано не чернилом. но Духом Бога жива*; и еще: *не писмене, но Духу*; и потом: *писмя убивает, а Дух животворит*: и еще: *како не паче служение Духа будет в славе*? Посему явно, что божественный Апостол Всесвятого Духа нарек Господом. О сем свидетельству-

ет и последующее; ибо говорит Апостол: *а идеже Дух Господень, ту свобода*. Если бы Господа назвал Духом, то сказал бы: *а идеже Господь* (Господь Господень). Но сказано не так; напротив того, Апостол наименовал здесь Самого Духа Господня, потому что Им преподается благодать Господня. И, чтобы не почел кто Духа служебным, по необходимости прибавил, что Дух есть Господь».

Так и святой Дамаскин, и Экумений с Феофилактом. На этой мысли и установимся. Доселе довел Апостол до раскрытия сокровенного в законе. Когда, говорит, обратятся ко Господу, взимается покрывало с сердца и узревается сокрытое, то есть все домостроительство спасения в Господе Иисусе Христе. Здесь говорит, как это совершается. Верующие в Господа получают благодать Святого Духа, которая разрывает все покровы и все узы их духа и сердца. Прямо это говорится в словах: *идеже Дух Господень, ту свобода*. Но и слова: *Господь же Дух есть*, — уже применительно к этому надобно понимать. В них как будто кроется мысль: Господь, к Коему обращаются верою, Духа Святого подает, яко единосущный с Ним и сопрестольный, — и Дух Господень уже разрешает все узы. Или: Господь едино есть по существу с Духом, единосущен с Ним и неразделен; так что, где Господь, там и Дух, или: что Господь творит, то творит и Дух, по

единодействованию лиц Пресвятой Троицы. Или лучше сознаемся, что не умеем сладить сей речи.

Идеже Дух Господень, ту свобода, – свобода полная, всесторонняя. Ум вяжет слепота, покрывало лежит на очах его; приходит Дух Святой, коллурием* Своим помазывает очи ума, и он начинает ясно видеть (Апок. 3, 18) Бога, и себя, и то, как пребыть в живом с Ним союзе, и то, что есть все созданное, и как к Нему относиться. Сердце вяжут пристрастия к сластям и утехам земным; приходит Дух Святой, отрешает его (обрезывает), и оно начинает вышних только искать и только к горнему стремиться. Деятельные силы наши связаны страстями; приходит Дух Святой, расторгает эти узы, влагает совершенно противоположные начала для желаний, начинаний и дел, и немощный человек, яко лев мощный, начинает ходить новыми путями жизни, разломав все формы жизни, какие держали его прежде как в цепях. Дух Божий вводит дух верующего в область духовную, где не вяжет уже его никакой устав, никакое писмя. Там он единым Духом Божиим водится, как сын и свободь. Все это совершается, когда кто верою прилепляется к Господу и приемлет благодать Святого Духа чрез таинства.

Святой Апостол говорит будто о свободе только в отношении к Ветхому Завету, то есть «в

* Глазным лекарством. – *Ред.*

противоположность прежнему рабству» (святой Златоуст), или игу подзаконному (Экумений). Но в самом деле его мысль обнимает все стороны свободы; ибо пред этим только сказал о покрывале на духовных очах, что есть связа; выше же говорил о безжизненности служения письменам, по причине остающейся и при том мертвенности греха и страстей. Потому надо полагать, что, возвещая о свободе чрез Духа, он имел в мысли обрадовать всех полною свободою, хотя мысль его главным образом прикреплялась к свободе от закона. Феофилакт пишет: «В Законе было иго и рабство; в законе же Духа Евангелия – свобода; так что сподобившиеся сего свободно и беспрепятственно взирают на славу Господню».

Стих 18. *Мы же вси откровеным лицем славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа.*

Мы же вси, – не Апостолы только, но и все верующие, – *откровеным лицем,* – не тела, а духа, с которого сняты омрачавшие его покровы, вязавшие его узы, тяготившее его долу иго, – который, получив оправдание и восприяв новую жизнь с готовностию на все жертвы, дерзновение возымел возноситься к Господу и прямо взирать на Него, – *славу Господню взирающе,* – или славу Божества, или славу Господа Спасителя, преславного и в воплощении, и крестной смерти, а не только в воскресении и вознесении, славу, яко Едино-

родного от Отца, положившего прочные основы царства благодатного, ныне невидимо славного, но имеющего воссиять предивною славою и явно, по втором пришествии Господа и возустроении всяческих, — *в тойже образ преобразуемся,* — в тот же образ, который созерцаем, в образ Господа, по коему и воссозданы, в сем воссоздании получив как бы чертеж, по которому должно до конца идти начавшееся воссоздание, — так что оно не что иное есть, как преобразование наше, преложение нас из одного образа в другой, — *преобразуемся,* — одно отлагаем, другое принимаем, и естество наше, и все силы естества остаются все те же и с теми же неотложными законами, им естественными, но все принимает другое направление, другой дух, другой образ, не по образу ветхого, но по образу нового Адама, — преобразуемся *от славы в славу,* — ибо образец, по коему преобразуемся, беспределен; потому преобразование по нему конца иметь не может, но должно идти все дальше и дальше, восходя от одной степени к другой, от славы в славу, вследствие чего и начаток славен, и каждая новая степень славна, а что впереди — еще славнее, так что неизбежно задняя забывать, яко помрачаемое предним, и в предняя простираться, — *якоже от Господня Духа,* — все же сие совершается в нас, как благоволит Дух Господень; жизнь сия преславная Им зарождается, под Его влиянием и манове-

ниями спеется, и все, что ни есть в ней, от Него есть.

Славу Господню взирающе, — κατοπτριζόμενοι, — что означает — «и ясно видяще», как в увеличительное стекло, составленное по законам катоптрики, «и ясно отражая в себе», сию славу и тут ее видя. Последняя мысль видна у всех наших толковников. Феодорит пишет: «Сие свойственно приобретшим чистое сердце. Ибо как прозрачная вода отпечатлевает в себе лица смотрящихся, и круг самого солнца, и свод небес, так чистое сердце делается как бы некоторым отпечатлением и зеркалом Божией славы. Так и Господь сказал: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8)».

От славы в славу, — Экумений разумеет так: «В ту же, говорит, светозарность прелагаемся, по той причине, что преобразование идет от славы Духа в нашу славу; то есть мы такой достигаем славы, какой свойственно достигнуть осияваемому Духом Утешителем и образ славы Его на себе отражающему». Феофилакт дополняет: «Преобразуемся от славы Духа в славу нашу, и притом такую, какую свойственно иметь осияваемым от Духа Господа, никому не подчиненного. Будучи Господом, Владычные имеет Он и осияния. Ибо все верующие исполняются Духа Святого чрез крещение, и блистает светом душа их».

Святой Златоуст говорит: «Что значат слова: *славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся?* — Это было яснее для верующих времен апостольских, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне нетрудно уразуметь сие. Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое осияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи, не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и соделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Духа, и от себя отражает луч той же славы. Посему и говорит Апостол: *взирающе славу Господню, в тойже образ преобразуемся от славы* Духа *в славу* нашу, которой удостоиваемся, — в славу такую, в *какую надлежит от Господня Духа*. Как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящими, и сами отражающиеся в них, свет разливают на другие ближайшие к ним тела; то же бывает и с верными. И, когда они достигают сего, оставляют уже все земное и живут одним небесным. А мы что? — Нам остается только стенать, ибо удостоенные толиких благодеяний Божиих, мы не понимаем даже того, что говорят нам о них. А

это от того, что мы скоро погубляем в себе все духовное и привязываемся к одному чувственному. Сия неизреченная и страшная слава остается в нас не более, как на один или на два дня, а потом мы опять погашаем оную, обуреваясь житейскими делами и густотою страстных облаков застеняя ее сияние. Ибо житейские дела суть бури, и еще жесточае самых бурь».

гг) Слово благовестия самодейственно (4, 1—6)

Быв избраны разносить слово благовестия, говорит Апостол, мы всю заботу обращаем на то, чтобы ничего к нему не примешивать, а представлять его совести каждого в его чистоте. Быв принято совестию, оно само уже производит свое дело; развивает покаяние и приводит ко Господу, о имени Коего дается отпущение грехов. Так идет обращение язычников. Иудеи обращаются чрез закон и пророков, если не омрачаются умы их суеверием, а язычники обращаются действием совести и страха Божия, лежащих в духе человека, если сии стихии Божии не заглушены действием бога века сего. — Вот тайна действия благовестия нашего, которому ныне воссиять благоволил Господь во тьме века сего, как первоначально повелел воссиять свету из тьмы.

Глава 4, стих 1. *Сего ради имуще служение сие, якоже помиловани быхом, не стужаем си.*

Сего ради: по причине такого преславного плода в верующих, производимого благовестием

нашим, мы, *имуще служение сие*, то есть служение благовестия, вверенного нам по милости и человеколюбию Божию, *не стужаем си*, не унываем, не тяготимся трудностию дела, не останавливаемся пред препятствиями, все зависящее от нас с охотою делаем, ради того, что от этого исходит такое благо для вас и всех верующих.

Цель Апостола — держать внимание на небесном происхождении благовестия, чтоб иметь основание в конце сказать, что если разливается ныне такой свет ведения, то это потому, что воссиял его Бог, повелевший первоначально воссиять вещественному свету. «Для сего он употребляет такой оборот речи, которым показывает, что все зависит не от собственных его совершенств, но от человеколюбия Божия; почему и говорит: *имуще служение сие*, то есть мы ничего не привнесли своего, мы только служители у Бога и исполнители данных от Него наставлений. Посему он и называет свое апостольское делание не начальствованием, или водительством, а только служением. Но и этим еще не довольствуясь, говорит далее: *якоже помиловани быхом*, то есть и то самое, что мы поставлены служителями (благовестия), и сие зависит только от милости и человеколюбия Божия. *Не стужаем си*, то есть и то, что мы не унываем, и сие надлежит приписать человеколюбию Божию. Ибо слова: *якоже помиловани быхом* должно относить как к служению,

так и к сим словам: *не стужаем си.* Он говорит этим, что, кто удостоился столь великих и многих благ, и удостоился только по милости и человеколюбию Божию, тот ничего не делает великого, сколько бы ни трудился, каким бы ни подвергался опасностям и какие бы ни терпел искушения. Оттого мы не только не унываем, говорит, но еще радуемся и дерзаем» (святой Златоуст).

Стих 2. ***Но отрекохомся тайных срама, не в лукавствии ходяще, ни льстяще словесе Божия, но явлением истины представляюще себе ко всякой совести человечестей, пред Богом.***

Это главный пункт в сем отделеньице. Мы только, говорит, о том заботимся, чтоб чистую, истину представить совести каждого, чистую, как пред Богом, а она уже сама сделает свое дело, лишь бы только была воспринята. Чтоб истина благовестия сохранилась чистою, мы избегаем всего худого в намерениях своих, в образе своих действий и в самом представлении истины.

Но отрекохомся тайных срама. Мы отреклись от всего срамного не внешне только, но в самых сокровенностях сердца отвергнули все срамное, — все срамное, какого бы рода оно ни было. Ни почета или славы, ни выгод каких или того, чтоб искать только приятного себе, не имеем мы в виду. Одна любовь к истине, одна покорность воле Божией руководит нами. Лжеучители внешне являются святыми, а внутри оставляют нетронуты-

ми страсти, какими кто порабощен. Мы совсем не таковы, но блюдем сердце свое чистым от всякого греха и всякой нечистоты, зная, что в нечистой душе истина не удержится. Святой Златоуст говорит: «Лжеапостолы славились, как нелюбостяжательные, а между тем они брали дары, только тайно; почитались за святых, а на самом деле они имели множество пороков. Мы же, говорит, все сие отвергнули, то есть то, что он называет *тайным срама*». Экумений продолжает: «Отреклись мы и втайне делать то, что в явности приносит стыд. Намекает на лжеапостолов, которые являлись в образе благочестия, втайне будучи нехорошими. А мы, говорит, и втайне ничего срамного не допускаем. Так, *не стужаем си* в скорбях, как и вы видите; но не внешне только, а и внутри не допускаем никакого помысла, могущего посрамить нас в сем отношении; ни малодушия, ни колебания, ни ропота, ни неблагодарности и никакой другой мысли не допускаем в сокровенности, которая могла бы посрамить наше: *не стужаем си*». Таким образом, словами: *отрекохомся тайных срама* Апостол сказал: мы имеем чистое и непорочное сердце, чуждое всего срамного, напротив, полное истинно святых нравственно-религиозных чувств.

Не в лукавствии ходяще, — μὴ ἐν πανουργίᾳ. Не так мы действуем, чтоб одно было на словах и в делах, а другое на уме; не опутываем никого

речами, не завлекаем кажущимися добрыми планами, за которыми спрятана засада; действуем открыто, и что являют слова наши и дела, то суть они и на деле. Нет ничего лукавого в образе нашего действования. Святой Златоуст говорит: «Мы не так, говорит, возвещаем, что на словах обещаем многое, а на деле показываем другое, как делают лжеапостолы, но мы таковы же и на деле, какими показываем себя на словах; мы не имеем ничего двусмысленного. Мы и в самом деле таковы, какими кажемся, и не имеем ничего скрытного и лукавого, как в жизни нашей, так и в самом проповедании. Мы не делаем так, как делают иные, прикрывая дела свои, чтоб обманывать и завлекать». Отрицает Апостол у себя все хитрые приемы для привлечения учеников, а вместе и все меры благоразумия, какие могла бы измыслить их собственная мудрость. Не ухитряемся, а действуем, как внушит Дух Божий, всегда открыто и в простоте сердца, ожидая плода не от своего умения действовать, а от Божия благословения и вседействия.

Ни льстяще словесе Божия, – μηδὲ δολοῦντες. Это похоже на то, что выше сказал: *не корчемствуя слова*, не подделывая (2, 17). Передаем слово, как оно есть: когда оно строго, не позволяем себе смягчать его произвольно, из человекоугодия; если в нем невместимо что для мудрости человеческой, не закрываем того и не сокращаем

в надежде помирить его с сею мудростию; просто ли оно или крайне высоко, никогда не примешиваем к нему своих соображений, чтоб иное приподнять, как кажущееся невысоким, а другое низвесть долу, как кажущееся недосягаемо высоким. Мы даже и этих по видимому невинных приемов не позволяем себе, боясь облукавить слово Божие; а чтобы прибавить к слову истины какую-либо ложь и притом сознательно, это нам и на ум не приходит. И надеждами льстивыми не обставляем слова благовестия нашего, не говорим: только уверуй, и счастие потечет к тебе рекою, а прямо открываем, что верующих ждут скорби, нападки и всякого рода лишения. И вообще ничего не примешиваем к слову благовестия, а предлагаем его, как оно есть, в своей природной наготе и чистоте. Феофилакт пишет: «Не только, говорит, жизнь наша проста, чиста, безлукавна, но и слово наше нелестно. Ибо мы ничего не примешиваем к нему от внешней премудрости, не обставляем льстивыми речами, не прилаживаем его к временам и лицам, и не учим потому ныне так, завтра иначе».

Но явлением истины представляюще себе ко всякой совести человечестей пред Богом.

Это сходно с тем, что выше говорилось о рекомендательных письмах (3, 1). Не с рекомендательными, говорит, письмами являемся мы среди людей в разных местностях, но с одною истиною.

Она одна представляет нас всюду и нас рекомендует. Каким образом? — Одним явлением ее. Мы ее являем во всей чистоте, как она есть, и она сама удостоверяет слышащих, что мы не лжецы и что слово благовестия нашего есть непреложная истина. Это же как совершается? — Чрез совесть. Есть в душе каждого заступник за истину благовестия — дух с присущим ему страхом Божиим и совестию. Эти стихии духовные одного рода с словом благовестия и тотчас спознаются с ним, коль скоро не заглушены духом века сего. Слово благовестия говорит, что мы безответно грешны пред Богом, и совесть это сознает; слово благовестия уверяет, что всякого грешника ждет нелицеприятный суд и осуждение, и страх Божий подтверждает сию истину. Если б слово благовестия на этом только останавливалось, то оно ввергало бы только всех в отчаяние, никого к себе не привлекая, но оно идет далее и стесненному совестию и страхом суда предлагает благонадежный исход, говоря: Сын Божий приходил на землю, воплотился, пострадал на кресте и разодрал на нем рукописание грехов всего мира; веруй в Него, и получишь отпущение грехов, и благодать Святого Духа для новой безгрешной жизни, которую чистою сохранив до конца, по исходе отселе будешь воспринят небом для вечного неописанного блаженства. Какой дух незаглушенный мог противиться силе сего благовес-

тия?! Вот почему слово благовестия во всяком месте находило себе прием, ибо везде бывали лица, у которых страх Божий и совесть, естественные стихии духа нашего, были живы. Они тотчас принимали благовестие как нечто родное, что всегда чаялось, но не было находимо, и теперь является таким радостным гостем с неба. Принимавшие слово благовестия освящались таинствами, возрождались к новой жизни, получали дар благодати и с сей минуты имели уже свидетельство в себе не для себя только, но и для всех окружающих. Это действовало на заглушенный дух сих последних, пробуждало его и руководило к вере. Обновленные, они в свою очередь единым присутствием своим возбуждали других и влекли к вере. Так в непродолжительном времени все гожие к вере лица прилагались к ней и составляли малое или большое общество верных Господу рабов. Святой Павел испытывал это во всякой местности и в приведенных словах об этом именно говорит, что они всюду представляли только себя совестям людей явлением чистой истины, чистой, как пред Богом, и она обращала к вере; и им предлежало только направлять прилагавшихся к вере. Фотий у Экумения говорит: «Лжеапостолы не явлением истины, а поддельною личиною истины представляли себя, и не пред Богом, а в угождение только тем, которых обольщали». Конечно, и обольщаемые ими пото-

му обольщаемы были, что ими наперед обладал лестчий дух.

Стих 3. *Аще ли же есть покровено благовествование наше, в гибнущих есть покровено.*

Изложенные пред сим мысли прямо ведут к вопросу: отчего же не все принимали слово благовестия? — Оттого, что не у всех был в движении дух со страхом Божиим и совестию. У кого он был в движении, те тотчас принимали благовестие; у кого не могло пробудить духа слово благовестия, у тех пробуждался он действием дивного благодатного изменения, совершавшегося в веровавших; у кого же дух был забит столько, что ни эти, ни другие чрезвычайности не пробуждали его, те оставались и коснели в неверии. Слово благовестия для них оставалось прикровенным, ибо не было органа для принятия его. Дух у них, им естественный, был столько забит, что не было к нему прохода возбудительному благовестию. Апостол называет их гибнущими не потому, чтоб они были обречены на гибель, но потому, что они образом жизни своей, как она сложилась доселе, поставили себя в такое состояние, что благовестие невместимо для них, покровенно, ничего они в нем не могут понять, никакою стороною оно не льнет к их душе, и душа ничего в нем не находит, что бы могло интересовать ее. Оттого не принимает его и, как спасение возможно только под условием сего приятия, остается

вне области спасаемых, в среде гибнущих. Вот кого разумеет Апостол под гибнущими. Но ныне-завтра как-нибудь пробудится и у них дух, вонмет благовестию, и они вступят в общество спасаемых. Святой Златоуст говорит, что в этих словах Апостол выражает ту же мысль, какую прежде выразил в словах: *овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот* (2, 16). Экумений влагает Апостолу такую речь: «Не наша вина, что для иных покровенно благовестие наше; причина тому их собственная слепота и погибельность».

Стих 4. *В нихже бог века сего ослепи разумы неверных, во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, Иже есть образ Бога невидимаго.*

Бог века здесь то же означает, что в других местах *князь мира* (Ин. 12, 31; 14, 30), *миродержитель тмы века сего* (Еф. 6, 12), *дух, действующий в сынах противления* (Еф. 2, 2). Бог от века сего, потому что живущие по духу века покорствуют ему, охотно внимают внушениям его и усердно действуют по началам его. Эта власть не природная ему, а случайная, основанная на оплошности людей, падких на плотскую жизнь в самоугодии. Покорные ему не прямо ему покорствуют, а лишь самоугодию преданы, и самоугодие их отворяет ему дверь для входа в их души, куда вошедши, он бушует, увлекая их на злые

и срамные дела, смотря по степени самоугодливости каждого. Сам он редко выступает в дело. Его личное дело было прельщение прародителей, искушение Христа Спасителя и будет действование в антихристе. Обычно же действует он чрез полчище бесов, которые всюду шныряют и во все вмешиваются, нельзя ли где состроить что-либо худое. Иные из них поселяются в телах людей, в тех частях, чрез которые преимущественно действует страсть, коей кто предан. Бесноваты не одни те, в которых буйство беса видимо обнаруживается. В наибольшей части бесноватых бесы смирно живут, лишь чрез внушения заправляя их страстными делами и усиливая деятельность свою в ту пору, когда кто задумает покаяться и исправиться. У иных живет по нескольку бесов; это у тех, которые работают многим страстям. Вот чрез них-то и властвует бог века сего. Язычники поклонялись ему, превратив страсти в божество; теперь кланяются ему, преклоняясь пред влечениями страстей, им разжигаемых и руководимых.

Как ослепляет он разумы неверных? — Совсем заслоняя от них Бога и порядок вещей Божественных и оковывая сознание их одним видимым и осязаемым, как будто невидимого и неосязаемого ничего и не существовало. Бывает у них и Бог на языке, но слово сие проходит чрез уста бесследно; промелькает и речь о смерти,

но так, как бы это дело их не касалось. Обычно же они сами для себя бог, сами о себе промышляют, сами себя обезопашивают, сами свою устрояют участь, во всем на себя одних полагаясь и на подручные им средства и способы опираясь. Цели их не заходят за пределы настоящей жизни. Эту одну они загадывают превратить в жизнь райскую, и об этом у них вся забота, сюда все планы направлены, на это обращаются все предприятия. Цель их — жить в довольстве, с почетом и с наибольшею мерою утешностей и сластей. Тут не берется в расчет совесть, и страх Божий не проходит в эту тьму чувственную. Совесть истинная попрана; ее место заняло правило держать себя, как считается наилучшим среди других и судя по ним, имея в виду — не ударить себя в грязь лицом. Бог имеется как стороннее нечто, и удовлетворение внешним образом религиозных обычаев считается вполне достаточным для того, чтобы не бояться Его; будто ни Ему до нашей души, ни нашей душе до Него дела нет. К этому кругу принадлежат не одни воры, разбойники, блудники, пьяницы и другие явные грешники. Эти и у них бывают не на хорошем счету. Миролюбная жизнь обыкновенно течет степенно, с видимым глянцем исправности, достодолжности и величавости. Дух ее богопротивен, и он-то делает то, что очи сынов века смежены для узрения света благовестия. Благовестие одной области

принадлежит, а они всем строем своим относятся к другой. Ничего общего у них нет с благовестием; оно и невместимо для них.

Начало действию благовестия полагает растревожение совести, а сыны века сего самодовольны: не сознают за собою никакой вины и не понимают, что это за требование, когда говорят: *покайтеся, приближилось царствие Божие.* Завершает действие благовестия страх суда Божия, но сын века говорит: принесена жертва (у нас — свеча поставлена, молебен отслужен), и что еще? Смерть и суд — далеко; еще поживем. И никак не прививается к нему мысль, что суд обрушится на него всею тяжестию правды. Воодушевляет следовать благовестию обетованный рай — вечное блаженство; но сыны века думают, что уже имеют рай, живя всегда в собственное удовольствие и погрязая в видимом и осязаемом, никакого не могут восприять сочувствия к раю невидимому и блаженству в неосязаемом. Эти три момента, столь существенные в настроении сынов века и столь противоположные началам благовестия, и делают то, что благовестие для них покровенно, невнятно, невместимо. Все в нем чуждо для них; ничего в нем не могут они взять в толк как следует; никакого сочувствия не вырывается из груди их к вещаниям его: слыша — не слышат, видя — не видят; отолсте сердце людей сих. И вот настоящий смысл слов — *бог века сего*

ослепи разумы неверных: дух сынов века, действующий в них под влиянием бога века, — сатаны, — сделал их неспособными внять благовестию, понять его благотворность и принять его. Они, не говоря, говорят благовестникам: проходи дальше; это нас не касается.

Ослепи, говорит Апостол, *во еже не возсияти им свету благовестия славы Христовы.* Свет благовестия, когда внемлется и приемлется, воссиявает, как ярко светящий светильник, мгновенно возжженный в темном месте. Для внявшего оно все освещает и все для него делает понятным: ясно видит он и безвыходную гибельность, в какой находится; и пригодность способа к выходу из него, предлагаемого благовестием; почему емлется* за него всеми силами естества своего. Когда же и делом вкусит целительность его, тогда духовному свету, воссиявающему в нем, меры нет. Одним взором обнимает он и прошедшее, и настоящее, и будущее, и небо, и землю, — и все видит объемлемым единым Богом в Господе Иисусе Христе благодатию Духа Святого. Исходный же пункт света — лице Господа Иисуса Христа, Сына Божия воплотившегося, бедное естество наше в Себе прославившего и посадившего одесную Бога и Отца. Благовестие и все освещает, — наипаче же осиявает лик Христа Спасителя, ибо оно все на Нем стоит. Почему есть

* Хватается. — *Ред.*

благовестие славы Христовы. Ничего этого не видят неверующие, ибо смежили умные очи свои неверием. Дверь таин Божиих и не отверзается для них, и свет их не осиявает их. Держит их во тьме бог века и не дает воссиять в них свету Божию. Делает это он не властительски, а злокозненно ухитряясь обольщать сынов века. В прелести ходя, не замечают омрачения своего и довольствуются мраком, по обману полагая, что он свет. Но как ни густ мрак ослепления, тут ничего нет приневоливающего. Сами хотят, и слепотствуют; захотят, и откроют очи; ибо свет Божий вокруг есть. Бог века всячески хлопочет держать их в ослеплении; но это делает он, поднося им ослепляющие элементы, которые они сами охотно принимают и ослепляются. Непосредственной же власти бог века ни над кем и ни над чем не имеет и насиловать никого не смеет. Сами мы во всем виноваты.

Святой Златоуст говорит: «Что случилось с иудеями при Моисее, то же самое происходит и со всеми неверными во времена Евангелия. Ради отолстения сердца их сокрыт бывает для них *свет благовестия славы Христовы*, то есть не видят они, что крест есть спасение и слава вселенной, что Распятый на нем опять хочет прийти с великою славою, – и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченное явление ожидаемых благ сокрытым остается для

них; сокрыто же за то, что сами прежде не захотели верить сему».

Иже есть образ Бога невидимаго. «*Образом Бога* назвал Апостол Христа, как Бога от Бога, потому что Христос в Себе показует Отца, почему и говорит: *видевый Мене, виде Отца* (Ин. 14, 9)» (Феодорит). Бог всегда пребудет невидимым и сокровенным. Осязательнее явить Себя благоволил Он чрез воплощение Бога Сына. В очах Его, сквозь обоженное человечество, разумные твари, Ангелы и святые, могут лицом к лицу сретаться* с Божеством и как бы осязать Его. Вне сего Оно сокровенно и постигается только чрез воздействие Его по мере приемлемости тварей. Для неведающих Сына и Отец неведом и есть, и пребудет навсегда. Святой Златоуст говорит: «Дабы показать, что не познавшие *славы Христовы* не знают не только Христовой славы, но и славы *Отца*, Апостол прибавил: *иже есть образ Бога невидимаго.* Но нельзя остановиться и на одном только Христе, потому что, как чрез Христа видишь ты Отца, так, не познав славы Христовой, не познаешь и славы Отца».

Стих 5. *Не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа; себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради.*

Объяснив, почему благовестие остается прикровенным в гибнущих, в неверующих, обращает-

---

* Встречаться. — *Ред.*

ся опять к указанию на тайну действия благовестия в совести способных к принятию его. Тайна сия в том, что в благовестии нашем мы себя не выставляем,— ни в образе слова, ни в образе действования, ни в целях (стих 2) нас совсем не видно,— впереди стоит Христос Господь, Его лик предначертываем мы пред совестями человеков, и они уже сами узнают в Нем Спасителя от пагубы, Целителя немощей, Подателя всякой силы бессильным. Потому прилепляются к Нему всецело. Вот тайна действия благовестия! Сами же мы только орудия, только труженики, рабы ваши, служители вашему спасению, Господа ради. Феодорит пишет: «То же писал он и в первом послании: *тако нас да непщует человек, яко слуг Христовых и строителей Таин Божиих* (1 Кор. 4, 1). А здесь сказал он о себе еще смиреннее, ибо назвал себя рабом не только Христу, но и всем верующим, из любви ко Христу; ибо сие значат слова: *Иисуса ради*». Святой Златоуст с другой несколько стороны взглянул на речь Апостола: «Поелику лжеучители сильно восставали на Апостолов и со всех сторон нападали на них, то он и говорит: вооружаясь против нас, вы восстаете не против нас, но против Проповедуемого нами, ибо мы не себя проповедуем. Мы рабы и служители даже тем, которые приемлют сие проповедание; мы трудимся для другого, то есть для Господа, и для Его славы все делаем, так что

враждующие против нас восстают против Господа. Мы столько далеки от того, чтоб искать себе каких выгод от проповеди Евангелия, что не отказываемся быть и вашими рабами для Христа, когда Ему угодно было столько почтить вас, когда Он столько возлюбил вас и все для вас сделал. Посему и говорит: *себе же рабов вам Иисуса ради*. Видишь ли душу, нимало не заботящуюся о славе? Он говорит: мы не только не присвояем себе того, что принадлежит Господу, но даже и вам служим для Него».

Стих 6. ***Яко Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове.***

В заключение Апостол обращает внимание всех на то, что теперь дается чрез благовестие, распространяемое по лицу всей земли. На сердцах иудеев, говорил он, лежало покрывало, и они не видят света, сокрытого в законе; все язычники ходили во тьме, и никто не видел света Божия. Но пришел Господь Иисус Христос, и воссиял миру свет разума. Просветительная сила есть Дух Святой, нисшедший на Апостолов. Им просвещенные, Им руководимые и учимые, ходят они по миру и всем возвещают свет истины. Дух Божий, их просвещающий, просвещает и сердца верующих, и они ясно начинают видеть свет разума славы Божией. Так среди мрака, покрывавшего весь мир, воссиял ныне свет ведения

Божия. Теперь то же самое совершается в нравственном мире, что было в первый день творения для мира вещественного, когда Бог словом Своим повелел воссиять свету из тьмы. *Рече Бог: да будет свет и бысть свет.* Говорит теперь чрез нас тот же Бог ко всем: *покайтеся и веруйте во Евангелие.* И слово сие воссиявает свет в сердцах верующих. Приемлющие его ясно видеть начинают неописанную славу Бога беспредельного в лице Иисус Христове. Лице Иисус Христово дает ясно разуметь, что Бог превеликий и предивный есть сердобольный Отец наш, Который не восхотел оставить нас в нашем падении, но благоволил дивный устроить для нас образ спасения в Единородном Сыне Своем, Который, пришедши на землю, воплотился, пострадал и умер на кресте, воскрес, вознесся на небо и сидит одесную Бога и Отца, туда привлекая всех верующих и избранных во спасение, да идеже Он, и они все будут. Таков лик Иисуса Христа! Какие совершенства Божии не отражаются в сем лике?! Тут и благость беспредельная и правда бесконечная, тут и премудрость недомыслимая и всемогущество неизмеримое, тут и промышление всепопечительное и вседержительство всеобъемлющее. И Пресвятой Троицы таинство светоносно отображается в сем же лике. Бог Отец благоволил, Сын совершил, Дух Святой совершенное в Сыне довершает в верующих. «Ибо мы чрез Христа

познаем Бога Отца, так же как чрез Духа приводимся к Нему» (святой Златоуст). Вот как свет разума (познания) славы Божией о лице Иисус Христове воссиял в мир чрез воссияние в сердцах верующих. «При сиянии сего света и мы видим не чувствам подлежащие вещи, но Самого Бога чрез Христа» (святой Златоуст).

Феодорит пишет: «Кто древле словом в бытие привел естество света и изрек: *да будет свет*, Тот и ныне, не тем, но собственным Своим светом осиял наши умы, чтобы нам чрез Самого Христа увидеть славу Его. А сие *о лице Иисус Христове* имеем такой смысл: поелику естество Божие невидимо, то делается Оно, сколько возможно, видимым чрез воспринятое человечество, озаряемое Божественным светом и издающее молниеносное сияние». Экумений продолжает ту же мысль: «Повелевший в начале воссиять из тьмы свету, воссиял и в сердцах наших. Воссиял, просвещая нас и открывая нам познания славы Своей, и это *о лице Иисус Христове*. Ибо чрез Сына только получено нами истинное познание об Отце, как Сам Он говорит в Евангелии ко Отцу: *явих имя Твое человеком... и прославих Тя на земли* (Ин. 17, 4–6). И чрез Христа Иисуса только явлено нам, что Отец не хочет быть чтим более курениями и кровьми, но жертвами духовными, и что истинные Богочтецы должны кланяться Богу не иначе как в Троице, единосущной и равномощной».

б) Сокровище благодати в скудельных сосудах (4, 7—5, 10)

Изложив, сколь великое сокровище есть новозаветное домостроительство спасения, Апостол сказывает теперь, как непоказны и уничиженны внешне служители благовестия о нем. Причем *сначала* аа) указывает промыслительные цели такого порядка дел, кои суть слава Божия и благоприятствование вере оглашаемых благовестием, 4, 7—12; *затем* бб) излагает, что к перенесению трудов при таком порядке служители благовестия воодушевляются несомненностию спрославления с Господом в будущем, стихи 13—15. Но, коснувшись этого предмета, он, по важности его, вв) рассудил долее остановиться на нем вниманием и с этою целию раскрывает, α) сколь славно будущее, стихи 16—18; β) сколь оно желательно, 5, 1—5, и γ) как к нему приготовляться должно, стихи 5—10. Эти последние пункты раскрывает Апостол хотя в своем лице, не без отношения к апостольскому служению, но в чертах, общих для всех христиан.

аа) Цели уничиженного состояния по внешности носителей благовестия (4, 7—12)

Стих 7. *Имамы же сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас.*

Сокровищем называет Апостол то, о чем говорил пред сим, то есть слово благовестия с пол-

нотою благодати Святого Духа на устроение духовного царства Христова на земле, или Святой Его Церкви. Это сокровище, столь великое, столь преславное, столь многодейственное, *имеем* мы, говорит, или носим *в скудельных сосудах*, разумея под сим тело немощное, с подразумеванием и внешнего своего положения, всегда уничиженного и стеснительного, как изображает вслед за сим. Для чего же это так устроено? Разве не мог Господь так сделать, чтоб Апостолы одним видом своим, или своею показностию, уже влияли на людей? – Мог, но не благоволил так сделать, для того, говорит, чтоб в действовании нашем ничего нашего не было видно, чтоб ничто наше не бросалось в глаза, а все было относимо к силе Божией. Смотря на нас, столь немощных и уничиженных, никто и подумать не может, чтоб, когда или слово сильней от нас исходит, или дело какое чрезвычайное нами совершается, это и подобное сему зависело от нас, но все то прямо отнесет к силе Божией, чрез нас действующей. Сия сила ничем с нашей стороны заслоняема не бывает; она видится во всей своей наготе и полноте. Если же так, то всякий должен был заключать словами Господа: если сии о персте Божии все сие творят, убо постиже на нас царствие Божие; надо покориться слову их и веровать, чтоб не быть богоборцами.

Святой Златоуст говорит на это место: «Сие-то особенно и удивительно, и есть величайшее чудо силы Божией, что скудельный сосуд может вмещать в себе такой свет и хранить такое сокровище. *Да премножество*, говорит, *силы Божия будет, а не от нас.* Ибо и величие даров, и слабость получивших оные показывают силу Божию, как в том, что Бог столь великие даровал блага, так особенно в том, что даровал людям слабым. Под скудельным сосудом он разумеет слабость нашего естества и немощь нашей плоти, потому что плоть наша нисколько не крепче скудельного сосуда; она столь же удобосокрушима и так же легко сокрушается и смертию, и болезнями, и воздушными переменами, и другими бесчисленными причинами. И сие сказал он, как для того, чтобы постыдить высокомерие гордящихся собою, так и для того, чтобы всем показать, что в делах его служения нет ничего человеческого. Ибо тогда особенно и бывает видна сила Божия, когда она чрез слабые орудия совершает великие дела; как сие видно из сказанного Господом сему же Апостолу: *сила бо Моя в немощех совершается* (12, 9). – Так, послав только двенадцать человек, покорил Он вселенную, и притом тогда, когда сии двенадцать сами были гонимы. Подивимся в сем силе Божией, почудимся ей и поклонимся! Вопросим иудеев, спросим эллинов: кто убедил всю вселенную оставить отеческие обы-

чаи и переменить образ жизни? Не рыболовы ли, не скинотворцы ли, не мытари ли, не книжные и простые люди? Как же бы это могло совершиться, если бы не действовала чрез них сила Божия? Притом — что говорили они, когда убеждали? — Креститесь во имя Распятого. Какого? — Того, Которого они не знали и не видали. И, однако ж, несмотря на то, что говорили и проповедали сие, пригвожденный ко кресту Христос привлекал к Себе всех. Откуда же такая сила убедительности? — Ниоткуда более, как от силы Божией. Новость проповеди была противна всем, а проповедники были из народа, всеми презираемого, бедные и неученые. Каким же образом они покорили вселенную? Не ясно ли сие показывает, что они имели Бога помощником себе? Ибо не человеческой силе свойственно производить такие действия, но силе Божией всемощной».

Стихи 8 и 9. *Во всем скорбяще, но не стужающе си; нечаеми, но не отчаяваеми; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе.*

Сказал выше, что великое Божие сокровище носят они в скудельных сосудах, чтобы чрез то всеми была исповедана сила Божия, действующая в них. Теперь живописует, какие получают они отвсюду удары, а между тем остаются целы. При таких поражениях следовало бы сокрушиться скудельным сосудам и сокровищу, содержимому ими, сгибнуть, а они остаются не сокрушенны-

ми и сокровище сохранным. Не явная ли в этом сила Божия? «Не только то, говорит, чудно, что мы храним сие сокровище в скудельных сосудах, но и то, что, подвергаясь бесчисленным бедствиям и будучи отвсюду поражаемы, сберегаем оное и не теряем. Ибо и адамантовый сосуд не мог бы устоять против таких наветов. Но вот ныне и скудельный сосуд остается невредим по благодати Божией, и сокровище сохранно» (святой Златоуст). «Если бы не приразилось к нам все это, не сделалось бы явным и величие силы Божией. Но поелику уподобляемся мы как бы растениям, которые цветут в огне, то сим-то самым, что, страдая, сохраняемся невредимыми, проповедуем силу защищающего нас Бога» (Феодорит).

Во всем скорбяще. Во всем, «во всякое время и всяком месте, от всего и от всех» (Феофилакт). «От врагов и от друзей, от неприятелей и от своих, от недостатка необходимых потребностей и от других вещей, в коих нуждаемся» (святой Златоуст). *Скорбяще*, θλιβόμενοι. Не внешние только лишения и беды терпим, но прискорбности, сердце поражающие. Нам причиняют скорбь, уязвляют чувствительно душу, раны наносят сердцу; но мы не стужаем, οὐ στενοχωρούμενοι. Это не стесняет груди, не захватывает дыхания, не сжимает сердца. Мы не бесчувственны к этим прискорбностям, но Бог посылает такую широту сердцу нашему, что они не теснят и не душат.

«Не стужаем си, потому что Бог расширяет сердца наши» (Феофилакт). «Чтобы не стужать си в прискорбностях, это есть дело благодати Божией» (Экумений). Эту благодать Божию и Божию помощь сердцу должны были видеть и исповедать все сторонние свидетели прискорбностей апостольских, когда по всем расчетам следовало бы им быть убитыми духом, а они и во взоре, и в словах, и действиях обнаруживают полное благодушие. Или, может быть, οὐ στενοχωρούμενοι — не стесняемы есмы, относится не к внутренней стесненности сердца, а к внешней. Апостол хочет, может быть, сказать: но это не стесняет круга нашей деятельности; несмотря ни на какие скорби, мы делаем свое дело, не стесняясь. Скорбь не отбивает у нас охоты действовать в своем чине, не помеха нам.

Нечаеми, ἀπορούμενοι, *но не отчаяваеми*, οὐκ ἐξαπορούμενοι. Ἀπορία — поражение ума нечаянностию и необычайностию, так что он в себя прийти и сообразить ничего не может. Ἐξαπορεῖν — растеряться. Мы, говорит, бываем в таких обстоятельствах, что ума не приложим, как быть, бываем в безвыходном положении. Но не теряем присутствия духа, зная, что с нами Бог и что против воли Его никто ничего с нами сделать не может. И всегда бывает так, что Бог устрояет нам недомыслимый для нас выход из крайностей. Незнать откуда и как приходит помощь и дает нам

свободу. «*Не отчаяваеми*, то есть не теряем надежды. Ибо хотя часто мы скорбим, впрочем, не так, чтобы потеряли уже надежду» (святой Златоуст). «В обстоятельствах безвыходных находим для себя спасительные исходы» (Феодорит). «Часто бывает, что ума не приложишь, как быть при нападках от всех и стеснениях отвсюду; но это поражает нас не настолько, чтоб мы терялись, то есть падали духом, это не убивает нас» (Экумений). «Впадая в крайности и безвыходности, не отчаиваемся и не падаем под тяжестию их, а стоим бодро, и Бог устрояет наш исход и являет нас победителями» (Феофилакт).

Гоними, но не оставляеми. Нас гонят, но при всем том нельзя о нас говорить: это люди, всеми оставленные. Нас не оставляет Бог. «Бог таковые искушения попускает на нас не для того, чтобы оставить нас, но чтобы усовершить и возвысить» (святой Златоуст). «Гонят нас люди, но не оставляет Бог. Не для того это нам от Него попущение, чтоб нас победили, но чтобы дать нам случай вступить в борьбу и явиться победителями силою Его» (Экумений). «Попущает сие Бог для упражнения нас, чтоб научить нас побеждать» (Феофилакт). Может быть, *не оставляеми*, разумеет Апостол, людьми же, то есть верующими. Одни гонят, а другие с нами, на нашей стороне. Часть Божия, в массе человечества скрытая, всегда к нам прилепляется и составляет с нами

одно. Тут мы всегда находим приют и пригрение. Те, которые гонят нас, не могут хвалиться: ну, теперь прогнали; ибо мы неотлучно пребываем с своими, и свои нам с нами.

Низлагаеми, но не погибающе. Бывает, что враги совсем повергают нас долу; торжествовать бы им победу, но мы оказываемся целы и живы, не погибаем. Это очень напоминает то обстоятельство, как побили святого Павла камнями и выбросили за город, а он потом явился живым и здоровым (Деян. 14, 19—20). «Судя по величию искушений, надо бы говорить: ну, погибли; но по благодати Божией мы все не гибнем. И в смертных крайностях Бог отверзает нам дверь спасения» (Экумений). «По телу и внешнему положению бывает, что враги совсем низлагают нас; но всегда стоит твердо душа наша и наша ревность о деле Божием, Бог же сохраняет и самое тело наше» (Феофилакт).

Апостол изобразил возрастающую силу бедствий, беря пример с борющихся. Из борющихся слабейший сначала получает удары и раны, потом изнемогает и не знает, что делать, далее предается бегству, наконец поражен и низвержен. Мы, говорит, всегда являемся на какой-либо из сих степеней немощи пред нападающими на нас, но, даже и до последнего низложения быв доведены, не бываем побеждаемы. Кто не увидит в сем силы Божией? Следовало бы вдребезги разбиться ску-

дельному сосуду нашему, а он цел; и не только цел, но даже и не боится вперед быть разбитым. Искушения бывают сильны, но следствия их никогда не оправдывают. Святой Златоуст говорит: «Хотя постигают нас искушения, но не постигают следствия сих искушений; и это все происходит действием силы и благодати Божией. В других местах он говорит, что такие искушения попускает на нас Бог для того, чтобы и смирить нас самих, и предостеречь других. Так, *да непревозношуся*, говорит, *дадеся ми пакостник плоти* (2 Кор. 12, 7), или: *да не надеющеся будем на ся* (1, 9). А здесь говорит: *да премножество будет силы Божия, а не от нас*. Видишь ли, какая польза от искушений? Чрез них становится очевиднее действие силы и благодати Божией, ибо говорит: *довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Они одних привели к смиренномудрию, а других, по крайней мере, заставили умерить свою гордость и сделали более великодушными и снисходительными. Ибо *терпение*, говорит, соделывает искусство, искусство же – упование (Рим. 5, 4). Ибо те, кои подвергались бесчисленным бедствиям и освобождались от них только надеждою на Бога, сим научались и во всяком другом случае всего более держаться сей надежды».

Стих 10. *Всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов в теле нашем явится.*

Мертвость Господа — беды, скорби, страдания, смертные опасности. Как Господь страдал, так страдаем и мы. *По вся дни умираю*, говорит он в другом месте (1 Кор. 15, 31). Но когда так очевидно следовало бы нам быть пораженными смертию, а мы все живы, то очевидно также, что мы каждодневно являемся как бы из мертвых живыми. Это совершенно сходно с тем, как Господа распяли и положили в гроб, и еще запечатали, а Он воскрес: смерть не могла удержать Его. Живот Его поглотил смерть. Тот же живот Иисусов и в нас теперь действует, и мы есмы живые о Нем проповедники. Мы являем собою, что Господь Иисус жив и есть источник живота; ибо, когда за дело Его подвергаемся бесчисленным смертям, все остаемся живы и всякий раз с новыми силами исходим на служение во славу Его. Что другое это являет, как не то, что в нас действует живот Иисусов? Так святой Златоуст: «Что значит *мертвость Господа Иисуса*, которую они носили? — Ежедневно угрожающие различные роды смерти, которые указывали вместе и на воскресение. Если кто не верит, говорит, что Иисус умер и воскрес, таковый пусть уверится в истине воскресения, видя нас, ежедневно умирающих и воскресающих. Когда Господь исторгает нас из опасностей смерти, то чрез это *живот Иисусов является в теле нашем.* Так что то самое, что с одной стороны показывает

по видимому бессилие Апостолов и оставление их от Господа, то самое с другой стороны ясно проповедует Его воскресение. Ибо не так бы видима была сила Его, если бы мы никогда ничего не страдали, нежели теперь, когда мы страдаем, но остаемся непобедимыми». Так и Экумений с Феофилактом.

Нельзя не видеть, что, по ходу речи, явление живота Иисусова в непрестанно будто умирающем теле Апостолов есть то же, что: *да премножество силы Божией будет, а не от нас.* Только в настоящем месте он явление силы Божией вообще сводит на явление ее применительно к слову благовестия. Ибо здесь всепобедительное начало есть удостоверение, что Распятый жив, и не жив только, но и нам дает силу жить, при всей разрушительности натисков на нас совне. Можно отсюда и далее провесть мысль Апостола, именно: мы собою являем, что Господь жив, а это есть начало и источник веры, животворящей души ваши. Следовательно, как бы дух жизни о Христе Иисусе исходит из повсечасно умирающих тел наших. Намеренно так и устроил Бог, чтоб сокровище, сокрытое в скудельности нашей, слово благовестия и благодать, беспрепятственнее делалось достоянием вашим, чтоб вы вкушали силы их и чрез то приобщались живота Иисус Христова. Сосуд слишком крепкий и крепко закрытый мешал бы узнавать, что в нем, а хрупкий

и непрестанно дающий будто трещины и заделываемый неминуемо обнаруживает, что в нем.

Стих 11. *Присно бо мы, живии, в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей.*

Повторяет то же самое, что сказал пред сим, чтобы пояснее вообразилась в уме читающих выраженная им мысль; а это нужно было, чтобы точнее было понято, что говорится в следующем, 12-м стихе. Святой Златоуст говорит: «Святой Павел, когда говорит что-нибудь неясно, то всегда присовокупляет объяснение своих слов. Это он сделал и в сем месте, поясняя неясно сказанное. Для того, говорит, *предаемся в смерть Иисуса ради*, то есть носим мертвость Его, чтобы открылась в нас сила жизни Его, когда Он не попускает смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побежденною множеством зол».

Это прямая мысль. О будущем приобщении живота Иисусова чрез воскресение, кажется, святой Апостол не помышлял при сем. Внимание его пока все ограничивается настоящим делом проповеди и явлением чрез нее живоносной спасительности во Христе Иисусе. То, что Апостол говорит: *да явится живот*, ἵνα φανερωθῇ, не на будущее указывает, а настоящее: да будет явлен, или являем, живот Иисусов теперь. Потому, переносясь мыслию, по поводу сих слов, к будущему сооживлению с Христом, святой Златоуст

говорит: «Можно и иначе понимать слова». За ним и другие наши толковники стали повторять: можно и так, давая разуметь, что это возможная, но не прямая мысль. Святой Златоуст говорит: «Можно еще иначе понимать слова сии. Как же? — Так, как в другом месте говорит: *аще умрохом со Христом, веруем, яко и живи будем с Ним* (Рим. 6, 8). Ибо как мы носим Его мертвость и решаемся заживо умереть для Него ныне, так и Он благоизволит умерших нас оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнию, идем на смерть, то и Он приведет нас от смерти к жизни». То же и Феодорит: «Так Апостол и в другом месте говорит: *понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 17). Посему-то самому с любовию за Владыку встречаем смертоносные опасности, чтобы стать причастниками жизни Его и, жертвуя жизнию временною, восприять за то нетление плоти».

Можно и другую побочную мысль читать в этих словах Апостола, именно ту, что спасительного живота Иисус Христова нельзя иначе стать причастником во всей его силе, как чрез сострадание Ему. В крещении спогребаемся Ему таинственно, а в жизни потом прививаемся к крестному живоносному древу страданий и смерти Его, чрез невольные страдания и произвольные лишения или разного рода подвиги самоотвержения и самоумерщвления. Чрез сии мертвенности,

или умирания Господа Иисуса ради, и сила живота Его является в естестве нашем. Другого пути нет; один он – тесный и прискорбный. Утешная жизнь в довольстве и утехах поставляет вне круга причастников живота Христова.

Стих 12. *Темже смерть убо в нас действует, а живот в вас.*

Смерть в нас действует, то есть скорби, беды, непрестанные насмертности — чем всем является, что мы скудельные сосуды. *А живот*, говорит, *в вас*, то есть сокровище, в нас сокрытое, — слово благовестия и благодать, — чрез то самое, что мы по вся дни умираем, делается вашим достоянием и сообщает вам жизнь, которая и действует в вас. Удостоверясь из немощности и скудельности нашей, — из того, что умираем и все живы есмы, — удостоверяясь из этого, что в нас сила Божия действует, вы веруете слову благовестия, веруя, оживотворяетесь благодатию Святого Духа чрез таинства и начинаете жить новою, никому другому не ведомою жизнию о Христе Иисусе, жизнию, которая, начавшись здесь, имеет пребыть вечною, вводя вас в нескончаемое блаженство. Феодорит пишет: «Ради вашего спасения подвергаемся мы опасностям, потому что с опасностию для себя преподаем вам учение (дающее истинный живот). И выходит, что, поелику мы бедствуем, вы наслаждаетесь жизнию истинною». То же и Экумений: «Как бы так говорил Апостол:

мы умираем по причине благовестия, дабы вы, уверовав чрез него в Христа, сподобились истинной жизни, которая есть вместе и жизнь нетленная и вечная». У него же Фотий говорит: «Скорби, страдания и смертоносные беды действуют в нас, а вера и благочестие, в коих истинная жизнь, в вас. Жизнь же есть вера с благочестием, потому что стяжевают нетленную, нескончаемую и вечно блаженную жизнь на небесах». Завершим речь словами Феофилакта: «Мы в опасностях; вы же из сих опасностей собираете плод жизни, веруя в проповедуемое нами Евангелие, чрез которое вечною начинаете жить жизнию».

бб) Воодушевляет при этом Апостолов уверенность в будущем спрославлении с Господом Иисусом (4, 13—15)

Раскрыл Апостол, что они скудельные сосуды, ради того, чтоб яснее была сила Божия, действующая в них, и чрез то множилась вера призываемых во спасение и обильнее действовал в сих последних живот о Христе Иисусе. Мог послышаться вопрос: а вам же что? В вас неужели будет все действовать одна только смерть? — Нет, говорит, не одна смерть. Мы уверены, что воздвигший Господа Иисуса и нас воздвигнет в славе. Эта вера воодушевляет нас, и мы, веруя так, не перестаем глаголать.

Стих 13. *Имуще же тойже дух веры, по писаному: веровах, темже возглаголах, и мы веруем, темже и глаголем.*

Сказал: *в нас смерть действует*. Теперь продолжает как бы: но это не мешает нам и не отнимает у нас ревности продолжать дело проповеди Евангелия. Есть вера, воодушевляющая нас. И мы в сем случае оказываемся в таком же положении, в каком был пророк Давид, когда говорил: *веровах, темже и глаголах* (Пс. 115, 1). Подобный же дух веры исполняет и нас; имея его, мы веруем и, веруя, глаголем. Глаголем, то есть продолжаем благовестие Евангелия во спасение и живот всех, хотя отвсюду окружены только смертями. В чем именно дух веры, из примера святого Давида нельзя выводить. Апостол берет только одно обстоятельство, что святой Давид от напряжения веры не мог удерживать языка, и говорил. Подобным же образом (говорит) и нашим языком движет неудержимая сила веры. Какой же смысл у Апостола имела вера? – Судя по предшествующей речи, это будет непоколебимая уверенность, что мы исправляем дело Божие во славу Божию и вечное благо всех людей. Последующие же слова: *ведяще*, – что Бог и нас воздвигнет, и проч., – представляют то, чем восполняется и оживляется сия вера; ибо без сего она не имела бы будто окончательного пункта, или была бы без конца. Но как это такой пункт, который можно назвать средоточием веры, то очень вероятно, что Апостол, говоря о вере, разумел именно этот предмет веры. Святой

Златоуст говорит: «Доказав, что бедствие не есть признак бессилия и оставления от Бога тех, кои терпят бедствия, Апостол переходит к вере и к ней все направляет. И для утверждения сей веры опять указывает на воскресение Христово, говоря: *и мы веруем, темже и глаголем*. Чему же веруем? – *Яко воздвигий Иисуса и нас воздвигнет*». То же и Феофилакт: «Веруем, потому и глаголем, что как Иисус воскрес, так и мы здесь будем избавляемы от всех опасностей смертных, а там совоскрешены со Иисусом».

Стих 14. ***Ведяще, яко воздвигий Господа Иисуса, и нас со Иисусом воздвигнет, и предпоставит с вами.***

Совоскресение Господу во славе есть самый воодушевительный и возбудительный в христианском исповедании предмет. Сколько здесь утешения терпящим за веру! Сколько подкрепы подвизающимся в жизни по духу веры! А вот и Апостолы к перенесению трудов в насаждении веры на земле почерпали нравственную силу из той же истины. Бедное естество наше так прославлено в воскресении Господа Иисуса – для Него ли? — Нет, это образ, основание и сила воскресения всех верующих к славе о лице Иисус Христове. Созерцая это, Апостол и прежде еще говорил: *не ктому себе живу*. И здесь то же говорит: пусть смерти кругом; мы веруем, что нам принадлежит живот, которого никакая смерть

восхитить не может. Мы стоим в обладании сим животом и, не боясь смертей, с дерзновением ведем дело благовестия.

Ведяще. Поелику это ведение здесь стоит как истолкование веры, то его надо признать таким, которое обнимает все сознание и, — как оно заправляло всею жизнию Апостолов, — таким, которое закрывало собою все другие предметы ведения и всегда стояло впереди. *Яко воздвигий Господа Иисуса,* — Бог Отец, совместно, без сомнения, со Святым Духом. Воскрес воплотившийся Бог Сын; но воскресение совершилось единодействием Пресвятой Троицы. *И нас со Иисусом воздвигнет. И нас* — о себе говорит Апостол, об Апостолах, то есть непрестанно умирающих в деле благовестия и преподания всем благодати; конечно, не имея той мысли, что их только и воздвигнет, но что со всеми и их воздвигнет. Воскресение Христово положило основание общему всех людей воскресению. Теперь уже необходимо воскреснут все. Разность будет только в том, для чего и в каком виде кто воскреснет. Одни воскреснут во свете и для славы, а другие в мрачности и для мук. И светло воскресшие не в одной степени светлости явятся. Какою светлостию будут окружены Апостолы?! Это они предчувствовали. И вот источник воодушевления, о коем у Апостола здесь речь! *Воздвигнет со Иисусом,* διὰ Ἰησοῦ, чрез Иисуса. Сила

воскресения Христова от Него перейдет тогда на всех. Теперь она в Нем едином сосредоточена и в других действует только духовно. Когда по вере возрождаются в купели крещения, то вместе с тем приемлют семя к славному воскресению. Дар Духа Святого закрепляет сию надежду существеннее. На сем основании всякий крещеный может исповедать нелестно*: и меня воздвигнет к славе, если сохраню благодать крещения или потерянную возвращу покаянием. Эта общая всем вера в Апостолах восходила на высшую степень ради того, что они существеннее становились причастниками смерти Христовой, ибо говорит: *мы в смерть предаемся присно Иисуса ради*. Как в Господе смерть и воскресение неразделимы были, так неразделимым сознавали и Апостолы свое воскресение чрез Господа с своим умиранием за Него. — *И предпоставит с вами*. Пред кем поставит? Если пред Собою и пред престолом Своим, это наведет мысль на суд, имеющий быть по воскресении. Но как у Апостола мысль — о воодушевляющей преславности будущего, то ближе будет: представит в блаженное царство, или туда, где Господь обетовал быть слугам Его. — *С вами*, прибавил, чтоб напомнить коринфянам, что это и их веры предмет, и чтоб, устремив внимание на славу воскресения Апостолов, они не выпускали из вида своего воскресения с ними и не

* Искренне. — *Ред.*

забывали соответственных сему упованию обязательств. Блаженный Феофилакт пишет: «Воздвигнет и нас с вами к получению нескончаемых благ. Этим он воодушевляет их к хранению веры и к ревности о соответственной вере доброй жизни».

Стих 15. *Вся бо вас ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодарении избыточествит в славу Божию.*

Показывает, что он нимало не преувеличенно сказал: *воздвигнет нас и предпоставит с вами.* Говоря так, не слово лести к вам простираю, но потому так говорю, что так должно быть: ибо все для вас, *для вас* — не коринфян только, но и всех верующих, — *вся*, всё домостроительство во Христе Иисусе здесь и все блага неописанные там. Феодорит пишет: «*Вас ради*, то есть верующих; ибо сказал не об одних коринфянах, но о всех принявших проповедь. Бог, промышляя об общем всех спасении, совершил домостроительство Владыки Христа». Святой Златоуст говорит: «Для вас Его воскресение и все прочее. Ибо не для одного только человека Он столько совершил, но для всех».

Да благодать умножившаяся, то есть сделавшаяся достоянием многих. Господь устроил спасение всех и учредил апостольство, чтобы оно силою Духа Святого по всей земле, во всех языках и обществах положило основы общему всех лю-

дей спасению. Это мы и делаем. Слово благовестия распространяется; вместе с ним разливается благодать, возрождающая к новой жизни, в залог нескончаемого блаженства в вечности. Причастившиеся сей благодати вкушают радость о Духе Святом, подвигающую уста на благодарение. Чем больше причастников благодати, тем более уст благодарных. Множащаяся благодать множит благодарение; избыточество благодарения избыточествует в славу Божию. Слава Божия — последняя цель всего домостроительства во Христе Иисусе. Ангелы выну* славословят Бога; на то же славословие созданы и люди. Но их песнь славословная порвалась на первых порах. Надлежало восстановить ее. Чтоб восстановить, Сын Божий, воплотившись, нисходил до последних степеней уничижения и потом восшел человечеством на последние степени славы. Приобщив его всевозможной славы, Он сделал его вновь способным воздавать возможно высшую славу Богу. Причащающиеся благ во Христе Иисусе вкушают и славы Божией и славословят Бога. Славословие — знак вкушения радости жизни. Потому оно и стало целию всего, что Бог всех хочет облаженствовать. Бог хочет, чтобы все вкусили благ духовных, все радовались, а ради этого и благодарили, и славословили Его. Апостол говорит о вкушении благодати множайшими и о

---

* Всегда и постоянно. — *Ред.*

благодарении множайшими, потому что не все хотят того, чего хочет Бог.

вв) Созерцание будущей жизни (4, 16—5, 10)

Высказав ту истину, что Апостолы воодушевляются в трудах благовестия, при беспрестанной насмертности, тем несомненным убеждением, что имеют воскреснуть Иисус Христом в славе, рассудил святой Павел долее подержать внимание наше на этом предмете, по причине его крайней важности в деле устроения спасения. В нравственном отношении самая влиятельная, самая остепенительная, самая возбудительная истина есть истина о будущей жизни. Установившиеся в созерцании ее не согрешают, в трудах же добродelания и подвижничества меры почти не знают. Апостол и положил подержать на ней побольше внимание. Он говорит в своем лице: мы, нам, наше, может быть, потому более, что сам испытывает те чувства, которые изображает; но рассуждения его по содержанию не имеют исключительного отношения к апостольскому служению, а суть рассуждения, идущие ко всем христианам вообще. Он их всех представляет в своем лице, когда говорит: мы, нам, наше.

α) Будущая жизнь преславна (4, 16—18)

Стих 16. *Темже не стужаем си: но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни.*

В будущую жизнь перенесся Апостол мыслию по поводу своей непрестанной насмертности. С этого же и теперь начинает речь, и как по лестнице возводит нас от тления внешнего человека к обновлению внутреннего, от него к мере будущей славы и, восшедши таким образом к невидимому и вечному, там нас оставляет, желая, чтоб мы и не сходили оттуда посмотреть, яже суть в доме нашем земном.

Темже не стужаем си: не скучаем, не тяготимся, не изъявляем никакого недовольства. И в начале главы то же говорил он: *имуще служение сие, не стужаем си*. Там — после того, как сказал, что в домостроительстве Нового Завета все вводятся в созерцание славы Божией откровенным лицом, чтоб преобразовываться в тот же образ от славы в славу, с такою мыслию: как с охотою не послужить такому преславному делу, не обращая внимания на все внешние неудобства? Здесь то же внушает после того, как выразил уверенность в спрославлении с Господом по воскресении. Имея в виду такую славную участь в будущем, мы, говорит, *не стужаем си*, несмотря на окружающие нас скорби, беды, смертные опасности. «Не печалимся, не предаемся малодушию, но переносим все мужественно» (Феодорит), «зная силу Божию, которая и ныне нас избавляет от всяких бед, и в будущем воздвигнет в славе» (Феофилакт), «и видя, как все делаемое и претерпеваемое

нами обращается в умножение славы и благодарения Богу» (Экумений).

Но и это все претерпеваемое нами не остается без отношения к будущей жизни. Будущая жизнь будет соответствовать духовному преспеянию здесь. Внешние же скорби усовершают дух. Пусть тлеет внешний человек! От этого, или при этом, внутренний обновляется *по вся дни. Внешний человек* — тело с потребным для него и с участию его; *внутренний* — дух и душа (Феофилакт, Экумений). Внутренний человек то же, что *потаеный сердца человек* (1 Пет. 3, 4), дух самосознательный и свободный, с его отправлениями — страхом Божиим, совестию и неудовлетворенностию ничем тварным. Таков он в естественном порядке. Под действием же благодати он благоговейно предстоит Богу, с любовию созерцая Его в безмятежии, ходит неуклонно в заповедях Божиих, имея закон Бога своего в сердце своем, и за то преисполняется радостию о Дусе Святе, вкушает, сколько благ Господь, и теряет вкус ко всему, что не Господне. Все эти проявления духа под действием благодати начинаются с первой минуты рождения в новую жизнь; но растут они и крепнут постепенно, более от благодатных воздействий, но немало и от внешних состояний человека. Благосостояние внешнее много может мешать совершенствованию его; скорби же внешние много помогают тому, держа дух в

отрешении от всего и давая ему возможность всею полнотою своею принимать благодатные влияния и обращать все усилия свои на самовозрастание, не развлекаясь ничем сторонним. Это и разумеет Апостол, когда говорит, что, когда внешний человек тлеет, внутренний обновляется по вся дни. Святой Златоуст говорит: «Каким образом *тлеет* внешний человек? – Когда терпит бичевания, гонения и другие бесчисленные бедствия. А *внутренний* как *обновляется*? – Верою, надеждою, ревностию. Чем более страждет тело, тем более душа имеет благих надежд и тем более просветляется, как золото, много искушенное действием огня».

Само собою разумеется, что означенное тление внешнего человека обновляет внутреннего не безусловно, а под условием благодати, веры и жизни по вере. Ибо обновление не от него собственно исходит, а им способствуется, имея свой особый источник. Тление внешнего человека или невольно случается, или произвольно устрояется, но значение его и действие одно: способствует обновлению внутреннего, питая в душе страх Божий, просветляя совесть и отрешая от всего тварного, от всякого земного пристрастия. Тление внешнего человека, кроме бед и скорбей, совершается еще умалением пищи и пития, сна и отдыха, удалением от развлечения чувств чрез уединение, пресечение забот и вообще истощание

тела и довольство самою крайнею мерою нужного, с устранением себя от многомятежия*. Такой порядок жизни уже предполагает зарождение внутреннего человека; предполагает, но не прямо указывает на него, ибо и это все можно делать внешне. Настоящий внутренний человек есть благодатию рожденный и ею воспитываемый и обновляемый. Когда это есть, то тление внешнего человека необходимо требуется, и только в этом случае тление сие способствует обновлению внутреннего. А без сего чрез тление внешнего человека никогда не обновляется настоящим образом внутренний человек.

Стих 17. *Еже бо ныне легкое печали нашея по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделовает нам.*

Еже ныне, — τὸ παραυτίκα, — нынешнее, мгновенное. *Легкое печали* — легкие прискорбности. Как ни велико, говорит, то, что мы терпим, так что нас справедливо надо назвать насмертниками; при всем том это суть только прискорбности легкие и скоропреходящие, если смотреть на них с точки зрения будущей славы. Что сия жизнь пред вечностию, и стоит ли брать ее в счет, если бы и всю ее беспрерывно пришлось пространдать? Печали бывают и очень чувствительные; но как они все проходят, а минувшая печаль уже не тяжела, то они все в собственном смысле легки.

---

* Множества трудов, забот и сует. — *Ред.*

Печаль, конца не имеющая, хотя бы она и невелика была, не может не казаться подавляющею. *По преумножению в преспеяние*, — καθ' ὑπερβολὴν εἰς ὑπερβολὴν, — по преизбытку в преизбыток, — хочет сказать: меры нет в каком преизбытке, «в величайшем преизбытке» (святой Златоуст); «будущая слава имеет величие преизобильно преизобильное» (Феофилакт). *Тяготу вечныя славы*, — αἰώνιον βάρος, — вечную тяготу славы. В противоположность скоропреходящим легким прискорбностям ставится вечная тяжелая слава, — слава представительная, полновесная. «Легкому и удобоносному противопоставляет Апостол тяжелое, то есть многоценное» (Феодорит). *Соделовает нам*, — приготовляет нам; терпим здесь, а там слагается уже, что следует за претерпеваемое здесь. Идут современно*: здесь легкая прискорбность, там залог полной славы. «Смотри, как он отнимает силу у скорбей настоящей жизни; когда настоящее противополагает будущему, временное — вечному, легкое — полновесному, скорбь — славе. Все дело полагает он в надежде» (святой Златоуст). Прискорбности внешние верою и благодатию поставляют страждущего в тесное общение со страданиями и смертию Христовою. Оттого они бывают проводниками и жизни Христовой, обновляющей внутреннего человека. Но то же общение в страданиях и

* В одно время. — *Ред.*

смерти Христа Господа, прославленного уже, служит основанием прославления и страждущих Его ради. Отсюда следует, что скорби, обновляющие внутреннего человека, служат вместе залогом вечного прославления. Посему Апостол поставляет обновление внутреннее с прославлением будущим в некоторой причинной связи: *еже бо.* — Они сходятся путем скорбей в одном источнике, прославленном Господе Спасителе, обновляющем духовно общащихся с Его страданиями и смертию силою веры и благодати и готовящем им славу, какою Сам облечен, восседя одесную Отца, яко победитель смерти и ада.

Стих 18. *Не смотряющим нам видимых, но невидимых: видимая бо временна, невидимая же вечна.*

Условие выставляет Апостол, при котором тление внешнего человека обновляет внутреннего и легкое печали тяготу вечной славы соделывает нам. Под тем условием, говорит, если мы не смотрим на видимое, а на невидимое, или при таком строе нравственном, в коем не смотрят на видимое, а на одно невидимое. Это само собою видно. Смотри на солнце, и светоносностию его исполнишься (внутренний обновится). Также подымись повыше, и все на земле сущее покажется мелочным и ничтожным. — Святой Златоуст говорит: «Показывает способ, как легкою делается тяжесть скорби. Как же? — *Не смотрящим*

нам, говорит, *видимых, но невидимых*. Если будем отвращать взор свой от видимого, то настоящее будет для нас легко, а будущее велико». Ту же связь видит в этих текстах и Экумений: «Поелику назвал скорбь легкою, хоть она бывает тяжела, то объясняет теперь, каким образом бывает легкою нынешняя скорбь. Если, говорит, не будем смотреть на видимое, а на невидимое. Ибо противопоставь только тамошнее здешнему, и увидишь, как все здешнее покажется легким. Ибо это все временно, а то вечно».

Не смотряющим, — μὴ σκοπούντων. На ристалищах, — σκοπός, — мета, до которой надлежало прежде всех достигнуть, чтобы получить награду. Бегущие на конях или на ногах взор свой весь вперяют в эту мету, ни на что стороннее не обращая внимания, будь тут золотые горы. Апостол выражает, что обновляемым духовно, ждущим вечной славы надлежит не только в цели не иметь ничего видимого, но и во внимании того не держать, быть так к нему, как бы его не было; цель же, куда взор их, минуя все, должен быть вперен, есть исключительно невидимое. Оно одно — предмет их желаний, стремлений и надежд. Пока человек живет телом и душою оплотенелою, до тех пор невидимое кажется ему чем-то призрачным, неопределенным, будто не сущим. Когда приходит благодать и пробуждает дух, то в числе первых требований к восприятию новой

жизни есть отречение от видимости, от опор, надежд и утех, видимыми вещами и лицами подаемых, и обращение к невидимому, чтоб там положить надежды свои и предметы своих исканий и надежд. Этим требуется жертва кровная, но она необходима. Сознавший это делает себе перелом, как это ни больно, и приносит требуемую жертву. Она отворяет дверь входа благодати, образующей нового человека. Родившись под таким отчуждением от видимого, внутренний новый человек, если он развивается правильно, уже не возвращается сюда, а живет там весь в невидимом. Оно одно становится для него истинно сущим; видимое же призрачным и исчезающим, как оно и есть на деле. Почему в словах Апостола: *не смотряющим нам видимых* можно видеть такой смысл: уж это такой порядок, или закон жизни о Христе Иисусе, что мы не смотрим на видимое, а на одно невидимое. — Что это невидимое? — Бог, в Троице поклоняемый, и все то, что дает Он вкусить приближающимся к Нему. Это немногосложно, но многообъятно, — и одно насыщает; тогда как видимого много, но оно не насыщает, а только раздражает вкус. Что это видимое? — Все, что считает благом человек, этой жизни преданный: довольство, сласти, почет, преобладание, властвование, широта предприятий и успешность в них, и подобное.

Видимая бо временна, невидимая же вечна. Не касается других черт видимого и невидимого, потому что эти нагляднее. Пристращенному к видимым вещам, что ни говори об этом с невыгодной стороны, все не совсем внятно будет; а что все это временно, это осязательно видно, ибо пред его глазами течет, как река, и постоять не может. Отрешившийся от видимого и сочетавшийся с невидимым, хотя и мог бы понять многие другие черты сего невидимого, кроме вечности, — но как он уже и вкушает их и в этом вкушении видит блаженство отрешенной от всего жизни, то для него утешительнее всего слышать, что невидимое, сладость которого он начал вкушать, вечно и что, следовательно, начатому им сладостному благобытию конца не будет. Так Апостол, простым словом, одним дал сильное вразумление, а другим крайне утешительное ободрение. Святой Златоуст говорит: «Не сказал, что одни скорби временны, но — все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость; чтобы и в радости мы не расслабевали, и скорбями не тяготились. Посему же, говоря и о будущем, он не сказал: царствие вечно, но *невидимая вечна*, хотя бы то было царство, хотя бы мучение — чтобы мы сего последнего страшились, а к оному стремились. Итак, поелику видимое временно, а невидимое вечно, то к невидимому и будем простирать наши взоры. Если временное предпочтем вечному, то чем извиним

себя? Положим, что и временное приятно, но оно непродолжительно, а мучения за оное не будут иметь ни конца, ни пощады. Какой ответ дадут те, кои, быв удостоены Духа Божия и вкусивши уже от толикого дара Божия, после обратили взоры свои долу и ниспали к земному?»

β) Почему особенно желательна будущая жизнь? (5, 1—5)

Потому, что там мы облечемся в тело небесное, чистое, легкое, светлое. Это тело, настоящее, грузно, тяготит, требуя много о себе заботы, а само воздает противлением духовным стремлениям нашим к небесному. Вот мы и желаем сбросить это грубое тело, чтоб облечься в то, духовное. Это воздыхание в нас от Бога, давшего нам обручение Духа, Который предызображает нам будущее светлое состояние и удостоверяет Самим Собою в его действительности. Отсюда и воздыхания.

Глава 5, стих 1. *Вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворену, вечну на небесех.*

Вемы бо. Настоящий период бытия нашего есть переходный и устроен вследствие падения. Надлежало бы это нам сознавать и ощущать. Но, прижившись, мы обыкновенно миримся с пребыванием на земле и с жизнию в теле. Чаяние другой жизни является у нас в самом неопределен-

ном и шатком виде. Благодать Божия, рождая в новую жизнь, оживляет и чаяние будущей жизни, представляя ее в определенных очертаниях. Это и выражает Апостол, говоря: *вемы бо*. У него это было ясное знание. Мы ведаем об этом со слов его; но обязаны знать так же, как и он знал, потому что сподобились той же благодати Духа Святого. Имеют такое знание чистые сердцем, в коих благодать Духа является в действенности.

Аще земная наша храмина тела разорится. — *Аще* — не в таком смысле говорит: в случае, если разорится, а в таком: когда разорится, выражая, что это есть желанная и несомненная минута освобождения от этой земной ноши, тяготящей нас и к земле приковывающей. *Земная храмина тела,* — οἰκία τοῦ σκήνους, — земное наше жилище скинийное, или скиноподобное. «Апостол говорит так о нашем теле. Назвав его скинийным, он указал на удоборазрушаемость его и кратковременность здешней жизни» (святой Златоуст). Тело это, или такое, есть дом души, но земной только, временный, на время поставляемый, подобно скинии, или палатке, которая самым видом своим дает разуметь, что теперь она стоит здесь, а чрез несколько дней и даже часов ее не будет здесь. Тело — это переходное жилище. Когда оно разорится, *создание от Бога имамы, храмину нерукотворену вечну, на небесех.*

Создание от Бога, — οἰκοδομὴν ἐκ Θεοῦ, — здание, от Бога устрояемое, Богозданный дом. Разумеет Апостол не обители вечные, а будущее наше тело, называя его вслед за сим *храминою нерукотворенною*. Назвать его нерукотворенным подало повод, может быть, сравнение со скиниею; мысль же у него та, что настоящее тело устрояется естественным путем рождения, вследствие которого оно и есть обременительное во многих отношениях жилище, этою самою тяготою своею возбуждающее желание освободиться от него, чтоб восприять новое; будущее же тело будет жилище, зиждительною силою Божиею устрояемое, потому свободное от всего, от чего так тяжелым бывает настоящее тело. Вследствие сего храмина та — будущее тело — будет *вечно*, ибо будет составлено не из грубых стихий, самым образом сочетания своего предрекающих разрушение и разложение, а из элементов нетленных, или из одной стихии небесной. С таким телом уже нельзя жить на земле; приличное ему место есть небо; или землю надо будет превратить в небо. — Словом: *на небесех* Апостол означил, где будет наше пребывание с будущим телом. Но само тело восприимется на земле, ибо это есть воскресшее тело, а воскресение последует на земле. В другом месте Апостол говорит, что достойные пребывать с Господом по воскресении воспарят в сретение Господу на воздухе и не возвра-

тятся уже оттуда на землю, а всегда с Господом пребудут (1 Сол. 4, 17).

Апостол говорит, что, когда разорится земная храмина тела, имеем на небесах храмину Богозданную, вечную. Имеем будто тотчас по совлечении этого бренного тела путем смерти; тогда как, по Божию устроению, между тем и другим положен промежуток, который может прекратиться каждое мгновение, но длится еще, и определенного ему предела никто назначить не может. Ждет Господь, пока все могущие спастись познают Его и внидут в стадо Его. Зачем же так сказал Апостол? – Чтоб из слов его не делать побочных, несостоятельных наведений, надо иметь в мысли, что во внимании Апостола были только два момента – жизнь в этом теле, тяжелая и обременительная, и жизнь в будущем преславном теле, светлая, небесная, желанная, которая несомненно будет получена. Он хотел только сказать: сбросим это тело, временное, и получим то, вечное, небесное. Что будет между этими моментами, того он не касается, это не входило в его рассуждение в настоящем случае.

Стихи 2 и 3. ***Ибо о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе; аще точию и облекшеся, не нази обрящемся.***

Вот причина, почему мы воздыхаем! Та, что желаем облещися в небесное наше жилище, в тело нетленное и нерукотворенное. Знаем навер-

ное, что оно есть и что оно несравненно лучше настоящего тела, или что оно-то и есть настоящее тело, какое надлежит нам иметь; потому и вожделеваем его. — *Желающе*, ἐπιποθοῦντες, имея сильное, неудержимое желание. Почему и *воздыхаем* στενάζομεν, — воздыхаем со стенанием. Силе желания ответствует и воздыхание. Святой Златоуст говорит: «Скажи мне, в какое жилище (желаем облещися)? — В нетленное тело. Отчего же ныне воздыхаем? — Оттого, что оное тело гораздо лучше. *Небесным же*, τὸ ἐξ οὐρανοῦ, называет оное по причине его нетления, а не потому, что будто оно с неба низойдет на нас; с неба оно получит только животворную благодать (нетления), его оживляющую». «Не сказал: ἐνδύσασθαι — облещися, но ἐπενδύσασθαι — переоблещися, переодеться, потому что не в иное облечемся тело, но сие тленное облечется в нетление» (Феодорит). О каком воздыхании говорит здесь Апостол? — О том, которое обще всем благочестивым христианам, не в угождении плоти живущим, а достойно имени своего идущим вслед Господа со крестом самоотвержения. Что будет другая жизнь, все знают, но желание ее не у всех, ибо не у всех полно самоотвержение. Труды самоотвержения дают дерзновение желать той жизни, а свидетельство совести поддерживает его удостоверением, что сретят там милость Божию. Все такие и желают разрешиться и со Христом

быти. Усиливается сие желание до вожделения со стенанием от восчувствованной и постоянно чувствуемой тяготы тела, и особенно того, что часто им пользуется враг к прельщению и увлечению на недолжное, или к постановлению в нежелаемое состояние расслабления, сонливости, утомления, неподвижности. Или не то ли воздыхание разумеет святой Павел, которое слышится во всех людях, о том, что мы изгнанники на земле, отечество же наше не здесь? Оттого у всех есть некая туга, как бы тоска по родине. Вне христианства эта тоска остается неопределенною, а в христианах получает точный и определенный смысл.

Аще точию и облекшеся не нази обрящемся. Если *не нази* разуметь в отношении к телу, то есть *не без тела обрящемся*, то в этом стихе не будет никакой мысли. Ибо какой смысл сказать: если только и облекшись в новое тело не без тела обрящемся? Если б вместо *облекшеся*, ἐνδυσάμενοι, стояло *совлекшеся*, ἐκδυσάμενοι, тогда была бы мысль такая: желаем облещись в новое тело, а этого совлещись, то есть желаем совлещись его, но не так, чтобы, совлекшись, оставаться без тела, нагими. Такая мысль была и у святого Златоуста, вероятно по встреченному им чтению — ἐκδυσάμενοι. Он говорит: «То есть хотя и сложим с себя сие тело, впрочем, не без тела там явимся, но с сим же телом, которое сделается

тогда нетленным». Но чтение — ἐκδυσάμενοι не оправдывается, и всеми принято читать ἐνδυσάμενοι. Читая же: *облекшеся*, нельзя давать сему тексту другого смысла, как тот, который дают ему наши толковники, то есть *не нази* от добрых дел и славы. Ибо под этим только условием вожделенно облачение в новое, нетленное тело, а без этого оно не только не благо, но есть начало крайнего злострадания, потому желательным быть не может. Апостол и говорит: воздыхаем в желании облещись в новое, небесное, тело, но, конечно, с таким приложением: если только, и облекшись в него, не обрящемся обнаженными от славы, благодати и благоволения Божия.

Святой Златоуст после приведенного мнения продолжает: «Некоторые же словам: *аще точию и облекшеся не нази обрящемся* дают иной смысл, и весьма рассудительно; то есть чтобы верующие, в надежде на воскресение, не предались беспечности, Апостол сказал: *аще и облекшеся*, то есть в нетление, и получив нетленное тело, *не нази обрящемся* (не лишены будем) славы и вечного спасения. Ибо хотя воскресение обще всем, но слава не для всех. Одни воскреснут в честь, а другие в бесчестие; одни для царствия, а другие для мучения». То же пишет и Феодорит: «Хотя всякий человек облечется в одежду нетления, однако же не все станут причастниками Божественной славы. Посему нагими называет лишенных

Божественной славы, к которым и себя причисляет Апостол, и коринфян, и всех людей, научая сим скромности».

Этим выражается то, что имеющие быть осужденными по воскресении будут чувствовать себя находящимися в обнаженной срамоте, подобно тем, кои бывают выставляемы на позор нагими пред многочисленным собранием людей. Как это естественно, очевидно само собою. Говоря же о сем, Апостол хотел предпослать внушение: потщитесь же не нагими обрестись в день тот, столь вожделенный по себе. Это внушение и прямо выражает он ниже: *потщимся благоугодными быть Господу* (стих 9).

Стих 4. *Ибо сущии в теле сем воздыхаем отягчаеми; понеже не хощем совлещися, но пооблещися, да пожерто будет мертвенное животом.*

Объясняет, в каком смысле желаем сбросить это тело и по какому побуждению. Тяжело, говорит, это тело, много требует о себе забот: накорми его, напой, одень, дай покойное ложе, и это каждый день, а иное и на день подай ему несколько раз; так что целый век маешься будто из-за одного того, чтоб ухаживать за телом. Между тем для жизни по духу оно не только помощи не подает, а, напротив, служит первою к тому помехою, до последнего издыхания. Бывает, что все враги смолкают, а оно все тянет долу.

Вот почему *сущии в теле сем*, мы и *воздыхаем*, воздыхаем, *будучи* им *отягчаемы*.

Но не прими кто поэтому ложной мысли, будто мы желаем избавиться от тела, чтобы совсем быть без тела. Нет; мы воздыхаем о свободе от такого тела, а не вообще от тела. Быть с телом положено человеку зиждительною премудростию по строю творения, и без тела ему быть неестественно. Без него не может он не чувствовать себя неполным, оскудевающим, лишаемым, а потому не может вкушать и полной радости бытия, даже при уверенности, что оно есть благобытие. Потому, желая совлещись этого тела, мы не того хотим, чтоб быть без тела, но того, чтоб только переодеться. (*Пооблещися*, ἐπενδύσασθαι, переоблещися.) И именно как? — *Да пожерто будет мертвенное животом*. Вот чего желаем! Чтоб из тела этого взята была мертвость: тление и страстность, а на место их вселилась в него жизнь нетленная, чистая, пресветлая, небесная; вошла бы в него эта жизнь и поглотила ту мертвость, и совсем преобразила его. «Воздыхаем, не избавиться желая от тела, но имея желание стать свободными от страстей его, ибо вожделеваем не совлечься тела, но переоблещися в нетление» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Не о том воздыхаем, говорит, чтобы освободиться от тела, ибо мы не желаем совсем сложить с себя тела, но желаем только освободиться от тления,

которое в нем находится. Потому и говорит, что мы хотим не совлечься тела, но только облечься в бессмертное. Потом сам же объясняет, как это возможно: *да пожерто будет мертвенное животом*. Для многих могло показаться тягостным отложение тела, а он вопреки общему голосу говорит: мы воздыхаем потому, что желаем от него освободиться. Другой мог сказать на это: если душа столько болезнует и страдает, разлучаясь с телом, то как ты говоришь, что мы воздыхаем потому, что долго не можем освободиться от него? Предупреждая сие возражение, он говорит: и я не говорю, что мы о том воздыхаем, как бы сложить с себя тело, ибо никто без скорби не слагает оного; но воздыхаем о том, как бы облечь его в нетление. Тяготимся мы телом, но не от того, что носим тело, а от того, что носим тело тленное и страстное. Сие и производит в нас скорбь. Но грядущая жизнь истребит и уничтожит тление, — тление, а не тело». «Как восходящий свет рассевает тьму, так негибнущая жизнь уничтожает тление» (Феодорит).

Стих 5. *Сотворивый же нас в сие истое Бог, Иже и даде нам обручение Духа.*

Для такой нетленной жизни, говорит, мы и первоначально были созданы, но пали и чрез грех подверглись тлению. Господь и Спаситель уничтожил тление, поправ смерть воскресением. Таинственно мы соделываемся причастниками

сего воскресения в крещении, слагая в нем ветхую жизнь и облекаясь в новую. Но в этом только залог, начало и основание к будущему воскресению в славе, подобно воскресению Господа. Здесь это действуется таинственно верою и благодатию в духе; а при общем воскресении мы самым делом облечемся в нетление. А что это так будет, в этом да удостоверит всякого присущая нам благость Святого Духа. Он есть залог наследия нетленной жизни. Так благоволил устроить Бог.

Святой Златоуст говорит: «Грядущая жизнь уничтожит тление; а как это произойдет, о том не спрашивай. Бог будет тут действовать. Не испытывай сего. Потому и присовокупил: *сотворивый же нас в сие истое Бог*. Сим он показывает, что это прежде было определено о нас, ибо не ныне только Бог открыл нам сие, но в начале еще, когда образовал нас из земли и созидал Адама, ибо не с тем созидал его, чтобы он умер, но чтобы соделать его бессмертным. Потом, чтобы более удостоверить в сем, присовокупил: *Иже и даде нам обручение Духа*. Ибо как тогда на сей конец* создал Он человека, так и теперь чрез крещение воссоздал его для той же цели, и в удостоверение сего предоставил нам немаловажный залог Святого Духа. О сем залоге и обручении часто упоминает Апостол, как для того,

* С этой целью. — *Ред.*

дабы показать, что он всем одолжен Ему, так и для того, чтобы и сим убедить в истине своего учения упорных и ожесточенных сердцем».

γ) Что делать должно, чтоб сподобиться будущей жизни славной (5, 6—10)

Для этого надо всячески постараться благоугодить Господу. Я сказал, говорит, что тяготимся жизнию в теле сем и желаем сбросить его. Теперь укажу вам, почему это особенно тяжело, — потому что тело мешает нам видеть Господа. Мы и рвемся из него, чтобы быть с Господом. Но если так, то, пока мы живы, надобно нам поревновать об угождении Господу, ибо не угодившие Ему не на радость себе сретятся с Ним, а только затем, чтоб выслушать себе осудительный приговор.

Стихи 6, 7, 8. *Дерзающе убо всегда, и ведяще, яко живуще в теле, отходим от Господа; верою бо ходим, а не видением. Дерзаем же и благоволим паче отъити от тела и внити ко Господу.*

Дерзающе, и потом *дерзаем*, кажется, означает здесь не что другое, как решительность того душевного действия, которое выражает следующий за ними глагол. Так *дерзающе и ведяще* означает ведение решительное, с убеждением, не допускающим никакого сомнения; *дерзаем и благоволим* означает решительное, не допускающее никакого колебания желание. Экумений так перифразирует

сии слова: *дерзающе и ведяще*, θαρροῦντως εἰδότες, дерзновенно ведая; а *дерзаем и благоволим*, θαρροῦντως εὐδοκοῦμεν, — дерзновенно благоволим. Апостол потому говорит: несомненно ведая, что, живя в теле сем, отходим от Господа, мы сильно желаем *отъити от тела и внити ко Господу*. Слова же: *верою бо ходим, а не видением*, составляют вносное положение, объясняющее опытом, что точно тело отдаляет нас от Господа. Феодорит так выражает общую мысль сих текстов: «Апостол не то говорит, что мы отчуждены от Господа (или чужды Господу), будучи сопряжены еще с этим, смертным, телом, но что ныне не видим Его телесными очами, а тогда и узрим, и с Ним будем. Ибо ныне, говорит, не видим самых ожидаемых вещей, а усматриваем их только верою. Посему-то самому и желаем *отъити от тела и внити ко Господу*».

Говоря: «дерзновенно ведаем, что, живя в теле, отходим от Господа», Апостол дает разуметь, что такое ведение требует дерзновенного ума. Равно и словами: «дерзновенно благоволим отъити от тела и внити ко Господу»* дает разуметь, что такое желание благоволительное требует мужественного духа. В самом деле, терпящим ради Господа гонения, озлобления** и непрестанные

---

* В русском переводе: «желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа». — *Ред.*

** Бедствия, несчастья. — *Ред.*

опасности смерти сторонние могли говорить: что такое вы делаете? Терпите, а Того, за Кого терпите, не видите. И свои подобные мысли могли приходить терпящим. Этим своим помыслам и чужим речам дерзновенная, верою окрыленная мысль могла смело ответить: да, не видим; но тем не менее Он есть и близ есть, только не видим, а ощущаем. Причиною, почему не видим, служит это тело наше. *Живуще в теле, отходим от Господа. Живуще*, ἐνδημοῦντες, странствуя, как на чужбине. «Странники мы в нем и пришельцы» (Экумений). «Не сказал: сущие, ὄντες, в теле, а ἐνδημοῦντες, потому что мы находимся в нем, как странники в гостинице» (святой Златоуст). В теле странствуем, как на чужбине; отечество же наше, дом наш, там, где Господь, или с Господом. Таким образом, странствуя в теле, естественно отделились мы от родного крова и от Самого Отца Господа. «Тело стало стеною между нами и Господом» (Экумений).

Итак, что же,— не разломать ли эту стену насильственно и произвольно? — Нет. Такой порядок установить угодно было Самому Господу, чтоб мы сначала верою пожили и, уже оказавшись верными во всем Господу по вере, вступили в такой чин жизни, где будем ходить пред Господом видением, пребывать с Ним лицом к лицу. Ныне такой период, что *мы верою ходим, а не видением*. Ибо не так бывает, чтоб мы, бывши

сначала пред Господом, переходили в тело, как в чужой дом. Нет; мы рождаемся Богу единому ведомым путем и, уже в теле суще, сродняемся с Господом посредством возрождения в купели крещения, по образу Его. Сроднившись так с Ним, чувствуем, что тело отгораживает нас от Него, но должны пребывать в теле до времени, определенного Господом, чтоб окрепнуть в сей новой жизни, возрасти для другой и пред Господом оказать свою верность, когда Он в сокровенности от нас пребывает. Теперь верою Его ведаем, верою к Нему приближаемся и руководимся пребывать в духовном таинственном общении с Ним. Выдержав себя как должно в этот период испытания и воспитания, под блюстительством веры, вступим тогда в другой, в коем будем пребывать с Господом лицом к лицу.

При всем том, однако ж, нельзя нам равнодушно относиться к той блаженной минуте, когда выйдем из тела и предстанем Господу. Эта минута превожделенная. Почему, «зная, что доставляет внитие ко Господу, мы дерзновенно благоволим отъити от тела, или вседушно вожделеваем этого» (Экумений). — *Дерзаем же и благоволим паче отъити от тела и внити ко Господу*. Дерзновенно благоволим, говорит, потому что такого рода благоволительное, охотное и радостное желание требует мужественного духа. Жизнь в теле, и при сильном сознании ее неудобств, имеет

свои приманки, привлекающие к ней. Стать в совершенное к ней отчуждение нельзя без перелома себя крутого, а такой перелом без дерзновенной решимости состояться не может. И далее постоянно держать себя в таком настроении означает воодушевленную мужеством душу. Почему и сказал Апостол: *дерзаем и благоволим*, то есть дерзновенно и мужественно вожделеваем этого. Читая историю мучеников, не можем не видеть оправдания ими слов святого Павла. Они вожделевали отъити ко Господу, и вожделевали с неудержимым стремлением и мужеством. — Святой Златоуст говорит на эти слова: «Видишь ли, как Апостол, умолчав о неприятных именах *смерти и кончины*, заменил их вожделеннейшим наименованием — *водворения у Господа*; и, напротив, обошед наименования жизни, кажущиеся приятными, употребил неприятное, назвав здешнюю жизнь *удалением от Господа*. А это сделал он для того, чтобы никто не только не услаждался настоящим, напротив, еще обременялся бы оным; и чтобы никто, приближаясь к смерти, не скорбел, но паче бы радовался, потому что переходит к наслаждению лучшими благами».

Стих 9. *Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти.*

«Но там ли, здесь ли мы находимся, говорит, наше дело только заботиться о том, чтобы жить сообразно с Его волею. Ибо это главная обязан-

ность наша, так что после сего ты уже без сомнения наследник царствия небесного. Поелику же при всем желании внити ко Господу легко можно уклониться от преднамереваемого пути, то Апостол указывает и то, что всего нужнее на сем пути. Что же это такое? — То, чтобы благоугождать Господу, ибо не просто отойти отсюда хорошо, но отойти, благоугодивши Богу; чрез сие последнее хорошо будет и первое. Равно как не просто *жить здесь* тяжко, но тяжко жить, оскорбляя Бога. Итак, не думай, что для вечной жизни достаточно одного отъития от тела. Везде нужна добродетель. Посему, как рассуждая о воскресении тел, он не дал успокоиться на одной известности оного, сказав, — *аще и облекшеся не нази обрящемся*, так равно, говоря и об отъитии от тела, дабы ты не подумал, что сего одного достаточно тебе для спасения, присовокупил, что надобно еще сделаться благоугодным Богу» (святой Златоуст).

Стих 10. *Всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла.*

«Возбудив ревность коринфян многоразличными благами, Апостол не забыл побудить их и страхом угрожающих зол. Ибо блаженство наше состоит как в стяжании благ, так и в избежании зол, то есть в стяжании царства небесного и в избежании геенны. Но страх мучений сильнее

действует на нас. Ибо быть наказанными отчуждением от наследия вечных благ иные, может быть, и согласились бы, но терпеть мучения едва ли кто согласится. Конечно, первое надлежало бы почитать более несносным, но для многих, по причине слабости их и привязанности к земному, последнее представляется несноснее. — Итак, поелику многих не столько возбуждают обещания благ, сколько угрозы наказаний, то Апостол и почел необходимым здесь заключить речь свою так: *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым*. Но опять, устрашив и возбудив слушателя напоминанием об оном суде, он и здесь не оставил скорби без утешения, но горькое растворил с сладостным, сказав: *да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла*. Говоря сие, исправных и благочестивых, а между тем гонимых, он укрепляет надеждами; а неисправных и нерадивых возбуждает страхом к исправлению, и вместе подтверждает свое учение о воскресении тел. Ибо, говорит, тело, которое служило добродетели или пороку, не будет исключено от участия и в воздаяниях; но вместе с душами одни (тела) будут преданы мучениям, а другие увенчаются наградами» (святой Златоуст).

в) Как идет проповедь Евангелия (5, 11—7, 1)

аа) Бог во Христе мир примирил Себе и дал нам слово примирения; мы и ходим, всех убеждая

примириться с Богом. И вам тоже говорим, прилагая совет: смотрите, не пропустите благоприятного спасению времени, 5, 11–6, 2. бб) Мы свое дело делаем, всячески заботясь не быть никому претыканием, а, напротив, всем способствовать обращению к вере, 6, 3–10. вв) Позаботьтесь делать и вы свое, — оставя всякое нечестие и беззаконие, прилепитесь к Богу, да будете Божиими, 6, 11–7, 1.

аа) Бог во Христе мир примирил Себе и дал нам слово примирения (5, 11–6, 2)

Бог во Христе мир примирил Себе: в этом α) *существо* Нового Завета, 5, 11–18. И учредил провозгласителей о сем примирении и пригласителей к нему: в этом β) *Апостольство*, необходимое учреждение в домостроительстве спасения, 5, 19–6, 2.

α) Существо Нового Завета (5, 11–18)

Мы, падшие, осуждены на смерть. Сын Божий, воплотившись, умер за всех и спас нас, удовлетворив правде Божией и вложив в нас новую жизнь, 5, 14–18. На переходе к изложению этого предмета, от предыдущего слова о суде всеобщем, Апостол коротко указывает на искренность свою в деле проповеди, 5, 11–13.

Стих 11. *Ведуще убо страх Господень, человеки увещаваем, Богови же явлени есмы: уповаем же, яко и в совестех ваших явлени есмы.*

Как отсвет какой, снес святой Апостол от созерцания будущей жизни, суда и воздаяния по делам — отрезвляющий страх. Нам ведом, говорит, страх Господень, и, им проникнуты быв, увещеваем людей, как имеющие дать отчет Богу во всяком слове и деле. Мы так предлагаем слово увещания, как сознающие, что нас видит Бог. Здесь то же выражает Апостол, что прежде: *пред Богом во Христе глаголем* (2, 17). Бог видит, говорит, что в слове нашем нет ни лжи, ни лукавства, ни лести. Мы уверены, что и вы не иначе понимаете нас, ибо мы не внешне знаемы вам, а ведомы очевидно самой совести вашей.

Ведуще страх, не умом представляя, но нося его в сердце своем. *Человеки увещаваем*, πείθομεν, — убеждаем. В чем? — В чем посланы убеждать, — чтоб веровали, освящались таинствами и принимали чрез них благодатную силу к жизни по заповедям Божиим, чтоб в пришествие Господне явиться чистыми и непорочными. Это обнимает все содержание апостольских увещаний. Но часто они вынуждены были заниматься побочными возникавшими вопросами; особенно нередко нужно было удостоверять верующих в неложности и искренности слова своего. Прокрадывались какие-либо недобрые мысли об Апостолах в среду верующих и расстраивали их. Действие веры в душах их чрез то сокращалось или совсем прекращалось. Апостолы долгом сво-

им считали разгонять такие мысли, чтобы дать простор действию веры. Наши толковники под словом: πείθομεν в настоящем месте именно это и разумеют. Феофилакт пишет: *Человеки увещаваем* — стоит вместо: врачуем соблазны. «Ибо хотя бы ты не делал ничего худого, но если, подав какой-либо повод к подозрениям и имея возможность рассеять соблазн, не рассеиваешь его, то подлежишь осуждению». То же Феодорит говорит: «Мы стараемся исправить тех, которые имеют о нас ложные мнения, и доставить о себе сведение, каковы мы действительно». Так и святой Златоуст: «Таким образом, говорит святой Апостол, зная сие, то есть оный страшный суд, мы делаем все так, чтобы не подать вам никакого повода даже ложно подозревать нас в неискренности нашего действования. Видишь ли строгую точность в исполнении обязанностей и заботливость души, пекущейся о благе других? Ибо, говорит, мы подлежим осуждению не только тогда, когда бы в самом деле сделали что худое, но подвергаемся оному и тогда, когда, ничего худого не сделавши, бываем подозреваемы в худом и, будучи властны удалить подозрение, не заботимся о том».

Богу же явлени есмы. «Бог все знает; Его нечего удостоверять нам в искренности своей» (Экумений). Пред Богом мы открыты; Он видит образ нашего действования; и не следует предла-

гать Ему какие-либо объяснения, как бы приявшему что соблазнительное на наш счет» (Феофилакт). Цель Апостола в этом слове не Божие всеведение и всевидение представить, а сказать, что их убеждение во всеведении Божием не дозволяет им допустить в себе что-либо неискреннее. Мы ходим, говорим и действуем с сознанием присутствия Божия, и это сознание хранит нас чистыми во всем, подобно пророку Давиду, который говорит: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс, 15, 8).

Уповаем же, ἐλπίζω, уповаю; будто ожидает, а между тем выражает полную свою уверенность и этою уверенностию разгоняет всякое недоумение, если б оно таилось еще в них. Он говорит как бы: «Вы не имеете нужды в наших удостоверениях, в точности зная нашу цель» (Феодорит). «Каковы мы на деле, такими вы и знаете нас, и знаете точно, в чистой и ясной совести» (Экумений). «Вы хорошо знаете все наше; мы открыты пред вами; и нам не предлежит разгонять ваши соблазны и подозрения» (Феофилакт). Так говорит Апостол про большинство их, про тело Церкви Коринфской; а что были там и некоторые недобромыслы, об этом говорит Апостол в последней части послания.

Стих 12. *Не паки бо себе хвалим пред вами, но вину даем вам похвалению о нас, да имате к хвалящимся в лице, а не в сердцы.*

Не паки себе хвалим, συνιστάνομεν, представляем, рекомендуем вам себя самих. В этом никакой не настоит надобности, потому что мы вам вполне известны. Но говорим так, выясняем все дело, открываем пред вами свои чувства и настроение нашего духа с тою целию, чтоб дать вину* к похвалению о нас, чтоб вы, зная все, как мы действуем, не краснели из-за учителей, а, напротив, могли хвалиться нами, когда потребует того нужда. Не та мысль Апостола, чтоб они хвалили их без всякой нужды, но чтоб имели наготове твердые основания к отпору нареканий на них со стороны недоброжелателей и тем как истину защищали, так и свою совесть обезопашивали, ибо очень много значит хранить ничем неколеблемое убеждение в высоком и неприкосновенном достоинстве преподавших учение Господне. Святой Златоуст говорит: «Смотри, как он всегда предупреждает подозрение в мнимом самохвальстве, ибо ничто так не оскорбляет слуха слушателей, как рассказ чего-либо великого и необычайного о себе самом. Но как он вынужден был сказать о себе нечто такое, то и поправляет себя, говоря: мы сие делаем для вас, а не для себя, чтобы вы имели чем хвалиться, а не мы; но и вы хвалились бы не без причины, но по причине лжеапостолов. Не для того, говорит, говорим сие, чтобы нас хвалили, но для того, чтобы вы могли свободно

* Повод. — *Ред.*

говорить за нас, и не для того, чтобы вам хвалиться только нами, но чтобы вас не обманывали более».

Такое понимание мысли Апостола вполне оправдывается следующими словами: *да имате к хвалящимся в лице, а не в сердцы.*

Да имате, — что же имате? — «Чем похвалиться» (святой Златоуст), «что ответить и что сказать в защиту нас» (Экумений), «чтоб вы научились, как вам надлежит защищать учителя и обличать лживые речи противников, которые носят на себе двойную личину, иное думают, а иное говорят» (Феодорит). *К хвалящимся в лице, а не в сердцы.* Чтоб имели вы что сказать пред этими хвалящимися наружною представительностию, а в сердце не имеющими тех добродетелей, какие являют напоказ. На вид они показывали и ревность Божию, и любовь к коринфянам, и будто самоотвержение; на деле же, в душе, все это не было таково, как являлось. Святой Златоуст говорит: «*Да имате*, чем похвалиться *к хвалящимся в лице.* И сие также не просто и не без всякой нужды заповедует им делать, но когда лжеапостолы будут превозноситься. Он говорит и сие не для своей славы, но чтобы заградить уста лжеучителям, ко вреду коринфян хвалящимся своими делами, *хвалящимся в лице*, то есть наружными делами, совершаемыми напоказ. А лжеапостолы были действительно таковы и все делали из

любочестия; и, будучи пусты в душе, хотя имели вид благочестия и казались достойными почтения, но были чужды добрых дел».

Стих 13. *Аще бо изумихомся, Богови; аще ли целомудрствуем, вам.*

Изумлением называет Апостол то, что говорил о себе великое, что в других местах называет *безумием* (святой Златоуст); а *целомудрием* — смиренную о себе речь (Феодорит). Эти понятия у всех толковников одинаковы; но в каком отношении первое — *Богови*, а второе — *вам*, понимают разно; от чего произошли разные перифразы этого текста. И святой Златоуст приводит их до трех, не давая видеть, какой из них предпочесть должно. Из этого видно, как трудно указать определенную мысль этого места.

Аще изумихомся, если кажусь кому вышедшим из себя, незнать что говорящим, потому что говорю об особом меня избрании, о бывших мне откровениях, о знамениях Божиих, мною совершенных, и о другом подобном; то ведь, говоря об этом, я ничего себе не приписываю, а все отношу к Богу; не себя, а Бога прославляю, ибо всем всюду возвещаю, что *благодатию Божиею есмь, еже есмь*, и что хотя я больше всех потрудился, но не я тут был действующим, а благодать. Так, *аще изумихомся, Богови*. Можно бы укорить меня, зачем говорю, и в этом смысле: пусть бы сами узнали, кому нужно, стороною, а не из твоих уст.

Но я не мог молчать; надлежит говорить всем, что я Божий посол, и указывать признаки того для того, чтобы, видя мое уничижение, не уничижил и не презрел кто и проповеди моей, не отверг ее и не погиб (святой Златоуст). Вот почему, хотя и знаю я, что безумствую, из себя будто выхожу, говоря так о себе, говорю, однако ж, потому что от этого славится Бог и словом моим, и спасением других. Пусть считают меня за это безумным, с радостию переношу это ради Бога. «Если кто считает нас за это безумными, тот пусть знает, что мы для Бога так безумствуем» (святой Златоуст).

Аще ли целомудрствуем, вам. «Если же говорим что смиренно и с уничижением, сие делаем для вас, дабы вы научились смиренномудрствовать; или так: если кто считает нас смиренномудрыми, тот и сам да научится от нас смиренномудрию» (святой Златоуст). «И то, и другое делаю, говорит, с правою мыслию» (Феодорит).

Стих 14. *Ибо любы Божия обдержит нас суждших сие: яко аще един за всех умре, то убо вси умроша.*

Переходит к слову о существе Нового Завета благодати. Можно поставлять сию речь в связь с предыдущею так: хотя и не ясна определенная мысль Апостола в предыдущем тексте, нельзя, однако ж, не видеть, что он хотел выразить свою постоянную ревность о том, чтобы все делать во

славу Божию и спасение людей. Что воодушевляло его на это? – Любовь. Блаженный Феофилакт и слово: *изумихомся*, в исступление пришли, толкует так, что Апостол был в исступлении от крепкой любви к Богу; она заставляла его забывать себя, так что он меры не знал в порывах самоотвержения. А эта любовь чем питалась? – Созерцанием смерти Христа Спасителя за всех людей. При мысли об этом, говорит, любовь Божия объемлет душу мою, я вхожу в чувство любви Божией, загораюсь и сам также любовию. Но в дальнейшем толковании слов Апостола лучше их не поставлять в соотношение с предыдущею речью, потому что этим можно стеснить возвышенное учение его о существе Завета благодати. Предыдущее лучше признать только поводом, или переходом, к изложению сего учения.

Любы Божия, τοῦ Χριστοῦ, любовь Христова, любовь, которую явил Христос Господь, благоволив умереть за всех, ибо умер по единой любви. Но как в слове: *любовь Божия* разумеется нередко Божеская любовь, или Богоподобная, так и в выражении *любовь Христова* слышится любовь Христоподобная. К этому приводит и глагол *обдержит*, συνέχει, схватывает, объемлет. Чтобы любовь Христова схватила и обняла нас, необходимо восприять ее в чувство. Прими кто всею полнотою сердца любовь Христову, не может он не загореться такою же любовию, и она будет совме-

щать и теплое чувство благодарения к Благодетелю толикому, и самоотверженную ради Его готовность на все, паче же на делание всякого добра всем, и потому что это паче всего угодно Христу Господу, и по чувству братства с ними во Христе. Таким образом, любовь Христова, если обдержит кого, неотложно есть и Христоподобная.

Любовь сия обдержит нас, *суждших сие*, обсудивших, взвесивших, умом обнявших, сколько это возможно. Нельзя возгореться любовию Христовою, не сознавши ее, не вообразив всей ее необъятности и величия. Созерцание любви Христовой, отражаясь в сердце, зажигает и его любовию. Размышление о сей любви и всегда этот плод приносит. Суждение здесь не значит постижение, а сознание непостижимого величия любви Христовой, и с той особенно стороны, на какую указывает здесь Апостол, именно ради смерти Христовой за всех, отъявшей силу смерти всех. «Ибо какой еще больше любви, как умереть за всю вселенную, лежащую во зле?» — говорит святой Златоуст. Блаженный же Феодорит пишет: «Пламенеем, говорит Апостол, любовию ко Христу, рассуждая, что, когда мы подлежали смерти, Он один за нас приял смерть, чтобы всем нам приобретена была жизнь».

Аще един за всех умре, убо вси умроша. Сила слова: один за всех умер, значит все умерли.

Иначе нельзя было бы говорить, что за всех умер. Смерть Его одного совмещала смерть всех. В Его смерти все умерли. Если бы было не так, «если бы не все в Нем умерли, то и Христос не за всех бы умер» (святой Златоуст). В каком это смысле, Апостол здесь не разъясняет. В послании к Евреям говорит он, что Господь Иисус Христос *благодатию Божиею за всех вкусил смерть* (Евр. 2, 9); а в послании к Тимофею разъясняет, что эта *благодать* нам определена *от лет вечных* и что Господь, вкусивший смерти, *разрушил смерть* (2 Тим. 1, 10). Буквально понимая эти слова: *разрушил смерть*, все *в Нем умерли*, надо бы ожидать, что после смерти Господа никому не следовало бы умирать. Поелику же все умирают, слово же Божие неложно, то надо положить, что есть смысл, по которому и смерть разрушена смертию Христовою, и все уже умерли в Нем, а между тем все должны еще умирать, как умирают. Это ведет нас к краткому очертанию тайны всего домостроительства спасения.

Бог смерти не сотвори; она вошла в мир чрез грех. Бог сказал прародителям, что если преступят заповедь, то умрут. Преступили, и умерли. Смерть тотчас вступила в силу. Что душевно умерли, тогда же обнаружилось в их покушении спрятаться от Бога и в прикрывании греха и сваливании его одним на другого. Что телесно не умерли тотчас, то это — вследствие от лет вечных

определенной нам благодати. Сия благодать вошла в планы миробытия. Ангелы пали, и оставлены в падении, по крайнему упорству их во зле и богопротивлении. Если бы все они пали, выпало бы звено это из цепи творения и система миробытия расстроилась бы. Но как не все пали, а часть, то звено их осталось и гармония мира пребывала нерушимою. Человек создан один с женою, чтоб народить все количество лиц, имевших составлять человеческое звено в системе миробытия. Когда он пал, звено это выпало, и мир терял свой строй. Как звено это необходимо в строе мира, то надлежало или, предав смерти, как определено, падших, создать новых родоначальников, или этим доставить надежный способ восстановления в первый чин. Поелику падение совершилось не вследствие, скажем так, неудачности первого творения, а потому что тварная свобода, особенно же свобода духа, физически соединенного с телом, совмещала в себе возможность падения, то, начав повторять творение, пришлось бы, может быть, повторять его без конца. Посему премудрость Божия, беспредельною благостию водимая, судила иначе устроить падшим способ восстания.

В устроении сего способа первое место должно было занять исполнение приговора вечной правды: *смертию умреши*; надлежало привзойти смерти, равносильной смерти всех людей, чтобы

в силу ее все считались уже умершими, или уплатившими долг смерти, и чрез то получали право и оживали надеждою на жизнь. Для сего Сын Божий и Бог имел принять на Себя естество человеческое, со всеми немощами, кроме греха, и умереть им. Смерть сия, как смерть Бога во плоти, должна была иметь беспредельную цену и всеобъятность, и, как смерть невинная, могла быть вменяема другим под довлетельными* условиями. В сем благодать, от лет вечных нам определенная. Определение сие вошло в планы миробытия и, где нужно, являлось действующим в промыслительной силе; но исполнению его в действительности назначено свое время. На половине шестой тысячи лет от падения пришел Сын Божий, воплотился и умер на кресте. Бог умер естеством человеческим и в единой этой смерти действительно совместил смерти всех людей. Один умер – все умерли. Созерцая это, Апостол и воззвал: *любовь* Христова *обдержит нас суждших сие*.

Но если все умерли, то смерть уничтожена? – Так сие и есть: Бог, умерши естеством человеческим, разрушил смерть (2 Тим. 1, 10), ибо в третий день воскрес в прославленном человечестве и с того момента пребывает в сем воскресении. Человечество уже вкусило славы и величия воскресения. Если, когда один умер, все

* Удовлетворяющими правде Божией. – *Ред.*

умерли, то и, когда один воскрес, все воскресли. Сила воскресения Христова действительно такова, что в нем лежит основание воскресения всех. Сия сила не вменением переходит на каждого, а самым делом вкушена будет каждым; каждый лично вкусит сей силы и воскреснет. Но на это определено свое время. Как было свое время для явления во плоти Сына Божия, чтоб умереть в ней и воскреснуть, так свое время определено и когда все вкусят воскресения. Когда сие совершится, тогда сбудется написанное: где ти, смерте, жало? Пожерта смерть победою.

Но, чтобы воскреснуть, надо умереть; чтобы умереть, надо родиться насмертником. Так и положено, чтоб прародители не тотчас по падении умерли, а остались жить на время, как насмертники, чтоб и рождать насмертников. Отсюда в порядок миробытия вошел период смертности и тления, как путь к нетленной и бессмертной жизни. Рождаются люди насмертниками каждый особо, но воскреснуть в нетлении положено всем людям вместе, чтобы все вдруг явились в предопределенной им славности. Ангелы сотворены все вместе; люди же явятся в подобном им чине все вместе уже по воскресении. Поелику люди не все вдруг являются на свет, а рождаются, как кому определяет всеправящая премудрость Божия, то каждый, умирая как насмертник, должен ждать общего воскресения. Отсюда для каждого

неизбежен период существования в разлучении с телом в чаянии воскресения. Если посмотрим совне, увидим на земле царствующими смерть и тление; если пройдем мыслию в сокровенности бытия, увидим души человеческие, в несметном числе, живущие как им определил Бог, в чаянии соединения с воскресшими телами нетленными. Они воздыхают, в жилище небесное облещися желающе. Это не полная человеческая жизнь. Живя в теле, мы не можем понять, в чем состоит собственно оскудение, или умаление, жизни без тела, но оно должно быть и есть, как открыто было Апостолу, который и сказал выше: *не хощем совлещися, но пооблещися*. Скорбность этого лишения поглощается любовию, ибо все знают, что такой образ бытия и учрежден, и длится для того, чтоб народились все имеющие быть причастниками воскресения в нетлении. Закон самоотвержения проникает все степени человеческого существования. Хотя, впрочем, только ждется еще воскресение, но оно столько несомненно, что как бы уже совершилось. Все упованием так причащаются воскресения, как бы уже воскресли. Пусть его еще нет; но оно уже наше.

Вот как и умерли все во Христе, и все еще умирают; и воскресли в Нем, и пребывают не воскрешенными еще. Остается еще увидеть, зачем эта временная жизнь? — Затем, чтоб в это короткое время оживать духом. Прародители,

падши, умерли духовно. Это видно из того, что думали спрятаться от Бога по падении и что вину прегрешения сваливали один на другого. Строгий приговор правды поразил их, но обетование Избавителя оживило дух их. Оттого по изгнании плакали и сокрушались, но не были поглощаемы нечаянием. Надежда избавления оживляла и воскрешала дух их. Сие оживление духом они восприяли, быв мертвы и духовно, и телесно. Но, оживши надеждою избавления в духе, они тем самым привлекли на себя и силу всеобъятной смерти Избавителя и становились причастниками воскресения в нетлении. Они стали насмертниками, чтоб в свое время восприять воскресение в нетлении. И это ради оживления духом чрез обетование Избавителя. Какими стали теперь они, такими рождались от них и все люди: рождались насмертниками телесно и мертвыми духовно, с тем, чтобы, оживши духом подобно им, иметь надежду воскресения в нетлении, несмотря на смерть. Все дело жизни сей, стало быть, есть оживление духом в порядке обетованного избавления. Святой Павел изображает сие так:

Стих 15. *Христос же за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему.*

Оживление духом в порядке обетованного избавления, как цель жизни, в сущности одинаково,

но по форме не одинаково проявлялось: иначе оно действовалось до закона, иначе – в законе, иначе начало действовать в благодати. Апостол говорит о последнем. Единый уже умер за всех и воскрес. И все в Нем умерли и воскресли; но и то, и другое в порядке домостроительства, по которому и умереть им надлежит в свое время, и потом ждать имеющего в свое время быть воскресения в нетлении. Вследствие чего они живут еще в обыкновенном порядке жизни. Спрашивается, как им предлежит жить? – Живущим предлежит теперь не себе жить, но Умершему за них и Воскресшему. В этом цель жизни, в этом оживление духом, изначала ставшее целию жизни. Апостол разумеет не верующих только, но всех людей, живущих во всякое время. Все должны для Господа единого жить. Если не живут, их вина. В какой мере извиняет кого неведение, Бог рассудит; но то закон неотложный, что, после того, как Господь умер за всех и воскрес, все должны жить для Него. В этом норма жизни человечества.

То, что эту жизнь временную имеем со способами оживления духом, оттого имеем, что Господь умер за всех; и то, что по смерти, пребывая в разлучении с телом, будем жить надеждою воскресения в нетленном теле, оттого будет так, что Он воскрес естеством нашим. Если, таким образом, все существенное в нашей жизни от Него

есть, то закон правды велит *не ктому себе* жить, но Ему единому. Святой Златоуст говорит: «Апостол сказал, что мы должны жить не для себя самих, и представляет очевидную на то причину, почему так должно поступать: то есть если мы живем Умершим за нас, то должны и жить для Того, Которым живем. И хотя сказанное им содержит по видимому одну причину, но если тщательно рассмотреть, то найдем следующие две: первую – ту, что мы живем только Господом; другую – ту, что Он умер за нас. И каждая из них, отдельно взятая, достаточна для того, чтобы соделать нас покорными Ему. Сколько же мы должны быть обязаны Ему, когда соединим обе вместе? Но еще и третья причина скрывается в его словах, именно та, что для тебя Господь воскресил и вознес на небо начаток нашего естества; посему и прибавил: *умершему* за нас *и воскресшему*».

Что требуется обязательством жить не для себя, Господь определил так: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и последует Мне.* Что требуется обязательством жить для Господа, о том сказал Господь: *любяй Мя, заповеди Моя соблюдает.* Блаженный Феодорит и пишет: «Мы признаем справедливым жить для Него и вести жизнь по Его заповедям, потому что к сему обязывает долг наш пред Ним».

Но такие требования, очевидно, выполнимы только для познавших Господа, уверовавших в Него и прилепившихся к Нему вседушно. Посему хотя Апостол сказал, что все живущие обязаны жить не для себя, а для Господа,— выразился так по идее; но в намерении имел остановить на этом особенно пункте внимание верующих, тех, к кому писал, а за ними и всех. Ибо если все люди к этому обязаны, то тем более обязаны верующие, потому что они, приняв обязательства, получили и силы к исполнению их в благодати Святого Духа. Верующие в Господа, приступая к Нему, отвергаются нечестия и мирских похотей, первоначально в намерении, желании и решимости воли; но когда в купели крещения возрождаются они к новой жизни, то получают благодатную силу, самым делом отрешающую их от нечестия и похотей и устремляющую их на жизнь целомудренную, праведную и благочестную. Таким образом, жить не для себя, то есть не по эгоистическим стремлениям плоти, а для Господа, то есть по воле Его, святой, благоугодной и праведной, есть неотъемлемая принадлежность истинно верующих христиан. В отношении к ним слово Апостола значит: так это должно быть, и иначе быть не может, когда вы таковы, какими вам следует быть.

Стих 16. *Темже и мы от ныне ни единаго вемы по плоти; аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не уразумеем.*

Отныне, — от какого это момента времени? — После того, как Господь Спаситель умер за всех и воскрес. С этого времени, говорит, *ни единаго вемы по плоти*. Кого же это *ни единаго*? — Может быть, и ни единого человека. Как выше под *живущими* можно разуметь всех людей, так и здесь под *ни единаго* — ни единого человека. Апостол смотрит на людей по идее, почерпнутой из домостроительства спасения. Всех людей, говорит, понимаем мы теперь не как плоть и кровь: родился, жил и умер, — а как лица, предназначенные восприять в себя начала божественной жизни, в залог воскресения и преславной жизни в нетлении. В этом смысле блаженный Феодорит пишет: «Дознав, что смертию Владычнею уничтожена смерть, никого уже из людей не признаем смертным; потому что, хотя и Сам Владыка Христос имел подлежащее страданию тело, однако же по страдании соделал оное нетленным и бессмертным».

Дело жизни о Христе Иисусе, или духовного в Нем оживления человечества, только началось при Апостолах; в массу человечества положена только закваска и проникла лишь ближайшие слои, но как она предназначена была проникнуть все, то святой Павел в этом начатке оживления человечества мог созерцать уже оживленным и все его, как положивший закваску в смесь муки может видеть всю уже ее вскисшею и рассуждать

о том, что из того выйдет. О нем он и говорит, вниманием, однако ж, упираясь и подтверждение тому, что говорит о нем, указывая в уверовавших уже, от плоти отрешившихся и начавших просиявать духовною жизнию чрез возрождение к ней благодатию Святого Духа. В сем смысле говорит святой Златоуст: «Если все воскресли, воскресли же банею пакибытия и обновлением Духа Святого; то Апостол справедливо говорит, что мы никого из верующих не знаем по плоти. Ибо что до того, что они находятся еще во плоти? Но прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духом, и познали другое жительство, и пребывание, и жизнь, и устроение, именно, небесные».

Или так: никакие сторонние уважения не ценны уже в наших глазах: ни происхождение, ни богатство, ни ученость, ни власть. Важно одно восприятие новой жизни о Христе Иисусе благодатию Святого Духа. Мера проявления такой жизни определяет значение и вес того или другого лица, а не что-либо плотское. Как ни будь кто виден по плоти, он ничто, если нет в нем жизни от Духа. Что есть кто по плоти, то для нас будто не существует, и смотреть на то не смотрим; взор наш весь на то обращен, кто что есть во Христе Иисусе, не по плоти, а в духе. Кто имеет последнее, тот только для нас и есть; его и знаем; прочих будто нет.

Аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем. Апостол берет лицо или всех Апостолов, или всех верующих, к Господу прилеплявшихся во время Его земного пребывания, и говорит, что когда обращался среди нас Христос Господь, то, смотря на Него, как Он являлся со всеми немощами естества человеческого, мы разумели Его по плоти, судили о Нем по видимости этой; и хотя высоко Его разумели, но все не так, как следовало, не так, как разумеем теперь, когда умы наши озарены светом благодати Святого Духа. Теперь видимость та совсем исчезает в очах наших; мы зрим в Нем одно величие воплощенного Бога, Восстановителя падшего человека, возведшего его в лице Своем до обожения; созерцаем Его седящим одесную Отца, одеянным славою нетления и держащим в руках бразды всего миоправления. Святой Златоуст говорит: «По приложению к нам, *по плоти* то же значит, что быть в грехах; а *не по плоти* то же, что не быть в грехах. По приложению же ко Христу, *по плоти* не другое что означает, как быть причастным немощей человеческого естества, как то: жажды, алкания, утомления, сна, кроме греха; а *не по плоти* означает то, что Он теперь уже освободился от тех немощей плоти, а не то, чтобы Он находился теперь без плоти. Ибо с плотию, только уже непричастною страданиям и бессмертною, Он придет судить вселенную».

Стих 17. *Темже аще кто во Христе, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова.*

Здесь говорится уже прямо о верующих. Все, говорит, предназначены к тому, чтобы не для себя жить, а для Господа, все должны жить духовною жизнию; но действительно такими являются только те, кои суть во Христе, то есть уверовали в Него и, сочетавшись с Ним в купели крещения, начали жить новою жизнию, благодатию Святого Духа в них возгреваемою. *Темже аще кто во Христе, нова тварь.* «Кто, говорит, уверовал в Господа, тот сделался новым созданием, ибо таковый родился свыше чрез Духа. А потому, говорит, мы должны жить для Христа не только потому, что *несмы свои* (1 Кор. 6, 19) или что Он умер за нас и воскресил начаток нашего естества, но и потому, что мы чрез Него перешли в другую жизнь» (святой Златоуст).

«Дабы более объяснить сказанное и показать, как мы делаемся новою тварию, он говорит: *древняя мимоидоша, се быша вся нова.* Что же такое древнее? – Или грехи и разные роды нечестия (язычество), или все иудейские обряды, а лучше то и другое вместе. *Се быша вся нова»* (святой Златоуст). Преподается новый образ воззрения на все сущее и бывающее, вводятся новые порядки жизни во всех ее проявлениях; в основу же всего кладется существенное обновление жизни в самых ее исходищах, сокровенных в

духе и сердце; рождается потаенный сердца человек, который и начинает всем заправлять и в душе, и в теле, и во внешних отношениях. Посмотреть — тот же будто человек, те же в нем силы духа, души и тела, но жизнь уже не та. Не земное это насаждение, не земным воздухом дышит, не земными стихиями питается. Почему горняя мудрствует, а не земная, и живот его сокровен есть со Христом в Боге.

Святой Златоуст под следующим стихом возвращается к этому предмету и говорит: «Теперь у них (у тех, кои во Христе) и душа новая, ибо очищена, и тело новое, и служение новое, и новые обетования, и завет, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. Поелику вместо земного Иерусалима мы получили вышний престольный град, вместо чувственного храма узрели храм духовный, вместо каменных скрижалей получили плотяные, вместо обрезания — крещение, вместо манны — Тело Господне, вместо воды из камня — кровь из ребер, вместо жезла Моисеева или Ааронова — крест, вместо обетованной земли — царство небесное. Представляя все сии и подобные блага, Апостол и сказал: *вся нова*. И все это от Бога чрез Иисуса Христа, и Его благодатию».

Стих 18. *Всяческая же от Бога, примирившаго нас Себе Иисус Христом, и давшаго нам служение примирения.*

Все же это, все исчисленные блага, от Бога. Так благоволил Он устроить, такое судил Он учредить домостроительство нашему спасению, такова благодать, от лет вечных нам определенная. Всяческая от Бога, в Троице Лиц поклоняемого, спасающего нас *по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крове Иисус Христовы* (1 Пет. 1, 2). В тайне Пресвятой Троицы положено было от века второму Лицу Пресвятой Троицы, Богу Сыну, воплотиться в свое время от Приснодевы и, умерши на кресте, разодрать Им рукописание грехов наших и, удовлетворив тем вечной правде Божией, примирить нас с Богом; положено было также, чтобы к примиренным таким образом низошел Дух Святой, третье Лице Пресвятой Троицы, и оправданных кроплением крове Иисус Христовы делал праведными и святыми, обновляя их внутреннюю жизнь благодатию Своею. В этом существо Нового Завета благодати, или домостроительство спасения во Христе Иисусе. Апостол выставляет здесь преимущественно только примирение во Христе Господе, умершем за всех, но тут же указывает Он и на благоволение Бога Отца, примирившего Себе всех, и на благодать Духа, действовавшего в служении примирения чрез Апостолов.

Святой Златоуст говорит: «*Всяческая же от Бога*. А от нас ничего. Ибо и оставление грехов,

и усыновление, и нетленная слава от Него нам дарованы. Таким образом возбуждает коринфян к добродетели не только будущими благами, но и настоящими, которые они уже получили. Смотри же, каким образом. Он сказал: мы воскреснем некогда, перейдем в нетление и получим храмину вечную. Но поелику для убеждения тех, которые не столько верят, сколько должны верить будущему, настоящее больше имеет силы, то он показывает им и то, что они получили (в настоящем в залог будущего). *Всяческая*, говорит, *от Бога, примирившаго нас Себе Иисус Христом*: потому что все блага даны нам чрез Христа. Тот, Кто сделал нас друзьями Своими, есть виновник и всех других благ, которые Бог даровал друзьям Его; ибо, не врагами оставив, Он столько вознаградил нас, но соделав друзьями Себе. Но когда я (дает разуметь Апостол) называю Христа виновником нашего спасения, то разумею вместе и Отца; когда же говорю, что Отец даровал нам оное, то, опять, разумею и Сына. Ибо *вся Тем быша*; следовательно, Он есть виновник и сего действия. Ибо не мы обратились к Богу, но Он Сам примирил нас Себе. Как? — Смертию Христа». — Блаженный Феодорит продолжает будто эту речь, говоря: «Апостол изобразил неизреченное Божие человеколюбие. Хотя Он оскорблен был нашим преступлением, но (не вконец прогневался) благоволил примирить нас Себе, не чело-

века употребив в посредники, но Единородного Сына сделав посредником мира».

И давшаго нам служение примирения. Когда говорит: *примирившаго нас*, то под *нас* разумеет всех людей; когда же говорит: *давшаго нам служение примирения*, то под *нам* разумеет Апостолов. «Здесь он указывает на достоинство звания апостольского, показывая, сколь великое дело поручено им и как велика любовь Божия к нам (в учреждении то есть апостольства)» (святой Златоуст). Дело примирения в лице Господа Спасителя совершилось вполне; но усвоение примирения людям спасаемым должно было совершаться не чрез вменение, не механически, не внешне, а требовало известных нравственных изменений в примиряемых, как неотложных условий к распространению и на них силы примирения. Чтобы это могло быть исполнено, надлежало объявить людям сии условия, сказать им, что они должны представить от себя, чтобы состоялось примирение; надлежало также после того, как, поняв условия, они изъявят готовность исполнять их, даровать им силу к исполнению их, потому что в своем естестве они их обрести не могли. Для сего учреждено было апостольство, существенно необходимый член в устроении спасения людей. Апостолы, преисполнены быв Духом Святым, на них сошедшим, должны были ходить по миру и всем возвещать благую волю Божию о примире-

нии всех с Богом под условием покаяния, веры в Господа Иисуса Христа, за всех умершего на кресте, и самоотверженной готовности неуклонно ходить с сего момента в воле Божией, или в заповедях Его; тех, которые склонялись на сию проповедь, крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа, а наконец, чрез возложение рук, низводить на них благодать Святого Духа. В этом существо апостольского служения, и сим образом совершалось примирение с Богом каждого лица. Учреждением апостольства исполнялось то, что предсказано в изображении дел Премудрости,— как она, создав себе дом и уготовав трапезу, послала своих рабов созывать с великим проповеданием на чашу всех — и безумных, и разумных (Притч. 9, 1—5), и то, что Господь изобразил в притче о браке сына царева, говоря, что, когда готово было все, послал царь рабов звать на пир всех, сначала тех, которым прежде о том дано было знать, а потом и тех, которые не знали ничего о том. И пошли, говорит, слуги по улицам и площадям, по перекресткам и распутиям, по большим и проселочным дорогам,— и назвали.— Вот это и есть апостольство: рабы Божии ходят по миру и зовут. Святой Златоуст особую сторону указывает в целях Божиих при учреждении апостольства. Он говорит: «После того, как люди не послушали пришедшего Ходатая, Бог не отвергнул и не оставил их, но не престает звать

их как Сам, так и чрез других. Кто достойно может надивиться такому долготерпению и попечению Божию о нас! Сын, пришедший для примирения; Сын, приискренний* и единородный, умерщвлен; но Отец и в сем случае не отверг убивших Его и не сказал: Я послал Сына Моего совершить Мое посольство, а они не только не хотели послушать Его, но еще убили и распяли, посему праведно отвергнуть их. Но поступил совсем напротив: по отшествии от нас Сына Он вверил нам дело примирения, ибо говорит: *давшаго нам служение примирения*».

β) Апостольство — существенный член в домостроительстве спасения (5, 19—6, 2)

Дело апостольства — призывать к примирению с Богом отвратившихся от Бога и прогневавших Его, и по призвании облагодатствовать. Апостол говорит теперь: мы это и делаем, всех зовем: примиритеся с Богом, и всем благодать преподаем. Так и вас призвали и благодати причастниками сделали. Молим же вас не вотще такую благодать Божию прияти вам.

Стих 19. ***Зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменяя им согрешений их, и положив в нас слово примирения.***

Повторяет сказанное пред сим, по важности предмета, в желании напечатлеть его полнее и

* Подобный Отцу. — *Ред.*

глубже. Яснее только изображает образ примирения во Христе. Христос Господь *все грехи наши вознес на теле Своем на древо* (1 Пет. 2, 24); рукописание их взял Он от среды* и пригвоздил ко кресту (Кол. 2, 14), так что для правды Божией сих грехов и с их рукописанием будто уже и не существует. Она вполне удовлетворена. Людям остается только уклониться под сень креста, чтобы правда Божия не видала на них грехов их. Об этом, говорит, мы теперь и толкуем всем, всех убеждая и умоляя: примиритеся с Богом. «Видишь ли любовь Божию, — говорит святой Златоуст, — превосходящую не только всякое слово, но и всякий ум? Кто первый был обижен? — Бог. Кто прежде пришел для примирения? — Он же. Но, скажешь, Он послал Сына, а не Сам пришел? — Да, Он послал Сына, но не один Сын призвал нас, а вместе с Ним и чрез Него действовал и Отец. Посему Апостол и сказал: *Зане Бог бе примиряя Себе мир во Христе*, — то есть чрез Христа. Он как бы говорит: не подумайте, что мы виновники сего дела, мы только служители: виновник же всего этого есть Бог, примиривший с Собою вселенную чрез единородного Сына Своего. Как же Он примирил? Ибо удивительно не только то, что Он сделался другом, но еще более то, что так сделался другом. Как же? — Оставив им согрешения. Ибо иначе

* Взять от среды — истребить, уничтожить. — *Ред.*

бы не был друг. Потому Апостол и сказал далее: *не вменяя им прегрешений их.* А если бы Он захотел требовать отчета во грехах наших, то все мы погибли бы. Но, при таком множестве грехов наших, Он не только не потребовал нам наказания, но и примирился с нами; не только оставил грехи наши, но и не вменил нам. *И положив в нас слово примирения.* Ибо не для того, говорит, мы пришли теперь, чтобы возвещать что-нибудь тяжкое и страшное, но чтобы соделать всех друзьями Богу. Поелику Мне, говорит Господь, они не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите».

Стих 20. ***По Христе убо молим, яко Богу молящу нами; молим по Христе: примиритеся с Богом.***

По Христе молим — ὑπὲρ Χριστοῦ πρεσβεύομεν, — во имя, или именем Христа молим. Но в церковном языке: πρέσβευε ὑπὲρ ἡμῶν, моли о нас. Такой оборот речи, будто Апостолы молят всех за Христа не оставить дела Его, ради их совершенного, чтоб оно не оказалось бесплодным, или напрасно поднятым. *Яко Богу молящу нами; молящу* παρακαλοῦντος. Как бы Сам Бог чрез нас усердно просит и умоляет вас. Ибо Бог устроил нам отпущение грехов смертию Христовою и все другие вследствие того уготовал блага; уготовав же все, просит и умоляет чрез нас прийти и насладиться сими благами. Не только все устроил Бог

во спасение наше, по одной благости; но до того простирает любовь Свою к нам, что одолжением Себе считает, если кто воспользуется тем в свое собственное спасение. Так бывает, когда добрый домовладыка, приготовив пир, умоляет гостей пожаловать на пир, одолжением себе считая, если они потребят все приготовленное: иначе оно пропало бы даром. Так и здесь Бог все приготовил во Христе Иисусе и послал Апостолов просить всех воспользоваться сими благами в свое спасение. По *Христе убо молим* — ὑπὲρ Χριστοῦ δεόμεθα — тоже именем Христа просим, или молим за Христа, сделайте Ему одолжение, или удовольствие, или честь, — вкусите блага, Им для вас стяжанного. Какого? — *Примиритеся с Богом*. Бог во Христе примирил вас Себе; теперь вам предлежит вступить в сие примирение. Что же для этого нужно? — *Покайтеся и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15). *Покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Господа Иисуса во оставление грехов; и приимете дар Святаго Духа* (Деян. 2, 38).

Святой Златоуст говорит на это место: «Смотри, до чего он возвысил речь свою, введши Самого Христа просящим о сем, и не только Христа, но и Самого Отца. Ибо смысл слов его такой: Отец послал Сына Своего увещевать людей и исполнить посольство от Его имени к роду человеческому. Но поелику Он, будучи умерщвлен,

отошел отсюда, то теперь нам передано это посольство, потому и просим вас от имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорог человеческий род, что предал за него Сына Своего, наперед зная, что Он будет умерщвлен, и сделал нас Апостолами для вас. *По Христе убо молим*, то есть вместо и от имени Христа, ибо нам передана должность Его. Если же тебе это кажется увеличенным, то послушай еще: далее он говорит, что они делают сие не только вместо Его, то есть Христа, но и вместо Отца, ибо для того и прибавил: *яко Богу молящу нами. Нами*, — ибо не чрез Сына только Бог призывает людей, но и чрез нас, которым предано дело Его. Итак, не думайте, говорит, чтобы мы вас просили; Сам Христос чрез нас просит вас, и даже Сам Отец Иисуса Христа. Какая благость может быть выше сей благости? Столь неблагодарно обиженный за бесчисленные благодеяния, от Него нам данные, Он не только не осудил нас, но еще дал Сына Своего, дабы примирить нас с Собою; и когда те, к которым Он пришел, не только не примирились, но и убили Его, Он послал других посланников для призвания, и чрез них Сам просит. О чем же просит? — *Примиритеся с Богом*. Не сказал: примирите с собою Бога; поелику не Бог враждует против нас, но мы против Него. Бог никогда не враждует».

Стих 21. *Не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем.*

Вот сколько иждил* Бог, уготовляя призываемым пир веры и любви, оправдания и святости. Апостол как бы говорит: есть из-за чего вам принять труд и прийти! Видите, что приготовлено? — Агнец непорочный заклан; приидите, вкусите и насытитесь правдою Божиею. Или так: все уже готово; грехи ваши сняты и подняты другим; вам остается только приступить и, получив отпущение грехов, получить правду Божию. Вообще Апостол этими словами хочет выразить, что со стороны Божией все сделано для вашего спасения. Остается вам приступить.

Дело спасения именует здесь Апостол примирением. Выше он сказал уже, что Бог во Христе мир примирил Себе. Здесь показывает, как Он это сделал. *Не ведевшаго* греха, говорит, *по нас грех сотвори*. Не ведевшего греха, не только не сотворившего и не помышлявшего что грешное, но и не изведавшего, что́ есть грех, не испытавшего приражений греха, требующих борьбы. Ибо к чистому не приражается нечистое. Такого-то Пречистого Бог за нас сделал грехом, то есть поступил с Ним, как с грешником, как бы Он сам наделал все те грехи, в которых виновны все люди в совокупности. Чрез это только и могла быть удовлетворена правда Божия. Она и удовлетво-

* Издержал. — *Ред.*

рилась, и Бог примирился с людьми. Но в этом только половина домостроительства спасения. Надлежит еще людям усвоить себе сие примирение Божие и вкусить от плодов его. Но этому без участия людей состояться нельзя. Что Бог во Христе мир примирил Себе, это Он сделал и без людей. Но чтобы люди сделались причастниками примирения, для этого необходимо и их соответственное действование. Вот почему, говорит, мы и взываем ко всем: *примиритеся с Богом*. Ибо домостроительство спасения не в том только, что Бог *не ведевшаго греха по нас грех сотвори*, и тем примирил мир Себе, но и в том, чтобы мы сделались *правда Божия о Нем*. Этого Бог не хочет производить могуществом силы Своея. Здесь необходимо участие свободной воли людей. Вот в этом и заключается смысл нашего моления: *примиритеся с Богом*. Делайте, что от вас зависит, вступайте в союз мира, берите на себя условия примирения, и тотчас станете правда Божия о Христе Иисусе. То есть покайтеся, уверуйте во Евангелие, дайте слово жить непорочно, приступите к святому крещению, приимите дар Святого Духа. Когда все это совершится в вас и над вами, вы станете *правда Божия*, то есть соделаетесь не внешне праведными, а будете обладать внутреннею правдою, или правотою духа и святостию, правдою Божескою или Богоподобною.

Святой Златоуст говорит на это место: «*Не ведевшаго греха по нас грех сотвори*. Если бы Он ничего другого не сделал, но только бы сделал сие, то размысли, каково и сие одно, что Он Сына Своего предал за оскорбивших его? А Он много еще других благодеяний сделал для нас и, сверх того еще, не сделавшего никакой неправды осудил на страдания за неправедников. Но Апостол, обошед все прочие благодеяния, упомянул одно только это, гораздо большее и важнейшее всех, то, что *не ведевшаго греха*, Того, Который есть самосущая правда, *по нас грех сотвори*, то есть допустил Ему быть осужденным, как бы грешнику, и умереть, как бы проклятому, потому что *проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21, 23). Ибо умереть на древе гораздо более значило, нежели умереть просто, на что указывая в другом месте, он говорит: *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8). Такая смерть не только вменялась в наказание, но и в бесчестие. Итак, размысли, сколь много даровал тебе Бог. Ибо великое дело, когда и грешник умирает за когонибудь; но когда праведник страждет таким образом и умирает за грешников, и не просто умирает, но умирает как злодей; и не только вменяется со злодеями, но еще Своею смертию дарует нам великие блага, которых мы и не ожидали, ибо говорит: *да мы будем правда Божия о Нем*, то какое слово, какой ум может достойно обнять и

изобразить сие? Ибо Праведника, говорит, сделал Бог грешником, дабы грешников сделать праведными. Но Он и не то еще сказал, а гораздо более: ибо поставил сего Праведника не только наряду с грешниками, но и с самым грехом, ибо сказал: не грешника, но *грех* Его *сотвори*; и не только не согрешившего, но и *не ведевшаго греха, да* и *мы будем*, не сказал — праведными, но *правда*, и *правда Божия*. И действительно, сия правда есть Божия, когда мы оправдываемся не от дел, но благодатию, которая одна всякий грех уничтожает. А сие вместе и от гордости нас удерживает, когда все нам даровано от Бога, и показывает всю важность дарованного нам. Ибо первая правда от закона и дел; а сия последняя — *Божия правда*».

Глава 6, стих 1. *Споспешествующе же и молим, не вотще благодать Божию прияти вам.*

Выше была речь о том, как Апостолы по Божию повелению ходят всюду и всех умоляют вступить с Богом в завет мира, Им во спасение их устроенный. Теперь слово его обращается ко вступившим уже в сей завет, к тем, кои уже уверовали, покаялись, крестились и приняли дар Святого Духа. Он говорит как бы: мы не только приглашаем вступить в завет мира с Богом, но и тех, кои уже вступили, не оставляем, а продолжаем заботиться о них, умоляя их, чтобы, сподобясь

столь великой благодати, они прочее* держали себя достойно ее, чтоб она не была тщетно ими принята, но принесла и достойные ее плоды. Не то важно, чтобы вступить только в сей завет и принять сопряженную с ним благодать, но то особенно, чтобы в точности исполнить условия его. «Итак, послушайте нас, и не напрасно предлагаемую вам благодать примите; то есть дабы не подумали, что примирение состоит только в том, чтобы веровать в Призывающего, – Он требует еще исправления жизни. Ибо, получивши прощение грехов и примирившись с Богом, жить попрежнему, есть то же, что снова начинать вражду и напрасно принимать благодать. Благодать не спасет нас при нечистой и бесчестной жизни; напротив, еще более повредит нам и усугубит грехи наши, если мы после такого познания и дара возвратимся к прежним беззакониям. Впрочем, Апостол ясно не говорит сего, чтобы не сделать слова своего тяжким; а говорит только, что иначе мы не получим никакой пользы» (святой Златоуст).

При такой мысли о содержании сего текста слово: *споспешествующе*, συνεργοῦντες, может иметь и такое значение: продолжая свое дело и свой труд, молим вас и о том, чтоб не вотще была принята вами благодать. Выходит: «*споспешествующе* — вам; ибо мы, говорит, помогаем более

* Впредь, в дальнейшем. – *Ред.*

вам, нежели Богу, от Которого мы посланы. Он ни в чем не имеет нужды; все спасение принадлежит вам. Впрочем, сим не отвергается то, что Апостолы были споспешники и Богу, как в другом месте говорит он: *Богу есмы споспешницы* (1 Кор. 3, 9)» (святой Златоуст). Так и Феодорит: «Дает знать, что посольствующие содействуют им, умоляемым, воспользоваться Божественною благодатию и домостроительство не сделать напрасным и тщетным, если покажут жизнь свою противоположною оному». Феофилакт то и другое допускает, полагая, что Апостол, говоря: *споспешествующе*, разумел споспешествование и Богу, и людям. «Споспешествуем, говорит, мы и вам, и Богу: вам, да спасетесь; Богу, да исполнится желание Его спасать нас».

Стих 2. *Глаголет бо: во время благоприятно послушах тебе, и в день спасения помогох ти. Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения.*

Продолжает убеждать, чтоб не делали тщетною принятой благодати. Спешите, говорит, пользоваться временем; теперь оно очень благоприятно спасению; если пропустите, погибнете. Время, разумеет он, — время сей жизни для каждого и время до второго пришествия для всех людей. Так святой Златоуст: «Не предавайтесь беспечности, старайтесь всячески угодить Богу и собирать сокровища духовные; дабы после толикого Божия попечения, предавшись беспечности и не

показавши ничего доброго, не лишиться вам столь великих благ. Не думайте, чтобы это умаливание продолжалось вечно. Оно продолжится только до второго пришествия Господня. Он будет умолять и призывать, доколе только мы здесь находимся, а после сего – суд и мучение. Сие-то, говорит, и побуждает нас умолять вас. Он возбуждает верующих не только обилием и высотою благ и человеколюбием Божиим, но и краткостию времени, и не только краткостию данного времени, но и тем, что сие только время и благоприятно для спасения. *Се ныне*, говорит, *время благоприятно, се ныне день спасения*. Не будем же терять благоприятного времени, но покажем достойное данной нам благодати попечение. Потому, говорит, и мы сами спешим, зная краткость благоприятного времени. *Время благоприятно*. Какое это время? – Время дара и благодати, в которое не отчета в грехах требуют и не осуждение произносят, но с прощением грехов предлагают и бесчисленные блага к наслаждению, оправдание, освящение и все другие. Сколько надлежало трудиться, чтобы получить такое время? Но вот без всякого с нашей стороны труда пришло это время, неся с собою оставление всех прежде бывших грехов. Посему и называет его благоприятным; потому что Господь принимает ныне и величайших грешников, и не только принимает, но еще удостаивает их высочайших по-

честей. Ибо в пришествие царя не суда время, но милости и спасения. Потому, опять, и называет время благоприятным, доколе мы находимся в подвиге, доколе делаем в винограднике, доколе остается единонадесятый час. Итак, приступим к подвигу, покажем жизнь добродетельную, ибо легко и удобно получить награду подвизающемуся в такое время, в которое излились толикие дары, толикая благодать. И у земных царей во время торжеств, когда они являются в царских одеждах, и мало потрудившийся получает великие дары; а в то время, когда они судят, большая требуется исправность и великое усилие, чтобы получить что-нибудь. Посему и мы будем подвизаться в столь благоприятное ныне время, в которое все дают даром. Ибо ныне время благодати, Божией благодати, в которое легко можем получить венцы. Ибо если, обремененных толикими грехами, принял и простил нас Бог, то не тем ли паче примет нас, прощенных уже, и когда привносим нечто и от своего произволения».

Этот урок приводит Апостол вместе с пророческим словом. Наши толковники не останавливаются вниманием на словах пророка, а берут прямо общую мысль текста и ее разъясняют. Из этого видно, что поймем ли мы как следует слово пророка, там, в течении пророческой речи, и здесь, в течении речи апостольской, или не поймем, —

урок Апостола останется в равной силе. Апостол берет слова пророка Исаии, 49, 8: *Глаголет бо.* Кто глаголет? – У пророка Исаии прямо стоит: Господь. *Тако глаголет Господь.* К кому у пророка Господь обращает речь? – К тому, о котором выше сказал Он: *се дах тя во завет рода, во свет языком, еже быти тебе во спасение, даже до последних земли* (стих 6). Очевидно, что здесь говорится о Христе Иисусе, Господе Спасителе. Приведенные Апостолом слова так же читаются и у пророка: *во время благоприятно послушах тебе и в день спасения помогох ти.* – *Послушах* предполагает молитву от лица Спасителя к Богу Отцу, а *помогох* – услышание молитвы и дарование всего просимого. Когда это Господь Спаситель так крепко молился, что предуслышано было то и духом пророческим? – Об этом тот же Апостол говорит: *Иже во днех плоти Своея, моления же и молитвы к могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговеинства* и проч. (Евр. 5, 7). Из этого видно, что пророк временем благоприятным и днем спасения называет то время, когда Сын Божий, воплотившись и пострадав, тем самым отверз все сокровищницы Божественной благодати к роду человеческому. Крестная смерть была молитвою Его и молением, не словом, но делом, и она привлекла все милости к нам

Божии. Ходатайственная молитва сия, начавшись, не прекращается, а стоит и воплем крепким всегда восходит к Богу о милостях к нам. Отсюда время благоприятно и день спасения есть все время, пока будет иметь силу сие ходатайство, а прекратится оно тогда уже, когда единый Ходатай вместо ходатайства придет судить; все время от первого пришествия Христова до второго — время устроения царства Христова на земле, царства благодатного. Пророческое указание именно на это очень ясно; ибо он говорит после: *помогох ти — еже устроити землю*, и далее: *глаголюща сущим во узах изыдите, и сущим во тме открыйтеся. Сущии во узах* суть опутанные грехами, а *сущии во тме* — погруженные во мрак неведения. Апостолы не что другое и делали, как от лица Христа Спасителя всюду разносили свободу от уз греха и просвещение светом Божественного ведения. Потому святой Павел не мог не увидеть в своем времени точного исполнения пророческого слова. Он говорит как бы: настало прореченное пророком благоприятное время; спешите им воспользоваться, ибо если есть благоприятное время, то значит, что есть и не благоприятное; а кто может сказать, когда оно настанет?! *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения*. А завтра, может быть, уж и нельзя будет сказать так. Итак, не отлагайте.

бб) Как способствовали Апостолы тому, чтобы верующие не вотще прияли благодать (6, 3—10)

Стихи 3 и 4. *Ни едино ни в чемже дающе претыкание, да служение безпорочно будет; но во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах.*

Мы свое дело, говорит, делаем как должно, со всем усердием. Чтоб способствовать вам к преспеянию в благодатной жизни, мы с своей стороны все употребляем: не словом только убеждаем вас, но и так себя держим, чтоб не только не послужить кому в претыкание, а, напротив, всем представить в себе образец, как следует жить слугам Божиим. Смотря на нас, никто не может основательно подумать, что мы не слуги Божии, и, следовательно, заподозрить слово наше в неистине. Питая же убеждение в неложности слова нашего и принимая его как совершенно истинное, вы в этом имеете побуждение к верному исполнению его; а как его исполнять, этому научит вас наша жизнь. Святой Златоуст говорит: «Поелику Апостол имеет обыкновение самого себя выставлять на среду, чтобы с него брали пример, то он делает сие и здесь, говоря: *ни едино ни в чемже дающе претыкание, да служение* наше *безпорочно будет*. Он заимствует убеждение не от времени только, как сделал выше, но и от примера тех, которые подвизались как должно. И смотри, как скромно сие делает. Не сказал:

смотрите на нас, а мы таковы-то; но, как бы защищаясь против обвинения, исчисляет свои подвиги и добродетели. Он полагает два отличительных признака беспорочной жизни: первый — *ни едино ни в чемже дающе претыкание*; не сказал: обвинение, но, что гораздо маловажнее, *претыкание*, то есть никому не подавая и повода к клевете и укоризнам против нас, — *да служение* наше *безпорочно будет*, чтобы кто не стал порицать сего служения; и не сказал опять: чтобы кто не стал порицать или обвинять, но чтобы оно и случайного повода не подавало к тому, чтобы кто-нибудь мог порицать оное в чем-нибудь.

Второй признак: *но во всем представляюще себе яко Божия слуги* (стих 4), что гораздо выше предыдущего. Поелику не одно и то же быть свободну от обвинения и устроить себя так, чтобы из всего видно было, что мы Божии слуги. Равно, иное дело избежать порицания, и другое — быть похваляему. Не сказал: показывая себя (φαινόμενοι — являясь по видимости), но *представляюще себе* (συνιστάντες), то есть на деле и от сердца представляя себя, или состоя такими. Далее говорит и о том, каким образом они сделались таковыми. Каким же?

В терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах. Терпение он положил основанием благ, почему и не просто сказал: в терпении, но *в терпении мнозе*, дабы показать меру и пространство

оного: ибо претерпеть одну какую-либо беду или две, еще не великое дело; потому и перечисляет множество скорбей и искушений, говоря: *в скорбех, в бедах*».

В скорбех, не в таких случаях, которые тяготят только внешне, но в таких, которые сердце поражают и уязвляют, и суть истинно болезненные прискорбности. *В бедах*, ἀνάγκαις, в нуждах и крайностях, от которых скорбное еще более чувствуется скорбным. «Крайность напрягает скорбь, представляя зло, гнетущее человека, неизбежным» (Феофилакт). «Ибо скорбь обыкновенно усиливается, когда нельзя уклониться от несчастий, и как бы неизбежная какая необходимость требует злостраданий» (святой Златоуст). — *В теснотах*. Теснота — последняя степень крайности; зло охватило и гнетет, подобно зверю, схватившему добычу. Разумеет «тесноту от голода и необходимых потребностей, или просто тесноту искушений вообще» (святой Златоуст), «такое скорбное положение, из которого не представлялось удобного выхода» (Экумений).

Стих 5. ***В ранах, в темницах, в нестроениих, в трудех, в бдениих, в пощениих.***

В ранах, конечно от ударов. До времени написания сего известны побиение Апостола камнями в Листре (Деян. 14, 19), которое не могло обойтись без ран, и биение его палками в большом количестве ударов в Филиппах (Деян. 16, 22—23).

Сам же он о себе свидетельствует, что от иудей пять раз по 39 ударов было ему дано и что три раза бит был палицами (2 Кор. 11, 24–25). – *В темницах.* Побивши его палками довольно в Филиппах, вместе с Силою бросили в темницу; и вообще, как сам говорит, в темницах приходилось ему быть излиха* (2 Кор. 11, 23). – *В нестроениих*, ἀκαταστασίαις, когда поднималось против него гонение, с шумом и смятением, заставлявшими его бегать из одного места в другое. Большею частию такие бури поднимали против него иудеи. Так было в Иконии (Деян. 14, 5), в Солуни (17, 5), в Верии (стих 13) и в самом Коринфе к концу его там пребывания (18, 12). Святой Златоуст говорит: «И каждое из сих (трех) искушений в отдельности тяжко: тяжко терпеть бичевание, тяжко быть в узах и не иметь покоя от гонений тяжко, – ибо то значит *в нестроениих*, но когда все сии скорби и все вместе постигают, подумай, какая для сего потребна душа!»

В трудех: тяжелейшие труды – путешествие, большею частию пешком; затем труды – работа для содержания себя и своих; и учение требовало труда, и заведение порядков в новоустрояемых христианских Церквах. – *В бдениих*, когда ночи проводил в молитвах или беседе с новообращенными. Так в Филиппах он с Силою около полуночи, молясь, воспевал Бога (Деян. 16, 25),

* Чрезмерно. – *Ред.*

а потом занялся наставлением и крещением темничника со всем домом и всю ночь провел не смыкая глаз. Так потом в Троаде простер слово до полунощи; по оживлении же падшего с окна Евтиха юноши беседовал до рассвета, пока пришел час выйти из города (Деян. 20, 7, 11). То же, конечно, бывало и во всех других местах. *В пощениих*, когда не по недостатку не принимал пищи, а добровольно лишал себя оной, в пособие к молитве и умилостивлению Бога, для приготовления к какой-либо борьбе с ложью и заблуждением. Пощение – сильное средство нравственное и многоценный подвиг пред очами Божиими. Святой Златоуст говорит: «Здесь к внешним (невольным) скорбям присовокупляет он и те, которые от него, собственно, зависели, указывая на труды, которыми обременял себя, переходя с места на место и делая своими руками; на те ночи, в которые учил или трудился для себя, и в то же время не забывая и поста, хотя одни сии подвиги стоили не одной тысячи постов».

Стих 6. ***Во очищении, в разуме, в долготерпении, в благости, в Дусе Святе, в любви нелицемерне.***

В очищении, ἐν ἁγνότητι, в чистоте, в непорочности. Здесь он разумеет или целомудрие (телесное и сердечное), или чистоту во всем (нравственную, чистоту побуждений, вообще чистоту совести), или нелюбостяжательность (Феофилакт –

недароприемность корыстную), или то, что он и Евангелие проповедовал даром (святой Златоуст). — *В разуме*, ἐν γνώσει, в ведении Божественных вещей, все ясно видящем и сильном разрешать всякое недоумение. Святой Златоуст спрашивает: что такое *в разуме*? И отвечает: «В мудрости, от Бога нисходящей, которая истинно есть ведение и разумение. Мнимые мудрецы, хвалящиеся внешним образованием, не имеют сего разумения». — *В долготерпении*, ἐν μακροθυμίᾳ, в великодушии, которое при всех неприятностях со стороны других не теряет мирного и доброго к ним расположения. «Это важное свидетельство мужественной и благородной души — великодушно переносить поражения и удары, отвсюду наносимые» (святой Златоуст). «Адамантовой душе свойственно, когда отвсюду огорчают и уязвляют, не только благодушно переносить то, но и благожелательствовать оскорбителям» (Феофилакт). — *В благости*, ἐν χρηστότητι, в благосердии, когда имеют милостивое ко всем сердце, готовое всякому сделать всякое добро, всякую скорбь отгнать, всякую беду отвратить, — сердце, не могущее видеть равнодушно ни нужды, ни скорби другого и успокоиться, пока не истощит всех средств и не облегчит участи его.

В Дусе Святе, не в общей только всем христианам благодати Святого Духа, но в той, которая преизобильно исполняла Апостолов, сообщая

им все благопотребное для утверждения веры Христовой на земле. Этим объемлется вся полнота дарований духовных апостольских. От нее и все исчисленные подвиги, и добродетели, и всякий успех в распространении веры. Святой Златоуст говорит: «Чрез Него, говорит (то есть чрез Духа Святого), мы все сие совершаем. Но смотри, где он поставил помощь от Святого Духа, — после уже исчисления своих подвигов. Мне кажется, он хотел показать сим что-нибудь особенное. Что же такое? Справедливо, говорит, что мы обильно исполнены Духа Святого, и свое апостольство не менее оправдываем и тем, что удостоились духовных дарований; впрочем, и сами, говорит, были небезучастны в этом: наши условия, труды и подвиги давали простор благодати Божией действовать чрез нас. Если же кто думает, что сверх сказанного Апостол выражает сими словами еще то, что они в употреблении даров благодатных не подавали никому никакого соблазна, думаю, и тот не погрешит против смысла. Действительно, некоторые из коринфян, получив дар языков и возгордившись тем, подали повод к осуждению себя, ибо получивший духовные дары может и злоупотребить ими. Но мы, говорит, не таковы, мы пребыли беспорочными в Духе, то есть в дарованиях духовных». — *В любви нелицемерне*. Любовь — всеобъятная добродетель; и все вышеисчисленные добродетели и подвиги из

нее проистекают, как изложил это Апостол в первом послании, гл. 13. Она изливается в сердца Духом Святым; почему и поставлена у Апостола тотчас после слов: *в Дусе Святе*. Что прибавил: *нелицемерне*, за тем прибавил, чтоб отличить ее от дел любви, являемых в видимой деятельности. Дела любви можно совершать по самопринуждению разумному, благонамеренному или неблагонамеренному; и путь к стяжанию любви есть произвольный труд в делании дел любви, пока наконец благодать Духа преисполнит его все сердце. Об этом последнем и говорит Апостол, что не дела только его видимые любовны, а само сердце его полно любви. «Вот что было виною всех благ, им приобретенных; вот что сделало его таковым и сохранило в нем Духа, действием Которого все у него приходило в совершение» (святой Златоуст).

Стих 7. *В словеси истины, в силе Божией, оружии правды десными и шуими.*

В словеси истины, в истинном слове, таком, в котором не было ни обмана, ни подделки, ни лести, ни лукавства. Как приняли, как убеждены, так и передаем, в полном сознании, что передаем точно, без всякой примеси. «Об этом он часто упоминает, то есть что мы возвещаем Слово Божие без обмана и без подделки» (святой Златоуст). — *В силе Божии*. Словами: *в Дусе Святе* означал вообще всю полноту апостольских даро-

ваний; здесь же означает преимущественно знамения и чудеса, сопровождавшие проповедь Евангелия. Явление силы Божией так было неотъемлемо от слова истины, что без него сие последнее укорениться не могло бы в умах и сердцах человеческих. Оно возбуждало и укореняло веру; слово же сказывало только, чему веровать должно. Изложение предметов веры, как ни будь ясно и сильно, не всегда сильно порождать веру. Одна сила Божия в знамениях при слове побеждала умы и сердца и преклоняла их к вере. Феофилакт пишет, что словами: *в силе Божии* Апостол хочет сказать: «В проповеди Евангелия и успехах его ничего нет моего, все здесь совершалось силою Божиею, знамениями и чудесами, карающею или благодеющею силою». Святой Златоуст разумеет здесь всякую вообще сверхъестественную помощь Апостолу и в жизни, и в проповеди, и в трудах: «Как всегда он поступает, то есть ничего не относит к самому себе, но все усвояет Богу и Ему приписывает все свои действия, так делает и здесь. Он усвояет Духу Святому и Богу и то, что возвещал великие истины, и то, что проводил жизнь, неукоризненную во всем, и показывал в себе высокую мудрость, ибо все это было необычайно. Если и в тишине живущему трудно сделаться добродетельным и непорочным, то размысли, какая должна быть душа у того, кто, и обурсваемый столь многими скорбями, всегда

сиял как солнце. И не то только удивительно, что он пребыл беспечален, обуреваемый толиками волнами, и мужественно переносил все, но еще то, что все сие переносил с радостию». — *Оружии правды десными и шуими. Оружии*, διὰ τῶν ὅπλων. Предлог переменен, но смысл речи все тот же. Апостол продолжает указывать, в чем и как представляли они себя истинными служителями Божиими. Такими мы представляли себя, говорит, и в употреблении оружий правды десных и шуих. Он представляет себя силою Божиею воодушевленным воителем и борцом. Воин, выступая на борьбу, берет одни орудия в правую, другие в левую руку, — в левую, например, щит, в правую меч, копие, — и когда начнется борение, употребляет то те, то другие, как лучше и пригоднее. Есть такие же орудия и у правды: одними она защищает себя, другими поражает врагов своих. Апостол говорит: и защитительные, и поражающие врагов правды орудия употребляли мы так, что чрез это представляли себя слугами Божиими. Правдою он называет свое правое дело — веру Христову, домостроительство спасения, им всюду вводимое и утверждаемое; оружиями — и свое слово, и свои труды, и всякую помощь свыше. По всему, чем мы защищали правое дело Божие и чем поражали ложь, нечестие и развращение, всем давали мы видеть, что мы

слуги Божии. Оружия десныя и шуия — то же, что всесторонние оружия.

Стих 8. *Славою и безчестием, гаждением и благохвалением: яко лестцы, и истинни.*

Славою и безчестием. И когда случалось что, прославлявшее нас, и когда случилось что, покрывавшее нас в глазах других бесчестием. В Листре, например, святой Павел с Варнавою исцелили хромого, и все сбежались, чтобы воздать им честь будто богам. Это к славе. Но там же потом поднялось возмущение: святого Павла побили камнями и выбросили за город. Это к бесчестию и посрамлению (Деян. гл. 14). То же и в Филиппах: святого Павла и Силу били всенародно палками,— это к посрамлению; но потом все начальство городское идет к ним в темницу, извиняется и не гонит уже, а просит удалиться из города; это к славе (Деян. гл. 16). Так, вероятно, повторялось и во многих других местах.— *Гаждением** *и благохвалением*, διὰ δυσφημίας καὶ εὐφημίας. Разумеются ходившие об них речи и до них доходившие. Одни хвалили, другие злословили,— это и за глаза, и в глаза. Во всех, говорит, этих случайностях,— и когда хвалили нас, и злословили, и когда случалось что к славе или бесчестию нашему,— мы держали себя как следует служителям Божиим, не возносились первыми и не падали в духе от последних. Свя-

* Поношением, ругательством.— *Ред.*

той Златоуст говорит: «Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? — Подлинно так, говорит. Почему же? Казалось бы, терпеть бесчестие — великое дело; а для наслаждения славою требуется не великая душа? — Напротив, великая и весьма великая, чтобы, пользуясь славою, не впасть в гордость. Посему он то же и так же думает и о славе, как и о бесчестии, ибо равно сиял в том и другом случае. А что бесчестие и злословие сильно поражают и благодушие в них требует мужественной души,— на это много свидетельств. Иеремия многие искушения перенес великодушно, но, когда злословили его, говорил: *не стану пророчествовать, и не воспомяну имени Господня* (Иер. 20, 9). И Давид часто жалуется на злословия. И Господь, утешая учеников Своих, говорил: *егда поносят вам и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*. Он не положил бы такой награды, если бы борьба сия не была тяжка. И для Иова раны и черви были сноснее, нежели укоризны друзей его (Иов. 19); ибо нет, нет ничего тягостнее, как слово, уязвляющее душу. Многие из иудеев не хотели веровать в Господа только из опасения лишиться славы в народе; боялись не казней, но того, чтобы не выгнали из сонмища (Ин. 12, 42). Посему и Господь говорил: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще*? (Ин. 5, 44).

И многих можно бы указать, которые, превзошед все искушения, побеждены были опасением потерять славу». В каком величии потому должен был представляться праведный характер святого Павла и других Апостолов, когда они одинаково достойно звания своего держали себя *в славе и безчестии, в гаждении и благохвалении*!

Яко лестцы и истинни. Опять новый оборот речи; но значение его все то же. Продолжает Апостол изображать, как всегда являли они себя достойными служителями Божиими; только как пред этим сказал он о славе и бесславии, гаждении и благохвалении, то теперь проясняет это будто примерами, выставляя ряд противоположностей, какими их считали и каковы были они на деле. *Яко лестцы и истинни. — Лестцы* на стороне злословящих, а *истинни* на стороне благохвалящих (святой Златоуст). *Лестцы*, πλάνοι, означает тех, кои и сами заблуждаются, и других вводят в заблуждение. Так думали о них враги. Иконийские иудеи прибежали в Листру и вооружили тамошних против святого Павла и Варнавы, говоря: *они не говорят ничего истиннаго, а все лгут* (Деян. 14, 19). То же делалось и в других местах. Между тем сущие от истины слушали их (1 Ин. 4, 6), и ничем нельзя было поколебать их убеждения, что Апостолы и стоят в истине, и проповедуют сущую истину. То и другое происходило на глазах Апостолов.

Стих 9. *Яко незнаеми, и познаваеми; яко умирающе, и се живи есмы; яко наказуеми, а не умерщвляеми.*

Яко незнаеми и познаваеми. Одни говорили: не понимаем, что за люди, или, взглянув на них и увидев, как они непоказны, говорили: стоит ли обращать на них внимание, знакомиться с ними и разузнавать, что они там толкуют. А другие, напротив, тотчас узнавали их и понимали, в чем дело их и к чему ведет слово их, прилеплялись к ним, начинали ценить их высоко и считать лицами дорогими. Святой Златоуст говорит: «Для одних они были знаемы и достоуважаемы; для других недостойны и того, чтобы знать их». — *Яко умирающе и се живи есмы.* Кажется, святой Павел взял это с действительного события, ибо в Листре его побили камнями и вытащили за город, почитая его умершим, — когда же ученики собрались около него, он встал (Деян. 14, 19—20). Как не сказать после этого: будто умер, и се жив. Кроме того, в скольких смертных опасностях он находился, о которых он говорил: и жить не чаял, но Бог избавил (2 Кор. 1, 8—10)! По миновании их и он сам, и другие не могли не свидетельствовать: на волоске была жизнь, и се жив. Святой Златоуст говорит: «*Яко умирающе*, то есть приговоренные и осужденные на смерть. И это сказал он для того, чтобы показать и неизглаголанную силу Божию, и высоту терпения

их. Смотря на то, говорит, как и до чего злобствовали против нас враги наши, нам непременно надлежало бы умереть. Так все и думали; но Бог спасал нас от погибели». — *Яко наказуеми, а не умерщвляеми*. Это противоположение прибавлено в объяснение предыдущего, почему так бывает, что вот-вот смерть, а мы все живы. Потому, говорит, что такие смертные крайности Бог попускает на нас не за тем, чтобы нас смерти предать, а чтобы научить и вразумить, особенно убедить в том, что нам во всем следует полагаться на Его всемощную десницу. Подобное исповедание слышится и из уст святого Давида: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). Так — святой Златоуст и все наши толковники.

Стих 10. ***Яко скорбяще, присно же радующеся; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще.***

Яко скорбяще, присно же радующеся. «Другие, смотря на нас, думают, что мы скорбим; мы же, напротив, ощущаем самое высшее удовольствие. Не просто сказал: *радующеся*, но прибавил: *присно*, то есть всегда, постоянно радуяся. Что может сравниться с такою жизнию, в которой по мере несчастий умножается и увеличивается радость?» (святой Златоуст). Так было с ними потому, что они носили в себе Духа Утешителя,

Которого первый по любви плод есть радость (Гал. 5, 22).

Яко нищи, а многи богатяще. Что Апостол Павел никогда ничего не имел и был буквально нищ, это всем всюду было известно, но как он богатил многих? Если разуметь это в духовном отношении, то действительно он обогащал всех верующих, которых им обращено было много, и все они сознавали себя богатыми духовно. Ибо и ведением обогащались, и добродетелями, и силами благодатными. Если же разуметь это в вещественном отношении, то не другое что при этом приходит на мысль, как то, что он собирал милостыню и в обилии доставлял ее иерусалимским бедным верующим. Обогащением это можно назвать потому, что для бедного и то уже богатство, когда он имеет чем пропитаться. Но, может быть, Апостол указывает здесь на то, что за любовный прием его домы небогатые Бог благословляет богатством. Хотя об этом не замечено ни одного случая в Деяниях, но нельзя сомневаться, что так бывало. Ибо известно, что нередко Бог благословлял домы ради святых Божиих. Если ради их бывало это, почему не допустить, что бывало это ради Апостолов? В подтверждение же этого можно взять настоящее слово Апостола, что всегда, говорит, был я беден, а многих обогатил, разумея под сим то, что Бог ради его обогатил многие домы.

Яко ничтоже имуще, а вся содержаще. И это *вся содержаще* можно разуметь и духовно, то есть что Апостолы богаты были Духом и обладали всеми духовными благами в таком обилии, что их достало бы на всю вселенную, ибо носили Духа вседержительного. Можно понимать это и в вещественном отношении, именно: верующие, чувствуя, какого блага духовного сподобились чрез их служение, готовы были для них сделать все, так что имение всех верующих было будто в руках Апостолов, все домы и все сокровищницы для них были открыты. Святой Златоуст говорит: «И то можно относить к их богатству, что они чудным некоторым образом везде имели все домы для себя отверстыми. Если же тебе все еще кажется удивительным, как возможно иметь все тому, кто ничего не имеет, то я представлю в пример самого святого Павла, который имел великую власть над целыми народами и был господином не только их имения, но и самых очей. *Аще бы было мощно*, писал он галатам, *очеса ваша извертевше дали бысте ми* (Гал. 4, 15). Итак, что же это было, чем владел святой Павел, когда говорит: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще*? — Блага земные и духовные. Ибо кого, как Ангела, принимали города, для которого готовы были, исторгнув, отдать очи свои, за кого готовы были положить свои головы, — как тот не был господином и всего им принадлежащего? — Если же

хочешь видеть его духовные блага, то увидишь, что он и ими был богат. Ибо кто так близок был к Царю всяческих, что Господь Ангелов сообщил ему сокровенные тайны, тот как не превосходил всех и обилием духовных благ и как же не имел всего? Иначе так не повиновались бы ему демоны, не стали бы убегать от него с такою поспешностию болезни и недуги».

Святой Златоуст заключает это отделеньице таким наставлением: «Все же сие говорит Апостол для того, чтобы научить нас не смущаться человеческими о нас суждениями, хотя бы нас называли льстецами, хотя бы не хотели и знать о нас, хотя бы считали нас преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бедными, ничего не имеющими; хотя бы полагали нас находящимися в унынии и тогда, когда мы благодушествуем и радуемся, потому что и для слепых солнце не светит, и безумным неизвестны удовольствия мудрых. Одни только верные и благочестивые умеют справедливо ценить дела; и они радуются и скорбят не о том, о чем другие. Если бы кто, не имея никакого понятия о воинских торжественных играх, увидел бойца, хотя украшенного венцом, но имеющего раны, то, не зная того удовольствия, которое приносит бойцу венец, конечно он стал бы думать только о том, какую тот испытывает болезнь по причине ран. Так и те знают только то, что мы претерпеваем,

видят только борьбу и бедствия, но не видят наград, венцов и воздаяния за подвиги. Посему и мы, если что несем для Христа, должны нести сие не только мужественно, но и с радостию. Постимся ли мы — будем веселы, как пиршествующие; терпим ли поношение — будем держать себя, как осыпаемые похвалами; иждиваем ли имение — постараемся быть в таком расположении духа, как будто бы приращали оное; отдаем ли что бедным — будем думать, что мы приобретаем. И не только при раздаче милостыни, но и во всякой другой добродетели помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград, преимущественно же имея в виду Господа нашего Иисуса Христа, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, от чего ты охотнее будешь выходить на подвиги и в удовольствии проведешь все время жизни».

вв) Обязательства внявших благовестию (6, 11—7, 1)

Объяснил святой Павел, как Апостолам вверено слово примирения и как они его всюду разносят, всячески заботясь не быть никому в претыкание, а, напротив, всячески способствовать успехам благовестия. Теперь обращает слово к слышавшим и принявшим благовестие и указывает, что им преимущественно надо иметь во внимании, чтобы оказаться достойными звания.

Бог, говорит, примирил нас Себе; вы приняли слово примирения; смотрите же, держите условия, то есть бегайте всякого беззакония и удаляйтесь от всякого нечестия. Если будете держаться строго принятых правил, то явитесь чистыми. Как в чистых, вселится в вас Бог, и вас приимет в Себя, в чем последняя высшая цель разумных тварей (стихи 14 и далее). Эти наставления излагает он, обращаясь к коринфянам, и как переход к ним, изъявляет свою особую широкую расположенность к коринфянам, требуя взаимно от них широкого внимания к своим словам, для полного их вмещения (стихи 11—13).

Стих 11. *Уста наша отверзошася к вам, Коринфяне, сердце наше распространися.*

Предшествующая речь, особенно к концу, шла, как само собою видно, с некоторым движением. В такую откровенность войти вовлекла Апостола особая расположенность к коринфянам; как будто и еще готов он был продолжать слово в том же направлении, но сила чувства остановила его и заставила открыть, что приводило в движение язык его: *сердце распространилось*, оттого и *уста отверзошася.* От избытка сердца говорят уста. «Мы не хотим, говорит, молчать пред вами, но всегда желаем говорить и беседовать с вами, а это есть обычай любящих. И что для тела объятие рук, то для души дружественная беседа. Вместе с сим он намекает здесь еще и другое

нечто. Что же такое? — То, говорит, что мы откровенно беседуем с вами, как с возлюбленными, ничего не утаивая от вас и ничего не скрывая. — И самое наименование *Коринфяне* выражает великую любовь, расположение и горячность его к ним. Ибо известно, что мы любим часто повторять имена тех, которых любим. *Сердце наше распространися*. Как теплота и жар расширяет вещь, в которой заключается, так и любви свойственно расширять сердце, потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает. Она разверзла уста Павловы и расширила сердце его. Ибо не устами только, говорит, люблю вас, но с устами согласуется и сердце. Посему я и говорю так смело, открытыми устами и от всего сердца. Ибо нет ничего на земле пространнее сердца Павлова; оно, как кто-нибудь своего друга, так горячо любило всех верных, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабевая, но пребывая в каждом всецело. И удивительно ли, что Павел имел такую любовь к верным, когда сердце его обнимало всю вселенную и самых неверных? Посему и не сказал: *я люблю вас*, но гораздо выразительнее: *уста наша отверзошася, сердце наше распространися*; мы всех имеем в сердце и не кое-как, но с большим простором и удобством. Ибо в таком случае любимый без всякой опасности помещается в сердце любящего» (святой Златоуст).

Стих 12. *Не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших.*

Не тесно вмещаетеся в нас — значит: мы вас объемлем широкою любовию; *утесняетеся же во утробах ваших,* — значит: а вы нас не так широко любите. Нежное обличение! «Смотри, как он щадит и в самых обличениях! А это есть свойство сильно любящих. Не сказал: вы не любите нас, но: не столько любите, сколько мы; ибо не хочет сильно упрекать их. То же говорит он и в конце послания: *аще и излишше вас любя, меньше любим есмь вами*» (12, 15) (святой Златоуст). Но чего именно касался этот укор, — не видно с определенностию. «Ибо в этом же послании он говорит, что не только он их любит, но что и они его любят. Когда он говорит, что Тит, пришедши, *поведал нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне* (7, 6—7), то сим свидетельствует о любви их к нему» (святой Златоуст). — *Ваше желание,* — ἐπιπόθησιν, означает расположение сильно любящего сердца. Как же здесь укор? Может быть, Апостол разумеет, что не все так его любят, как он их. Я, говорит, всех вас широко люблю, а вы не все. Есть между вами такие, в сердце которых нет для меня места просторного. Таким образом, имея во внимании большинство, верно сказать можно было, что сильно любят; а намекая на меньшинство, верно

можно было сказать, что утесняются, меньше любят.

Стих 13. *Тожде же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитеся и вы.*

Как я вас широко люблю, в равное возмездие расширитесь и вы любовию ко мне; или: как я всех вас вместе и каждого поодиночке люблю, так и вы все вместе и каждый поодиночке полюбите меня полною любовию. — *Яко чадом глаголю*, — это нежное побуждение, которому отказать нельзя. Я вас родил, вы мои дети духовные: какие дети не любят отца? И какой труд детям любить его? И я на вас никакого ярма не налагаю, а только указываю на то, что у вас естественно должно быть. Святой Златоуст видит в этих словах самые тонкие оттенки мыслей Апостола. «И хотя не одно и то же — прежде самому быть любимым, а потом уже любить других; потому что возлюбивший после, хотя бы и равною платил любовию, но как после возлюбивший по тому уже самому стоит ниже предварившего его любовию; впрочем, я не вхожу, говорит, в строгое разыскание сего; для меня довольно, если вы, и с меня взяв пример, покажете ту же меру любви, какою я люблю вас. Потом, чтобы показать, как это нужно для них и как слова его чужды всякого ласкательства, прибавляет: *якоже чадом глаголю*. Что же значит: *якоже чадом*? — То есть ничего более не прошу от вас, кроме вашей любви,

как отец ваш. Видишь ли, какое здесь благоразумие и смиренномудрие? Он не говорит уже о тех бедствиях, какие претерпел за них; умалчивает о своих трудах, об опасностях смерти, хотя бы и много мог говорить; так он чужд гордости! Но говорит только о любви своей и просит от них взаимной любви, потому что я отец ваш, говорит, и сильно люблю вас. Пользующегося любовию другого иногда очень раздражает то, что любящий напоминает о своих к нему благодеяниях, ибо он вменяет сие в упрек себе. Посему святой Павел и не делает сего, а говорит только: возлюбите меня, как дети отца, что гораздо ближе к природе человеческой и составляет долг каждого в отношении к отцу».

Изъяснив, таким образом, как распространилось сердце его и отверзлись уста, обличив, что коринфяне утесняются в утробах своих, и побудив их распространиться в соответствие широте его сердца, Апостол начинает предлагать уроки: *не бывайте преложни ко иному ярму*, и так далее. Сопоставив это вместе, невольно приходишь к мысли, что распространение, которого требовал Апостол, есть не что иное, как широта внимания и сердца для принятия предлагаемого учения. Отсюда и вся предыдущая речь представляется в таком виде: сердце мое расширилось, и уста отверзлись. Я полон высоких и важных истин и готов перелить их в души ваши. Расширите же

и вы ум и сердце для принятия их. Говорю: расширите; потому что вы не так широки бываете для внятия истине. Итак, как отец чадам, для блага вашего, говорю: распространитеся и внимайте! — Так рассуждает блаженный Фотий у Экумения.

Стих 14. *Не бывайте (удобь) преложни ко иному ярму, якоже невернии: кое бо причастие правде к беззаконию? Или кое общение свету ко тме?*

Не бывайте (удобь) преложни ко иному ярму, якоже невернии или *неверных*. Μὴ γίνεσθε ἑτεροζυγοῦντες ἀπίστοις. Ἑτεροζυγεῖν — значит становиться в одно ярмо в пару с другим. Апостол говорит: не становитесь вы в одно ярмо в пару с неверными. Слово в слово можно перевесть так: *не бывайте подъяремны в пару с неверными*. Далее объясняет, почему так не должно; потому, говорит, что вы совсем не пара с ними, а разнитесь от них до противоположности. — Поводом к этому внушению могло послужить участие некоторых верующих коринфских в трапезах от идоложертвенных мяс, а может быть, и в других каких житейских обычаях языческих. Намерение же Апостола то, чтобы совсем отстранить их от всего, что носило печать язычества: изыдите от среды их и нечистотам их не прикасайтесь. По мысли его всякое такое соприкосновение с язычниками есть то же, что впряжение себя в одно ярмо с ними, чтоб тянуть ту же тяжесть и идти

по тому же пути. Святой Златоуст так вводит в виды Апостола при таком обороте речи: «Здесь Апостол говорит как бы им: не уклоняйтесь на их пути. Посмотрите, какое расстояние между благородством вашим и низостию тех. Такое сопоставление делало речь его более убедительною и привлекательною для коринфян. Если бы кто сыну, не почитающему своих родителей и предающемуся людям развратным, сказал: "Что ты делаешь, чадо? Ты презираешь своего отца и предпочитаешь ему людей развратных и в беззакониях погрязших. Ужели ты не знаешь, сколько ты лучше их и благороднее?" — то сим образом он лучше бы отклонил его от сообщения с ними, чем — когда бы стал выхвалять только отца. Так, если бы он сказал: "Ужели ты не знаешь, сколько отец твой лучше их?" — то сим мало или ничего бы не сделал. Но когда, обойдя отца, предпочтет им сына, говоря: "Ужели ты не знаешь, кто ты и кто они? Как ты не подумаешь о своем благородстве и свободном происхождении, а о их низости? Что у тебя общего с такими ворами, прелюбодеями, разбойниками?" — то, как бы окрылив его сими похвалами, легко расположит его к тому, чтобы он оставил сообщество с ними. Первые же увещания он не так легко примет потому, что отец такому сыну будет служить уже не честию, а обвинением в том, что он оскорбляет отца, и притом отца, столь почтенного; здесь же

ничего подобного он не услышит. Притом, кто не любит похвалы? И потому самое обличение, соединенное с похвалою слушателя, бывает удобоприемлемее. Ибо оно смягчает, возвышает дух его и заставляет гнушаться сообществом с худыми людьми. Но здесь достойно удивления не только такое различение, но и то, что так сильно изобразил оное для возбуждения страха в коринфянах. Сперва он ведет речь свою чрез вопросы, что обыкновенно бывает тогда, когда говорится о чем-нибудь для всех известном и очевидном; потом распространяет оную многими и различными наименованиями, ибо не одно, не два, не три, но многие наименования сравниваемых вещей полагает пред глаза слушателей, дабы, с одной стороны, изобразить высоту добродетели (веры Христовой), а с другой – крайнюю низость порока (язычество), и чрез великое, даже бесконечное, между ними расстояние показывает, что дело не требует более никакого доказательства».

Кое бо причастие правде к беззаконию. Или кое общение свету ко тме?

Стих 15. *Кое же согласие Христови с велиаром? или кая часть верну с неверным?*

Стих 16. *Или кое сложение церкви Божией со идолы? Вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие.*

«Смотри, сколько простые употребляет он слова, и между тем достаточные для отвращения коринфян от ярма неверных» (святой Златоуст).

Слова простые, но обнимают сравниваемые предметы с самых существенных сторон. Во-первых, *со стороны нравственной. Кое причастие правде к беззаконию*? Как правда противоположна беззаконию, так вы — язычникам: не входите же с ними в одно ярмо. Верующих называет правдою ради того, что прежние их грехи омыты крещением, и, чтобы не падать в новые, они положили намерение и дали обет, приступая к крещению, в коем новую жизнь получили, которая благодатию Божиею сильна на творение всякой правды и пребывание в чистоте и святости. Беззаконием называет язычников ради того, что в язычестве царствует грех. Как рождаются они во грехе, так и живут в нем: самоугодие заправляет всею их жизнию. Самые лучшие между ними личности не могут высвободиться из уз его и даже понятия не имеют, что должно так сделать. Да если б и поняли, что сделали бы? Надо родиться свыше; а этого они лишены. И суть потому в беззаконии, которое составляет будто дух жизни их: то есть всем жертвовать для себя, или все обращать в средство для своих личных целей.

Или кое общение свету ко тме? Это, *во-вторых*, — сравнение со стороны *умственной*. Как

свет противоположен тьме, так вы — язычникам. Как нет общения у света со тьмою, так не должно быть его и у вас с язычниками ни в чем языческом. Верующие — свет, по светлости ведения их, обнимающего все сущее и бывающее, безначальное и бесконечное, время и вечность, и все с возможною ныне точностию и ясностию определяющего. Знают они, откуда они, зачем на земле, что ждет их за гробом и как сделать тамошнее пребывание блаженным. Ведают Бога, Творца и Промыслителя, Спасителя и Утешителя, знают, как вступить с Ним в общение и пребыть всегда в Нем, в чем последняя цель разумных тварей. Зная все сие, они живут, как во дни ходят. Язычники, напротив, ничего такого не знают, самые существенные вопросы для них остаются нерешенными, и живут они как живется, плетясь общею колеею, не имея возможности дать себе отчета, куда идут и чем кончится путь их. Тьма густая неведения покрывает их. Вот они каковы! Какая же, говорит Апостол, вам стать лезть в одно с ними ярмо?!

Стих 15. *Кое согласие Христови с велиаром?*

Это, *в-третьих*, — сравнение по началовождям. Вы — Христовы, те — велиаровы. Как невозможно согласие Христа с велиаром, так не должно быть его и у вас с язычниками. Христос Господь — Глава христиан; в Него облекаются они крестясь и, прияв благодать, в Его образ

потом преображаются трудами целой жизни,— чтобы, став едино с Ним здесь, сподобиться и в другой жизни быть там, где Он, в неизреченно блаженной славе. Велиар — сатана, первый вступил в богоборство по духу гордыни; потом научил прародителей не послушаться Бога, пообещав им горы и лишив всего; затем всех людей обманывает, увлекая их на дела самоугодия в противность совести и Богу. Власти он ни над кем и ни над чем не имеет, а лживо величает себя царем, потому что люди, призраками его прельщенные, бросаются на самоугодие и чрез него ему служат. Цель усилий его — побольше наделать погибающих; и собственно для него от этого нет никакой прибыли: ибо огонь тот же уготован и для него. Так хлопочет, лишь бы не одному с своими клевретами мучиться вечно. Итак, видите, говорит как бы Апостол, какие противоположности! Христос Господь существенно есть Спаситель и спасения Податель несомненного; а велиар — пагуба, хитрый прельститель, всех по злобе в пагубу сманивающий приманкою сластей самоугодия. Пристало ли вам, спасения Христова причастившимся, быть с теми, кои мятутся в пагубности прелестной?

Или кая часть верну с неверным? Это, *в-четвертых*,— сравнение по началу жизни и концу ее. Верный услышал слово о спасении и принял его с верою; по вере охотно подчинился услови-

ям спасения и пребывает им верен, и ради сей верности питает уверенность, что Христос Спаситель увенчает благим концом течение его, сподобив его нескончаемого блаженства в царствии Своем. Такова часть верного! Она несомненна, ибо утверждается на верности Божией. Неверный в нечаянии* ходит и ничего верного в сей жизни, тем паче в будущей, обещать себе не может. Совесть, всегда оскорбляемая, дает ему предвидеть мрачную картину его участи; и как дверь к ней отворяется смертию, то минута сия всегда поражает его иступляющим страхом. Видишь ли, какова участь неверного? Зачем же тебе становиться в пару с ним?

Стих 16. *Или кое сложение церкви Божией со идолы?*

Это, *в-пятых*, — сравнение по последней цели религии, которая есть Богообщение. Душа, восприявшая Бога, в общении с Ним становится храмом Божиим. Верующие чрез общение с Господом Иисусом Христом вступают в общение с Богом и суть существенно храм Божий. Апостол и говорит: *вы церкви Бога живаго*. Это говорит не обо всех в совокупности, а о каждом верующем в частности, ибо говорит: вы — церкви, а не церковь. Итак, смотрите, говорит, какая выходит несообразность, когда вы принимаете участие в чем-либо языческом. Тут то же выходит, как если бы

---

* Не имея надежды. — *Ред.*

кто взял языческого идола и поставил его в христианском храме. Как последнее действие ни с чем не сообразно, *ибо кое сложение церкви Божией со идолы*, так ни с чем не сообразно, когда кто-нибудь из вас, чрез участие в язычестве, вносит что-нибудь языческое в душу свою, в коей благоволит обитать Бог. Святой Златоуст говорит: «И для чего ты, нося Бога в себе, бежишь к идолам, с которыми Бог не имеет ничего общего? Такой поступок достоин ли извинения? Помысли, Кто в тебе живет и обитает с тобою».

Такой ряд противоположностей выставив, Апостол, как бы за руку взявши, отводит верующих от всего языческого. Как верх всех отличий верного от неверного есть истинное общение, общение живое с Богом живым, то на этом преимуществе Апостол останавливает особенное внимание, доказывая его пророчествами и чрез них изображая его с разных сторон. Приводимые из Ветхого Завета свидетельства слово в слово не читаются в Писании, как они приводятся святым Павлом, а собраны им из разных мест и сочетаны в одну стройную речь.

Вы, говорит, *есте церкви Бога живаго*. А что это так, послушайте, что обетовал Бог Израилю. *Вселюся в них и похожду*, «то есть вселюся в храмах сих и в них буду ходить, показывая тем великое к ним благоволение» (святой Златоуст). *И буду им Бог, и тии будут Мне людие* (Лев. 26, 12).

Я их Бог, они Мои люди. В этом выражается общение со стороны Бога. Но когда Бог возвестил это людям тем и люди те приняли то в сердце свое, то и они стали иметь Бога своим Богом и себя людьми Божиими. В этом общение со стороны людей. Так было во Израиле – прообразе верующих, и общение то было прообразовательное. Оно все происходило внешним образом. Истинное Богообщение совершено уже Господом Спасителем сначала ипостасно в Своем Лице, а потом благодатно-нравственно и во всех верующих. Все верующие, становясь едино с Господом, делаются едино и с Богом истинно, существенно. Так молил Сам Господь: *да вси едино будут, якоже Ты Отче во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21). И молитва Господня становится делом во всяком верующем. Но совершается сие не номинально, а самым делом. Верующие возрождаются благодатию Святого Духа и, став чистыми чрез отвержение страстей самоугодия и чрез восприятие всех добродетелей, суть готовый и богоприличный храм для Бога, Который и вселяется в них и, вселяясь, водит их путями жизни, или ходит в них, как древле столп облачный ходил среди Израиля. Что у древнего Израиля совершалось внешне, то у нового совершается внутренне, в душах и сердцах. Ибо Господь говорит: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его,*

и к нему приидем, и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).

Стих 17. *Темже изыдите от среды их и отлучитеся, глаголет Господь, и нечистоте не прикасайтеся; и Аз приму вы.*

Выше выражено обетование; здесь предлагается условие, от исполнения которого Израилем зависело исполнение обетования Богом. *Изыдите*, говорит, *из среды их*, то есть язычников, и *отлучитеся*, совсем отделитеся от них, чтоб стали чуждыми вы им и они вам. *И нечистоте не прикасайтеся*; нечистоте, ἀκαθάρτου, ничему нечистому не прикасайтеся, ничему тому, что осквернено идолослужением. Древний Израиль так и устроен был: и внешним бытом, и законоположениями он был отгражден от язычников и всего языческого. Но что тогда совершалось и блюлось внешне, то у нового Израиля должно совершаться внутренне, нравственными изменениями и решениями. Что там идолопоклонство, то здесь самоугодие со всеми страстями. Что там выйти из среды язычников, то здесь оставить все дела, делаемые в угоду себе и страстям; что там нечистоте не прикасаться, то здесь отвержение и недопускание страстных помыслов и чувств самоугодливых. Здесь условие такое: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе* (Мф. 16, 24)... или: *иже Христови суть, плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5, 24). Святой

Златоуст говорит: «Не сказал: не творите нечистоты; но, требуя от них большей точности, сказал: не прикасайтесь и не приближайтесь к ней. Он разумеет всякую нечистоту, и плотскую, и душевную. Плотскую нечистоту составляют блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие; а душевную — нечистые помыслы, сладострастный взор, памятозлобие, обманы и тому подобное. Он желает, чтобы мы были чисты и от той, и от другой нечистоты. Смотри, вот и награда за то — соединение с Богом».

И Аз приму вы. Сначала обетовал: будут Моими, затем, предложив условия, говорит: если исполните их, то *приму вы*, — вы станете Моими. Приму вы, и в свое покровительство, и в свое свойство. Возьму вас на руки и буду греть и лелеять, как мать любимое дитя. Так и бывает: кто, все отвергши, Богу присвояется, того и Бог присвояет Себе и блюдет как зеницу ока. Смотри, какое широкое употребление дано свободному произволению! Обетование дано и возвещено; но чтоб улучить его, надо сделать требуемое движение свободным произволением. Как только последует это движение, тотчас придет на него и исполнение обетования. Наглядно представляется это в притче о блудном сыне. Отец увидел приближающегося сына издалече, выбежал ему навстречу, пал на выю* его и облобызал его. Так

* Шею. — *Ред.*

принимает Бог прибегающих к Нему в раскаянии грешников. Но принимает, когда прибегают. Прибечь — их дело, и, когда оно совершится, за Божиим приятием не будет остановки.

Стих 18. *И буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель.*

Таким Бог и имел всегда Израиля; и, когда он оказывался неисправным, в укор ему представлял Свое ему отчество и его Себе сыновство. *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене* (Ис. 1, 2). И новому Израилю не то же обстовано в совершеннейшем смысле и в существеннейшем значении? Ибо говорится: *елицы прияша Его* (Господа Спасителя, верою и любовию), *даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася* (Ин. 1, 12—13). В том и состоит совершение всякого верующего христианином, что он рождается свыше водою и Духом и в момент рождения сего делается сыном и дщерию Богу. В один момент происходит и совершение христианином или христианкою, и вступление в чин сына или дщери Богу. «Видишь ли, пророк давно уже предсказал о нашем настоящем благородстве, то есть о возрождении благодатию» (святой Златоуст).

Глава 7, стих 1. *Сицева убо имуще обетования, о возлюбленнии, очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страсе Божии.*

К этому и вел всю речь Апостол; к этому и пятикратное противопоставление высокого достоинства верных и не стоящего внимания ничтожества неверных; к этому и возвышенные обетования пророческие, которые все существенно исполняются только в прилепляющихся ко Господу Спасителю верою и любовию; к этому, от себя прибавим, и все домостроительство спасения, и крестная смерть, и сошествие Духа Святого, и апостольская проповедь, и устроение Церкви, со всеми дивными явлениями в ней и в начале, и во все продолжение стояния ее. Все к тому, да все верующие, трудами доброделания и подвигами самоотвержения, при помощи благодати Божией, *очищают себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страсе Божии.* Ибо только в таком случае они действительно станут сынами и дщерями Богу и живыми храмами живого Бога.

Сицева убо имуще обетования. «Какие это? — Те, что мы сделались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, и Его имеем Богом и Отцом своим» (святой Златоуст). Таинственно все сие уже есть с нами и есть наше. Остается за нами своим произволением, делами, словами, помышлениями и чувствами явить себя такими, какими не

наречены только, но и сотворены мы таинственно, ибо благодать возрождения уже в нас пребывает, а следовательно, и все с нею сопряженное. Апостол хочет сказать: смотрите же и держите себя, как свойственно сынам и дщерям Божиим, или таким лицам, кои суть храм живущего в них живого Бога. Что же для сего нужно?

Очистим себе от всякия скверны плоти и духа. «Не будем прикасаться нечистоте плотской и тому, что очерняет душу» (святой Златоуст). *Скверною плоти* называет он как плотские грехи, так и все «беззаконные дела» (Феодорит), телом совершаемые. *Скверною же духа* – греховные мысли, чувства и расположения, главное же, корень всего – самоугодие, или самость. Очистить себя от всего этого значит в прежних всех сквернах покаяться и впредь не позволять себе не только нечистых дел, но и мыслей и каких-либо недобрых движений внутри, паче же искоренение самоугодия, на котором держится все нечистое и которым порождается. Совершается сие очищение подобно тому, как вымывается нечистое белье. Это последнее мочат, парят, полощут, мнут, бьют, сушат, катают или утюжат, и оно убеляется и принимает настоящий вид, делающий его годным к употреблению снова. Не без труда совершается и очищение души: все сюда относящееся совмещается в опытах доброделания и в подвигах самоотвержения. Как все идет, делом показа-

ли святые Божии, во всех родах достигавшие высокой чистоты и осязательно всем являвшие, что воистину суть храмы Бога живого, сыны и дщери Ему, Который блюдет их и все угодное им творит.

Творяще святыню в страсе Божии. Зачинает дело внутреннего очищения, и чрез него и внешнего, страх Божий. Он, пришедши, разбужает совесть, неотразимую силу голосу ее подает. Потом они вместе рождают ревность о содеянии спасения, и эта уже устрояет и раскаяние, и решимость прогонять все нечистое и греховное, и все порядки доброделания, и подвиги самоотвержения. Она же, прияв силу в таинствах, и делом, при помощи благодати Божией, все задуманное совершает и, храня постоянство труда и делания, доводит до совершенной преднамеренной чистоты плоти и духа, свойственной сынам и дщерям Божиим. Страх Божий как начало полагает, так пребывает и бдительным стражем всего сего делания. Почему и сказал Апостол: творяще святыню, то есть очищение себя, или восходя в чистоту, страхом Божиим. Святой Златоуст говорит на это: «Апостол не удовольствовался тем, чтобы сказать: не прикасайтеся нечистоте, но присовокупил еще: *творяще святыню в страсе Божии.* Ибо одно неприкосновение к нечистому еще не делает чистым; чтобы сделаться святыми, для сего потребно нечто большее, то есть

ревность, бодрствование и благочестие. И не напрасно сказал он: *в страсе Божии*. Ибо можно сохранять целомудрие и не в страхе Божием, но для суетной славы. Впрочем, он имел еще и другое в виду, когда сказал *в страсе Божии*, именно способ, которым достигается и сохраняется святость. Ибо как ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхом Божиим, то препобедишь ее неистовство. Под *святынею* же он разумеет здесь не одно целомудрие, но и отчуждение от всякого греха. Ибо свят тот, кто чист, а чист не тот, кто не творит только блуда, но кто чужд вместе и сребролюбия, и зависти, и надмения, и тщеславия, особенно тщеславия».

3. ВЫРАЖЕНИЕ РАДОСТИ И УТЕШЕНИЯ, ДОСТАВЛЕННЫХ ВОЗВРАЩЕНИЕМ ТИТА И ВСЕМ, ЧТО ВИДЕЛ И ВСТРЕТИЛ ОН В КОРИНФЕ (7, 2—16)

Речь об этом святой Павел начал было выше, 2, 12—13. Но лишь начал, как взят был Духом к созерцанию силы и славы новозаветного благовестия. Изложив все, что Дух давал ему провещать о сем, возвращается он теперь снова к прерванному сказанию. Начинается оно с 5-го стиха; а) стихи же 2—4 представляют переходную речь; 2-й и 3-й стихи будто ближе к предыдущему; а 4-й стих к последующему. В самом сказании говорит о том, как был обрадован и утешен сначала б) прибытием Тита, стихи 5—7; потом

в) тем, что произвело в Коринфе первое послание, стихи 8—12, наконец г) и приемом, какой встретил в Коринфе Тит, стихи 13—16.

а)

Стих 2. *Вместите ны. Ни единаго обидехом, ни единаго истлихом, ни единаго лихоимствовахом.*

Вместите ны. Прямо напоминает прежнее слово: *утесняетеся во утробах ваших... распространитеся* (6, 12—13). Феодорит пишет: «*Вместите* — говорит тем, которые утеснялись; сие говорил он и выше: *распространитеся и вы*». Святой Златоуст говорит: «Не сказал: любите нас, но, как бы умилостивляя, говорит: *вместите ны.* Прежде говорил: утесняетеся во утробах ваших, и здесь выражает то же яснее словами: *вместите ны.* И сим опять привлекает их к себе; потому что всего более склоняет к любви, когда любящий внушает любимому, что сильно желает любви его». Феофилакт прямо перифразирует это слово применительно к сказанному выше: «просторнее примите нас, и да не будет нам тесно в вас». Экумений напоминает мысль блаженного Фотия, по коей Апостол просит вместить не его только самого, но паче слово его и учение. Эта мысль не противна течению речи.

Ни единаго обидехом, ни единаго истлихом, ни единаго лихоимствовахом. «Сим указывает он на лжеапостолов» (святой Златоуст). Таких, гово-

рит, которые все это делают вам, вы принимаете (ниже указывает на это, 11, 20); тем охотнее следует вам принять нас, которые ничего такого вам не делали. Святой Павел мог бы указать на то добро, которое они получили от него сначала духовно, а потом вещественно, ибо скромная жизнь христианская не могла не возыметь влияния и на внешний быт. Но это не могло бы быть так сильно, как это сопоставление отношения коринфян к себе с отношением их же к другим, от которых они никакого добра не получили, а одно худо. «Умалчивает о своих благодеяниях, но другим образом и смягчает, и вместе усиливает слово свое. Не говорит: мы оказали вам такие и такие благодеяния, но как бы так: хотя бы мы и никакого не сделали для вас благодеяния, и тогда вам не надлежало бы убегать нас, ибо вы ни в большом, ни в малом не можете нас обвинить» (святой Златоуст).

Ни единаго обидехом ἠδικήσαμεν, никого не онеправдовали, в каком бы ни было отношении; полтора года жили среди вас тихо, мирно, честно; не только делом, но и словом никто не обижен и не оскорблен от нас. *Ни единаго истлихом*, никого не развратили худым примером, никого не сбили с пути злым учением: «не употребляли льстивых слов, прикрашивая ложь» (Феодорит); «никого не ввели в заблуждение, повреждая ум нечестивыми догматами» (Феофилакт); «никого

не обольстили и ничьего не растлили ума, прельщая простоту, как змий прельстил Еву лукавством своим» (святой Златоуст). *Ни единагоже лихоимствовахом,* — ни от кого ничем не покорыстовались. «Ни у кого ничего не выманивали, поступая коварно» (святой Златоуст); «не торговали словом благовестия, обращая его в средство к обогащению» (Экумений, Феофилакт).

Слова сии стоят у святого Павла без пояснительных прибавлений, потому никакой нет нужды отступать от прямого их значения. Повод, по которому так говорится, менее можно думать, чтоб был тот, что недоброжелатели святого Павла такие распускали о нем суждения, а скорее тот, как указал святой Златоуст, что какие-нибудь лжеучители так действительно поступали среди коринфян, то есть и покорыстовались, и ложью умы развратили, и худой пример оставили, и онеправдовали кого, держа себя высоко, что не могло обойтись без оскорблений*.

Нельзя не заметить, какая высокая похвала пастырю, если он пред лицом всей паствы может сказать такие слова. Или один Самуил пророк и святой Павел были таковы?! — Нет; во всякое время око Божие верно видит не семь, а несколько раз семь тысяч душ пастырских, не преклонявших колена пред ложью, лестью, неправдою и мамоною.

* Обид, огорчений. — *Ред.*

Стих 3. *Не на осуждение глаголю: прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити.*

«Чувствуя, что сказанное им может показаться жестоким, он опять смягчает свое слово» (святой Златоуст). Предыдущее слово не могло не отозваться сильною горечью в сердцах коринфян. Укор сделан болезненный, хотя и не прямо. Как они были не без вины, то встревоженная совесть могла ожидать кары или отвержения. Надлежало отвратить это беспокойство. Он и отвращает, говоря: *не на осуждение вам глаголю*. Не бойтесь; не кару с неба призываю на вас (κατάκρισις есть приговор суда, определяющий наказание), не выставляю вины, чтобы отвергнуть вас. Я люблю вас столько, что жить без вас не могу и, кроме добра, ничего вам не желаю. Но вместо того, чтобы сказать: я вас люблю крепкою любовию, он употребил перифраз любви: *прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити*. Слово в слово он не выражал так своей к ним любви, но выразил другими не менее сильными словами, когда говорил: *сердце наше распространися... Не тесно вмещаетеся в нас* (6, 11—12). Сказать кому, что с тобою мне и умереть, и жить, есть то же, что сказать: обнял я тебя широкою любовию и не расстанусь с тобою никогда. Святой Златоуст говорит: «Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи даже

ими презираем, готов и умереть, и жить вместе с ними. Апостол не просто говорит: *вы есте в сердцах наших*; но так, что, по сказанному, мы готовы с вами жить и умереть. Ибо можно любить и убегать опасностей (которые грозят из-за любимого), но мы не так любим. Если б, говорит, постигло вас какое бедствие, то я готов все терпеть за вас. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себе, не важны, но быть там, где вы, для меня предпочтительнее; с вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Многие соболезнуют о страждущих друзьях своих; когда же друзья благоденствуют, не радуются с ними, но еще завидуют. Мы же не таковы, говорит Апостол. Если вы подвергнетесь бедствию, мы не устрашимся разделить с вами ваше несчастие. Если же будете благоденствовать, не станем завидовать».

Стих 4. *Много ми дерзновение к вам, многа ми похвала о вас, исполнихся утехи, преизбыточествую радостию о всякой печали нашей.*

Эти слова выражают, что вырвалось из души Апостола после того, как Тит рассказал ему, как был принят в Коринфе и какое действие произвело послание Апостола на тамошних верующих. Ибо они раскаялись в неисправностях, восскорбели об них и положили непременно все исправить по указаниям святого Павла, и к нему самому засвидетельствовали любовь свою и глубо-

кое уважение. Приводя все сие на мысль, Апостол говорит: *много ми дерзновение к вам*. Вы делом показали, что я смело могу обращаться к вам со всяким словом, в уверенности, что вы во всем послушаете меня. С предыдущим же эта речь вяжется таким образом: там он выразил, что любит их крепкою любовию, а здесь будто объясняет: да и как мне не любить вас?

Много ми дерзновение к вам. Теперь вижу, что во всем могу положиться на вас. Вы показали, что относитесь ко мне, как ученики к учителю, как дети к отцу. Это меня воодушевляет на труд среди вас и для вас: знаю, что это не будет бесполезно.

Многа ми похвала о вас. Вы доставили мне много поводов к тому, чтобы вас хвалить и хвалиться вами. Я и всегда хвалюсь вами пред другими, но теперь вы и охоты подбавили мне к тому, и много обнаружили в себе похвального пред прежними похвальными качествами. *Исполнихся утехи*. Скорбел, но как только пришел Тит и рассказал про вас, скорбь отошла и я исполнен утехи. «Какой утехи? – Какую получил от вас; вы, исправившись, утешили меня делами своими» (святой Златоуст). *Преизбыточествую радостию*. «Опять обнаруживает горячность любви своей к ним. Так была она ненасытима! Ибо и малая взаимная любовь от тех, кого любим, доставляет великую радость, по причине нашей

сильной к ним любви. Говоря об утешении, он сказал: *исполнихомся*, то есть получил, что надлежало; а говоря о радости, сказал: *преизбыточествую*, то есть я много боялся за вас, но вы довольно удовлетворили и утешили меня, и не только отняли у меня предлог к скорби, но еще доставили мне обильную радость. Изъявляя же, сколь велика сия радость, не только выражает сие словами: *преизбыточествую радостию*, — но и тем, что присовокупляет: *при всей печали нашей* (ἐπὶ πάσῃ). Таково доставленное нам удовольствие, что оно не затмилось и великою печалию, а напротив, избытком величия своего преодолело все постигшие нас скорби и не дозволяет нам чувствовать их» (святой Златоуст).

б)

Стих 5. *Ибо пришедшим нам в Македонию, ни единаго име покоя плоть наша, но во всем скорбяще: внеуду брани, внутрьуду боязни.*

«Упомянув выше о печали, сказывает, какая была печаль, и представляет ее в бо́льшем виде, желая показать, сколь велики доставленные ими утешение и радость, которые рассеяли и такую скорбь» (святой Златоуст). *Ибо пришедшим*; с греческого — *ибо и пришедшим*. Чрез *ибо* речь связывается с непосредственно предыдущим, а чрез *и* — с тем, что говорилось в 2, 12—13. Там говорилось: в Троаде не имел я покоя духу

моему. Здесь говорится: но и когда пришел я в Македонию, *ни единаго име покоя плоть наша.* Там *дух*, здесь *плоть* нельзя думать, чтоб употреблены были с особенным каким значением, а как описательное прибавление к лицу говорящего. И там, и здесь я не имел покоя. — *Но во всем скорбяще* — надо дополнить *быхом*. Скорби окружали нас со всех сторон, или во всех отношениях. С каких именно сторон и в каких отношениях, указывают слова: *внеуду* и *внутрьуду*. А они что значат? — Святой Златоуст говорит: «*Внеуду брани*, то есть от неверных; *внутрьуду боязни*, то есть за немощных в вере, чтобы не увлеклись в заблуждения, что случалось не у одних коринфян, но и у других». Экумений и Феофилакт — *внеуду брани* также понимают, от неверных, которых, по Экумению, Апостол обычно называет внешними. *И внутрьуду страхи* — тоже относят к верующим, внутри ограды Церкви состоящим, но не в одном смысле: Экумений — «страхи из-за верных, как бы не сокрушили их искушения», а Феофилакт, — из-за слабых верных, «как бы не сбили их с пути лжебратия». Феодорит же пишет: «Не только стесняла нас борьба с противниками (внеуду брани), но истощала также и забота о немощных, потому что боялся я их перемены на худшее».

Стих 6. *Но утешаяй смиренныя, утеши нас Бог пришествием Титовым.*

Скорбь и беспокойство, как говорил выше, 2, 12—13, начались оттого, что так не скоро возвращался Тит. И начало утешению полагает в прибытии Тита. Прежде чем он поведал что-либо, я уже был утешен одним прибытием его. От долгого ждания Павел будто отчаялся уже и видеть его когда-нибудь, потому прибытие его считает как бы посланием с неба. В Боге живущему свойственно всякое, и большое, и малое, событие относить к Богу, как оно и действительно от Него зависит. Почему Апостол исповедует и в этом прибытии Тита великую милость Божию и, воззревая на него от лица промысла Божия, говорит: Бог, утешающий смиренных, тех то есть, которые смиренны и сокрушены горем и скорбями, утешил нас прибытием Тита. — Но, конечно, не одно это прибытие так обрадовало Апостола, что он сразу забыл всю тяготу, лежавшую на душе его, но паче то, что принес Тит. Почему продолжает:

Стих 7. *Не токмо же пришествием его, но и утешением, имже утешися о вас, поведая нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне, яко ми паче возрадоватися.*

«Возвратившись, привел он нас в восхищение от удовольствия, когда рассказал о вас столь много приятного» (святой Златоуст). По всему ожидается, что святой Павел скажет: утешением, которым утешил он нас; а он говорит: утешением,

которым сам Тит утешился о вас. Надобно предположить, что святой Тит, отправляясь в Коринф, не надеялся встретить там то, что встретил. Апостол послал его туда в беспокойстве, и Титу очень желалось, чтоб коринфяне оказались такими в отношении к Апостолу, каким быть им желал сам Апостол. Поелику Тит сильно этого желал, то и боялся, как бы не вышло там чего противного его ожиданию и желанию. Потому, когда увидел, что прием послания и самого его превзошел самое его ожидание, крайне был тем обрадован и восхищен; утешался и тем, что коринфяне оказались такими, и тем, что это очень обрадует и утешит Апостола. О себе он забыл, то есть как хорошо был принят: его радовали исправность коринфян и утешение от того Апостола. – Эта радость не могла не выразиться и во взоре, и в первых речах. Апостол и хочет сказать: и прибытие его радовало, но я по глазам уже видел, что он был утешен тем, что у вас встретил и принес мне радостные вести. Это второй момент обрадования. А когда он, говорит, поведал мне, что у вас встретил, то я еще более возрадовался. – Что же поведал? – *ваше желание*, – ἐπιπόθησιν, теплое расположение к Апостолу, *ваше рыдание*, – ὀδυρμόν, болезненное сокрушение и скорбь о том, что так обеспокоили его своими неисправностями, – *вашу ревность по мне*, решение ревностно исправить все неисправное,

все сделать по указаниям его, кровосмесника изгнать и хулителей святого Павла заставить молчать.

Святой Златоуст говорит: «*Утешися о вас* Тит. Чем же утешился? – Вашею добродетелию, вашим исправлением. Посему и присовокупляет: *поведая ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне*. Вот что утешало и радовало Тита! Видишь – и его представляет весьма расположенным к коринфянам, так как он добрую их славу почитает для себя утешением и, пришедши, хвалится ею пред Павлом, как собственным благом. И смотри, с каким жаром выражает сие Апостол: *ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность*. Ибо им и должно было плакать и скорбеть о том, что блаженный Павел так прогневался на них и так долго не был у них. Почему и сказал не просто: слезы, но *рыдание*; и не просто – желание, но *сильное желание*, – ἐπιπόθησιν; и не раздражение (в смысле: раздражашеся дух мой), но ревность, – ζῆλον, – и ревность за Апостола как против блудника, так и против осуждавших Павла. Получив мое послание, говорит Павел, вы воспламенились и воспылали ревностию. Он *избыточествует радостию, исполнился утехи*, потому что сильно тронул их. А мне кажется, что сие сказано не только для утешения за прежнее, но и для большего возбуждения исполнивших требуемое. Ибо думаю, что некоторые

подлежали прежним обличениям и не заслуживали такой похвалы; но он не отделяет их, напротив, всех вместе хвалит и укоряет, предоставляя совести слушателей избрать каждому свое. А таким образом и укоризны делались сносными, и похвалы возбуждали к большей ревности».

в)

Стих 8. *Яко аще и оскорбих вас посланием, не раскаюся, аще и раскаялбыхся; вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас.*

Яко, — ὅτι, — ибо. Выше сказал, что когда рассказал ему святой Тит все, что было в Коринфе, то он очень обрадовался тому. Но мог кто подумать, как же это? У тех горький плач, ὀδυρμός — а он радуется? Апостол объясняет теперь, как это у него выходит, что они плачут, а он радуется. Радуюсь, говорит, не тому, что вы опечалены, а тому, что из этого вышло, — вашему раскаянию и исправлению. Но объяснение это излагает несколько пространнее, начиная с того, что у него было на душе, пока не получил он вести о действии послания. Святой Златоуст говорит: «Поелику коринфяне загладили свой грех и потому без опасения можно было говорить с ними ласковее, то Апостол извиняется пред ними в строгости прежнего послания своего, но показывает и пользу его. То же делал и выше, говоря: *от печали бо многия и туги сердца написах вам, не яко да*

оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имам изобильно к вам (2 Кор. 2, 4). То же делает и здесь, но только выражается о сем пространнее».

Ибо, говорит, хотя я *оскорбил*, — ἐλύπησα, опечалил, вас *посланием*, — ἐν τῇ ἐπιστολῇ, в послании, словами послания, тем, что говорено было в первом послании; но *не раскаюся*, — οὐ μεταμέλομαι, — не раскаиваюсь, *аще и раскаялбыхся*, хотя и раскаялся было. Теперь, говорит, не раскаиваюсь, что печаль внес в душу вашу, а раскаялся было, или начал было раскаиваться. Когда это? — Пока не пришел святой Тит. Написав укорно и грозно, не мог не полагать святой Павел, что слово его нанесет печаль коринфянам. Написал он так потому, что так необходимо было. Но потом, когда увидел, что Тит замешкался, верно, предположил, что послание дало делу неблагоприятный оборот, и потому начал тужить и раскаиваться, что так строго написал. Об этом и говорит теперь: хоть и раскаялся было, или начал было раскаиваться, но теперь не раскаиваюсь, смотря на благой плод опечаления вас.

Святой Златоуст, впрочем, этому слову: *аще и раскаялбыхся* дает такой смысл: хотя и следовало бы мне раскаяться, что написал слишком строго, сверх меры строго, но не раскаиваюсь по причине пользы от того. Вот его слова: «Хотя бы написанное мною было таково, что превышало меру должного обличения и требовало от меня

раскаяния, но великая польза, происшедшая от того, не дозволяет мне раскаиваться. Сказал же сие не потому, что в самом деле выше меры обличил их, но чтобы увеличить похвалу их», — показывая: вы так смиренны и послушны, что, как строго ни напиши, принимаете то с сокрушением и готовностию во всем исправиться; так что мне остается только хвалиться вами. Такое понимание и не ближе ли к ходу речи?

Вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас. Следовало бы мне раскаиваться, говорит. Почему же? — Ибо вижу, что послание то опечалило вас, хоть и ненадолго. Видя это, следовало бы раскаяться, но не раскаиваюсь: «ибо печаль была краткая, а польза вышла всегдашняя» (святой Златоуст). Почему продолжает:

Стих 9. ***Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся в покаяние: оскорбесте бо по Бозе, да ни в чемже отщетитеся от нас.***

Не только, говорит, не раскаиваюсь, а напротив, радуюсь; радуюсь не тому, что вы опечалены, а тому, в каком духе и с каким плодом опечалены. «Я радуюсь, видя не собственно печаль, но плод печали, потому что печаль эта произрастила похвальное покаяние» (Феодорит). «Когда отец видит, что сыну делают надрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что он исцеляется. Тому же радуется и святой Павел. Заметь же, что он весь успех дела относит к ним: печаль при-

писывает посланию своему, а пользу от оного ставит им в заслугу. Ибо не сказал: радуюсь тому, что послание исправило вас, хотя и так было на деле, но *яко оскорбистеся в покаяние*» (святой Златоуст). Опечалились, говорит, но не в досаду от того пришли и негодование на опечалившего, а себя обвинили, сознаваясь, что стоили укоров, раскаялись в своей вине и положили исправиться. Такого рода печалование есть печалование по Боге. Почему говорит: *оскорбесте бо по Бозе*, — κατὰ θεὸν, — в порядке божеских требований, или богоугодной жизни, в порядке богоугождения и спасения, или по страху Божию, к Богу взирая, а не по видимости рассуждая о текущем. По поводу обличения нашего вспомнили о Боге и о суде его, и поспешили исправить неисправное. Ибо Бог всегда одного требует, чтобы все были исправны, а которые неисправны, чтоб раскаивались. Вспомнивший о Боге, если исправен, Бога благодарит, а если неисправен — раскаивается и спешит исправиться. Кто так действует – по Богу действует, по тому, как хочет Бог, как требует мысль о Нем благоговейная.

Да ни в чемже отщетитеся от нас. Благодарение Богу, говорит, что Он так устроил, что и нам внушил мысль обличить вас построже, и в вас возбудил расположение к раскаянию. Так устроил Он, чтобы вам не потерпеть какого ущерба в духовном преспеянии вашем, или вреда

какого-либо в деле спасения, по нашей вине. Не обличи мы вас, вы остались бы в своей неисправности и, следовательно, терпели бы вред. Но если б и после того, как обличили, Господь не поворотил ваших чувств на добро, — и то было бы худо. Теперь же вижу, что все устроилось к лучшему, и не могу не радоваться. «Замечай, — говорит святой Златоуст, — неизреченное его благоразумие! Если бы мы не сделали сего, говорит он, нанесли бы вам вред; и исправление приписывает им, а себе вред, который произошел бы от его молчания. Если бы мы не обличили вас, когда можно было исправить вас обличением, то мы нанесли бы вам вред, и ущерб был бы не для вас только, но и для нас. Ибо как тот, кто не дает купцу средств к плаванию, делает вред ему, так и мы сделали бы вам вред, если бы не дали вам повода к покаянию. Видишь ли, что не обличать грешников вредно и учителю, и ученику?»

Стих 10. ***Печаль бо, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает; а сего мира печаль, смерть соделовает.***

«Посему, говорит, хотя и раскаивался, прежде нежели увидел плод и пользу послания, но теперь не раскаиваюсь, или плодом была печаль по Бозе» (святой Златоуст). Печаль же по Бозе вот что производит: спасение. Печаль по Бозе есть скорбь и болезненное сокрушение сердца, когда при помышлении о Боге и своих к Нему отноше-

ниях сознают себя виновными пред Ним безответно*. Такое сознание поражает страхом суда и осуждения; страх же сей заставляет искать верного исхода из горького своего положения. Как такого исхода другого нет, кроме сердечного раскаяния с твердою решимостию жить прочее по ведомой воле Божией неуклонно, то к Нему и прибегает печалящийся по Бозе; а это то же значит, что вступить верною ногою на путь спасения. Вот почему и сказал Апостол: *печаль по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделовает*.

Покаяние нераскаянное означает покаяние с твердою решимостию не возвращаться вспять; или покаяние, в совершении которого никто не раскаивается, несмотря на немалые жертвы, которых оно требует, потому что тотчас опытом узнает, коль великое благо приносит оно с собою.

Этой спасительной печали противополагает святой Павел печаль мирскую, убийственную, говоря: *а сего мира печаль смерть соделовает*. Печаль мира есть печаль из-за потерь славы, чести, имущества, утех, расстройства житейских или гражданских дел, вообще из-за чего-либо земного, этою жизнию ограничивающегося, спасения же и вечности не касающегося. Все эти печали убивают горем и поражают безотрадностию. Когда блага земные отнимаются, то лишаемый их так

---

* Когда нет оправдания и права отвечать, оправдываться. — *Ред.*

себя имеет, что у него будто душу вынимают. По Бозе же печалящийся, хотя тоже глубокою скорбию поражается, но скорбь сия всегда растворяется благонадежием помилования: ибо всему свету известна Божия готовность принимать кающегося. Оттого печаль по Бозе не убивает, а оживляет, не смерть причиняет, а из смерти извлекает и в живот переводит.

Святой Златоуст пространно рассуждает о сих двух печалях. «Что значит печаль мира сего? — То, когда печалишься об имуществе, о славе, об умершем; все это печаль мира, а потому и причиняет смерть. Кто печалится о славе, тот завидует и часто доходит до неизбежной гибели. Такою печалию печалились Каин и Исав. Итак, под печалию мира он разумеет ту, которая вредит самим скорбящим. Ибо одна печаль о грехах полезна, и сие ясно видно из следующего. Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но еще усиливает ее. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби: ибо истощает и истребляет грехи. Печаль есть врачевство, приготовленное на сей один случай; здесь только имеет она силу и оказывает пользу, в других же случаях вредит. Правда, что тяжелее печали? Но когда она бывает печалию по Бозе, тогда гораздо лучше мирской радости,

ибо радость сия обращается в ничто, а та *печаль покаяние нераскаянно во спасение соделовает*. В ней и то достойно удивления, что никто из скорбящих ею никогда не раскаивается, тогда как раскаяние наиболее свойственно мирской печали. Ибо что любезнее родного сына? И что горестнее смерти его? Однако отцы, которые во время сильной своей горести не принимали никакого утешения и сами себя терзали, после раскаиваются в том, что без меры скорбели; и не только не получили от того никакой пользы, но еще более себя расстроили. Не такова печаль по Бозе! Она имеет двоякое преимущество: не заставляет раскаиваться в том, о чем скорбишь; самую же печаль обращает во спасение. Обоих сих преимуществ лишена печаль мирская. В ней скорбят ко вреду и после сильной скорби негодуют на себя; а сие и служит сильнейшим доказательством того, что они, скорбя, вредят себе. Совсем противоположны следствия печали по Бозе. Никто не станет себя обвинять за то, что скорбел, плакал и сокрушался о грехе».

Стих 11. *Се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание; но ответ, но негодование, но страх, но вожделение, но ревность, но отмщение; во всем представисте себе чисты быти в вещи.*

Святой Златоуст говорит: «Блаженный Павел, говоря о благих плодах печали по Бозе, не имел

нужды приводить посторонние примеры в подтверждение сказанного, а указывает на самих коринфян и из того, что они сделали, заимствует доказательство, чтобы, похваляя их, вместе и наставить, и более привлечь к себе. *Се бо*, говорит, *сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание*? То есть ваша по Бозе печаль (то, что вы, пришедши в страх Божий, сокрушились и раскаялись), смотрите, как сделала вас заботливыми о себе (о том, чтоб явиться исправными во всем пред Богом, своею совестию и пред святым Апостолом). И вот признаки такой заботы! *Но ответ* (*Но*, ἀλλὰ, во всех этих положениях стоит вместо *и*,— Экумений), ἀπολογίαν, извинение предо мною (выраженное, может быть, пред Титом и им переданное Апостолу); *но негодование* на согрешившего; но *страх* («В страх Божий пришли вы»,— Феодорит), ибо такое усердие и весьма скорое исправление показали, что они очень устрашились (может быть, и святого Павла.— Экумений, Феофилакт). И, дабы не подумали, что он хвалит самого себя, смотри, как тотчас смягчает речь, сказав: *но вожделение*, то есть ко мне [«и нас возлюбили горячее прежнего»,— Феодорит.— «Ибо, говорит, любя меня и не хотя огорчить меня, вы поспешили исправиться»,— Экумений; «чтоб не показалось, что, указав на страх, он придает себе некоторое над ними господство, спешит отвратить эту мысль указанием

на *вожделение*, ἐπιπόθησιν, теплое к себе расположение, которое есть признак любви, а не подначальственного подчинения», — Феофилакт]; но *ревность*, то есть к Богу («исполнившись справедливой ревности, оплакали вы нарушенные законы», — Феодорит, «или о Боге, или о мне пред поносившими меня лжеапостолами», — Экумений); но *отмщение*, ибо они наказали нарушивших закон Божий («на согрешивших вооружились негодованием», — Феодорит). *Во всем представисте себе чисты быти в вещи*, то есть не только тем, что сами не сделали такого же преступления, но и тем, что сделавшему не потворствовали. В первом послании он сказал: *и вы разгордесте* (1 Кор. 5, 2); посему здесь говорит: вы очистили себя и от сего подозрения, когда не только не похвалили согрешившего, но наказали его и вознегодовали на него».

Стих 12. ***Аще бо и писах вам, не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явитися в вас тщанию нашему, еже о вас пред Богом.***

Кто обидевший и кто обидимый? — Феодорит говорит: «Обидевшим Апостол называет виновного в блуде, а обидимым — отца его, потому что и по смерти оскорблен он был поруганием его ложа». Экумений и Феофилакт думают, что это соблудившие, потому что они и обидели себя взаимно, и обижены. Святой Златоуст не касается сего вопроса. Но кто бы они ни были, сила

речи не в определенности понятия о них, а в указании намерения, с каким написаны такие строгие решения в первом послании. Не для них, говорит, это писано. Не то хочет сказать, что, пиша, совсем не имел их в виду; но что не для них преимущественно писал, а, главным образом, для вас, чтоб один по другому и вы все не заразились тем же злом. Теперь те исправляются, и вы исполнились ревности и негодования ко греху такому. Но хотя бы те и не исправились, а только в вас обнаружилось такое негодование, цель послания была бы достигнута. Его диктовала моя забота о всем теле Церкви. Я показал тем мое тщание о всех вас, какое имею пред Богом. Оно таково и пред Богом, каким явлено пред вами. Апостол будто слышал со стороны их возражение: когда мы чисты, то зачем нас обличал? – Теперь так, а тогда я этого мог и не предполагать; и опасение за вас, вызываемое любовию к вам, заставило меня быть строгим. Святой Златоуст говорит: «Дает чувствовать, что он страшился за всю Церковь; ибо боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далее, не обняло всей Церкви. Посему и говорил: *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. 5, 6). Но это сказал тогда; теперь же, когда они исправились, то же самое выражает не так, но иначе, и хотя ту же имеет мысль, но предлагает ее с большею приятностию, говоря: за еже явитися в вас тщанию моему о вас, то есть чтоб видели вы, как

люблю вас. Поелику я вас очень люблю, то и опасался, чтобы вы от сего соблазнительного примера не потерпели вреда и сами за себя не были принуждены скорбеть».

г)

Стих 13. *Сего ради утешихомся о утешении вашем; лишше же паче возрадовахомся о радости Титове, яко покоися дух его от всех вас.*

Сего ради утешихомся о утешении вашем. О утешении — ἐπὶ, по случаю, или по причине, утешения вашего, не утешения, которое вы получили, а утешения, которое вы нам доставили вашим исправлением всего и всем, что оказалось у вас вследствие моего послания. Святой Златоуст говорит: «*Утешихомся*; потому что и попечение свое о вас показали мы, и все исполнилось по нашему желанию. Подобно как и в другом месте говорил: *мы ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. 3, 8). Ибо преспеяние учеников для благоразумного учителя есть жизнь, и утешение, и отрада. И ничто столько не выказывает с хорошей стороны начальника, как любовь его к подчиненным».

Лишше же паче возрадовахомся о радости Титове. «Смотри, как Апостол опять восхваляет коринфян и выражает свою любовь к ним! Ибо, сказав выше о своей радости, что первое его послание имело такой успех и принесло такую

пользу, и выразив свою к ним любовь, теперь представляет другую черту их благорасположения, которая также приносит им великую похвалу и показывает искренность их любви: *лишше же паче возрадовахомся о радости Титове*. Тит вами утешен; но я радовался не столько за Тита, сколько за вас» (святой Златоуст). Тит покоен был у вас не телесно, не тем, что было что поесть или иметь покойное ложе, но духом. Дух его покоился, и не от того или другого, но от всех вас. То, что равноапостольный дух Титов находил покой среди коринфян, есть свидетельство о высоком их совершенстве в духе. Ибо духовный, каким был Тит, не может найти покоя среди тех, у коих нет движений и проявления духовной жизни, и успокоением его в отношении к телу нельзя удовлетворить его духа так, чтоб он чувствовал себя покойным.

Стих 14. ***Яко аще что ему о вас похвалихся, не посрамихся; но яко вся воистинну глаголахом вам, тако и похваление наше, еже к Титу, истинно бысть.***

Аще что ему о вас похвалихся. «Велика похвала, когда учитель хвалится (учениками) и радуется, что его похвала оказывается истинною, ибо говорит: *не посрамихся*. Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими и на самом деле оправдали мои слова. От сего мне сугубое утешение: и вы показали себя более совершенными,

и я не явился лжецом против истины; *но яко вся воистинну глаголахом вам, тако и похваление наше, еже к Титу, истинно бысть*. Здесь подразумевает он и другое нечто, именно: как у вас говорил одну истину, а, вероятно, он много хвалил им Тита; так равно и сказанное мною о вас Титу оказалось истинным» (святой Златоуст).

Чтобы в словах: *яко вся воистинну глаголахом вам* Апостол разумел свои похвалы Титу пред коринфянами, святой Златоуст почитает только вероятным. Так и все наши. Прямая же мысль здесь та, что из уст Апостола никогда не исходила ложь, чего бы речь его ни касалась, особенно же, что истинна проповедь его. Феодорит пишет: «Не терпели мы когда-либо говорить ложь, но и учение преподали вам истинное, и похвалы вам украсили истиною». Так и Экумений с Феофилактом: «Как истинно то, что я вам проповедовал, так истинным оказалось и о вас мое слово Титу».

Стих 15. ***И утроба его излиха к вам есть, воспоминающаго всех вас послушание, яко со страхом и трепетом приясте его.***

И утроба его излиха к вам есть. «Сие относится уже к похвале Тита, что он к ним расположен и привязан» (святой Златоуст). «Для того он таким представляет им Тита, чтоб и они взаимно возлюбили его, как связанного с ними сердечно и горячее к ним питающего расположе-

ние. Почему и сказал: *утроба его есть к вам*, чтоб показать глубину и горячность искренней его к ним любви» (Феофилакт). «Потом приводит, как и везде делает, причину такого расположения, чтоб не показаться ласкательствующим, а с другой стороны, чтоб и самих коринфян побудить к большему тем, что всю похвалу отдает им и показывает, что они сами подали Титу повод и причину к такой любви. Ибо, сказав: *утроба его излиха к вам есть*, присовокупляет: *воспоминающаго всех вас послушание. — Воспоминающаго*. Сим Апостол выражает признательность Тита, который разлучился с ними, напечатлев всех в душе своей, и всегда воспоминает о них, непрестанно имеет в устах и сердце; а вместе еще более хвалит коринфян, что отпустили Тита, сделав ему такой усердный прием. Потом напоминает и об их послушании: *поминающаго послушание ваше*, возбуждая тем и ревность» (святой Златоуст). Послушание и слову Апостола в послании, которое (послушание) для Тита так приятно было встретить, и, может быть, слову самого Тита, каким сопровождал он чтение послания, прилагая к написанному свои советы и внушения. Так Феодорит: «И он весьма благорасположен к вам и хранит незабвенную о вас память, рассказывая, как вы покорились его советам». — *Яко со страхом и трепетом приясте его*. «То есть не только с любовию, но и с великою честию. Видишь ли,

как он свидетельствует о сугубой их добродетели, то есть что они и возлюбили Тита, как отца, и убоялись, как начальника, что в них ни страх не помрачил любви, ни любовь не ослабила страха?» (святой Златоуст).

И послушание, и страх, и трепет оказаны в лице Тита самому Апостолу, а он по скромности, ему обычной, относит все то к Титу, то к доброте коринфян. На эту мысль наводят последние слова:

Стих 16. *Радуюся убо, яко во всем дерзаю в вас.*

«Видишь ли, что о них радуется более? Ибо говорит: вы ни в чем не посрамили своего учителя и показали себя достойными моего о вас свидетельства. Следовательно, он радовался не столько тому, что Тит получил такую честь, сколько тому, что они показали такое благорасположение к Титу. Но, чтобы не почли его радующимся более за Тита, смотри, как и здесь представляет причину радости. Как выше сказал: *яко аще что ему о вас похвалихся, не посрамихся*; так и теперь говорит: *яко во всем дерзаю в вас*. Нужно ли вас укорить, не страшусь, чтобы вы за это отложились*; нужно ли похвалиться вами, не опасаюсь быть обличенным в напрасной похвале. *Дерзаю в вас*, буду ли хвалить вас как покорных, или как любвеобильных, или как ревностных. Я сказал: отсеките, и вы отсекли; сказал

* Отступили. — *Ред.*

я Титу, что вы велики, достойны удивления и умеете почитать учителей, и вы доказали это на самом деле; он узнал сие не столько от меня, сколько от вас самих. Посему возвратился ко мне, исполнившись сильной к вам любви, так как вы показали на деле более, нежели сколько я говорил ему» (святой Златоуст).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ПРАКТИЧЕСКАЯ
О собрании милостыни для бедных иерусалимских братий (главы 8 и 9)

О милостыне говорил уже Апостол и делал распоряжения в первом послании, глава 16. К устройству этого дела в Коринфе много способствовал и Тит в бытность свою там (8, 6). Теперь Апостол речь свою направляет лишь к тому, чтоб разохотить к скорому и нескудному подаянию, ибо сам шел туда и с македонянами, пред которыми хвалился ими.

С сею целию: 1) *сначала ревность* к делу сему старается раздражить святой Павел, 8, 1—15, выставляя а) *пример* македонян, которые оказались сверх меры доброхотными, стихи 1—6, а затем прилагая к тому б) другие, *более близкие* к коринфянам *побуждения*, стихи 7—15, каковы: аа) то, чтоб при других добрых качествах не отстать им и в этой добродетели, стихи 7—9; бб) то, что это дело не ново, уж начали, стихи 10 и 11; и вв) то, что не чрезмерное что требуется, а что кто может, стихи 12—15.

2) *Потом* поминает о своем распоряжении а) послать к ним Тита и других двух братий, с

указанием и добрых качеств каждого, 8, 16—24; б) представляя побуждением к тому желание, чтоб у коринфян все было готово к его приходу и чтоб, когда придет он к ним с македонянами, не постыдиться ему чрез них. В этом не малое опять побуждение и к скорому, и к щедрому собранию подаяний, 9, 1—5.

3) *Наконец* снова воодушевляет их и к нескудному, и к охотному даянию: а) обетованием Божия благословения, стихи 6—11 и б) славою отсюда нашего исповедания, стихи 12—15.

1. РАЗДРАЖЕНИЕ РЕВНОСТИ К МИЛОСТЫНЕПОДАЯНИЮ (8, 1—15)

а) Примером македонян (8, 1—6)

Глава 8, стих 1. *Сказуем же вам, братие, благодать Божию, данную в церквах Македонских.*

Сказать слово о милостыне считал нужным святой Павел и в этом послании. В этом же именно месте сказать о сем расположился предыдущею речью. Пред этим он выхвалял коринфян за хороший прием Тита, заключив слово выражением радости, что они так внимательны к тому, что исходит от него: *радуюсь, яко во всем дерзаю в вас*. То есть радуюсь тому, что вы, что ни скажу, все то готовы охотно делать. К этому он и прилагает свое слово о милостыне, то есть «и на самом деле показывает свое к ним дерзновение, предлагая увещание иметь промышление о

святых», то есть иерусалимских бедных христианах (Феодорит). «И сказал это он предварительно, потому что имел намерение беседовать о милостыне, чтоб похвалою проложить путь увещанию и возбудить усердие к милостыне. Впрочем, сказал об этом не вдруг, но, примечай, с каким благоразумием издалека и с высоты ведет слово: *сказуем вам благодать Божию, данную в церквах Македонских*, — и, описывая дела других, тем, что хвалит их, возбуждает ревность (к подобным же делам) и в коринфянах» (святой Златоуст).

«*Благодатию Божиею* назвал он дела милосердия, милостыню» (святой Златоуст). «Ибо быть милостивым есть дарование Божие, как и совершать исцеления» (Экумений). Как умственные совершенства, так и деятельные добродетели суть дары Божии, и частным лицам, и целым народам. Естественные настроения, кои тоже от всеустрояющего Промысла, суть только предрасположения. Благодать, пришедши, освящает их, выделяет от соприкосновенностей и являет в свойственной им силе, полноте и совершенстве. Македоняне и отличались широкою щедродательностию. Благодать Божия освятила их сердобольные и общительные сердца (свойство славян). — Апостол говорит: *в церквах Македонских*, разумея не Филиппы только, но и Солунь с Бериею. «Не говорит: *благодать, данную* в том или в другом

городе, но целый народ хвалит» (святой Златоуст). В слове: *сказуем* слышится изумление. Будучи свидетелем такого движения к благотворительности среди народа, страждущего и небогатого, Апостол не мог не видеть в этом особого действия благодати Божией и не изумляться. Этим изумлением, хотя и с особыми целями, делится он с коринфянами. Не могу, говорит, умолчать, не могу не сказать вам об этой дивности, совершающейся пред очами моими. Это было очень вразумительно для тех, которые ревновали преимущественно о дарованиях духовных (умовых, теоретических), внушая, что в христианстве, которое и детям внятно излагает свою теорию, деятельные дарования должны иметь более веса. Такое напоминание, естественно, могло прийти на ум коринфянам; и как оно могло вместе породить мысль: уже не ставит ли их ни во что святой Павел, то он нарочно вставил слово: *братие*, показывая, что если хвалит одних, то не отвергает и других, а всякому воздает свое. Святой Златоуст замечает: «Для того наименовал их *братиею*, чтобы пресечь всякую зависть, ибо хочет хвалить македонян чрезвычайно». И точно чрезвычайно: ибо что говорит?

Стих 2. *Яко во мнозем искушении скорбей избыток радости их, и яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их.*

И кто не сочтет чрезвычайным, когда испытывают много скорбей, а радуются, и радуются в избытке, так что радость закрывает скорбность, и последней не видно из-за первой. Это одна чрезвычайность! Другая – та, что они крайне бедны, а щедродательны так, что в пору богатым быть так щедродательными. Выражает же это Апостол отвлеченно (абстрактами), и тем речь его представляется более впечатлительною. *Яже во глубине нищета,* ἡ κατὰ βάθους πτωχεία, глубокая нищета, скудость, до того ниспадшая, что ниже уж и спускаться нельзя; и что она дает? – С избытком издает из себя богатую щедрость. Это то же, как если бы иссохшее дерево давало обильные и сочные плоды. Не чрезвычайность ли это? «Апостол сказал им самое высокое похвальное слово, ибо показал, что они в скорби благодушны и в крайней бедности богаты щедростию; отвсюду обуреваясь волнами, радуются, как бы носясь попутным ветром, и, редко имея у себя необходимое, показывают великодушие, как бы утопая в богатстве» (Феодорит). Радостию в скорбях Апостол потом не занимается, а одною только щедростию македонян, потому надо положить, что он и помянул о ней затем только, чтоб возвысить добродетель щедродательства. Скорбному, обыкновенно, бывает не до других, но у македонян, говорит, дела идут, не как обычно. Себя забывают, а заботятся лишь о других.

Благодушие в скорбях не сжало их сердца, напротив, радостию расширяя их сердца, раскрыло скудные их сокровищницы и изнесло богатое подаяние. Эта картина должна была представиться очень возбудительною к подражанию для нескудных коринфян.

Святой Златоуст говорит на это место: «Что значат слова: *во мнозем искушении скорбей избыток радости их?* – То, что они в избытке имели и скорбь, и радость и, что весьма дивно, такая скорбь произрастила им такое обильное удовольствие; скорбь, и скорбь тягчайшая, не только не породила в них печали, но еще была для них виною радования. Македоняне не просто скорбели, но в скорби соделались искуснейшими чрез терпение, являя не только терпение, но, что гораздо выше терпения, радость; и не просто радость, но избыток радости. Ибо действительно радость их была велика и неизреченна. *И яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их*. Опять то и другое с избытком. Как великая скорбь произвела великую радость и избыток радости, так великая нищета породила великое богатство милостыни. Сие самое выразил Апостол, сказав: *избыточествова в богатство простоты их*. Ибо щедрость ценится не по мере подаяния, но по расположению подающих. Посему не говорит: богатство подаваемого, но – *богатство простоты их*. А сие значит, что нищета

не только не воспрепятствовала им быть щедрыми, но еще послужила виною обилия, подобно как скорбь была виною радости. Ибо, чем беднее были сами, тем делались щедрее и усерднее подавали. Посему-то Апостол и весьма удивляется им, что при такой нищете показали такую щедрость. Ибо *яже во глубине нищета их*, то есть великая и несказанная, показала их простоту; впрочем, не сказал: показала, но *избыточествова*, и не простоту, а *богатство простоты*, то есть простоту, равную их убожеству; или, лучше сказать, они показали в себе гораздо больший перевес щедрости».

Стих 3. *Яко по силе их, свидетельствую, и паче силы доброхотни.*

Объясняет сказанное и еще более возвышает их добродетель. *По силе* и *сверх силы*, — иные по силе, другие и сверх силы. Или так: они жертвуют, сколько сил есть; но, что я говорю: сколько сил есть — сверх силы. Это то же самое, что выше выразил избыточеством щедрости (Феофилакт). Словом же: *доброхотни*, αὐθαίρετοι, возвышает их податливость; ибо этим он выражает: не мы их к тому понудили, или уговорили; они все это делают сами собою, самоохотно, по своей доброй воле. Хорошо, кто делает добро по указанию и убеждению со стороны; но, конечно, гораздо лучше тот, кто сам догадывается, что надо сделать, и делает то по своему начинанию. Доброта

у такого, значит, лежит во глубине сердца и служит своим внутренним возбудителем к соответственным делам. Апостол говорит как бы: «Свидетельствую о них, что они усердием превысили силы свои и сами предупредили наше увещание» (Феодорит). — *Свидетельствую*, то есть «говорю, как очевидец и достоверный свидетель» (святой Златоуст). Для умников коринфских, еще не совсем освободившихся от эгоистической сжатости, слово Апостола могло показаться невероятным. Как *сверх силы*? — Апостол уверяет: не по слуху говорю, сам вижу. Против такого удостоверения и умникам нельзя было возражать, а оставалось признать высоту добродетели македонян и собираться с силами подражать им.

Стих 4. ***Со многим молением моляще нас, благодать и общение служения, еже ко святым, прияти нам.***

Все более и более яркими красками живописует картину щедродательности македонских Церквей. Многим молением умоляли, говорит, нас принять их подаяние, — как будто боясь, как бы Апостол, смотря на их бедноту, не стал отказываться принять его или советовать им сократить его. Или умоляли многим молением, по глубокому чувству смирения, не почитая чем-либо важным своего подаяния и в принятии его видя более себе одолжение, чем благотворение тем.

Так действовать свойственно смиренным и небогатым; богатые же обычно жертвуют свысока, в духе одолжения и покровительства. Прошу принять, — не совсем обычная фраза на их языке. Святой Златоуст говорит: «Поелику главною целию Апостола было довести коринфян до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположению сердца, то особенно останавливается на сем, говоря: *со многим молением*, и потом — *моляще нас*; то есть не мы их просили, но они нас. О чем же? — *Благодать и общение служения, еже ко святым, прияти нам*. Видишь ли, как он превозносит опять милостыню, придавая ей священные названия?»

Служением еже ко святым именует Апостол поручение ему от святых Апостолов в Иерусалиме собирать повсюду среди верующих милостыню для бедной Иерусалимской Церкви. Это служение святой Павел исполнял очень усердно. Македоняне знали об этом и очень усердствовали принять участие в этом служении, что Апостол называет *общением служения, еже ко святым*. Феодорит замечает, что «они упросили Апостола дозволить им позаботиться о служении святым». Действовать так заставляла их уверенность в высокой цене, какую имеет пред очами Божиими общение в таком служении. Почему и называют его *благодатию*. Благодать — и потому, что быть

милостивым есть дар благодати, как замечалось, и потому, что милостыня привлекает милость Божию милостивым. Она есть как бы задаток новой благодати Божией; подающие ее одною рукой свое дают ничтожное, а другою божеское берут — несравненно большее и лучшее. «Они, — говорит святой Златоуст, — давая другим, сами получают».

Стих 5. *И не якоже надеяхомся, но себе вдаша первее Господеви, и нам волею Божиею.*

И не якоже надеяхомся. И еще степень возвышения их добродетели: они превзошли, говорит, наши ожидания. «Это говорит он не о произволении, но о количестве подаяния. Смотря на них, ожидали мы, что собрано будет нечто малое, но великодушие препобедило бедность» (Феодорит). Важно это замечание в том отношении, что, где действует благодать, не встречая препятствий со стороны эгоистических стеснений произволения, там деяния всегда выходят из общего порядка человеческих дел.

Но себе вдаша первее Господеви. Это наводит на мысль, что они больше отдали тем, нежели сколько оставили себе. Отсюда вопрос: как же самим-то быть? — Как Господу угодно; Ему себя предаем. Это еще степень похвалы, и самая высшая. Предание себя Господу есть верх духовного совершенства христианского; оно возникает

по отсечении всех земных и общечеловеческих чувств и расположений. «Смотри,— говорит святой Златоуст,— как и словами: *вдаша себе Господеви* показывает Апостол необычайную их ревность к Богу. Они не частию покорились Богу, служа другою частию миру, но все и самих себя всецело Ему одному предали. Посвятили себя Ему, показывая себя искусными в вере, в несчастиях явили великое мужество, благочиние, кротость, любовь, готовность и усердие ко всем другим добродетелям. Ибо, помогая бедным, не возносились; напротив, с великим смиренномудрием, послушанием, почтительностию, любомудрием творили милостыню».

Вдаша себе Господеви и нам. Первее Господу, а ради Господа и нам, «как служителям Его» (Феодорит). Не разделяли наших забот от своих, и труд, лежавший на нас, считали своим. «Были нам послушны, возлюбили нас и покорились нам, как исполняя Божии законы, так и с нами соединяясь любовию» (святой Златоуст).

«Что значит: *волею Божиею*? — То, что, предавшись нам, предались не по человеческим расчетам, но и сие сделали по воле Божией» (святой Златоуст). *Волею Божиею* — чрез волю Божию, силою воли Божией. Воля Божия была заправляющим началом. Они действовали по сознанию ее. Такова отличительная черта истинно христи-

анской деятельности — делать шаги не иначе, как уверившись, что на то есть воля Божия.

Обозревая все сказанное Апостолом о милостынеподаянии македонян, блаженный Фотий у Экумения: «В этом отделеньице шесть добрых черт указал Апостол в македонянах. *Первое*,— что они доброхотны *по силе*: ибо велико и то, когда кто творит милостыню, сколько может. Но он говорит об них еще большее, то есть что они доброхотны *и паче силы*: это значит, что они даже сами себя лишали необходимого. *Третье* — то, что они добровольно охотны, то есть не было для них нужды в стороннем к тому убеждении, но сами по себе возревновали о сем благом деле. *Четвертое* — то, что со многим молением просили принять подаяние, что служит доказательством теплого и преизливающегося (бьющего, как ключ водный) расположения к милостыне: ибо не как другим доставляющие благодать, а как сами, нечто великое стяжевающие, просили, молили и не переставали умаливать, пока не получили просимого, то есть чтоб принято было их подаяние. *Пятое* — то, что подаянием превзошли ожидания святого Павла. Смотри, куда он возвел их добродетель. Они, говорит, оказались великодушнейшими меня самого, ибо если не ожидал, то дает будто мысль, что сам, находясь в подобных обстоятельствах, оказался бы менее щедрым. Но

он не довольствуется одними этими указаниями, но увеличивает свою похвалу нечем, несравненно высшим всего сказанного. Это, говорит, еще не так велико, что *по силе*, и *сверх силы*, и *самоохотны*, и *со многим молением*, и *моляще*, и *не якоже уповахом*. Но что же это такое, что еще особенного они сделали? — *Себе вдаша*, говорит, *первее Господеви и нам волею Божиею*. Не часть некую вдали, а часть удержали у себя; но всех себя предали Господу. Он говорит как бы: даже и средств к жизни себе не оставили, но, отдавши все, всякое о себе попечение и промышление возложили на Господа. Почему святой Павел, представляя высоту такого расположения, наконец прибавил: *волею Божиею*. Этим он сказал как бы: не дивись сему, человек! Они имели Бога содейcтвователем себе, привлекши Его добрым своим расположением. Где же Бог содействует, там нет ничего невозможного».

Стих 6. *Во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат, такожде и скончает в вас и благодать сию.*

Между этим текстом и предшествовавшею похвалою щедроподательности македонян опущен ряд мыслей, которые коринфяне должны были сами нагадать. Очевидно было само собою, для чего ведется такая речь. Апостол сказал как бы им: милостынесобрание и у вас ведется; подра-

жайте же в этом деле македонянам; вы и сами, конечно, могли бы все, относящееся до сего, устроить хорошо; но как Тит у вас уже начал вести сие благое дело, то посылаю его, чтоб и докончил. Апостолу очень желалось, чтоб коринфяне не оказались ниже македонян. Затем и посольство Тита, и пространное слово о милостыне. Видя, говорит, здесь такое усердие и такую ревность о милостыне, «я поспешил отправить к вам Тита, дабы и вы сравнились с ними. Такую мысль обнаружил Апостол, хотя сказал не так. Заметь же превосходство любви его. Когда те просили и убеждали нас принять их щедрую милостыню, мы, говорит, заботились о вас, чтобы вам не отстать от них. Для того и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные им на мысль, соревновали* македонянам. Тит был уже там и начал у них дело собрания милостыни, по первому посланию. Теперь Апостол послал его для того, чтобы самое присутствие его послужило для коринфян побуждением к подаянию милостыни» (святой Златоуст).

Апостол говорит, что *умолил* Тита, показывая, что он у него не как слуга, а как равночестный сотрудник, которого надо попросить, чтоб сделал что-нибудь, а не приказывать. Так он сказал здесь для почета Титу, вместо рекомендации ему, а ниже говорит, что просить Тита точно просил,

* Ревностно стремились. — *Ред.*

но пойти к вам он и сам своею волею захотел, показывая, что Тит исправляет тут не одно дело служения, но удовлетворяет и своему к ним расположению.

О Тите говорит Апостол, что он и прежде начал уже у них действовать: *якоже прежде начат*; но по какому предмету? — Может быть, вообще по устроению у них церковно-религиозных дел. Так, говорит, — как начал он у вас действовать, так и эту благодать, то есть собрание милостыни, пусть совершит, то есть пусть совершит в числе других дел и это. А может быть, он и прямо разумеет одну милостыню. Собирание милостыни началось у коринфян давно, и в первом послании писал к ним святой Павел, как это делать. Вероятно, святой Тит в бытность свою у них принял особое участие в сем деле, и об этом-то поминает теперь святой Апостол: *якоже начат*.

И скончает благодать сию. «Упоминая о милостыне в первый, другой и третий раз, Апостол все называет ее благодатию. И действительно, милостыня есть великое благо и Божий дар, и подаяние милостыни уподобляет нас по возможности Самому Богу. Это наипаче и делает человека человеком. Посему некто, представляя образец человека, сказал между прочим: великое дело — человек, и драгоценное — человек милостивый (*велика вещь человек, и драгая муж творяй милость*) (Притч. 20, 6)» (святой Златоуст).

б) Другие, более близкие к коринфянам побуждения к щедрому милостынесобранию (8, 7—15)

аа) Первое — то, чтобы при прочих добрых качествах не отстать им от других и в этой добродетели (8, 7–9)

Стих 7. *Но якоже во всем избыточествуете, верою, и словом, и разумом, и всяцем тщанием, и любовию, яже от вас к нам, да и в сей благодати избыточествуете.*

«Смотри, как опять Апостол с похвалою соединяет увещание достигать большей похвалы. *Якоже избыточествуете*, говорит (все у вас в совершенстве хорошо, Экумений), *верою*, то есть дарами веры, *словом*, то есть словом мудрости, *разумом*, то есть познанием догматов, *всяцем тщанием*, то есть ревностию к прочим добродетелям, и *любовию яже от вас к нам*, то есть любовию, о которой я уж говорил и которой представил доказательства. *Да и в сей благодати избыточествуете*. Видишь! Для того он начал речь с сего именно и с такими похвалами, чтобы, идя по порядку, возбудить в них подобную ревность и к милостыне» (святой Златоуст). Как художнику, когда картина его совершенна во всем, исключая одной какой-либо части, уступающей в отделке другим, стоит только напомянуть о том, чтоб раздражить его ревность и сей последней дать такое совершенство, в каком представляется вся картина, так поступает Апостол и с коринфянами.

Расхвалил их во всех отношениях, потом говорит: смотрите же, чтоб и милостынеподаяние не стояло у вас в разладе с другими вашими совершенствами. Не трудно заметить, однако ж, что похваляемые им стороны коринфян преимущественно суть теоретического свойства – вера, дар слова, разум. Деятельная сторона, видимо, у них была слабее этой, как можно заключать по содержанию первого послания. Между тем христианство преимущественно есть дело. Теория его очень коротка, – ее можно совместить в нескольких словах; но дело его конца не имеет. Первый шаг в нем – дело, покаяние, и потом, что ни шаг, все дело и дело. И никакого шага в нем нельзя сделать не делом, а одним умствованием. Умовая сторона в нем совне стоит, как свечи и лампы в рабочей. Работа идет при свете; он помощник и споспешник, но не главный производитель. Вот почему Апостол и употребляет такое усилие расположить коринфян к милостыне. Ибо она есть ближайшее выражение любви к ближним, свидетельствующей и о любви к Богу. Милостыня сладостна: она невольно втягивает в деятельную жизнь и вообще.

Стих 8. *Не по повелению глаголю, но за иных тщание и вашея любве истинное искушая.*

Творить милостыню есть заповедь, или закон повелительный; но образ исполнения сей заповеди в закон обратить нельзя. Это предоставляется

свободному произволению каждого, его способам и благоразумию. Между тем, выставив в таком свете милостыню македонян, святой Павел ясно дал разуметь, что желает, чтоб и они также поступили. Теперь объясняет, в каком смысле желает сего. Не скрываю, говорит как бы, что желаю этого, но все же самое дело оставляю вам на свободное избрание. Не повеление пишу, а представляю вам случай делом доказать искренность, γνήσιον, неподдельность вашей любви, и не случай только, но и побуждение в примере других, *тщанием других* хочу раздражить ревность вашу к той же добродетели. Цель слова отстранить чувство подъяремности, которое могло повредить делу. Вы свободны, говорит, так ли сделать, больше ли, меньше ли; все что ни сделаете, сделанное будет плодом вашего доброго произволения, а не какого-либо моего властного распоряжения. Но нельзя ли не видеть, что хоть и так говорит Апостол, но так обставил свое слово, такие внес в него побуждения, что нельзя не сделать так, как он указывает и намекает. «Видишь, как он везде к ним снисходителен,— говорит святой Златоуст,— не делает насилия и принуждения! Особенно же старается, чтобы слово его не причинило досады. *Не по повелению*, говорит, *глаголю*, но как желающий сделать любовь вашу для всех видимою и открытою, и еще более крепкою; говорю сие для того, чтобы возбудить вас

к такой же ревности; я упомянул об усердии македонян, чтоб очистить и пробудить ваше расположение». Феодорит пишет: «Сказал же я это не в повеление, но в совет, с намерением сделать вас благоискусными. Ибо для сего указывал вам на усердие македонян».

Искушая, говорит, *истинное*, искренность, *любве вашея*. Какой? К кому? — Любви христианской, — к Богу и людям, а может быть, и к святому Павлу. Фотий у Экумения говорит: «Любви к Богу, а если хочешь, и к святому Павлу, деятельное доказательство и опыт — милостивость к ближним. Я уверен, говорит, что вы любите Бога и меня ради Его, но совершеннейшее представление и подтверждение искренней любви бывает чрез милостыню, подаваемую нуждающимся братиям». Что любит Бога, и всякий готов сказать; но представь и пробу сей любви. Святой Иоанн Богослов такую пробу представляет: *да любяй Бога любит и брата своего. Ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20—21). Если ближайшим доказательством любви к братиям есть милостыня, то сокращающий руку свою в сем деле, не хвались любовию к Богу, следовательно, и какою-либо.

Стих 9. *Весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богат сый, да вы нищетою Его обогатитеся.*

«Представляет самый высокий пример» (Феодорит). Переходит к другому, гораздо высшему роду убеждения. Ибо не оставляет ни одного способа к увещанию, но все приводит в движение и употребляет разные обороты слова. Прежде увещевал их, то хваля других, то хваля их самих, ибо чувствительнее для человека видеть, что он стал ниже не только других, но и себя самого. Теперь переходит к тому, что составляет верх и венец увещания. *Весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа.* Представьте себе, говорит, благодать Божию, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходом обратите на нее внимание, но вникните во все ее величие и обширность, и тогда не пощадите ничего из своего достояния. Он («*богат сый*, яко Бог, неизреченный, недомыслимый, невидимый, непостижимый, славу имеющий неописанную, свет неизглаголанный, величие несравненное, *обнища*» — Экумений), истощил славу Свою, чтобы вы обогатились не богатством, но нищетою Его. Если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни своего Господа, и не будешь более сомневаться. Ибо если бы Он не обнищал, то не сделался бы богатым. Подлинно удивительно, что нищета обрела богатство. Богатством же называет здесь Апостол познание благочестия, очищение грехов, оправдание, освящение и прочие бесчисленные блага, какие Христос даровал

и еще обещал нам даровать. «И все сие приобретено для нас чрез нищету, — какую же нищету? — Ту, что Он принял плоть, стал человеком и претерпел страдания; хотя Он и ничем не должен тебе, но ты Ему должен» (святой Златоуст).

Что следует в настоящем деле из того, что мы обогащены нищетою Господа, ради нас обнищавшего, этого не договаривает Апостол. Он предоставляет это сделать самим коринфянам, почему все дело Господа ими одними будто ограничивает: *вас ради обнища, да вы обогатитеся*, хотя Господь для всех обнищал и всех обогатил. Он говорит как бы им: Вот кому подражайте! Господу. Он истощил Себя, истощайте и вы, если не себя, то свои сокровищницы ради Его, чрез посредство нуждающихся. Этим и докажете, что искренно любите Господа. Нельзя не видеть, что святой Павел имел при этом в мысли слово Господа: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*. Господь вас обогатил; закон правды велит воздать Ему тем же. Обогащайте меньшую братию, ибо сделанное им Господь благоволит принимать, как бы то сделано было Ему Самому. Господь обогатил вас духовно; велико ли, если вы воздадите Ему вещественно в лице нуждающихся? Первое столь высоко, что последнее и в сравнение с Ним нельзя ставить, какие бы вы ни сделали пожертвования.

бб) Второе — то, что это дело не ново для них: уж начали, остается лишь кончить (8, 10—11)

Стих 10. *И совет даю о сем: се бо вам есть на пользу, иже не точию, еже творити, но и еже хотети, прежде начасте от прешедшаго лета.*

В словах: *совет даю... се бо вам на пользу* продолжается предшествовавшее увещание. Предуказав в напоминании о духовном обогащении чрез Господа Иисуса Христа обязательство и с своей стороны держаться подобного же образа действования в отношении к требующим помощи и пособия, говорит теперь: *и совет даю о сем*. От предыдущих слов: *весте бо благодать Господа* и проч. в уме коринфян вообразилось, что именно от них посему требуется. Апостол подтверждает то, как бы говоря: да, да; так должно; и я вам совет даю непременно исполнить это, исполнить не почему другому, а потому, что это для вас полезно. Долг свой исполняйте, Господу уподобитесь, и в решительный для вас час услышите, *яко сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе.* «Смотрите, как он опять заботится, чтобы не быть в тягость, и как смягчает слово сими двумя выражениями: *совет даю*, и: *сие есть вам на пользу*. Я не принуждаю, говорит, не делаю насилия и не требую против воли; говорю же сие, имея в виду не столько пользу приемлющих милостыню, сколько собственную вашу» (святой Златоуст).

Сказав это и предполагая, что они готовы, но затрудняются чем-либо, указывает наконец, как это для них удобно выполнить, во-первых, потому, что они уже начали и остается только докончить начатое, а во-вторых, потому, что предлагается ведь подать кто что может (стихи 12—15). Тем и другим он расчищает будто им дорогу и окрыляет к шествию по указанному пути.

Иже... прежде начасте, говорит, *от прешедшаго лета*. Дело у вас уже в ходу; не собираться стать вам начинать лишь его; иных могло бы затруднить раздумье, как взяться за него, или приступить к нему; вы же уже и навык некоторый имеете в производстве его. «В пример предлагает им их же самих, а не других» (святой Златоуст). *От прешедшаго лета*, — это значит, еще прежде первого послания. В первом же послании писаны уже постановления, как вести дело. А теперь идут убеждения, чтоб поспешили и собрали побольше. Почему особенно? — Потому, говорит, что вы начали не делать только, но и желать прежде македонян. Начали, но дело у вас шло неспешно. Македоняне между тем после задумали и взялись за дело, а успели и скоро, и много собрать. Итак, позаботьтесь, чтобы ваше милостынесобрание, как началом стоит впереди, так стало впереди и совершением. При такой мысли в выражении: *не точию еже творити, но и еже хоте-*

ти прежде начасте порядок положений не будет казаться превращенным. Кто начинает делать прежде, тот, конечно, и желает прежде; но кто желает прежде, не следует еще, чтоб начал и делать прежде. А вы, говорит, не только делать, но и желать начали прежде. Македоняне могли пожелать прежде, а отстать лишь делом. Нет, говорит, не делом только, но и желанием вы упредили их. «Вам принадлежит начало не только по отношению к делу, но и по отношению к желанию, то есть вы начали это дело самоохотно, без сторонних внушений и убеждений» (Экумений). «Смотри, как он показывает, что они добровольно и без увещаний дошли до того же. И поелику засвидетельствовал о македонянах, что они доброхотно приступили к подаянию милостыни, то желает показать и в коринфянах то же совершенство, прибавляя: и не теперь только вы начали, но прежде. Посему и умоляю вас исполнить то, к чему вы сами предварительно себя возбудили с таким усердием» (святой Златоуст).

Стих 11. *Ныне же и сие творити скончайте: да якоже бысть усердие хотети, тако будет и исполнити, от сего, еже имате.*

И сие творити, καὶ τὸ ποιῆσαι, и еже творити, то есть теперь же и самое дело *скончайте*. Мысль Апостола такая: поспешите теперь делать, не тяните; чтобы как там, когда только замышляли вы это дело, много было у вас усердия, так

явно оно было и теперь, в исполнении. С каким жаром приступили к делу, с таким же и докончите его. «Не сказал: делайте, но *скончайте*; чтобы сие прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но, будучи действительно исполнено, получило и награду» (святой Златоуст). «К усердию надобно присовокупить и свидетельство дел» (Феодорит). Верно, коринфяне сначала много показали жару к сему делу, а потом стали охладевать и растягивать под разными предлогами. Одним из таких предлогов могло быть и то, что, — как иные, может быть, и отговаривались, — не из чего дать: нынешний год у самого плохи дела. Против этой отговорки и прибавляет Апостол: вносите всякий в общий сбор *от сего, еже имате*. Намекнув на это здесь этим кратким словом, разъясняет потом свою мысль в нескольких стихах.

вв) Третье — то, что не чрезмерно что требуется, а что кто может (8, 12—15)

Стих 12. *Аще бо усердие предлежит, по елику аще кто имать, благоприятен есть, а не по елику не имать.*

«Какая несказанная мудрость! Прежде заметил, что македоняне паче силы доброхотны, и похвалил их за то, а теперь, предоставив примеру македонян произвести в них свое действие (ибо не столько увещание, сколько соревнование по-

буждает к подражанию в подобных делах), он говорит: *по елику аще кто имать, благоприятен есть* (воодушевляя этим и немощнейших). Не страшись, говорит, сказанного мною о македонянах, ибо я сказал сие в похвалу их щедролюбия (а не в указание закона для всех); Бог же требует посильного подаяния, по мере того, кто что имеет, а не по мере того, чего не имеет. Ибо слово: *благоприятен* то же здесь означает, что требуется. Надеясь на силу представленного примера, он смягчает свои слова и тем еще сильнее склоняет их к подаянию. И Господь Иисус Христос похвалил вдовицу, что она все пропитание свое истощила и подала от скудости (Мк. 12, 44) (но не поставил сего законом для всех). Так и Апостол хвалит подающих милостыню сверх сил своих, но не принуждает коринфян делать то же не потому, чтобы не желал им сего, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить Македонские Церкви, что *яже во глубине нищета избыточествова в богатство простоты их* и что они паче силы подавали милостыню? Не явно ли, для того чтобы и коринфян побудить к тому же? Если же по видимому соглашается и на меньшее, то делает сие для того, чтобы примером других побудить их к большему» (святой Златоуст). То несомненно, что сила усердия наверстывает малость количества; но самое усердие надо показать делом. «Бог всячес-

ких измеряет приносимое обыкновенно силами каждого; взирает не на количество, а на качество преднамерения» (Феодорит). Но приношение все же должно быть совершено, и совершено с усердием, которое и дает всю цену приносимому. Когда есть усердие, и усердие искреннее, оно вытянет из сокровищниц все возможное.

Стих 13. *Не бо да иным убо отрада, вам же скорбь; но по изравнению.*

Апостол пишет здесь закон правды, а не любви, ибо любовь не имеет границ. Она не только все свое, но и жизнь свою полагает за други своя. Но такие проявления любви не вводятся в ряд обязанностей, ибо по естеству это неисполнимо. Когда благодать Духа изливает в сердце любовь, тогда она все приносит в жертву, и приносит потому, что сытость в этом находит, а без этого чувствует себя не сытою, голодает. Общий же порядок таков, чтоб делать только возможное, *не да иным отрада, вам же скорбь, но по изравнению*. Дающий лишнее себя ставит в меру и другого нуждающегося поднимает в свою меру, — и сравнялись. Если б и это правило стало законом жизни между нами, и тогда бедность давно бы исчезла из среды христиан. Но то беда, что в душах наших царит: *себе нужно*. Кто положит меру этому *себе нужно*? Но когда себе нужно, то, значит, дать другим — себе скорбь, и нет изравнения. И пошел бедный в скорби без

пособия, а не подавший остался в покойном самодовольстве: нет, говорит, правила, да иным отрада, а себе скорбь, но по изравнению. Этим камнем заграждает он уста совести; она и смолкает до времени.

С какого термина начинается скорбь себе от уделения другим от своего, этого сторонний никто определить не может, — нельзя входить с своею меркою в круг жизни другого. Предел этому знает один Бог и своя совесть иногда, ибо верности ее определений много помех внутри же. Только кто совсем рассчитывается с житейским, может раздавать без предела. Но и в них это есть совершенство желанное, не всеми, однако же, являемое. Посему и Спаситель не вдруг на него указал. К мысли об этом по поводу настоящего текста пришел блаженный Феодорит и говорит: «Совершенством Владыка поставляет полное презрение к имуществу и добровольную нищету; впрочем, учит, что и без сего совершенства можно улучшить вечную жизнь; ибо на вопрос юноши: *что сотворив живот вечный наследствую* (Лк. 10, 25)? — не вдруг предложил ему учение о совершенстве, но напомнил о других заповедях и, когда юноша сказал, что исполнил все заповеди, посоветовал ему избрать жизнь неозабоченную и нестяжательную. Наученный сим, божественный Апостол не великое что-либо узаконяет, но соразмеряет законы с немощию духа.

Посему-то сказал: *не да иным отрада, вам же скорбь*, и повелел уделять излишнее».

Стих 14. ***В нынешнее время ваше избыточествие во онех лишение, да и онех избыток будет в ваше лишение, яко да будет равенство.***

С первого раза представляется, будто у Апостола такая мысль: ныне вы в достатке, а те в бедности; итак, передайте им свои избытки и покройте их бедность. В другое же время, когда Бог их благословит и они будут в довольстве, они от своих избытков вам помогут, если случится вам быть в лишениях. Но нельзя полагать, чтоб у Апостола была именно такая мысль, ибо так никогда почти не бывает, да и те, которые дают другим, совсем в мысли не имеют такого равного здесь воздаяния. И что за побуждение и за утешение: будете и вы бедны?! Потому надо полагать, что в словах: *да и онех избыток будет в ваше лишение* кроется мысль, чтоб и их избыток не будущий, а теперешний, восполнил ваше лишение. В каком отношении? — Не иначе, как в отношении к духовному богатству. Вы богаты вещественным, а те богаты духовным. Дайте им, чем избыточествуете, и взамен получите то, чем они избыточествуют. То есть вы дадите вещественное, а получите духовное. Так разумеют все наши толковники. Святой Златоуст говорит: «Вы богаты деньгами, а те чистотою жизни и дерзновением к Богу. Посему дайте им от избытка

ваших имений, чего они не имеют, а сами получите от них взамен дерзновение к Богу, которым они богаты и в котором вы имеете недостаток. Видишь ли теперь, как он неприметным образом убеждает коринфян подавать и паче силы и от недостатка! Если хочешь, говорит он, получить только от избытка, то и подавай от избытка; если же хочешь все приобрести, то подавай и от недостатка, и сверх силы. Впрочем, не говорит сего явно, а предоставляет слушателям дойти до сего собственным заключением. Сам же продолжает пока предположенное и сообразное с его целию увещание, присовокупляя, что по видимому и следовало сказать: *яко да будет равенство*. Как же будет это равенство? – Так, что мы и они будем взаимно уделять друг другу избытки и тем восполнять (взаимные) недостатки. Но какое тут равенство за плотское платить духовным? – Последнее много превосходит первое. Итак, почему же он называет сие равенством?» Ответ на это пространнее написан Феофилактом: «Не по многоценности или малоценности даемого и взаимно получаемого сказано: *да будет равенство*; но, поколику чем избыточествуете вы, из того даете им; и напротив, чем избыточествуют они, из того дают вам; и опять, что недостает у вас, то вы получаете от них, а что недостает у них, то они получают от вас. Вот как будет равенство».

Стих 15. *Якоже есть писано: иже многое, не преумножил есть; и иже малое, не умалил* (Исх. 16, 18).

«Так было при собирании манны: одни собирали больше, другие меньше, но и те, и другие находили у себя по равной мере; Сам Бог наказывал ненасытность» (святой Златоуст). «Никакой не получал пользы собиравший больше, потому что Великодаровитый с даром сочетал меру» (Феодорит). Дело было так. Когда спала манна в первый раз, всем велено было собрать по гомору на каждого. Несмотря, однако ж, на это повеление, иные, покорыстовавшись, набрали больше. Но, когда стали мерить, оказалось, что и у них не больше как по гомору на каждое лицо семьи. И вышло, таким образом, что и тот, кто больше собрал, не имел лишнего, и тот, кто меньше, — недостатка. Бог уравнивал всех особым чудом. Но что здесь делалось чудом, то Апостол убеждает делать из любви. Излишнее отдай, говорит, нуждающемуся, и выйдет у обоих поровну, то есть сколько потребно на нужды каждого. Феофилакт пишет: «Приводит Апостол, что было при собирании манны, вместе и для того, чтобы показать, как бывает изравнение. Именно, когда богатый, имеющий многое, даст излишнее имеющему немногое, и сам не будет иметь излишнего, и тот, кто имеет немногое, не будет иметь недостатка, как получивший от него потребное. То же,

опять, бывает и в отношении к дерзновению пред Богом».

2. РАСПОРЯЖЕНИЕ АПОСТОЛА ПОСЛАТЬ В КОРИНФ ТИТА С ДРУГИМИ ДВУМЯ БРАТИЯМИ (8, 16—9, 5)

Святой Павел довольно уже представил побуждений к охотному собранию милостыни, и не видно, чтоб он сомневался, что коринфяне сделают по его совету и указанию. Но, вероятно, они подали повод думать, что дело это по-прежнему будет идти у них мешкотно. Почему он рассудил послать к ним Тита с двумя братьями, чтоб они занялись исключительно этим делом. Извещая коринфян о таком распоряжении, сказывает, а) кто эти посылаемые, поручая их вниманию и попечительности, и б) потом указывает, для чего так он распорядился.

а) Кто посылаемые (8, 16—24)

Тит от лица Апостола и еще один брат от Церкви Иерусалимской, и другой от Церквей Македонских. Сколько в этом составе посольства побуждений для коринфян явиться исправными?!

Стих 16. *Благодарение же Богови, давшему тожде тщание о вас в сердце Титово.*

Во всем, что говорил доселе святой Павел о милостыне, коринфяне не могли не видеть, как желательно ему, чтоб они оказались в этом деле исправными. Ревнует он о доброй славе коринфян.

Оттого не ограничивается одними увещаниями, но посылает Тита. Об этом и прежде уже поминал он, говоря, что умолил Тита; теперь прибавляет к тому: благодарю Бога, что Тит согласился пойти к вам, и не потому только, что он согласился, но особенно потому, что он обнаруживает такую же ревность о вашем добром имени, или о том, чтоб вы явились совершенными, какую и я к тому имею. Бог дал ему так расположиться к вам. Благодарение Богу.

Святой Златоуст говорит: «Паки* Апостол похваляет Тита. Ибо как доселе говорил о милостыне, то хочет теперь сказать и о тех, которые примут от коринфян подаяния. Сие нужно было для благоуспешности сбора и для возбуждения большей готовности в усердствующих. Ибо гораздо щедрее подают, когда уверены в честности служащего и не подозревают принимающего подаяния. Слушай же, как он и здесь, чтобы достигнуть сего, хвалит отправляемых, в числе коих Тит был первым. Он говорит: *благодарение Богови, давшему тожде тщание о вас в сердце Титово*. Что значит *тожде*? — Такое же, какое имею и я.— Заметь же мудрость его. Показав, что это есть дело Божие (то есть Титово тщание), он приносит благодарение Давшему оное, дабы и этим возбудить коринфян. Ибо если Бог воздвиг и послал его к вам, то без сомнения Сам и

* Опять. — *Ред.*

просит чрез него. Итак, не почитайте сего делом человеческим». Чрез это он говорит как бы им: «Итак, вы должны сделать подаяние, достойное Бога» (Феофилакт).

Стих 17. *Яко моление убо прият, тщаливейший же сый, своею волею изыде к вам.*

Объясняет, что у Тита свое о них есть тщание. Прошение от меня точно было, но он сам к вам спешит, не столько исполняя мое распоряжение, сколько своему удовлетворяя желанию быть у вас и действовать вместе с вами во благо ваше. «Хотя и я просил его, но не мною он возбужден, а собственным произволением и благодатию Божиею. *Своею волею изыде*, то есть восхитил себе дело, поспешил к сокровищу, вменил в собственную свою пользу служить вам и столь сильно любить вас, что мне не было нужды убеждать его» (святой Златоуст).

Стих 18. *Послахом же с ним и брата, егоже похвала во евангелии по всем церквам.*

Тит был уже известен в Коринфе. Довольно было сказать, что он летит к вам на крыльях любви, как к своим родным и любимым лицам. Что касается до других послов, то о них следовало сказать по крайней мере столько, сколько нужно для первого знакомства.

Послахом с ним и брата. Имени его не сказывает, потому нечего и гадать о том. Кого ни укажи, все это будет предположение, всегда заме-

нимое десятками и других. Имени не сказывает, но указывает в нем то, что составляет славу, именно: *егоже похвала во евангелии*, в самой проповеди Евангелия, или в содействии благовестию другими, побочными трудами, — *похвала по всем церквам. По всем церквам,* в которых ни случалось ему быть. Где ни был он, везде оставлял о себе добрую славу. После такой ему похвалы от всех, мне нечего его хвалить; довольно сказать об этом. Святой Златоуст спрашивает: отчего святой Павел не означил имени этого брата, равно как и другого, о коем поминает ниже? И отвечает: «Может быть, они неизвестны были коринфянам. Не распространяется о них, потому что добродетелей их не изведали еще коринфяне; но говорит о них, сколько нужно было, чтобы внушить о них коринфянам доброе мнение и удалить подозрение».

Стих 19. *Не точию же, но и освящен от церквей с нами ходити, со благодатию сею служимою нами, к Самого Господа славе и усердию вашему.*

Не точию же, и не то только, что я сказал, достойно в нем внимания и уважения, *но и* то, что он *освящен от церквей*, χειροτονηθεὶς, рукоположен, общим приговором избран и возложением рук определен на известное дело. «Апостол обращает ему в честь суд рукоположивших его, ибо это немаловажно» (святой Златоуст). На что же он определен? — *С нами ходити*, συνέκδημος ἡμῶν,

быть нашим сшественником, спутником, сопровождать нас. А это с какою целию? — Быть сопутником и сотрудником нашим по делу собирания милостыни, *со благодатию сею, служимою нами*. «То есть он избран служить при собирании милостыни. Мы упросили, говорит, чтобы его избрали и послали с нами, поручив ему должность эконома церковных имуществ и диакона. Ибо такая должность немаловажна. *Усмотрите себе мужи от вас свидетельствованы седмь* (Деян. 6, 3) сказано (о диаконах иерусалимских). И он избран Церквами по согласию всего народа» (святой Златоуст). Из этого само собою строится наведение, что, когда святые Апостолы в Иерусалиме *дали десницы* святому Павлу идти на проповедь среди *язычников, точию нищих да помнит* (Гал. 2, 9—10); тогда же святой Павел просил их избрать и послать с ним надежного человека, который бы преимущественно занимался ведением дела по памятованию нищих; и что такое лицо точно было избрано общим голосом и рукоположено на это служение и всегда сопутствовало святому Павлу. О нем он и говорит теперь. Так рассуждают все наши толковники и видят в сем лице святого Варнаву. «Из сего догадываюсь, — говорит святой Златоуст, — что Апостол разумеет здесь Варнаву». Так и все. Против того, что это был Варнава, можно выставлять некоторые недоумения, но что это был человек,

доверенный от Церквей Палестинских и с самого начала определенный сопутствовать святому Павлу, эта мысль печатлеется всем ходом настоящей речи.

К Самого Господа славе и усердию вашему. «То есть чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее к подаянию, когда принимающие сии подаяния будут люди испытанные, так что на них никто не может иметь никакого, даже ложного, подозрения» (святой Златоуст). Некоторые читают: *к усердию* не вашему, а *нашему*. Так читали и Феодорит с Экумением. В таком случае слова сии, равно как и — *к Самого Господа славе*, надо относить к *освящен*; будет: определен на это дело собирания для бедных иерусалимлян во славу Господа и в споспешествование нашему усердию к сему делу и, можно прибавить, в ограждение его от нареканий, как показывают следующие за сим слова.

Стих 20. *Блюдущеся того, да не кто нас поречет во обилии сем, служимем нами.*

Апостол усердно заботился о собрании милостыни, но сам держал себя вдали от собираемого. Собираемое поступало в руки сказанного поверенного, а дабы и на него не падало подозрение, святой Павел отряжал иногда с ним относить милостыню в Иерусалим кого-либо из местной Церкви, в которой сделан значительный сбор, как об этом писал он прежде к коринфянам (1 Кор. 16, 3).

Цель его в этих распоряжениях была та, чтоб оградить святое дело милостыни от всяких нареканий и всюду распространить уверенность, что подаваемое идет несомненно по желанию подающих прямо к нуждающимся, так, как бы они сами подавали им в руки. С этою целию, как имел он всегда при себе означенного брата, так и теперь посылает его в Коринф, и не его только, но и другого еще, все — *да не кто нас поречет во обилии сем.* «Дабы, говорит, не стал кто подозревать нас и не возымел хотя малейшего повода укорять нас, будто мы присвояем что-либо себе из вручаемых нам подаяний, послали мы сих мужей, не одного, но двоих и троих. Видишь ли, как он освобождает их от всякого подозрения? Освобождает не только тем, что они проповедники Евангелия, избраны Церквами, но и тем, что они мужи испытанной честности и за сию честность избраны, дабы не было места подозрению. И не сказал — чтобы вы не стали укорять; — но *да не кто поречет во обилии сем.* Тут им похвала; он как бы говорит: много денег нами переслано, и самое обилие, то есть большое количество милостыни, может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности» (святой Златоуст).

Стих 21. ***Промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки.***

Мы стараемся, говорит, делать добро не только так, чтобы оно было чисто и совершенно пред Богом и нашею совестию, но и так, чтоб таким видели его и другие, не похвал бы ради, но да не соблазним брата. «Не довольствуясь одним свидетельством Господа, желаем, чтобы и люди имели о нас доброе понятие и извлекали из сего пользу» (Феодорит). Соблазн других неразумным деланием добрых дел много умаляет добротность сих дел. Нельзя так говорить: совесть моя чиста; пусть как хочет думает любящий подозревать. Это обличает жесткое сердце, никакого внимания не хотящее иметь к немощам немощных, сердце и горделивое, презирающее других. Так действовать – значит идти напролом. Бывают обстоятельства, когда и так неизбежно действовать, но не всегда. В обычном течении дел необходимо щадить совести немощных, ибо и это относится к кругу дел, которыми исполняется правило: *немощи немощных носить и не себе угождать* (Рим. 15, 1). Этого закона держась, Апостол и сам действовал так, как говорит. Святой Златоуст говорит на это: «Кто может сравниться в мудрости с Павлом? Он не сказал: да будет несчастен и да погибнет тот, кто станет подозревать в чем-либо подобном; доколе не обличает меня совесть – мне нет дела до подозревающих. Напротив, чем они были слабее, тем более снисходил к ним. Не негодовать на

больного, но помогать ему должно. Между тем от какого греха мы столько далеки, сколько он далек от таковых подозрений? Если бы кто был подобен даже демону, и тот не мог бы подозревать блаженного Апостола в сем служении. Однако же, сколько ни далек он был от того, чтобы могли худо о нем думать, все делает и устрояет так, чтобы не оставить даже и малейшей тени для тех, которые захотели бы хотя сколько-нибудь подозревать в худом. Он избегает не только обвинения, но и худого мнения, малейшей укоризны и пустого подозрения».

Стих 22. *Послахом же с ними и брата нашего, егоже искусихом во многих многащи встанлива суща, ныне же зело встанливейша, надеянием многим на вас.*

Послали, говорит, мы с ними и брата нашего. Это кто-то из приближенных святого Павла, исполнявший разные его поручения и по благовестию, и по другим делам, может быть, и по самому собиранию подаяний. Думается, что это был кто-нибудь из македонян. Три ока навел святой Павел на коринфян, свое в лице Тита, палестинцев и македонян (а может быть, и асийцев) в лице этих двух братьев. Сколько возбуждения и напряжения придал он этим коринфянам? Прибавляя к другим этого брата, не оставляет его без одобрительного отзыва, но выставляет в нем одну особенно черту – тщание. К че-

му? — Прямее всего — к точному исполнению поручений. Поелику все поручения святого Павла касались дела благовестия, и, следовательно, Божия дела, то воодушевляющая к тщанию сила была ревность по Богу. Это, говорит, муж, σπουδαῖος, ревнитель: я испытал его усердие и верность во многих делах и многих случаях, во многом многократно. Всегда он являл себя тщательным; ныне же, когда посылаю его к вам, особую являет тщательность, в той уверенности, что у вас он наилучшим образом исполнит возлагаемое на него поручение. Он высоко ценит вас и во всем полагается на вас. — Эта последняя приписка не была излишня, чтоб расположить в его пользу коринфян. Святой Златоуст говорит: «Вот и еще одного присовокупляет, и притом с похвалою и одобрением, как своим собственным, так и многих других свидетелей: *егоже искусихом*, говорит, *во многих многащи тщательна суща, ныне же множае тщательнейша*. Похвалив его за собственные заслуги, хвалит и за любовь к ним, и что сказал о Тите, *яко тщаливейший сый своею волею изыде*, то же говорит и о сем: *ныне же множае тщаливейша надеянием многим на вас*, то есть после того, как Павел посеял в нем семена любви к коринфянам».

Стих 23. *Аще ли же о Тите, общник мне, и к вам споспешник; аще ли братия наша, посланницы церквей, слава Христова.*

«Показав добродетели всех посланцев своих, располагает и коринфян в их пользу. *Аще ли о Тите,* то есть если мне должно что-нибудь сказать о Тите, то скажу, что он *общник мне и к вам споспешник.* Дает разуметь, что если они сделают что для Тита, сделают сие не для обыкновенного человека: он *общник мне.* И похваляя им по видимому Тита, хвалит вместе и коринфян, показывая в них такое к себе расположение, что они почитают достаточною причиною уважать человека, как скоро известно, что он Павлов общник. Не довольствуясь сим, Апостол присовокупляет еще: *и к вам споспешник.* Не просто споспешник, но в делах, касающихся до вас: в вашем преспеянии, совершенствовании, в любви и тщании о вас. А сие всего более могло привлечь к нему сердца коринфян.— *Аще ли братия наша.* Если желаете знать что-либо и о других, то они имеют величайшие права на ваше благорасположение. Ибо и они *братия наша и посланницы церквей,* то есть от Церквей посланы, и, что всего важнее, *слава Христова.* Ибо Ему надобно приписывать все, что чрез них ни делается. Итак, если хотите принять их как братьев, или как посланников Церквей, или как делающих все для славы Христовой, во всяком случае имеете много побуждений оказать им свое благорасположение. Ибо как о Тите могу сказать, что он общник мой и любит вас, так и о сих скажу, что они братия, посланни-

ки Церквей, слава Христова. — Видишь ли из сего, что сии последние не были известны коринфянам? Иначе Апостол стал бы хвалить их за то же, за что хвалил Тита, то есть за любовь их к коринфянам. Но поелику они были еще незнакомы им, то и говорит: примите их как братьев, как посланников Церквей, как делающих все для славы Христовой» (святой Златоуст).

Стих 24. ***Показание убо любве вашея, и нашего хваления о вас, к ним покажите, и в лице церквей.***

Итак, говорит, покажите показание любви вашей, покажите вашу христианскую к ним любовь и тем докажите, что мы хвалили вас неложно. Показавши к ним любовь, вы покажете любовь и уважение к тем Церквам, от лица которых они посланы. «Обнаружьте все богатство любви вашей и подтвердите мои вам похвалы, ибо сим почтите все Церкви» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Теперь покажите, говорит, что вы нас любите и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажите сие, если им окажете свою любовь. Потом придает слову своему особую силу, говоря: *в лице церквей*, то есть для славы и чести Церквей. Ибо если почтите их, то почтите пославшие Церкви. Не к ним только относится ваша честь, но и к пославшим, кои их избрали, а еще прежде к славе Божией. Ибо, когда воздаем честь служителям Божиим, чрез них воздаем оную и Богу».

б) Для чего Апостол послал к коринфянам за милостынею Тита и двух братий (9, 1—5)

Для того, чтоб у коринфян все было готово к его к ним приходу и чтобы, когда придет он к ним с македонянами, не постыдиться ему, по причине их неготовности.

Глава 9, стих 1. *О службе бо, яже ко святым, лишше ми есть писать вам.*

Как же излишне писать, когда уже так много написал? Это говорит он здесь в дополнение к предыдущей речи, 8, 24. Говорю вам теперь о том только, чтоб вы с любовию приняли посланных, а о службе ко святым, то есть о милостыне для бедных иерусалимлян, излишне мне поминать. И потому излишне, что уже говорил много, и потому, что это дело у вас уже делается. — *Писать о службе*, разумеется, объяснять, в чем она состоит, на кого идет, почему необходима, и подобное. Наши, впрочем, толковники в таком обороте речи видят тонкое, неотразимо сильное побуждение к щедродательности. Феодорит выражает такую мысль общим положением: «Апостол, сказав подробно о служащих в необходимо потребном, назвал излишним увещание о щедрости, не в самом деле почитая оное излишним, но таким способом речи возбуждая к большей щедрости». Святой Златоуст раскрывает это подробнее. «Столь долго рассуждая о сей службе, сказавши столь многое, теперь говорит: *лишше ми есть*

писати вам... А делает сие для того, чтобы более привлечь их. Ибо человеку, о котором идет такая слава, что для него не нужны советы, стыдно показать себя ниже доброго о себе мнения и потерять оное. Подобно сему поступает он большею частию и при обличениях, употребляя оборот речи, называемый умалчиванием (παράλειψις, praeteritio), ибо он имеет большую силу».

Стих 2. ***Вем бо усердие ваше, имже о вас хвалюся Македоняном, яко Ахаия приготовися от мимошедшаго лета: и яже от вас ревность раздражи множайших.***

«Сказал: *лишше ми есть писати вам*, а между тем тут же дает советы, и смотри, как. *Вем бо усердие ваше, имже о вас хвалюся Македоняном*. Много значит и то, что сам знает, но гораздо важнее, что сообщает о том другим. Это имеет особенную силу, ибо они не захотели бы остаться постыжденными пред таким числом людей. Видишь ли мудрость его совета? Он убеждал их примером других, то есть македонян: *сказую вам благодать Божию в церквах Македонских* (8, 1); убеждал собственным их примером (8, 10), убеждал примером Самого Господа: *весте благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богат сый* (8, 9). Теперь снова прибегает к сильнейшему способу убеждения — к примеру других, представляя его в особенно убедительной форме. Пример Господа и обетованные награды

более бы должны были подействовать на них; но так как они были еще немощны, то привлекает их примером подобных им, ибо ничто так сильно не действует, как соревнование. И смотри, в каком новом виде предлагает он им сего рода убеждение! Не сказал: подражайте им; но что? — *Яже от вас ревность раздражи множайшия.* Что говоришь? Недавно сам сказал о македонянах, что они добровольно со многим молением молили тебя принять их подаяние. Как же теперь говорит: *яже от вас* (коринфян) *ревность раздражи*? Да, отвечает он, мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили и вами хвалились, и сего довольно было к их убеждению. Видишь ли, как он возбуждает их взаимным друг друга примером,— коринфян примером македонян, а македонян примером коринфян; и сие соревнование еще более усиливает присоединенною к тому великою похвалою. А дабы сим не дать им повода к гордости, с особым искусством выражается: *и яже от вас ревность раздражи множайших*. Представь же, каково тем, которые были для других побудительною причиною щедрости, самим отстать от них в благотворительности! Посему не сказал: подражайте им, ибо сим не возбудил бы такого соревнования; а как сказал? — Они вам подражали: вы, учители, не окажитесь хуже учеников. И смотри, как для большего возбуждения и воспламенения их показы-

вает вид, что вступается за них и защищает их дело, как будто идет о том спор и состязание» (святой Златоуст).

Стих 3. *Послах же братию, да не похваление наше, еже о вас, испразднится в части сей, но да, якоже глаголах, приготовани будете.*

Я говорил в Македонии, что вы приготовились еще от прошедшего лета, то есть что у вас все собрано и готово; остается вручить то определенным на приятие сборов братиям. Представляя, как будет нехорошо, если я приду с македонянами, а у вас сбор не будет еще готов, послал я к вам братий, с тою целию, чтоб вы были приготовлены, как я говорил македонянам, и похвала моя вам не оказалась праздною, пустою, ложною, не вообще, а только *в части сей*, то есть в отношении приготовления у вас сбора.

«Видишь ли, в каком он беспокойстве и страхе? Дабы все, что он сказал, не показалось сказанным только для убеждения (македонян), а не потому, что и на деле так было, говорит: *послах братию*, — я столько забочусь о вас, *да не похваление наше испразднится*. По видимому наибольшее участие принимает он в коринфянах, хотя и о всех равно печется. А смысл слов его таков: весьма много хвалюсь вами, всем говорю о вас с восхищением, хвалился и македонянам. Посему, если покажете себя не таковыми, стыд будет общий. И о сем выражается осторожно, ибо присо-

вокупил: *в части сей*, а не во всем. *Да якоже глаголах приготовани будете.* Ибо говорил о них македонянам не то, что они будут готовы, но что у них все уже приготовлено и нет ни в чем недостатка. Посему, говорит, желаю, чтоб вы показали сие на самом деле» (святой Златоуст).

Стих 4. *Да не како, аще приидут со мною Македоняне, и обрящут вас не приготованных, постыдимся мы, да не глаголем вы, в части сей похваления.*

Так сложились обстоятельства, что в самом их течении лежит неотразимое для коринфян понуждение поспешить сбором, и не только поспешить, но и позаботиться, чтоб он был не скуден. В объяснение того, почему так сильно о сем беспокоится святой Павел и собирает побуждения на побуждения, можно предположить, что святой Тит принес весть о медленности сбора милостыни, что подать готовы, но медлят сбором, полагая, что соберут разом, когда придет святой Павел. Он и собирает теперь такие представления коринфянам, по которым они должны чувствовать себя находящимися в безвыходном положении: как хочешь, а спеши сбором, и сбором немалым.

«Смотри, как действует на них не духовными только, но и человеческими побуждениями. Если, говорит, меня не уважаете, то подумайте о македонянах, *да не како, аще приидут со мною, обря-*

щут вас, не сказал — не желающими, но — *не приготованных*, то есть не все исполнившими. Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыд вовсе не подавать милостыни или подать меньше надлежащего. Потом о последствиях коротко и вместе с силою говорит так: *да не како постыдимся мы, да не глаголем вы*, словами же: *в сей части похваления* — опять смягчает речь свою, не для того, впрочем, чтобы обеспечить* их, но дабы показать, что прославившиеся другими добродетелями должны отличаться и сею добродетелию» (святой Златоуст).

Стих 5. ***Потребно убо умыслих умолити братию, да прежде приидут к вам, и предуготовят прежде возвещенное благословение ваше, сие готово быти, тако якоже благословение, а не яко лихоимство.***

Вот почему, говорит, я и счел благопотребным упросить братий, прежде помянутых, чтоб они пошли к вам наперед, прежде меня, и наперед приготовили *прежде возвещенное*, вами задуманное и мне сказанное, а мною и другим пересказанное — *благословение ваше*, то, что благоохотно и с благожеланием положили вы собрать для нуждающихся, — приготовили, как было прежде возвещено, так, чтобы к моему с македонянами приходу все сие было готово, но готово, *яко благословение*, как благоохотное с отверзтым сердцем

* Устранить заботу. — *Ред.*

подаяние, сопровождаемое благожеланиями тем, кому подается, а *не яко лихоимство* – не скряжническое: не хорошо стеснять подаяние скупостию и сопровождать его желанием и каким-нибудь неблаговолительным чувством или словом к тем, кому подается. Святой Златоуст говорит: «В другой раз говорит о том же, объясняя, что не по другой причине идут братия, а единственно по той, чтобы коринфянам не остаться в стыде. Вся забота его направлена к тому, чтобы милостыня была собрана скоро и щедро. К концу же прибавляет, чтоб она была и радушная, – *яко благословение, а не яко лихоимство*. Желает, чтобы подаяние было непринужденно. Ибо подаяние есть благословение, с благожеланием совершается и благословение свыше приносит. *А не яко лихоимство*. Лихоимство* свойственно тем, которые подают принужденно; а посему кто принужденно подает милостыню, тот подает скупо».

3. УВЕЩАНИЕ К ЩЕДРОМУ, ОХОТНОМУ И РАДУШНОМУ ПОДАЯНИЮ (9, 6–15)

В конце предыдущего отделеньица только намекнул, что милостыню подавать надобно, *яко благословение, а не яко лихоимство*, то есть охотно, щедро и радушно, а не с скупостию и жалением. Теперь полнее разъясняет эту мысль, показывая: а) что по мере нашего доброхотства и

* Побор. – *Ред.*

щедрости бывает и Божие свыше благословение, стихи 6—11, и б) что этою доброхотною щедростию приводится в движение вся религиозная жизнь среди христианских обществ, почему она составляет славу Церкви, или верующих во Христа, славу христианского исповедания, стихи 12—15.

а) Мера доброхотной щедрости — мера Божия благословения (9, 6—11)

Стих 6. *Се же глаголю: сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет.*

Се же глаголю, этим я хочу сказать, то есть тем, чтоб подаяние было *яко благословение, а не яко лихоимство*. Объясняет, почему милостыня должна быть яко благословение, ибо она приносит благословение. Святой Златоуст выше сказал: «Видишь ли, как в самом увещании показывает тотчас и плод, подаянием приносимый, то есть что подающие исполняются благословения». Эту мысль, прежде заключенную в одно слово: *благословение*, полнее разъясняет теперь Апостол сравнением подаяния с сеянием. Общеизвестна истина: что посеешь, то и пожнешь. Знает это сеющий, потому сеет и с охотою, и без щадения семян. Воодушевляет его уверенность, что непременно пожнет посеянное с преизбытком, то есть в 30, 60, 100 раз больше. Это применяет Апостол

к милостынеподаянию. Сеющий будто тратит, разбрасывает семена, невесть для чего. Так мог бы о нем подумать всякий, не знающий, к чему идет сеятва и что даст. Милостыню дающий будто разбрасывает свое добро незнать для чего; а между тем несомненно, что это дело приносит плод, и приносит его вернее, чем сеятва. От сеятвы не всегда урожай бывает, хотя всегда ожидается, а от сеяния милостыни неурожая не бывает, — всегда она приносит плод. Надобно только вложить в нее доброхотство, чтоб она изливалась из сердца, с желанием истощить свое для других. Это расположение то же, что дождь вовремя на сеятву. Оскудение же такого расположения в милостынеподаянии есть то же для нее, что засуха для сеятвы. — Выражения Апостола именно на это и намекают. *Сеяй*, говорит, — *скудостию*, φειδομένως, с щадением и жалением семян, или, что то же, скупо, *скудостию и пожнет* — и пожнет φειδομένως; земля сожмет недра свои, как он руку, и прорастит ему посеянное скупо. — *Сеяй о благословении*, с желанием рассеять сколько можно больше, с преизливающимся из сердца своего непощадением себя и своего, *о благословении и пожнет*: земля также разверзнет щедро ему недра свои, как он руки сеющие. Что земля дает сеющему, то Бог — подающему милостыню, соразмеряя щедрость воздаяния с доброхотством подаяния. Феодорит пишет: «Апостол

весьма кстати употребил переносимый образ речи и щедрость назвал сеянием, указуя на обильный плод благотворительности; выставил на вид и тех, которые водятся скупостию, сказав, что жатва бывает соразмерна количеству посева». Святой Златоуст говорит: «Сеяй скудостию, φειδομένως. Не сказал: скупо, но употребил благороднейшее наименование бережливого (φειδωλοῦ); и сеянием назвал самое действие, дабы ты тотчас вспомнил о воздаянии, представил себе жатву и понял, что, подавая другим, более получаешь сам, нежели даешь. Посему не сказал: дающий, но *сеяй*. Не сказал также: если вы сеете, но общее употребил выражение. Не сказал, опять, — щедро, но, что гораздо важнее: *о благословении*».

Стих 7. ***Кийждо якоже изволения имать сердцем, не от скорби, ни от нужды: доброхотна бо дателя любит Бог.***

Кийждо якоже изволение имать сердцем — пусть подает. Столько пусть подает, насколько расположено сердце. Что не по этой мере, то бесплодно будет. Это будет то же, что сеять семя, растерши его или измявши до повреждения ростка. Как такое семя есть мертвое семя, потому и бесплодное, так подаяние, даемое со скорбию и вынужденно, есть мертвое подаяние и никакого воздаяния не заслуживает. Убивает его сжатость сердца и отсутствие радушия при даянии. Что говорит: *не от скорби, ни от нужды*, то *скорбию*

означается жаление о подаемом, когда дают, а сердцем жалеют и болят, что дают: это знак скупости; а *нуждою* означается вынужденность; не от сердца и не самоохотно дают, а будучи вынуждены, то необходимостию повиновения, то общностию дела, то другими какими внешними уважениями. Не будь этих понуждений, и подаяния не было бы. Апостол хочет, чтобы подаяние шло из сердца, как сочная трава из жирной земли. В подтверждение этого «приводит и свидетельство из Писания, говоря: *доброхотна бо дателя любит Бог* (Притч. 22, 9). Апостол употребил слово это (*доброхотно*) с тем, чтобы побудить коринфян к радушному подаянию. Ибо как пример македонян и все прочее достаточно было, чтобы побудить их к щедрому подаянию, то не говорит уже о сем много, а ведет речь к тому, чтобы подавали не с принуждением. Ибо если милостыня есть добродетель, а всякое дело, сделанное по принуждению, теряет свою награду, то Апостол справедливо напомнил о сем» (святой Златоуст). «То же сказал он и в послании к Римлянам: *милуяй, с добрым изволением* (пусть милует) (Рим. 12, 8), ибо денежному подаянию должно предшествовать благодушие» (Феодорит).

Стих 8. *Силен же Бог всяку благодать изобиловати в вас, да о всем всегда всяко доволство имуще, избыточествуете во всяко дело благо.*

Всяку благодать, всякое благо с изобилием вам послать вместо того, что иждиваете, *силен Бог*, может, если восхощет, не с тем, чтоб вам утопать в удовольствиях, а чтоб избыточествовать вам деланием добрых дел. Святой Златоуст видит в сих словах не удостоверение в окрыление упования, а молитву, для той же, впрочем, цели. Он говорит: «Апостол не только советует, но и молит за них Бога, говоря: *силен же Бог всяку благодать изобиловати в вас*. Сею молитвою удаляет от них помысл, противоборствующий щедрости, который и ныне для многих служит препятствием. Ибо многие боятся подавать милостыню под тем предлогом, чтобы самим как не сделаться бедными и не просить милостыни у других. Итак, дабы рассеять сей страх, он присоединяет моление, говоря: *всяку благодать изобиловати в вас*, не исполнить только, но *изобиловати*. Что же значит: *силен изобиловати благодать*? – Силен обогатить вас столько, что возможете изобиловать при такой щедрости, *да о всем всегда всяко доволство имуще, избыточествуете во всяко дело благо*. Смотри, и в самой молитве его какая мудрость. Не богатства просит им у Бога и не излишества, но всякого довольства. И не сие одно в нем удивительно, но то особенно, что как не просит у Бога излишества, так равно не причиняет им и огорчения, но, снисходя их слабости, не принуждает их подавать от недостатка, а просит

довольства и вместе показывает, что даров Божиих не должно употреблять во зло: *да избыточествуете во всяко дело благо*. Для того, говорит, прошу вам довольства, чтобы вы и другим уделяли. И не сказал: уделяйте, но: *да избыточествуете*. Ибо в благах телесных просит для них довольства, а в благах духовных, не в одном милосердии, но и во всем прочем, просит им избытка. Ибо сие означают слова: *во всяко дело благо*».

Стих 9. *Якоже есть писано: расточи, даде убогим, правда его пребывает во век века.*

«Вводит Апостол советником пророка (Пс. 111, 9), приискав свидетельство, побуждающее к щедрости. Ибо слово — *расточи* не другое что означает, как щедрость в подаянии. И хотя поданного нет уже более, но плоды подаяния пребывают вечно. То и удивительно, что сберегаемое гибнет, а расточаемое пребывает, и пребывает вечно. Правдою же здесь называет человеколюбие, ибо оно делает людей праведными и, как огонь, истребляет грехи людские, когда обильно изливается» (святой Златоуст).

Этим свидетельством внушает Апостол, что, хотя Господь, по премудрым планам промышления о нас, не всегда здесь воздает расточающим свое достояние на бедных, но сила благотворения чрез это не умаляется, — она пребывает вечно. Время кончится, а плоды благотворения пребудут и в свое время пожаты будут благотворителем.

Но и в этом веке, тот же пророк удостоверяет, *не видел* я такого *праведника*, благотворителя, *оставлена, ниже семене его просяща хлебы. Весь день милует и взаим дает праведный, и семя его во благословение будет* (Пс. 36, 25—26).

«Итак, не будем скупы; напротив, будем расточать щедрою рукой. Разве не видишь, сколько другие раздают комедиантам и распутным женщинам? Ты подай Христу, хотя вполовину того, что они дают плясунам. Подай хотя столько алчущему, сколько они из тщеславия дают представляющим на зрелищах. Они множеством золота украшают тело распутных; ты и в простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Расточая свое богатство на удовлетворение чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бедности. На пустое расточаешь охотно, а когда нужно облегчить чью бедность, ты считаешь себя беднее всех. Когда утучняешь шутов и льстецов, радуешься, как будто расточаешь на них из неистощимых источников, а когда увидишь бедного, тотчас нападает на тебя страх бедности» (святой Златоуст). Такое внушение святого отца ни в какое время не излишне, почему оно и внесено здесь.

Стих 10. *Даяй же семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды вашея.*

Выражает молитвенное благожелание коринфянам, да умножит Бог их вещественные блага, чтобы они посредством их могли обогащаться благами духовными, имея возможность в обилии благотворить другим. Бог, говорит, дающий семя сеющему и хлеб в снедь, *да подаст и умножит семя ваше.* Это семя — вещественные блага, достаток и довольство во всем, ибо их сеют на милостыню; не будь их, нечего сеять, или не из чего сеять будет. Итак, говорит, Бог да умножит у вас то, что можно сеять. Но, получив то, из чего можно сеять милостыню, можно вместо милостыни обратить то в свою пользу, на плотские утехи и удовольствия. Почему Апостол не останавливается в своей благожелательной молитве на этом, но проходит далее и просит Бога, чтобы коринфяне, получив семена на сеяние милостыни, действительно на этот предмет употребили их, — просит Бога, да возрастит Он *в них жита правды.* Жита, γεννήματα, порождения, плоды. Да даст Бог, говорит, чтобы вы, получив довольство, все обращали на умножение благотворения и таким образом богатились плодами правды. Апостол желает, чтоб у них вещественное довольство шло в ряд с духовным преспеянием, не мешая ему, а пособствуя. Так все наши толковники. Вот за всех слово святого Златоуста: «Особенно можно подивиться мудрости Павла в том, что как убеждения заимствовал он и от духовного, и от

плотского, так, говоря и о воздаянии, наблюдает то же, то есть указывает на духовные и плотские воздаяния. Так слова: *расточи, даде убогим, правда его пребывает в веке века* указывают на воздаяние духовное, а слова: *да умножит семя ваше* – на воздаяние плотское. Впрочем, и на сем он не останавливается, но опять переходит к воздаяниям духовным, и всегда ставит их одно с другими попеременно. Ибо слова: *да возрастит жита правды вашея* означают воздаяние духовное. Делает же сие и разнообразит речь свою для того, чтобы искоренить в них страшливые и малодушные помыслы и чтобы различными способами и указанием на сей настоящий пример (то есть что Бог даст семя сеющему и хлеб в снедь) рассеять в них опасения бедности. Ибо если тем, кои засевают землю для себя, Бог подает, если и питающим тело свое дает Он обильно, то кольми паче* даст тем, кои возделывают небо и пекутся о душе своей. Ибо Ему угодно, чтобы такие попечения состояли под особенным Его промыслом. Но Апостол излагает сие не в виде умозаключения и не так, как я сказал, а в виде молитвы; причем не скрывает своего умозаключения и возводит их к большему упованию не только указанием на повседневные примеры, но и самою молитвою, и говорит: *да подаст и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды*

* Тем более. – *Ред.*

вашея. И сим опять незаметно внушает щедрость. Ибо как семя, брошенное в землю, произращает тучную жатву, так щедрая милостыня приносит полные рукояти* правды и произращает бесчисленные плоды».

Стих 11. *Да о всем богатящеся во всяку простоту, яже содевает нами благодарение Богу.*

Да — не читают все наши толковники, и у других его нет. Читается только: *о всем богатящеся* и далее, — ἐν παντὶ πλουτιζόμενοι. Мысль же видят здесь такую, как бы стояло: πλουτιζομένων. В связи с предыдущим будет: *да возрастит Бог жита правды вашея,* ὑμῶν, вас, πλουτιζομένων, богатящихся во всем, — что можно переиначить так: так, чтобы вы богатились всем, то есть всякое довольство получали от Бога, но не на свое удовольствие, а *во всяку простоту,* то есть на всякую щедродательность, или размножение благотворительности. Феофилакт пишет: «Показывает Апостол, как должно пользоваться богатством. Не в землю, говорит, его надо зарывать, но иметь его во всякой простоте, иждивать то есть со всею щедростию». — *Яже содевает нами благодарение Богу.* Получая от вашей щедрости пособие, нуждающиеся будут Богу воссылать благодарение, и за то, что даровал вам достаток, и за то, что внушает вам делать из него доброе употребление. Словом: *нами* означает Апостол свое посредство

* *Снопы. — Ред.*

в устроении милостынеподаяния. Святой Златоуст говорит: «Иждивайте богатство ваше не на то, на что не должно, но на то, чем приносится благодарение Богу. Бог отдал многое во власть нашу; и, Себе предоставив меньшее, нам уступил важнейшее. Так, заботиться о чувственной пище нашей предоставил Себе Самому, а попечение о духовной вверил нам, и в нашей состоит власти соделать цветущими мысленные нивы наши. Ибо они не требуют ни дождей, ни благорастворенного воздуха, — было бы только одно произволение, и они возрастут до самого неба. *Простотою* называет он здесь щедрость, от которой происходит милостыня, дающая повод к великому благодарению».

б) Доброхотная щедрость приводит в движение всю христианскую жизнь и служит во славу христианского исповедания (9, 12—15)

Святой Златоуст от предыдущего так переходит к этому предмету: «Не только к благодарению подает повод щедрость, но и ко многому другому. Сие и перечисляет Апостол в следующих словах, чтобы, показав многие добрые последствия щедрости, возбудить их тем к большему усердию. Какие же это плоды? — Послушай, что сам он говорит»:

Стих 12. *Яко работа сего служения не токмо есть исполняющая лишения святых, но и избыточествующая многими благодареньми Богови.*

Работа служения сего, διακονία τῆς λειτουργίας, как бы исправление служения в этом литургийном, богослужебном деле. Разумеет и все учреждение по собранию милостыни, и самое ее собрание, и доставление ее на место, и раздаяние нуждающимся. Литургийным делом назвал это он по причине богоугодности его, потому что те, которые совершают его, будто святое богослужение исправляют и жертву Богу приносят, на которую и Сам Бог благоволительно взирает. — Эта служба, говорит, *не только есть исполняющая лишения святых*; «не думайте, что чрез это преуспеете только в одном и послужите единственно нуждам святых» (Феодорит); «не скудость только святых вы восполняете» (святой Златоуст); «не то только производит служба сия, что покрывает недостатки и нужды святых» (Экумений). Хотя и это есть очень великое дело, но плод милостыни этим одним не ограничивается. Она есть вместе и *избыточествующая многими благодареньми Богови*. Этот плод лучше и выше того; тот на земле остается, а этот на небо восходит. Благодарение Богу — простое чувство, единичное, но оно исходит из чувства благобытия, Богом устрояемого. Неведомыми путями возбуждает Он сердца к благотворению, и Сам же устрояет все, чтобы оно доходило до своего места, Им же указуемого. Сколько веры, Богопреданности и яснозрения Божественного порядка дел в благода-

рящих Бога! Такого движения духа в сердцах верующих, вами вспомоществуемых, не было бы, говорит, если б не ваша милостыня. Как цвет розы, внесенный в какое-либо место, не только глаза услаждает смотрящих, но и далеко распространяет приятное благоухание, так милостыня избыточествует духовным благом, которое все выражается в благодарении Богу. Когда говорит Апостол, что работа служения сего избыточествует, то этим означается не только то, что облагодетельствованные много благодарят, но что по этому случаю не они одни, но и многие другие благодарят, так что благодарение Богу всюду расходится и на всех местах, как фимиам кадильный, к небу возносится.

Стих 13. *Искушением служения сего славяще Бога, о покорении исповедания вашего в благовествовании Христове, и о простоте сообщения к ним и ко всем.*

Возбужденное служением сим движение духа не останавливается на благодарении, а восходит к славословию Бога, которое выше, отрешеннее благодарения. Ибо вызывается узрением красоты и совершенства дел Божиих, без имения во внимании их благотворного отношения к славословящим. Что же узревают они в сем служении? — Победоносность Евангелия и его благотворность для всех.

Искушением служения сего, διὰ τῆς δοκιμῆς, вкусив от плода служения сего, испытав, как оно сладостно для них, и возблагодарив за то Бога, начинают славословить Его. За что? – Во-первых, *о покорении исповедания вашего во благовестие Христово*, за то, что Он покорил вас Евангелию и расположил исповедать веру Христову. Иерусалим и Коринф, – как далеко прошел свет Христов! Слава Тебе, Господи! Тьма заблуждения проходит, свет истины воцаряется. Слава Богу! Святой Златоуст говорит: «Чтобы не подать мысли, что они благодарят потому только, что получают благодеяния, смотри, сколько возвышенными он представляет их. Что в послании к Филиппийцам сказал я о себе: *не яко ищу даяний* (4, 17), то же свидетельствую и о них. Хотя они радуются о том, что вы восполняете их недостатки и облегчаете их бедность, но гораздо более радуются о том, что вы покорны Евангелию». Феодорит пишет: «Чрез опыт служения сего видя, как приняли вы Божественную проповедь, как самих себя покорили Владыке, возносят они славословие виновнику сего Богу».

Эта первая причина славословия, но есть и другая. Это *простота сообщения к ним и ко всем*. За то славословят Бога, что Евангелие в вас не мертво принято, а благотворно воздействовало на вас. В падших всюду царствуют эгоистические начала. Евангелие, водворяясь в сердцах,

изгоняет эгоизм и воцаряет там самоотверженное жертвование всем для всех. Это видим мы в вас, в вашей простоте общения не с нами только, но и со всеми, в том, что вы щедро готовы делиться со всеми всем, что Бог самим послал. В этом слава Евангелия, слава христианства. Ни одна вера не дает сего. Такое настроение дает благодать Духа, одною верою во Христа Господа подаваемая. Это не укрывается и от неверующих. И они начинают это сознавать и дивиться силе Евангелия. И так славят Бога, избравшего и вас в орудие прославления силы нашего исповедания. Апостол входит в мысли и чувства благодетельствуемых иерусалимлян и говорит, что они уже отвлеклись от себя и смотрят на простоту — щедрость общения вашего со всеми, и, видя в этом славу Евангелия, славословят Бога. Святой Златоуст останавливается вниманием на этом отвлечении иерусалимлян от себя и указывает посему очень похвальную в них сторону: «Они прославляют Бога за то, что вы так щедры не только к ним, но и ко всем. Это — благодарить Бога за подаваемое другим, служит к похвале их. Несмотря на то, что сами находятся в крайней бедности, они пекутся не только о своих выгодах, но и о выгодах других. Это показывает высокую их добродетель. Ибо никто так не завистлив, как бедные; но они чисты от сей страсти, и не только не завидуют, видя ваши благодеяния другим, но

даже радуются не меньше, как будто бы сами их получили».

Стих 14. *И о тех молитве о вас, возжелеющих вас за премногую благодать Божию на вас.*

Грамматический строй речи в этом тексте представляет трудности и в подлиннике; мысль же его видна: не только Бога благодарят и славословят, но и о вас молятся, возлюбив вас за премногую к вам благодать Божию. «И вы приобретаете плод в молитвах, приносимых ими за вас, потому что сильно вас любят, дознав щедрость Божию к вам» (Феодорит).

И о тех молитве о вас, καὶ αὐτῶν δεήσει ὑπὲρ ὑμῶν ἐπιποθούντων ὑμᾶς. Можно и так: славят Бога и за премногую благодать Его, на вас излиянную, в молитве своей о вас, которую возносят к Богу, возлюбив вас. Ἐπιποθούντων означает сильное к кому расположение, влечение, с желанием близкого общения, с желанием видеться. Святой Златоуст и говорит: «Молят Бога, чтобы сподобил их видеть вас. И сего желают не ради вашего имущества, но чтобы видеть благодать, дарованную вам». Слова: *за премногую благодать*, если не относить к славословию Бога, должно отнести к *возжелеющих вас*, как и стоят. *Благодать*, если относить к славословию, будет означать вообще проявление благодати в Коринфской Церкви,— и что проповедь слышали, и что уверовали, и что крестились и обновились, и что

дарами особыми снабжены, и что так доброхотно щедры; а если относить к *возжелеющих*, будет означать более сие последнее, то есть что Бог так расширил сердца их на благотворительность. Во всем этом отделении щедрое милостынеподаяние у Апостола означается благодатию, потому что такая мысль вполне оправдывается течением речи. Святой Златоуст и говорит: «Видишь ли мудрость Павла, как он, превознесши их (коринфян) добродетель, все восписал Богу, когда назвал дело их благодатию? После того, как сказал о них (коринфянах) так много, назвал их служителями, превознес до небес, назвал их искусными, — теперь показывает, что виновник всего этого есть Бог, и сам вместе с ними возносит благодарение Богу, говоря»:

Стих 15. ***Благодарение же Богови о неисповедимем Его даре!***

«Даром называет здесь или те многочисленные блага, какие получают чрез милостыню и принимающие ее, и подающие, или те неизреченные блага, которые пришествием Христовым прещедро дарованы всему миру, и сии последние преимущественно должно здесь разуметь» (святой Златоуст). «Воспоминает о благах, которых сподобились мы чрез воплощение Христово, как бы так говоря: не думайте, будто делаете что великое, ибо неизреченны блага, какие получали мы от Бога. И если мы даем немного из тленного, что

великого?» (Феофилакт) Но если здесь дар означает вообще благодатное домостроительство, то и впереди под премногою благодатию то же приличнее разуметь. Апостол предполагает иерусалимлян востекшими к созерцанию великой благодати Христовой в лице коринфян; но вслед за ними естественно востекли к тому же и коринфяне; за обоими ими он и сам на том же останавливает око ума своего и заканчивает слово общим благодарением Богу о неисповедимом даре в Господе Иисусе Христе, этим одним созерцанием покрывая все другие благие помышления.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ
Нужные объяснения в отражение распускаемых о святом Апостоле злых речей и в побуждение неисправившихся еще – исправиться (главы 10—13)

Недоброжелатели святого Павла распускали в Коринфе ложные о нем слухи и мнения. Когда подобные случаи не вредили делу благовестия и твердости в вере уверовавших, святой Павел не обращал на это внимания; но когда из этого выходил вред, то он долгом считал очищать себя и дела свои от всех нареканий. Что именно говорили про него невыгодно в Коринфе, об этом можно судить по защитительным словам его самого. Слышал это Тит или сам, или от искренних Апостола, и передал ему. Таких порицателей было немного; вся же Церковь благоговейно честила* святого Павла и готова была с покорностию слушать все его наставления и исполнять все распоряжения. Доселе он обращал речь к этим чтителям своим – исправным христианам, и речь эта тиха, тепла, благосклонна. Отселе начинает речь против порицателей, и она строга и носит печать апостольской власти.

* Почитала. – *Ред.*

Святой Павел не был показен телом и здоровья был слабого. Речь его при личном благовестии отличалась тихостию и кроткою убедительностию. Он умолял веровать в Распятого, а не указ с неба предъявлял, чтоб слышащие веровали. А в послании, когда писал уже к верующим, слово его было строго и властно. Эту разность противники его взяли за исходный пункт для порицаний. Говорили: в *лице смирен*, а за глазами *дерзает; послания тяжки и крепки, а пришествие тела немощно и слово уничиженно* (10, 1, 10). Это бы и не так было смутительно, но в объяснение такой разности вставлялось нечто такое, почему иные могли почитать святого Павла *по плоти ходящим*. Потому такой речи и нельзя было оставлять без оговорок. Святой Павел и занимается ею со всем вниманием. Ответ его на это такой: я и в лице такой же, какой на письме — строгий, когда потребует нужда; к этому уполномочивает меня звание Апостола, свыше мне вверенное. Потому наперед молю вас: не заставьте меня употреблять эту строгость, исправьтесь; ибо, если, пришедши, найду вас неисправными, не пощажду. Все это себязащищение апостольское занимает четыре главы: 10—13. В нем три пункта: я и в лице такой же строгий, как и на письме; к этому уполномочивает меня апостольское звание; приду — не пощажду. Но пространство эти пункты занимают не одинаковое: 1) *первый* —

собственно 11 стихов 10-й главы; 3) *третий* — последние три стиха 12-й главы и 10 стихов 13-й главы; 2) средину, — в два и даже в три раза большее пространство, — занимает защищение апостольского достоинства. Верно, настояла в этом крайняя нужда, хотя определенно указать ее и не имеется возможности. Не можем не заметить, что, по сему строю, последняя часть послания сходна с первою. Как там пространное слово о христианском откровении, или домостроительстве благодати, вставлено в иную, краткую речь, обнимающую его своим началом и концом, так и здесь пространное слово об апостольском достоинстве святого Павла и апостольской его деятельности вставляется в иную, кратчайшую речь, обнимающую его тоже началом и концом своим. Между тем тот и другой предметы, невольно будто вторгшиеся в послание, или исторгшиеся из души святого Павла, составляют важнейшие отделения сего послания.

1. Я И В ЛИЦЕ СТРОГИМ БЫВАЮ, КАК И НА ПИСЬМЕ (10, 1—11)

а) Приведши эти речи о себе, что в лице смирен, а в отсутствии дерзает, стих 1, и намекнувши, как бы не пришлось говорящим это испытать противное сему, стих 2, б) Апостол объясняет, что судить о нем по видимости нельзя, ибо власть его не внешняя, а духовная, сильная

Богом, стихи 3—6; в) этою-то властию вооружаясь, я и могу, говорит, явиться среди вас таким же строгим, как строг и в послании, стихи 7—11.

а)

Глава 10, стих 1. *Сам же аз Павел молю вы кротостию и тихостию Христовою, иже в лице убо смирен в вас, не сый же у вас дерзаю в вас.*

Сам же аз Павел. Этим связывает он свою речь с предыдущею. Он говорит как бы: что до послов моих, я все вам сказал; что же касается до меня, то я вам вот что вынужден сказать. Это выражение *сам же аз Павел* — полно важности. Святой Златоуст говорит: «Примечаешь ли, сколько тут веса? Сколько достоинства? Много силы и веса в сих словах». Подобные выражения употребляет он и в других местах, например: *се аз Павел глаголю вам* (Гал. 5. 2). И опять: *таков сый, якоже Павел старец* (*молю*) (Флм. 1, 9). Так и здесь: *сам же аз Павел* («как бы так: я Апостол, учитель вселенной» — Экумений). *Молю вы.* Важно уже то, что он сам просит, но гораздо важнее присовокупляемое: *кротостию и тихостию Христовою.* Ибо, желая более пристыдить их, упоминает о кротости и снисходительности, и тем еще большую силу придает своему прошению. Он говорит как бы так: устыдитесь кротости Христовой, коею умоляю вас. Сказал же сие, дабы вместе показать, что хотя они и тысячекрат-

но вынуждают его к строгости, однако же он сам более склонен к кротости и не наказывает их не потому, чтобы не имел силы, но потому, что кроток, и потому, что так делал Христос. — *Иже в лице убо смирен, не сый же у вас дерзаю в вас.* Что он хочет сказать сим? — Или говорит иронически собственными их словами, ибо они говорили о святом Павле, что, когда лично бывает у них, тогда не важничает, а в отсутствии от них гордится, ведет себя величаво, нападает на них и угрожает. На сие намекает Апостол и далее, говоря: *яко послания убо, рече, тяжки и крепки, а пришествие тела немощно, и слово уничиженно* (стих 10). Итак, или говорит иронически, выражая великое огорчение: я человек смиренный и ничего не значащий при личном свидании, как они говорят, а в отсутствии — высокий; или, хотя и говорит о себе с важностию (*аз Павел*!), но не по высокоумию, а по надежде на них. — «Или истинно сие говорит о себе, что я, лично бывая у вас, смирен и кроток у вас, ныне же, хотя и великое нечто говорю о себе, делаю это не по высокоумию, а по дерзновению моему к вам» (Феофилакт); «полагаясь на любовь вашу, дерзаю писать так» (Экумений).

Стих 2. ***Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих.***

Строй речи такой: *смети* — зависит от *дерзаю; надеянием, имже помышляю*, τῇ πεποιθήσει ᾗ λογίζομαι, по самоуверенности (во власти), какую (уверенность) мне приписывают (отсутствующему, или когда отсутствую); λογίζομαι в страдательном залоге; ᾗ λογίζομαι, по коей я почитаем есмь действующим в отсутствии. — Прошу вас, говорит, не поставьте меня в необходимость и в бытность у вас лично поступить по самоуверенности во власти, какая приписывается мне, отсутствующему, поступить в отношении к тем, которые думают, что мы по плоти ходим, то есть против тех самых, которые так говорят о мне. Святой Златоуст говорит: «Хочет он сказать следующее: прошу вас, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою против тех, которые унижают нас и думают, что мы живем по плоти. Сие выражено здесь сильнее, нежели сказанное в угрозу коринфянам в первом его послании: *что хощете, с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости? Яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи. Прииду же... и разумею не слово разгордевшихся, но силу* (4, 18—21). И здесь выражает и власть свою, и любомудрие, и терпение, когда с такою заботливостию просит не доводить его до необходимости прийти и показать над ними грозную власть свою, то есть поразить их, истязать и подвергнуть крайнему наказанию. Это дает он заметить словами: *да не*

пресущ дерзаю... на некия. Замечаешь ли, сколь великое негодование выражается в сих словах и какое ясное обличение? Прошу вас, говорит, не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у вас, силен и имею власть. Поелику некоторые из вас говорили, что я, не находясь у вас, — выражаюсь их же словами, — дерзок и величав, то прошу, не заставьте меня употребить силу мою. Ибо сие значат слова: *дерзаю надеянием.* Итак, сделайте мне милость, говорит, не вынуждайте меня показать вам, что и при личном свидании могу поступить смело с кем должно, то есть могу подвергнуть их истязанию и наказанию. Видишь ли, как он был не честолюбив, не делал ничего из тщеславия, когда и по необходимости поступить строго, строгость свою называет смелостию? Главный долг учителя не тотчас наказывать, но исправлять, выжидать и быть медленну в наказаниях. Кто же сии некие, которым он угрожает? — Те, говорит, которые думают, что мы *ходим по плоти.* Ибо они клеветали на Павла, будто бы он лицемерен, лукав и горд».

Ниже у святого Златоуста выражается о сем хождении по плоти и такая мысль: думают, будто наша проповедь есть дело человеческое, и средства наши тоже средства человеческие, вообще не видят в нас ничего особенного против обыкновенных деятелей человеческих. Отсюда у них и выходило, что поелику святой Павел ведет свои

дела, как и все люди, то, являясь кротким лично и строгим на письме, употребляет он обычную человеческую хитрость: в лицо льстит, заискивает благосклонность, а потом, будто власть чрез то приобретший, и посмелее действует в письмах. Это именно и отрицает в себе святой Павел в следующем стихе.

б)

Стих 3. *Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем.*

Как бы так: «посмотреть на нас, мы то же, что и все люди, но на деле мы совсем не то. *Во плоти ходим*, в человеческом образе и теле, с человеческою речью и силами; но то, что делаем, чего домогаемся и какими средствами того достигаем, — все не человеческое. Правда, что мы обложены плотию, говорит он, не отвергаю сего; но не по плоти живем. Рассуждаем о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи. Потому не сказал: не по плоти живем, но говорит: *не по плоти воинствуем*, то есть ведем войну и вступили в брань; даже сражаемся не плотскими оружиями и без всякого содействия человеческого» (святой Златоуст).

Стих 4. *Оружия бо воинства нашего не плотская, но силна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе.*

«А какие плотские оружия? — Богатство, слава, власть, сладкоречие, высокоречие, происки, ласкательства, лицемерие и другое, подобное сему. Но наши оружия не таковы. Каковы же? — *Сильна Богом.* Не сказал: мы неплотские — но *оружия наша*; потому что, как заметил я, он рассуждает пока о проповеди, всю силу ее приписывает Богу; и не говорит: оружия наши — духовные, хотя бы и так надлежало сказать в противоположность слову: *плотская*; но *сильна* (*Богом*), давая чрез то разуметь, что они духовны, и вместе показывая, что плотские оружия слабы и бессильны. Смотри же, сколько он чужд гордости! Не сказал: мы сильны, но *оружия наша сильна Богом.* Не мы сделали их такими, но Сам Бог. Поелику они были мучимы, изгоняемы, претерпевали бесчисленные и жесточайшие бедствия, а все сие обнаруживало их слабость; то, желая показать силу Божию, говорит: *но сильна Богом.* Ибо сила его особенно открывается в том, что побеждает ими. Хотя и мы носим сии оружия, но сражается и действует ими Сам Бог. После сего Апостол распространяется в похвалах оружию, говоря: *на разорение твердем.* И дабы кто, слыша о твердынях, не вообразил чего-либо чувственного, присовокупляет: *помышления низлагающе.* Иносказанием он придал силу речи, а изъяснением оного показывает, что брань их духовная. Ибо твердыни сии поражают души, а не тела. И как он гораздо

крепче твердынь вещественных, посему и оружие требуется лучшее. Твердынями же называет он гордость эллинов, и силу их софизмов и силлогизмов, а вместе и все оружия, употребляемые против них (Апостолов)» (святой Златоуст).

Оружия апостольского воинствования – все, чем были вооружены святые Апостолы на преодоление заблуждений, нечестия, греха. Все их совмещало преизобильное излияние на них благодати Пресвятого Духа, Который, преисполняя их, и научал и укреплял, как в каком случае действовать, когда одним словом, когда сверх того и проявлением чрезвычайных сил. Феодорит пишет: «Наше оружие, говорит Апостол, духовные дарования, с помощию коих делаемся мы победоносными и противящихся покоряем Владыке». Но в этом действии апостольских оружий, при всей их чрезвычайности и их Божественной силе, ничего нет механического. Правда, что они разоряют, но чрез самосозидание духа нашего, и пленяют, но чрез свободное покорение истине Божией.

Образ действия сего Апостол выразил: *на разорение твердем, помышления низлагающе.* «Апостол как святых наименовал храмами Божиими, так порабощенных нечестию называет твердынями диавола» (Феодорит). Как неверие с нечестием, так и грех с эгоизмом и страстями строят вокруг себя крепость, слагающуюся из помышлений,

коими думают оправдать и свой образ мыслей, и свой образ жизни. Окутавшись такими помышлениями, они питают уверенность, что сидят крепко и безопасно не только от разорения, но и от нападений. Но вот приходит Апостол с благодатным словом и начинает беседу. Звуки слова ухо принимает; мысль, выраженную словом, принимает ум; а благодать, пришедшая в слове, наитствует* дух, усыпленный или заваленный грудою помышлений. Пробужденный дух страх Божий воспринимает и сим страхом пробуждает совесть. И оба они вместе, благодатию Божиею укрепляемые, разбрасывают стеснявшую их и на них лежавшую твердыню, так что ни одно помышление из тех, кои прежде казались так твердыми и прочно стоящими, не устаивает: все разоряется. Неверие с нечестием убегают пред лицом страха Божия, грех с эгоизмом и страстями – пред лицом совести. Оставшись властными одни, сии силы духа затем таинственно облекаются во Христа. И се христианин! Вот что всегда выходит из разорения твердынь душевных чрез низложение помышлений облагодатствованных духом.

Стих 5. *И всяко возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово.*

И всяко возношение взимающееся на разум Божий – тоже низлагающе. «Продолжает ино-

* Вдохновляет. – *Ред.*

сказание, чтобы придать бо́льшую силу речи. И твердыни, и башни, и что-либо другое, говорит, все уступает нашему оружию» (святой Златоуст). В разорении твердыни неверия и греха низложение помышлений есть одна половина дела, другую составляет низложение всякого возношения, взимающегося на разум Божий. Первым означается низложение всего, на чем неверие и грех думают основаться, а вторым — низложение всего, чем неверие и грех дерзают восставать на разум Божий. Разум Божий есть истина Божия, Апостолами проповеданная, о спасении в Господе Иисусе благодатию Святого Духа. Против этого с самого начала враг истины влагал неверам в ум и грехолюбцам в сердце много возражений, которые для иных казались нерешимыми. Это и были, и суть возношения на разум Божий. Мы их низлагаем, говорит Апостол, данными нам оружиями. Как? — Чрез утверждение слова последствующими знамениями (Мк. 16, 20). Благодатного действия Евангелия достаточно для тех, у которых не совсем заглушены стихии духовной естественной жизни. Но и их могли сбивать с пути неверы, водящиеся одними низко движущимися рассудочными наведениями. В помощь первым и для поражения последних благоволил Господь в дело проповеди привводить знамения. Пред ними все возражения падали сами собою. Веровавшие окончательно утверждались ими в

вере, не веровавшие были поражаемы, и часть из них тоже веровала, другая же, остававшаяся в упорном неверии, смолкала. Так низлагалось и доселе низлагается всякое возношение на разум Божий.

И пленяюще всяк разум в послушание Христово. Твердыня неверия и нечестия, греха и страстей разорена чрез низложение помышлений и всякого возношения на разум Божий. Что же далее? — Бывший там в плену дух, благодатию Божиею оживленный, восстает и, яко новый потаенный сердца человек, исходит на свободу, исходит, но не иначе как чрез самоохотное и радостное себя предание в плен послушания Христова. Сознание и свобода вяжут сами себя велениями Христа Спасителя и Ему отдают себя в рабы с готовностию всем для Него жертвовать, даже самою жизнию. Это и есть пленение разума в послушание Христово. Разум, νόημα, самодеятельное сознание. Оно отдает себя в послушание Христу в уверенности, что чрез это одно сохраняется и жизнь, и свобода истинные. Так, происходит внутри разорение, но для созидания; пленение, но для свободы. Это пленение есть переход «из рабства в свободу, от смерти к жизни, от погибели ко спасению. Ибо мы, говорит, пришли не для того только, чтобы низложить противников, но чтобы привести их к истине» (святой Златоуст). «Их, как некиих пленников, уводя с поля

сражения, представляем Царю всяческих, и доводим до того, что они следуют охотно Его законам» (Феодорит).

Стих 6. *И в готовности имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание.*

Это слово уже к тем, которые, уверовав, вступают в стадо Христово. Довел прежде речь до послушания Христу Господу. Далее что? – Жизнь в сем послушании. Послушание сие обнимает все нравственно-религиозное устройство Христовой Церкви, и покорность тому принята в совесть и скреплена обетом. Поступающий в чем-либо против есть преслушник преступный, привлекающий на себя праведное отмщение*. Блюстители Богоучрежденных порядков Церкви и отмстители самовольного нарушения их были те же лица, которым поручено свыше и завести их, то есть святые Апостолы. Они это всегда и исполняли. Нарушителей порядка, в каком-либо отношении, убеждали исправиться, неисправных отлучали. Так после Апостолов действовали и преемники их, так действуется и доселе. Об этом именно и говорит теперь Апостол, что у нас всегда наготове власть и сила отмстить всякое преслушание, но говорит об этом применительно к обстоятельствам Церкви Коринфской. Он уже указал им на вкравшиеся у них неисправности и ждет

* Наказание. – *Ред.*

исправления. Тит удостоверил его, что там изъявлена готовность все исправить, но что некоторые неохотно берутся за это. Может быть, это и были те самые, которые говорили: слаб Апостол, когда сам лично действует. Святой Павел напоминает теперь, что власть действовать на преслушников, свыше мне врученная, как одно из оружий, сильных Богом, на устроение Церкви, всегда в моих руках, и я всегда готов употребить ее, как только оказывается нужда; употреблю ее и у вас, как только исполнится у вас послушание послушных и сами собою выделятся непослушные. — «Апостол изобразил причину долготерпения своего. Ожидаем, говорит, того, чтобы большую часть убедить словом и увещанием, а потом наказать тех, которые вознамерятся сопротивляться долее» (Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «Здесь Апостол устрашает не только клеветавших на него, но и всех коринфян, ибо говорит им: мы ожидаем вас, чтобы, когда вы по нашим наставлениям и угрозам исправитесь, очиститесь и прекратите общение с клеветниками, тогда, отделивши их одних, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих, как скоро совершенно узнаем, что вы от них отстали, ибо хотя и теперь повинуетесь, но не вполне. Прежде хочу исправить вас и потом уже приступить к наказанию тех. Что можно представить снисходительнее этой милости? Поелику

видит, что близкие ему вошли в общение с противником, то хочет нанесть удар; но щадит, удерживает гнев, доколе они не отделятся от противников, дабы сих только и наказать, или, лучше, — и их не наказывать, ибо для того угрожает близким, для того говорит, что одних их желает возвратить к себе, чтобы и те, исправленные страхом, переменились и, таким образом, ни на кого не излился гнев его. Во всем он поступал, как искусный врач, как общий всех отец, покровитель и защитник: сколько заботился о всех! Повсюду устранял препятствия, усмирял людей зловредных, везде бывал сам, и не борьбою достигал своей цели, но как бы идя на легкую и готовую победу, воздвигал победные памятники, ниспровергал, разрушал, рассыпал твердыни диавола и козни демонов и всех пленных переводил в воинство Христово. Даже и на малое время не давал себе покоя, быстро переходил от них к другим, а от сих опять к иным и, как опытный вождь, ежедневно, или, лучше, — ежечасно, воздвигал победные памятники. В одном только хитоне вступив в воинские ряды, он брал города и жителей. Луком, копьем, стрелами и всем был язык Павлов, ибо он говорил только, и слова его поражали противников сильнее всякого огня; он изгонял демонов, а людей, ими одержимых, приводил к себе. Когда изгнал он злого духа (в Ефесе), собралось многое множество людей, зани-

мавшихся тайными знаниями; сожгли волшебные книги ценою на пятьдесят тысяч драхм и обратились к истине. И как на брани, как скоро падают стены крепости или низложен утеснитель, все находящиеся при нем бросают оружие и переходят к вождю противной стороны, так было и тогда. Ибо, едва изгнан был злой дух, все держимые им в осаде, бросивши книги, или, лучше сказать, истребивши их, прибегли к ногам Павловым. И он, сражаясь с целою вселенною, как бы с одним воинством, нигде не останавливался, но, как бы носимый на крылах, все делал: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то наказывал слепотою — я разумею волхва (Деян, 13); даже и заключенный в темницу, не оставался в бездействии, но и там привлек к себе стража темницы, продолжая восхищать людей в добрый свой плен».

в)

Стих 7. *Яже ли пред лицем, зрите? Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане, якоже он Христов, такожде и мы Христовы.*

По видимости ли только судите? — Увидели, что я непоказен, слаб здоровьем, говорю тихо, — и поверили тем клеветникам, что я ничего не значу и по благодатному порядку дел. Да если б смотреть на меня только как на христианина, и тогда

не следовало бы ни тем так говорить о мне, ни вам верить речам их. Ведай всяк, что как он Христов, так и я; и как он, будучи Христовым, старается действовать по христианской совести, как раб Христов, так по себе пусть судит и о мне, что и я так же забочусь во всем быть верным Христу, Его волю исполнять, в Его славу во всем действовать. Возьми это во внимание всяк, и не будешь криво понимать меня и дела мои. Так говорю, не указывая еще на особое мое назначение, которое лично получил от Самого Христа Господа и которым порицатели мои похвалиться никак не могут. Но об этом в следующем стихе.

Святой Златоуст глубже входит при этом в намерения святого Павла и говорит: «При всем другом достойно особенного удивления в Павле еще и то, что, будучи поставлен в большую необходимость хвалить себя, достигает двоякой цели: то есть и себя хвалит, и вместе такою похвалою самому себе не делается обременителен для других. Трудно и требует большого благоразумия — и соблюсти скромность, и сказать о себе нечто великое. И смотри, с каким величием делает он сие здесь: — *Яже ли*, говорит, *пред лицем, зрите*? — Обличивши тех, кои обольстили коринфян, он не останавливает на них своего слова, но переходит от них и к обольстившимся. Так поступает он и всегда, — обличает не только виновников заблуждения, но и введенных ими в за-

блуждение. Ибо если бы и сих не подверг ответственности, то их не так бы удобно исправило сказанное другим, даже они возгордились бы, как не подвергшиеся обличению. Посему и их обличает. И не сие только достойно удивления в Павле, но и то особенно, что употребляет обличения, какие приличны тем и другим. — Послушай, что говорит вдавшимся в обман: *яже ли пред лицем, зрите*? Не малое, но очень важное обличение! Почему? — Потому, что род человеческий очень легко впадает в обман. Смысл же слов его таков: ужели вы судите по наружности? По плотским, по телесным отношениям? — Что значит: по наружности? — Если кто богат, если кто величается, если кого окружают многие ласкатели, если кто хвалит себя, ищет пустой славы, если кто лицемерно притворяется добродетельным, не имея в себе добродетели (тот у вас и велик, и достоин внимания); ибо это значат слова: *яже ли пред лицем, зрите*? — *Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане якоже он Христов, такожде и мы Христовы*. Апостол не хочет вдруг показать себя строгим, но мало-помалу возвышает и усиливает речь. И смотри, как от себе сказанное им делается особенно чувствительным и многознаменательным. Ибо — *от себе* значит, да не ожидает узнать от нас, то есть из нашего ему выговора, но пусть судит о том сам по себе, что как он Христов, так

и мы. Не сказал: столько же Христов, сколько и он, но как он Христов, так и я Христов. В этом мы одинаковы. Ибо нельзя сказать, что он Христов, а я принадлежу кому другому. Но, показавши сие равенство, выставляет на вид и преимущество, говоря»:

Стих 8. *Аще бо и лишше что похвалюся о власти нашей, юже даде нам Господь в созидание, а не на разорение ваше, не постыжуся.*

Так, говорит, если и как на христианина только смотреть на меня, и то неправы порицатели мои и вы, им поверившие. Но я больше, чем всякий христианин. Власть мне дана от Господа устроять Церковь Его, и законы для нее давать, и с нарушителей сих законов взыскивать. Такова моя власть! В этом вы сами можете удостовериться. Испытайте, и увидите. Я не боюсь быть пристыженным, будто сказал неправду. Или: *не постыжуся* значит — и делом покажу сию власть, не посрамлю ложною снисходительностию присущей мне апостольской власти. Вместе дает разуметь, что хотя власть такая всегда присуща ему, но как она вручена ему, так и он употребляет ее не на разорение, а на созидание. В этом и причина, почему я не всегда ее проявляю, и если проявляю, то с осмотрительностию испробовав все меры исправления. «Сказал это Апостол, что принял власть на созидание, а не на разорение, показывая, что противники его поступают вопре-

ки сему, и не созидать хотят, но покушаются разорять чужие труды» (Феодорит).

Такие мысли заключаются в слове Апостола, но выражены они им несколько прикровенно, чтоб не показаться слишком резко выставляющим себя. Святой Златоуст говорит: «Посмотри, как он смягчает речь свою, предположивши сказать о себе нечто великое. Ибо ничто так не оскорбительно для многих из слушателей, как похвала самому себе, посему, устраняя оскорбительное, так говорит: *аще бо и лишше что похвалюся*. Не сказал: если кто уверен в себе, что он Христов, пусть рассудит, что он далеко еще отстоит от нас. Ибо я получил от Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу. А что же сказал? — *Аще и лишше что*. Хотя и выразить нельзя, сколь великую имел он власть, однако же в словах своих не показывает сего. Не сказал также: хвалюся, но *аще похвалюся*, если захочу похвалиться. А таким образом соблюдает вместе и скромность, и показывает свое преимущество. Посему говорит: *аще похвалюся о власти нашей, юже даде нам Господь*. Опять все приписывает Богу и дар делает общим. *В созидание, а не на разорение*. Видишь ли, как опять успокаивает зависть, какую мог бы возбудить похвалою себе, и привлекает к себе слушателя, указывая на пользу, для которой получил он власть? А как же выше сказал: *помышления*

низлагающе? – Это преимущественный способ созидания – уничтожать препятствия, обличать гнилое и употреблять к созиданию одно истинное. Итак, хотя для того получили мы власть, чтоб созидать, однако же если кто будет упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды к исправлению, то употребим и другую силу, низложим и ниспровергнем его. Посему и присовокупляет *не постыжуся*, то есть не окажусь ни лжецом, ни тщеславным».

Стих 9. *Но да не явлюся яко страша вас посланми.*

Мог бы я, говорит, похвалиться властию, но не стану этого делать, чтоб не показалось, что точно страшу вас только посланиями. Подразумевается: лучше, когда окажется нужда, я самым делом явлю сию власть. Такой оборот речи употребляет Апостол, в коем, будто не говоря или не желая говорить, все сказывает, что нужно. «Смысл слов сих таков: мог бы я похвалиться, но чтобы не стали опять говорить, будто бы в посланиях я велеречив, а при личном свидании ничего не значу, то не буду говорить о себе ничего великого. Хотя впоследствии и говорил, но не о силе, по которой он был страшен, а об откровениях, и еще более об искушениях» (святой Златоуст).

Стих 10. *Яко послания убо, рече, тяжки и крепки, а пришествие тела немощно, и слово уничиженно.*

Так говорили о святом Павле. Что говорит: *рече*, не на одно лицо указывает, а в одном совмещает всех своих противников. А может быть, разумеет того, кто первый эту фразу выдумал. *Послания тяжки*,— строгий суд произносят, иго тяжелое налагают,— *и крепки*, с силою, авторитетны, властны. *А пришествие тела немощно*, то есть когда сам налицо у нас, то ни власти, ни силы в нем не видно, никого ничем не тяготит, и *слово его уничиженно*, смиренно, умалительно, а не повелительно. Так говорили о нем. Чтоб не утвердить их еще более в таких мыслях, я не стану теперь говорить о своей власти, хотя уже сказал о ней что следовало. Поэтому хотя пишет: не стану говорить, но этим ясно напоминает, что не хочет говорить о том словом, чтоб показать то делом, когда будет у них, если окажется нужда. Почему и прибавляет:

Стих 11. ***Сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий, отстояще, таковии и ту суще есмы делом.***

Не буду распространяться. Пусть знает таковый, верно, тот же, кто выдумал такие речи, а в лице его и все держащиеся его стороны,— пусть знает, что я и лично делом такой же строгий, каким кажусь в послании — словом. «Мы в состоянии обнаружить величие апостольского достоинства и показать, что дела соответствуют писаниям» (Феодорит). «Говорящие так пусть знают,

что мы, и в присутствии, и в отсутствии, всегда одинаковы. Каковы отсутствуя, в слове и посланиях, таковы и присутствуя, на деле. То есть не только угрожаем, отсутствуя, но сильны, и присутствуя, в дело привести то, чем угрожаем» (Экумений). Мощное и отрезвляющее слово!

2. В СТРОГОСТИ УПОЛНОМОЧИВАЕТ МЕНЯ АПОСТОЛЬСКОЕ МОЕ ЗВАНИЕ (10, 12—12, 18)

В этом большом отделении святой Павел защищает свое апостольское достоинство и очищает свою апостольскую деятельность. Он говорит здесь а) об отмерении ему удела проповеднического, 10, 12—18; б) о своем проповедании туне*, 11, 1—21; в) о сопровождающих его проповедь скорбях, лишениях и страданиях, 11, 22—32; г) о восхищении до третьего небесе, 12, 1—10; и д) о знамениях апостольства в Коринфе, опять с напоминанием о действовании без стужания, стихи 11—18. Доказательство апостольства его из всего сказанного выходит такое: вот как я действую и вот что со мною бывает! Так ли следует всему быть у того, кто есть истинный Апостол? — Если так, то удостоверьтесь, что я настоящий Апостол, полною апостольскою властию вооруженный, которою потому и могу действовать, где и как окажется нужным. — Во всем отделении Апостол говорит сам о себе и будто сам себя

* Даром, без платы. — *Ред.*

хвалит. Как это могло показаться не совсем приятным, то он непрестанно оговаривается. *Потерпите безумию моему* (11, 1), *несмысленно глаголю* (21), *бых несмыслен хваляся, вы мя понудисте* (12, 11). Верно, обстоятельства требовали такого образа представления дела его апостольства. Ибо он упоминает не об одном славном, но и о том, что относится к смирению его.

а) Об отмерении Апостолу Павлу проповеднического удела (10, 12—18)

В этом отделеньице Апостол говорит, что ему Бог отделил меру — удел, что вследствие того он и до Коринфа достиг, и по утверждении их дальше пойдет, не имея обычая втесняться в чужую область. Всем этим, говорит, похвалиться нам не будет ничего безмерного. Это то же, что Бог хвалит, по распоряжению Коего все сие совершается. — Почему говорит это Апостол? Верно, его противники, пришедши в Коринф и успевши обратить на себя внимание нескольких лиц, стали думать и говорить, что они-то и суть здесь главные деятели, а святой Павел — ничто. Против этого и говорит он: я в своем уделе, а они втеснились в мою область. Но выражает эту мысль особым образом. Противников же своих с первого слова поражает иронией. Имея во внимании их самохвальные речи, уничижительные для себя, он говорит как бы: где нам за ними?!

Стих 12. *Не смеем бо судити, или прикладовати себе иным хвалящим себе самех; но сами в себе себе измеряюще, и прилагающе себе самим себе, не разумевают.*

Место это темновато, как замечает и блаженный Феодорит, говоря: «Весьма неясно написал место сие Апостол, не желая явственно обличить виновных. Разумеет же следующее: они, смотря на себя самих, предположили о себе, что они одни больше всех, а что касается до нас, то да не будет того, чтобы мы, подобно им, стали оценивать сами себя». Святой Златоуст говорит: «Здесь Апостол показывает, что они и тщеславны, и велеречивы, укоряет их за то, что сами себя хвалят. А мы, говорит, не так поступаем. Но если делаем что великое, то все приписываем Богу. — Он говорит: мы не смеем сравнивать себя с теми, которые друг с другом препираются, тщеславятся и между тем не разумеют, что делают; то есть не видят, как смешны они, когда так тщеславятся и превозносятся друг перед другом».

Апостол говорит, что не смеет сравнивать себя с этими хвалящими себя, а после сам себя хвалит. Но когда он говорит о себе похвальное, то дела показывает, которые ему дал Бог совершить. Это то же, что Бог его хвалит, а он Бога, относя к Нему все. Противники его на словах только себя хвалили, не имея дел. Как строилось такое самовосхваление?! — Они сами в себе себя

измеряли и сами себя к себе прикладывали, и казались себе достойными похвалы. Нет ничего дивного, что они обладали и какими-либо совершенствами, могли делать дела похвальные, и желать, и планы иметь на то, чтобы делать такие дела; но еще ничего не сделали, а все то только в голове у них было. Вот они, меряя себя в себе самих своею призрачною меркою и не выходя из круга мечтательного, построенного их воображением, и видят себя великими, и величаются, и велеречат. Очевидно, что, поступая так, они не знают, что делают. Такова оценка и всех тщеславных. Тщеславные самохвалы не без совершенств бывают; только трудиться не охочи, а все планы одни строят. Планы светлы. Почитая их уже исполненными, самохвал величается; к делу же приступить день ото дня отлагает, а нередко и совсем не приступает. Оттого всегда почти выходит, что он лишь трубит про себя, на деле же остается ни при чем. Таковы были противники святого Павла. Церковь Коринфская была устроена трудами святого Павла. А они пришли, поговорили с тем и с другим, может быть, и впечатление какое произвели, и ну трубить: наша область, мы сделали; между тем как ничего не сделали, хотя бы и могли, может быть, сделать, и хотели, и планы имели. Но пойти на свежее место и потрудиться — недоставало усердия. Оттого и ограничились тем, чтоб *похваляться*

чужим правилом, в готовых. Противопоставляя им себя самого, святой Павел говорит:

Стих 13. *Мы же не в безмерная похвалимся, но по мере правила, егоже раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас.*

И это место не совсем определенно. Святой Павел имеет, кажется, в мысли свое свыше избрание быть Апостолом языков, но не хвалится этим, а только тем, что успел сделать доселе. Вся вселенная мой удел, но я не хвалюсь безмерностию такою, а только тою мерою, до которой Бог дал мне и давал достигнуть. Доселе это мне пока Бог отмерил. Этим и похвалиться могу. Противники же его, верно, в мечтательных планах своих всю вселенную полагали обтечь и, будто уж всюду воспроповедавши, величались; между тем как ничего не сделали еще, а только в чужой труд вошли. Эту несообразность и выставляет Апостол. Он свыше назначен для всех языков, а хвалится только тем пока, что сделал; те же, мечтая самопроизвольно обтечь всю вселенную, величаются, будто уж обтекли ее, ничего еще не сделавши. Святой Златоуст говорит: «Вероятно, что они в похвалу себе говорили: мы обратим всю вселенную, мы дойдем до пределов земли, и много подобного разглашали о себе. Но мы, говорит Апостол, не так, но *по мере правила, егоже раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас*. И, таким образом, с той и другой стороны открывается его

смиренномудрие, ибо не говорит о себе больше, нежели сколько сделал, и что сделал, приписывает Богу. *Бог разделил меру.* Как земледелец домовладыка разделяет виноградные сады, так каждому из нас Бог назначил свой удел. А посему мы и хвалимся не большим чем-либо, но тем, что дано нам достигнуть».

Стих 14. *Не яко бо не досяжуще до вас паче простираем себе; даже бо и до вас достигохом благовестием Христовым.*

Простираем себе, сами в себе себя расширяем в мечтательном самовосхвалении, ширимся в похвалах себе. Судя по сему, мысль текста будет такая: «Никто не может сказать, что мы, не достигши до вас, ширимся, говоря, что достигли до вас, грубя про себя в пустом велеречии. Ибо мы в самом деле до вас достигли, и достигли благовестием Христовым, то есть не просто дошли до вас, но возвестили вам и Евангелие» (Экумений). «Не только были мы у вас, но благовествовали, проповедовали, убеждали, исправляли. Ибо вероятно, что порицавшие Павла приходили только к ученикам апостольским, и вследствие своего прихода весь успех дела приписывали себе. Но мы, говорит Апостол, не так поступали: никто не может сказать нам, что мы не могли прийти к вам и что только на словах распространяем похвалу свою и до вас, ибо мы и вам проповедали слово (веры)» (святой Златоуст).

Но слова: *паче простираем себе*, ὑπερεκτείνομεν ἑαυτούς, может быть, лучше перевесть: простираемся далее и далее, паче и паче, разумея расширение круга деятельности апостольской. Апостол хочет сказать: мы ведь идем постепенно, от места к месту простираясь. Теперь пока дошли только до вас и дальше не простираемся. Надо вас прежде утвердить в вере как следует; когда же утвердитесь, пойдем и далее, как говорится в следующем стихе. Не дошедши до вас, простираться далее было бы непохвальное дело. Кто похвалит земледельца, который оставляет позади себя невозделанные полосы? Мы и не делаем так; но идем шаг за шагом. Дошли до вас с благовестием — и слава Богу! Это сделано нами; это пока и говорим.

Стихи 15 и 16. *Не в безмерная хвалящеся в чуждих трудех, упование же имуще, растущей вере вашей, в вас величатися по правилу нашему изобилно, во еже и в далших вас (странах) благовестити, не чужим правилом в готовых похвалитися.*

Не так, говорит, как те, лжеапостолы, — зашли в чужие труды и хвалятся без меры, — своим хвалимся, и в такой мере, в какой дано нам сделать дело. «В этих словах Апостол показывает важность вины их, что они хвалились без меры, и хвалились чужим, и когда весь труд принадлежит Апостолам, они труды их приписывали себе. Но мы, говорит, говорим то, о чем свидетельствуют

самые дела, что доказали делами. И что я говорю: *до вас достигохом?* Имею надежду, что *растущей вере вашей,* — не прямо утверждает, но, следуя своему обыкновению, говорит: надеюсь, что, когда вы возрастете в вере, удел наш и далее распространится, и мы будем проповедовать Евангелие дальним. Ибо пойдем и далее, говорит, проповедовать и трудиться, а не тщеславиться тем, над чем трудились другие. Прилично назвал он труд свой правилом (уделом) и мерою, как вступивший в обладание вселенною и получивший прекрасное наследие, показывая сим, что все это есть дело Божие. Итак, имея таковые дела и надеясь еще больших, мы не тщеславимся, подобно тем, которые ничего не имеют, и ничего не приписываем себе, но все приписываем Богу» (святой Златоуст).

Стих 17. *Хваляйся же, о Господе да хвалится.*

Когда, говорит, возрастет и утвердится вера среди вас, тогда справедливо возвеличены будем и мы чрез вас. И уповаем, что так будет. И не только это уповаем, но и что от вас пройдем далее и там утвердим веру, не в чужой входя труд, а вновь насаждая веру, не на готовое приходя, а сами заготовляя души к принятию новосаждения Евангелия. Несмотря, впрочем, на то, что я так говорю, не думайте, что я что-нибудь себе приписываю. Я помню пророческую заповедь: *Хваляйся, о Господе да хвалится* (Иер. 9, 24). Не себя

хвалю, а Божию силу и Божий дар прославляю. Ибо и то, чтобы мне ходить с проповедью среди язычников, есть Божие определение, и то, чтобы до вас дойти, есть плод Его вседеятельной силы, и то, если дальше вас пройду, от Него же будет. «И то, чтобы хвалиться, говорит, дается нам от Бога» (святой Златоуст). «Не сами собою величаемся, но хвалимся Божественными дарами» (Феодорит).

Стих 18. *Не хваляй бо себе сей искусен, но егоже Бог восхваляет.*

Такая только похвала и есть настоящая похвала, прочная, неувядающая. Ибо кто есть хваляйся о Господе? — Тот, кто говорит и чувствует: Господь для меня все, ни на кого не надеюсь, ни на что не опираюсь. Он один — моя надежда и мое утверждение. Потому, что ни делаю, велико ли то или мало, верую, что Господь делает то чрез меня: Его тут мудрость, Его сила. Как верую, так и исповедую и пред всеми то возвещаю. Если по поводу чего-либо, сделанного мною, тень хвалы падает и на меня, — Господу так угодно, и это Его дело. Давая делать мне дела и помогая сделать их, Он меня выставляет пред другими, и поелику чрез то подвигает их на похвалу мне, то это то же, что как бы Он Сам меня хвалил. Бог восхваляет, давая делать похвальные дела. Это и есть вечная неувядающая похвала. Только тот, кто в таком порядке живет и действует, есть

искусный делатель, а не тот, кто сам себя хвалит, по поводу ли сделанного, или по поводу только преднамереваемого.

Святой Златоуст говорит при сем: «Видишь ли, с каким смирением говорит он? А ежели с продолжением речи начинает говорить о себе несколько высоко, не удивляйся. Ибо и в сем видно благоразумие Павлово. Если бы всегда стал говорить о себе со смирением, то так не устрашил бы их (лжеапостолов) и не освободил бы учеников своих от заблуждения. Ибо кто не вовремя скромен, тот причиняет вред; и напротив, кто вовремя говорит о себе нечто удивительное, тот приносит пользу. Так поступал и Павел; ибо немалая была опасность, если бы ученики поверили какому-нибудь дурному слуху о Павле. Не потому, чтоб Павел искал славы человеческой,— ибо если бы искал сего, то о великих и дивных событиях, случившихся с ним за четырнадцать лет, не стал бы молчать столь долгое время; если же и в крайней нужде медлит и неохотно говорит о сем, то явно, что никогда бы не сказал сего, если бы не был вынужден».

б) О проповедовании Евангелия туне (11, 1—20)

Глава 11, стих 1. *О да бысте мало потерпели безумию моему! Но и потерпите мя.*

«Святой Апостол Павел, намереваясь говорить в похвалу себе, употребляет много оговорок.

И не раз или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его как самая необходимость дела, так и то, что многократно говорил он прежде. Ибо и из того, что он поминал о своих грехах, которых не помянул Бог, и что называл себя за оные недостойным наименования апостольского, — для самых нечувствительных ясно видно, что он не для прославления своего будет говорить то, что намерен теперь сказать. Ибо хотя и странно сказать, но всего более повредило бы его славе говорение о себе самом; притом сие оскорбительно для многих. Однако же он не посмотрел на все сие, но имел в виду одно только — спасение слушателей. Итак, чтобы, выхваляя себя, не соблазнить тем нерассудительных, он часто употреблял множество сих оговорок, — и здесь говорит: *о да быстe мало потерпели безумию моему, но и потерпите мя*. Видишь ли благоразумие его? Ибо изъявить желание, — *о да бысте*, — значит предоставить дело на их волю; а сказать утвердительно (*потерпите*) свойственно твердо надеющемуся на их любовь, и показывает уже, что он любит их и ими взаимно любим. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но любви самой пламенной и неудержимой; говорит, что они должны потерпеть даже и безумию его» (святой Златоуст).

Потерпите мя, — ἀνείχεσθέ μου — иные переводят так: но вы и терпите меня. Славянский

перевод согласнее с следующими за сим словами: *ревную бо по вас*. Ради такой моей о вас заботы вы должны потерпеть меня. И потерпите в уверенности, что это делается не по чему другому, как по моей ревности о спасении вашем. Он обязывает их, говоря как бы: хотите не хотите — терпите; это для вас же необходимо. Феодорит пишет: «Знаю, говорит Апостол, что тем, которые отличаются высоким умом, не надлежит распространяться в собственных своих похвалах, но я вынужден это сделать. Посему потерпите мало этому безумию моему».

Стих 2. *Ревную бо по вас Божиею ревностию; обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови.*

Как любящий ревнует о любимой особе, чтоб она никому другому не принадлежала или чтобы другой никто не покушался привлечь ее к себе, так я ревную, говорит, по вас и не могу допустить мысли, чтобы вы принадлежали кому-либо другому. Не о том, однако ж, ревную, чтоб, никому другому не принадлежа, вы принадлежали мне; нет,— не мне, а Богу чтоб принадлежали: *ревную по вас Божиею ревностию*,— тою, какою Бог ревнует по вас, не хотя, чтоб вы увлекались каким-либо суемудрием, а следовали единой истине, Им чрез нас всюду возвещаемой.— Святой Златоуст говорит: «Не сказал: ибо люблю вас, но употребил гораздо сильнейшее выражение. Ибо ревнивы

души, сильно пламенеющие к любимым ими. И ревность не от чего другого происходит, как от сильного дружества. Притом, чтобы не подумали, что он ищет дружества их для власти, или чести, или денег, или чего подобного, присовокупил: *Божиею ревностию*. Ибо и Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (ибо Бог бесстрастен), но чтобы всем внушить, что Бог все делает не для другой какой цели, а для тех самых, о ком ревнует; — не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, но чтобы их спасти. Не такова ревность человеческая: она имеет целию собственное успокоение, — не то, чтобы не были оскорбляемы любимые, но чтобы любящие не потерпели чего и не потеряли уважения, или не унизились, в глазах любимых. А здесь иначе. Апостол говорит: я не о том забочусь, чтобы мне не унизиться в вашем мнении, но о том, чтоб не увидеть вас растленными (от лжеучителей). Такова ревность Божия, такова и моя ревность, — она сильна и вместе чиста. Затем следует и необходимая тому причина».

Обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови. Обручение происходит, когда невеста говорит жениху: отселе я тебе одному принадлежать буду; а жених, еще прежде возлюбивший ее, принимает ее и себе присвояет. Христос Спаситель — все души искупил, возлю-

бив их прежде, и все для них приготовил. Затем послал Апостолов — звать души к брачному с Собою союзу. Апостолы ходили по миру и всем благовестили сию радость. Которые души верили и, оставя все, предавались Господу, тех Апостолы обручали Ему чрез святое крещение и рук возложение (миропомазание). Всякая такая невеста получала от Господа, в силу обручения, отпущение грехов, обновление жизни и благодать Святого Духа, в залог будущего вечного блаженства со Христом Господом, если до конца пребудет верною. Апостол все это сделал для коринфян и говорит теперь: вот в какое отношение ко Христу Господу я вас поставил, — и ревную, чтобы вы навсегда сохранили сие положение, не уклоняясь от союза, в какой вступили вы с Господом Иисусом Христом. «Споспешником и посредником был я вашего брачного союза; чрез меня получили вы дары от Жениха; посему-то я с ревностию занимаюсь вами, боясь и трепеща, чтобы лукавство не препобедило вашей простоты. Всю Церковь наименовал Апостол *девою*, называя так чистоту веры, ибо не все верующие дают обет девства; но искренностию веры надлежит украшаться всем» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Какая новость! В мире девы обыкновенно бывают только до брака, а после брака они уже не девы. А здесь не так. Хотя бы до брака и не были девами, но после брака делаются

девами. Таким образом, вся Церковь есть дева. Ибо Апостол говорит это ко всем, — к мужчинам и женщинам, вступившим в брачную жизнь».

Стих 3. *Боюся же, да не како, якоже змий Еву прелсти лукавством своим, тако истлеют и разумы ваша от простоты, яже о Христе.*

Обручив вас Христу, я стал за вас поручителем, что вы верны пребудете Ему. Между тем кругом искушения: и мысли ваши могут повредиться, и чистота нрава христианского попортиться. Боюсь, как бы вы не уклонились от правого пути. Враг, прельстивший Еву, не дремлет: тогда употребил он в орудие — змия, теперь действует чрез лжеучителей, чрез прелести мира и власти похотные. Долго ли вам увлечься?! – Еву обольстил он ложным обещанием чрезмерного величия и славы, тем же обольщает он и ныне, обещая подобные же чрезмерности, — чрезмерности ведения, чрезмерности сластей, чрезмерности счастия, — и все это представляет в таком привлекательном виде, так удободостижимым, что будто в руки дает. Между тем все это призрак и обман. Не разобрала этой призрачности Ева, и увлеклась. Можете не разобрать и вы, — и подобно ей увлечься. Вот и боюсь — *боюсь, да не истлеют разумы ваша,* — чтоб не повредились вы в здравомыслии и не испортили как правильного воззрения на дело спасения, так и понимания истинного образа следования путем его. *От про-*

стоты, — или по причине простоты, которую стяжевает душа во Христе Иисусе. Ибо, видя все во Христе истинным, она забывает об обмане и прельщении, — и, преисполняясь в Нем добротою, забывает о лукавстве и злохитрости, — и чрез то приобщается некоторым образом того неведения зла, которое качествовало в невинном состоянии. Этим вашим настроением, говорит, может воспользоваться враг и увлечь вас чрез свои орудия. — Или — *от простоты, яже о Христе Иисусе*, так надо понимать: да не истлеют разумы ваши, отклонившись от простоты, то есть бесхитростной и чистой веры, с какою надлежит вам пребывать во Христе Господе (Экумений).

«Смотри, какое благоразумие, — говорит святой Златоуст. — Они уже повредились, а он говорит: боюся, да не како повредитесь. Для чего так? — Чтобы не ввергнуть их в ожесточение. Он так говорит, что и не осуждает, и не умалчивает. Ибо и явно сказать (о такой великой беде), и совсем скрыть — равно не безопасно. Посему он соблюдает средину, говоря: *да не како*. Ибо так обыкновенно говорит, кто ни слишком осуждает, ни слишком доверяет, но держится средины между тем и другим. Так он и успокаивал их, и напоминанием об Еве приводил их в несказанный страх, и отнимал у них всякий повод к извинению. Ибо хотя змий был злобен (πανοῦργος), а Ева проста, впрочем, это не спасло ее от обвинения.

Итак, смотрите, говорит Апостол, не подвергнитесь и вы тому же; тогда ничто не защитит вас».

Стих 4. *Аще бо грядый инаго Иисуса проповедает, егоже не проповедахом, или Духа инаго приемлете, егоже не прияете, или благовествование ино, еже не прияете, добре бысте потерпели.*

Место это трудно и для перевода, и для понимания. После предыдущего: боюсь, как бы не истлели разумы ваши от простоты,— ожидаться может такая речь: ибо к вам кто ни приди, вы тотчас готовы принять его добре,— хотя бы он, пришедши, проповедал иного Иисуса, другого Духа обещал, иное благовествование предлагал. И перевод можно наладить так, что он будет выражать именно такую мысль. Но нельзя предположить, что Апостол, который во всем послании так нежно относится к чувствам коринфян, такое резкое сделал им представление. Потому надо предположить здесь другой оборот мыслей. Сказал Апостол: боюсь, как бы не повредились умы ваши; но повредиться они как могут, если не придет кто и не станет сбивать с толку? Потому в том же слове Апостола сокрыто и желание его, и увещание: не принимайте же никого, с каким бы учением ни приходил кто к вам. А в настоящем тексте содержится причина, почему не должны они принимать и терпеть никакого другого учителя и веропроповедника,— именно такая: не для чего вам принимать, вы уже все

имеете и имеете вполне, Иисус проповедан у вас единый истинный,— Бог Сын, воплотившийся нашего ради спасения; благодать Духа вам преподана истинная, и силу ее вы ощущаете к себе и осязательно видите друг в друге; благовестие вам возвещено полное с предложением вам отпущения грехов, обновления, всыновления и наследия царства небесного. Чего вам еще желать?! Если бы кто, пришедши, предлагал вам то, что нами вам не сообщено и не даровано, а между тем было бы то и истинно, и существенно необходимо для спасения, то, конечно, вы ничего худого не сделали бы, принявши такого учителя: *добре бысте потерпели* его. То есть если бы кто, пришедши, и об Иисусе сказал вам полнее и определеннее, чего мы не сказали, так что Иисус созерцался бы вами яснее и казался вам будто новым, будто иным сравнительно с проповеданным нами,— и Духа вам предлагал с иными проявлениями Его действий, каких вы не испытали, прияв благодать от нас,— и благовестие возвестил вам с более щедрыми обетованиями, каких мы не открыли вам; то против приема такого лица нечего было бы сказать,— *добре бысте потерпели* его. Но удостоверяю вас, что такого обстоятельства быть не может; никто не может вам ни возвестить, ни даровать больше и полнее того, что вам возвещено и даровано нами. Вы все имеете, и имеете вполне; не для чего вам и

принимать кого-либо другого в качестве учителя и веропроповедника.

Припомним опять, что Апостол такой оборот речи дает, что будто предостерегает их от будущего; между тем известно, что они уже принимали кого-то и из-за этого допустили между собою размолвки, хотя все попусту. Потому мысль у Апостола здесь такая: напрасно вы это сделали, не следовало вам принимать их и слушать. «Апостол обратился теперь с обвинением к вдавшимся в обман и ясно показал нелепость обмана. Ибо говорит: чем же и каким образом вы увлеклись? Разве иного Иисуса проповедали они вам? иные дары Духа преподали? иное предложили Евангелие?» (Феодорит).

Святой Златоуст говорит: «Из сего видно, что растлившие коринфян были не из среды коринфян, но что посторонние обольстили их. Конечно, они хвалились, что Апостолы учат не совершенно, а они, напротив, приносят нечто большее. Ибо, вероятно, они, пустословя о многом, внесли в догматы веры глупые мелочи. Итак, поелику они, пользуясь внешнею мудростию, как вероятно, говорили много пустого, то Апостол и говорит: если бы они сказали вам лишнее и проповедовали Христа другого (полнее), а мы умолчали бы, *добре бысте потерпели*. Ибо с сим намерением присовокупил: *егоже не проповедахом*. А если у них те же основания веры, то какое преимущество? Сколько бы

они ни говорили, не скажут больше того, что мы уже сказали. Если же они говорили, о чем не надлежало говорить, о чем потому и мы не сказали, то для чего и слушаете их? Но скажешь: если они говорят то же самое, для чего запрещаешь им говорить? — Для того, что, прикрываясь лицемерием, вводят они другое учение (между пусторечием и лишнеречием проскользнет незаметно и ложь). Но сего не говорит еще теперь Павел, а присовокупит после, когда скажет, что они преобразуются во Апостолов Христовых (стих 13). Между тем употребляет легчайшие способы, чтобы ослабить в учениках уважение к ним; — и сие делает не по зависти к ним, но для безопасности учеников. Иначе почему он не запрещает Аполлосу, мужу красноречивому и сведущему в Писании, напротив, еще сам просит и сам обещает прислать его? — Конечно, потому, что Апостол при учености сохранял и православие догматов, а коринфские учители напротив. Потому Апостол и вооружается против них, и поставляет в вину учеников, что внимают им, говоря: если мы опустили что-нибудь, о чем бы надлежало сказать, и они это дополнили, то не препятствуем вам слушать их. Если же все нами сделано и ничего не опущено, что вас влечет к ним?»

Стих 5. *Непщую бо ничимже лишитися предних Апостол.*

Если продолжим речь Апостола в предыдущем тоне и духе, то получим: уж если вам желательно узнать что пополнее или получить что пообильнее, вам следует желать, чтоб к вам пришли не какие попало учители, а первоверховные; но и такое желание излишне, потому что и они не преподали бы вам ничего такого, что не преподано мною, ибо я ничем не меньше их. А с этими пришлецами я и сравнивать себя не стану, и вам этого не следует делать. Итак, на что они вам? «Сравнивая себя не с коринфскими учителями, но с Петром и другими Апостолами, святой Павел говорит как бы: если они больше меня знают, то больше и высших Апостолов; а это кто осмелится подумать? Смотри, какая и здесь скромность! Не говорит: Апостолы не больше сказали, чем я; но как? *Непщую*, то есть я так думаю, что я ни в чем не отстал от высших Апостолов. Поелику, как вероятно, в унижение Павлу обращали то, что предшествовавшие ему по времени Апостолы имели пред ним более громкое имя и большую славу; и коринфские лжеучители вздумали равнять себя с ними, то святой Павел сравнивает себя с Апостолами приличным ему образом; посему отзывается о них с похвалою, не просто называя Апостолами, но *предними*, имея в виду Петра, Иакова и Иоанна» (святой Златоуст).

Слова: *предних Апостол*, — τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων, — чрезвычайных, верховнейших, самых

первых Апостолов,— иные относят не к первейшим Апостолам, а к этим пришлецам коринфским, и переводят τῶν ὑπερλίαν — иронически: этих чересчур апостолов. Но с ними себя Апостолу и сравнивать нечего было, и увлечение ими коринфян было совершенно случайное и мимоходное, так что достаточно было указать на них, чтобы рассеять их влияние. Это и сделало уже первое послание. Теперь Апостол только доканчивает начатое исправление и на лжеучителей мало обращает внимания, а более занимается самими коринфянами. Для них же важно было знать и утешительно было слышать, что их просветитель стоит наравне с верховными Апостолами.

Стих 6. *Аще бо и невежда словом, но не разумом: но везде явлшеся о всем в вас.*

Верно, лжеапостолы в унижение святому Павлу говорили, что он и поговорить-то не умеет. Или иные коринфяне, увлекаясь красноречием этих пришлецов, говорили: вот так учители, а у того что за язык?! — Святой Павел и говорит им: «У меня хотя язык не ученый, однако же ум украшен Боговедением» (Феодорит). Не отрицаю, что я не искусен в слове; но это нисколько не умаляет значения апостольства, ибо не в слове дело, а в разумении истины. Бог дал нам разумение свыше, а слово оставил у нас свое, природное. Как кто умеет, так и говорит, но говорит всегда истину, и истину Божественную, без

примеси своих мудрований, чисто, как она внушена, и без окутывания ее хитрословием, больше затемняющим, чем уясняющим. В том, что мы не искусны в слове, не унижение апостольства, а превосходство. Значит, истина исходит из уст наших в своей природной простоте, как внушается Духом. Святой Златоуст говорит: «Поелику развратители коринфян гордились пред Апостолом тем, что он человек неученый, то Апостол упоминает и о сем, показывая, что он не только своей неучености не стыдится, но еще хвалится ею. Не сказал, однако: если я невежда словом, то и другие Апостолы также. Ибо сие было бы клеветою на Апостолов и похвалою лжеучителям. Напротив, он унижает самое преимущество, то есть внешнюю мудрость. Посему и в первом послании сильно нападает на нее, говоря, что она не только не содействует Евангельской проповеди, но еще помрачает славу Креста (Господня). Ибо говорит: *приидох не по превосходному словеси, или премудрости, да не испразднится Крест Христов*, и многое другое сему подобное (1 Кор. главы 1 и 2). Чем показывает, что лжеучители были невежды познанием, а это есть крайняя степень невежества».

Но везде явльшеся о всем в вас, — подлинно: *но вполне явлены есмы во всем вам*. Но мне, говорит, нет нужды пространно говорить о том, что есть во мне и чего нет. Вы и сами все то

знаете. Я действовал среди вас открыто, ни в каком отношении не кроясь. Ни хитрым словом не прикрывал неведения, как делают краснословцы, ни внешним благообразным поведением не скрывал недобрых чувств и расположений. Каков есмь, таким во всем и являл я себя, действуя всегда открыто. Вы это знаете, – и знаете всего меня. Святой Златоуст говорит: «И здесь опять обличает лжеапостолов, что они действуют лукаво. Но о себе и прежде говорил тоже, что он ни лицемерил, без обмана и бескорыстно проповедовал слово Божие. Лжеапостолы инаковы на самом деле, и инаковыми показывали себя, но он не таков. Потому хвалится везде, что ничего не делает для славы человеческой и не скрывает дел своих. Так и здесь говорит: мы все открыто делаем пред вами. А так много говорит только человек, нимало не опасающийся коринфян и во всех словах соблюдающий правду. Почему и ссылается на них, как на свидетелей, – и теперь, когда говорит: *явлены есмы во всем вам*, и прежде, когда говорил: *не иная бо пишем к вам, но яже чтете и разумеете* (2 Кор. 1, 13)».

Стих 7. *Или грех сотворих себе смиряя, да вы вознесетеся, яко туне Божие благовествование благовестих вам?*

Все доселе сказанное было только как бы предисловие. Теперь Апостол коснулся уже главного предмета настоящего отделеньица, в кото-

ром, выставляя на вид бескорыстное проповедание Евангелия и сильно намекая на противоположные приемы своих противников, имеет целию напечатлеть в умах, на какой стороне истина.

Пред этим сказал святой Павел: мы вам известны со всех сторон, – давая этим разуметь, что в своем образе действования он ничего не видит, по поводу чего коринфяне могли бы предпочесть ему кого-либо другого. Но при этом, как бы припомнив, в каком смиренном виде он явился среди их и пребывал во все время насаждения святой веры, по причине вещественных недостатков в содержании, для устранения которых он не хотел брать ничего у коринфян, – припомнив это, он говорит: разве это, может быть, поставите вы мне в вину? – То есть «что весьма скромно вел я себя у вас и, проповедуя вам Евангелие, не пользовался от вас необходимым пропитанием?» (Феодорит). Но это я делал для вашей пользы; я себя смирял, чтоб вы возвысились, – я себя смирял в вещественном, чтоб вы возвысились в духовном. Это не может служить к умалению моего апостольского служения, а к возвышению его. Святой Златоуст влагает в уста Апостола такую речь: «Я жил у вас в крайней нищете: ибо таков смысл слов, – *себе смиряя*. Итак, сие ставите мне в вину? Тем превозноситесь предо мною (других превозносите предо мною), что я смирял себя у вас, просил милостыню, терпел

тесноту и голод, дабы вас возвысить? – Как же они возвышались, когда Павел был в крайности? – Так, что они более получали назидания, а не повода к соблазну. Он и прежде говорил, что его порицали, будто бы при личном свидании он уничижается, а в отсутствии смел. Теперь, защищая себя, опять поражает их, говоря: и сие я делал для вас».

Стих 8. *От иных церквей уях, прием оброк к вашему служению; и пришед к вам, и в скудости быв, не стужих ни единому.*

Так необходимым считал святой Павел такой образ действования, что ничто не могло заставить его отступить от него. Другие церкви, говорит, обременял (ἐσύλησα – будто ограблял), сам был отягчен скудостию, а все не дозволил себе докучать кому-либо из вас. Ничто так не делает светлым лика проповедников, как то, когда они являются совершенно отрешенными от всего земного. Ибо это прямо говорит, что они сами не по земному чину выступили на дело свое. Поэтому и святой Павел дорожил проявлением сего свойства, особенно в Коринфе, внушением Духа удостоверяясь, что это существенно необходимо для их обращения. Святой Златоуст говорит: «Прежде других своих заслуг, во-первых, хвалится презрением земных благ. Ибо сего наипаче требуют (от проповедников истины) мирские люди (сим наипаче склоняются к вере). Посему

святой Павел и начинает слово свое не с опасностей, не с чудес, но с презрения земных благ. Достойно удивления, что Апостол, хотя мог сказать, что он руками своими снискивал себе пропитание, не сказал сего, но говорит то, что особенно постыждало коринфян и даже не служило к похвале Апостола, именно, что он получал от других. И не сказал: я получал, но: *уях*, то есть брал последнее и доводил их до бедности. И, что еще важнее, брал не для избытка, но для удовлетворения необходимых потребностей. Ибо под словом *оброк* (ὀψώνιον, паек солдатский) разумеется необходимое к пропитанию. А что важнее и этого, Апостол говорит: *к вашему служению*; то есть мы вам проповедовали, и, когда от вас должно было получать мне пропитание, я получал оное от других. Две или даже три вины на них, когда он, находясь у них, служа им, имея нужду в необходимом содержании, получал оное от других, которые потому имели пред коринфянами великое преимущество. Ибо коринфяне оставались беззаботными, а те заботились об Апостоле; одни издали посылали ему, а другие не могли пропитать его, когда он у них находился. Но, ощутив строгость такой укоризны, Апостол опять неприметно смягчает оную и говорит: *не стужих ни единому*. Не сказал: вы не давали мне, но — я не брал. Ибо еще щадил их. Но опять и при самом смягчении речи своей неприметно поражает

их. Ибо слова: *пришед и в скудости быв* весьма выразительны. Чтобы они не сказали: что нам было делать, когда ты имел у себя? он присовокупил: в скудости быв, не стужих вам».

Стих 9. *Скудость бо мою исполниша братия, пришедше от Македонии; и во всем без стужения вам себе соблюдох и соблюду.*

В Коринф к Апостолу македоняне приходили, вероятно, не раз, и всякий раз с приносом. Такова натура македонян (славян)! Полюбили святую веру и благовестника ее и были готовы всем жертвовать для него, забывая себя. Хотя и сами не богаты были, но зная, что у Апостола ничего нет, не могли терпеть, чтоб не делиться с ним чем могли, и даже больше, чем могли, и не с ним только, но и со всеми нуждающимися верующими. Это нерассуждающая и о себе не думающая простота!

И во всем без стужения вам себе соблюдох. — *Во всем,* — и в пище, и в одежде, и в помещении: никого ничем не обременял; не допустил, чтоб кто-нибудь из вас жертвовал чем или делал что для меня. В таком отрешении держал себя Апостол от всех! И это не в ту только пору, когда насаждал у них веру, но так положил он держать себя среди их навсегда. Соблюдох, говорит, *и соблюду* себе без стужения вам. «Это присовокупил он для того, чтоб не подумали, что он

говорит им о прежнем нестужании с намерением получить что-либо от них теперь» (Феодорит).

Как многосторонне осматривает это обстоятельство святой Златоуст! «Смотри, какой чувствительный удар наносит им, представив тех, которые послужили ему. Сперва, возбудив в коринфянах желание узнать, кто такие были они, сказав: *от иных церквей уях*,— потом уже и называет их. О сем писал он и к самим македонянам, говоря: *яко и единою и дващи в требование мое посласте ми*, и притом в начале благовествования (Флп. 4, 15—16). Сие и послужило им в величайшую похвалу, потому что в самом начале так отличились. Но заметь, что Апостол везде выставляет свою нужду и нигде не говорит об изобилии. Словами: *пришед к вам и в скудости быв* он показал, что пропитание надлежало ему получать от коринфян, а словами: *скудость мою исполниша* показывает, что он сего и не требовал, сказывая вместе и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? — Ту, что от других получил. *Скудость бо мою*, говорит, *исполниша пришедшии от Македонии*. Потому я и не докучал вам, а не потому, чтоб не надеялся на вас. А в самом деле поступил по последней причине (то есть что не надеялся, чтоб они не соблазнялись, если б от них получил), что и показывает далее, хотя говорит о сем не прямо, но прикровенно, предоставляя доразумевать сие совести слушателей и незаметно

указывая на то следующими словами: *и во всем без стужения вам себе соблюдох и соблюду*. Не думайте, чтоб я говорил сие с намерением получить что-нибудь от вас. Слово же *соблюду* сказано, еще сильнее показывая, что он не только теперь не ожидает ничего от них, но даже навсегда отказался брать что-либо у них. А равно показывает и то, что они считали для себя тягостным помогать ему, почему и сказал: *без стужения себе соблюдох и соблюду*. Подобно говорит и в первом послании: *не писах сия, да тако будет о мне; добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. 9, 15). И здесь опять: *без стужения вам себе соблюдох и соблюду*».

Стих 10. *Есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится о мне в странах Ахайстех.*

Святой Павел жил только для Евангелия и святой Церкви и ни за что не соглашался отступить от того, и прямо исповедал, что для него лучше умереть, нежели изменить этот порядок. И здесь то же говорит, или еще сильнее, ибо слова: *есть истина Христова во мне* представляют клятвенное уверение. Так удостоверял он и римлян, говоря: *истину глаголю о Христе, не лгу* (9, 1). Как неложна истина Христова, которою одною живу, так неложно слово мое. Это то же, что: как истинен Христос, так истинно говорю, или Христом уверяю. Сколь важным считал это Апостол,

что ставит наряду с истиною Христовою! И это только в отношении к Ахаии, а не ко всем. Нельзя не видеть в этом перста Божия. Этим же объясняется и то, с каким расположением перетерпевал это Апостол. Трудиться, а между тем терпеть во всем скудость, это не могло не отзываться скорбию в сердце. Но Апостол не только не скорбит, не только благодушествует, но и хвалится тем. Это моя похвала, говорит. «Похвалою называет он поступок свой, дабы кто не подумал, что он о сем печалится или говорит в гневе, вместе и для того, дабы не слишком пристыдить их словами своими, как будто они не доставляли ему пропитания, хотя и просил. Против этого он говорит как бы: вы и готовы бы давать, но я не беру. В этом похваление мое. Слово: *не заградится* употреблено в переносном значении: оно взято с преграждаемой реки и означает, что слава о нем, что он не берет, разливается всюду, как река. Вы не заградите подаянием своим моей похвалы; не сказал, однако: вы не заградите, что было бы тяжко для них, но — *не заградится похваление сие о мне в странах Ахайстех*» (святой Златоуст).

Стих 11. ***Почто? Зане не люблю ли вас? Бог весть! А еже творю, и сотворю.***

Предыдущие слова: *не заградится похваление в странах Ахайских*, — «могли поразить коринфян. Этого весьма достаточно было к тому, чтобы

привесть их в уныние и оскорбить тем, что одних их отвергает. Ибо если он хвалится сим, то везде бы надлежало так действовать, а если у них только одних, то этим явно обличал их немощь. Итак, чтобы они от такой мысли не впали в уныние, заметь, как поправляет сие. *Почто*? — говорит, *зане не люблю ли вас? Бог весть*. Скорое и легкое дал решение» (святой Златоуст).

Бог свидетель, говорит, что люблю вас, как и выше удостоверял: *в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити* (2 Кор. 7, 3). «От великой любви его к ним происходило то, что он ничего не брал у них» (Златоуст). Не заключайте, говорит, к нелюблению вас из того, что действую в отношении к вам иначе, нежели в отношении к другим. Любовь-то и заставляет меня так действовать, ибо иначе не могло бы быть так благоуспешно среди вас Евангелие спасения. У вас таково условие его благоспеяния, я так и действую; у других — другое, я и действую у них иначе. «Так он по одной и той же любви делал противоположные дела, то есть принимал по любви, и не принимал по любви; и эта противоположность зависела от различного расположения дающих» (святой Златоуст). Люблю вас, говорит; Бог весть, что люблю. При всем том, что *творю, и сотворю*. И любовь моя к вам неизменна, и образ действования моего в отношении к вам неизменен. Эти две неизменности живут у

меня вместе, и одна другой не мешает. Не толкуйте и вы моего поведения в ущерб моей любви к вам.

Стих 12. *Да отсеку вину хотящим вины, да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы.*

Апостол действовал так потому, что не мог идти против внушений Духа. Почему же так изволися Духу Святому, об этом, если явно не открыто, и самому Апостолу предлежало гадать, как гадали пророки, когда Дух открывал им в образах события пришествия Сына Божия на землю. Он и гадает, указывая причину тому в соприкосновенностях благовестия. *Да отсеку вину хотящим вины.* Мог бы он сказать, что иначе вы соблазнились бы и неохотно слушали слово мое, а это положило бы препону успехам Евангелия. Но это он сказал прежде: *не сотворихом по области сей... да не прекращение кое дамы благовествованию Христову* (1 Кор. 9, 12). Теперь же выводит необходимость этого из предосторожностей, какие надо брать ввиду лжеапостолов. Это их он разумеет под хотящими вины. *Вина* здесь ἀφορμή — повод, случай, предлог. Лжеапостолы всяким случаем пользовались, чтоб представить в неблагоприятном свете и самого святого Павла, и проповедь его, и тем полагать препоны успехам Евангелия. Затем, говорит, я делаю это, чтоб противники мои, если б я пользовался чем от вас, не обратили этого в повод причинять вред Еванге-

лию Христову. «Для многих противников делаю это, пресекая им поводы злословить нас» (Феодорит). «Поелику лжеапостолы о том только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлог, то надлежало и оный отнять» (святой Златоуст).

Но каким образом противники святого Павла могли обратить в орудие противодействия ему, если б он пользовался чем от коринфян, об этом святой Павел не говорит определенно, а только намек делает в словах: *да о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы.* Дается мысль, что лжеапостолы уже хвалятся своим бескорыстием. Апостол говорит: провидя это, я ничего не брал у вас и тем пресек им случай похвалиться. Теперь уж нельзя им хвалиться, ибо ничего особенного предо мною не имеют. А если б брал, они могли бы смело говорить: мы ничего не берем, а он берет; нас слушайте, а не его; он действует из корыстных видов. Но трудно предположить, чтоб лжеапостолы действовать могли бескорыстно. Потому слово: *хвалятся* не то означает, что имеют бескорыстие, а то, что принимают только вид бескорыстных, не будучи таковыми на деле. Апостол говорит как бы: боялся я, как бы, приняв личину бескорыстных, они не соблазнили вас; теперь пусть, как хотят, прикрываются личиною; при всем ухищрении они дойдут только до того, каков и я. Подразумевается: а в других отношениях они гораздо ниже меня. Следовательно, я

могу думать, что этим образом действования я пресек им всякий успех среди вас. Блаженный Феодорит не предполагает только, но прямо утверждает, что они личину только носили бескорыстных. Апостол показал, что они величаются на словах, тайно же собирают деньги. Ибо это говорит вскоре за сим: *приемлете бо, аще кто вас порабощает, аще кто вас поядает, аще кто не в лепоту проторит* (2 Кор. 11, 20).

К этому надо прибавить, что, так как Апостол стал так бескорыстно действовать, не зная еще, как будут ему противодействовать враги истины, то слова: *да о нем хвалятся* можно принять в таком смысле: чтоб на случай, если б стали хвалиться своим бескорыстием, или стали бы действовать бескорыстно, никакого бы не предъявили предо мною преимущества, а оказались только такими же, как и я. Не излишне припомнить, что в Коринфе были и философские секты. Философы многие принимали личину отрешенных от видимых благ и тем влияли на своих последователей. Не это ли обстоятельство расположило Апостола явить в себе лицо, действительно от всего отрешенное, преподающее небесную философию, ради того одного, чтоб ей следовали и тем стяжевали себе существенное благо, не временное, но вечное.

Стих 13. *Таковии бо лживи апостоли делатели лстивии, преобразующеся во Апостолы Христовы.*

Не дивитесь, говорит как бы Апостол, что я так решился действовать, не видя еще, как будут действовать враги истины. Я наперед знал, что они готовы принимать всякую личину: таково уже свойство лжи. Таковы и эти лживые апостолы. Как делатели льстивые, которые не истиною берут, а призраком истины, они преобразуются в Апостолов Христовых и обманывают простецов. «Они все делают лицемерно, для обмана. Поелику знают, что иначе не нашли бы себе доступа, то, принявши на себя личину истины, скрывают под нею обман обольщения. И денег, говорит Апостол, не берут для того, чтобы получить больше,— погубить душу. Но и в том был более обман. Они брали деньги, но тайно. В этом обличает он их, говоря: *преобразующеся*; им овчая кожа служит только личиною» (святой Златоуст).

Стихи 14 и 15. *И не дивно: сам бо сатана преобразуется во Ангела светла. Не велие убо, аще и служителие его преобразуются яко служители правды: имже кончина будет по делом их.*

«У диавола в обычае подражать Божественному,— как против пророков выводит полчища лжепророков, так подражать по наружности Ангелам и обольщать людей. Посему неудивительно, что они (слуги его, орудия его козней, из людей набранные) присвояют себе личность именуемых Апостолами и употребляют обман, споспешествующий к обольщению людей» (Феодорит).

«Итак, если должно удивляться, то сатане должно удивляться, а не служителям его. Ибо, когда учитель их дерзает на все, неудивительно, что и ученики в том ему последуют. Кого Апостол называет *Ангелом света*? — Ангела, имеющего дерзновение беседовать с Богом и предстоящего Богу. Но есть и ангелы тьмы, служители диавола, темные и свирепые. И многих диавол обольстил таким образом, то есть преобразуясь в Ангела света, а не делаясь Ангелом света. Так точно и сии носят на себе личину Апостолов, а не имеют силы апостольской; потому что ничего не могут сделать (в действительности, а только вид принимают). А это и есть самое диавольское дело — делать все только для вида. Кто же такие *служители правды*? — Мы, говорит Апостол, проповедующие вам Евангелие, заключающее в себе всю правду. Или сие разумеет он, или то, что лжеапостолы присвояют себе славу людей праведных (вообще, не Апостолов только). Как же нам узнать их? — От дел их, как сказал Христос Господь (Мф. 7, 20)» (святой Златоуст). Но не навсегда так могут они прикрываться. Придет срок, разоблачатся дела их, «и они пожнут плоды своих предначинаний» (Феодорит). «Вас они могут обмануть, но не обманут недремлющего ока Христова» (Фотий у Экумения). «И не убегут они от своей участи, ибо по делам их будет

и конец их, то есть злой. Конец всегда соответствует делам» (Феодорит).

И для всякого есть момент, когда все увлекающие его призрачности разлетаются. Увлекаются призраками истины, которые построивает для лжи находчивое суемудрие; увлекаются призраками добра, которые выставляет на место настоящего добра изобретательное житейское мудрование; увлекаются до безумия призраками счастия, которые в таком разнообразии представляет лукавый мир. Все это зло и в пагубу ведет; но никто из вплетшихся в этот круговорот призраков не думает, что идет в пагубу. Так умеет враг замаскировать свой обман. Но в час смерти у всех открываются очи и призрачность, которою были они окутаны, исчезает. То же действие может иметь и память о часе смертном, если принять ее к сердцу и подержать подольше, чтоб она произвела все свое действие.

Стих 16. *Паки глаголю, да никтоже мнит мя безумна быти; аще ли ни, поне яко безумна приимите мя, да и аз мало что похвалюся.*

Сказал святой Павел о своем бескорыстии и снова делает оговорку, чтоб не думали худо об этом его действии. В этих словах, стихи 16—20, он и заключение предыдущего представляет, указывая между прочим на корыстность своих противников, стих 20, и делает переход к последую-

щему, — указанию истины своего апостольства из того, что перетерпел доселе.

Паки глаголю. Речь вся показывает, как вынужденно говорит о себе похвальное святой Павел. Видимо, как это противно его нраву и сердцу, но нужда заставляет действовать наперекор себе. Начал он «взаимно сравнивать свои собственные заслуги и худые дела своих противников, чтобы чрез такое сличение обнаружились незаконные учители» (святой Златоуст). Это было крайне необходимо для коринфян, ибо ничем лучше не могли они быть отвращены от лжеучителей. Нечто в этом роде сказал уже. «Теперь и еще намереваясь хвалить себя, опять прежде обличает лжеапостолов, чтобы видели, по какой нужде касается сего предмета, и чтобы никто не мог укорять его, зачем говорит о самом себе. И прежде уже делал он много оговорок, но, не довольствуюсь, говорит, сказанным прежде, я снова повторяю: *да никтоже мнит мя безумна быти.* (Не думайте, что я делаю это без разумных оснований). Ибо так делали лжеапостолы — хвалились без всякой причины. Безрассудно, говорит, хвалиться, но я делаю это не по безрассудности, а по нужде. Потому, хотя бы вы и не поверили, но, и видя необходимость, стали бы осуждать меня, я не отрекусь от своего дела. Видишь ли, как показал, что великая была нужда говорить? Ибо, если он и сего подозрения не

устрашился, то рассуди, с каким насилием себе намеревался говорить, как мучился и принуждал себя, когда говорил» (святой Златоуст). «Бывает, что иной говорит слово неразумия, не будучи неразумным и не совершая чрез то дела неразумного. Неразумен, кто велеречит о себе всуе и попусту самохвальствует, такой при неразумии не слова только неразумия произносит, но и дело неразумного совершает. Но кто говорит о себе, хотя и великое, но истинное и пользы ради душевной, тот слова, кажется, говорит неразумия по сходству произношения речений, но не бывает неразумен, а напротив, весьма разумен и совершает дело, свойственное наиразумнейшему человеку, когда ради пользы и спасения других не смотрит и на похуление за то в неразумии. Итак, говорит, *никтоже мнит мя безумна быти*. Не для себя, а для вас говорю, что говорю, вынуждаясь тем, чтобы отклонить вас от лжеапостолов» (кто-то у Экумения; может быть, Фотий).

Аще ли же ни,— если же не можете вы так смотреть на мое дело и слово и, несмотря на мое уверение, все же считаетс мое слово похвалы себе самому делом неразумным, *поне яко безумна мя приимите*. Оборот речи и тонкий, и обличительный, и убедительный! Лжеапостолы пришли к коринфянам, наговорили им про себя незнать что. И были приняты и почтены, и слово их не было презрено и отвергнуто. Апостол, ставя себя в ряд

их в качестве неразумного, и их неразумие обличает, и принявших их в неразумии укоряет, а тем и другим пролагает дорогу слову своему, чтоб не думали, что действует по неразумию. Что точно он слагает укор в самовосхвалении неразумном с себя на лжеучителей, это видно из следующих слов: *яко да и аз мало что похвалюся.* — *Яко да*: те хвалятся, и вы слушаете; так позвольте же и мне похвалиться. — *Мало что*: те хвалятся много, без меры; дайте же и мне хоть немного похвалиться. — *Похвалюся*: те хвалились и много, и попусту, и пустяками; то же, что говорил о себе святой Павел, было и истинно, и многоценно, и душеполезно. Все это было известно и коринфянам; известно также им было, что самохваление лжеучителей не соответствовало действительности. Приняв это в мысль, какое сильное видели они обличение сих последних, какое впечатлительное вразумление себе и какое светлое и утешительное оправдание святого Павла в его указании на свои похвальные дела?! «Если же не поверите и, несмотря на необходимость говорить мне так, все еще будете почитать меня не свободным от неразумия, то примите меня, как неразумно говорящего то, что говорю, чтоб и мне похвалиться, как хвалятся лжеапостолы. Ибо это они заставляют меня говорить такие речи, тем, что хвалятся во вред вам» (тот же у Экумения).

Стих 17. *А еже глаголю, не глаголю по Господе, но яко в безумии, в сей части похвалы.*

А еже глаголю, то есть говорю похвальное о себе; не *по Господе* говорю. «Есть Владычний закон, который учит: *егда сотворите вся повеленная, глаголите, яко раби неключими есмы; яко еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Посему-то богомудрый Павел сказал: *еже глаголю, не глаголю по Господе*, то есть говорю это не по Его закону» (Феодорит). Кажется, намерение у святого Апостола в сих словах то, чтоб отклонить других от подражания себе в сем отношении, из опасения, как бы самохвальство не обратилось в правило, под предлогом истины того, чем хвалятся, и пользы от того другим. Он говорит как бы: но при всем том, что и нужда меня заставляет, и полезно это для вас, и вижу, какое действие хорошее произведет на вас оборот речи моей, при всем том скажу, что это дело не по Господе: не думай никто подражать мне в этом. Признаю хваление себя и неразумным делом, и Господу неугодным и, вынужден будучи к такому действию, одно выговариваю, чтоб вы, если станете считать меня неразумным, ограничивали мое неразумие этою частию похвалы, а не простирали его на все мои дела и слова, или все мое учение, и все мои распоряжения и учреждения. «Чтобы не подумал кто, будто все свое учение называет он безумием, по необходимости

присовокупил: *в сей части похвалы*, то есть в этих словах называю себя безумным» (Феодорит). «Прибавил это, дабы ты не подумал, что он все делает, *яко в безумии*» (святой Златоуст).

Стих 18. ***Понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похвалюся.***

Объясняет, в какой части похвалы, именно в той, что буду, говорит, хвалиться по плоти. Тут разумеет он не то, о чем сказал уже, то есть что никому ничем не докучал, но то, что имеет сказать ниже, в стихе 22, то есть что и он еврей, израильтянин и семя Авраамово, что и сам имеет эти внешние преимущества по плотскому своему происхождению. Верно, лжеапостолы велеречиво выставляли это на вид. Апостол говорит: они этим хвалятся, похвалюсь и я, хоть это и неразумно, и не по Господе. «О Господе похвала есть кротость, воздержание, святость, а быть евреем и израильтянином уже не по Господе есть. Ибо послушай, что говорит Апостол в другом месте: *несть иудей, ни еллин... во Христе Иисусе все вы едино есте* (Гал. 3, 28)» (Экумений). Святой Златоуст говорит: «Что значит: *по плоти*? — Внешними преимуществами: благородством, богатством, мудростию, тем, что имеют обрезание и прародителей евреев, — пользуются славою. И заметь благоразумие Павла! Указал на такие преимущества, которые, по доказанному им, ничто, и потом уже называет похвалу свою безумием. И действи-

тельно, если безумно хвалиться существенными благами, то тем безумнее хвалиться ничего не значащими. И сие-то самое называет он *не по Господе*. Ибо быть евреем и подобное тому — не доставляет пользы. Итак, не думайте, говорит, чтоб я почитал сие за добродетель. Но поелику они хвалятся, то я принужден и в сем сравнить себя с ними. Так поступает он и в другом месте: *аще кто ин мнится надеятися во плоти, аз паче* (Флп. 3, 4). Если бы кто, будучи знаменитого рода, но избравший для себя любомудрую жизнь (монашескую, в скудости, лишениях, безвестности), увидел, что другие гордятся благородством, и захотел посрамить их надменность, то он принужден бы был сказать и о своей знаменитости, не в похвалу себе, но в их унижение. Так делает и Павел».

Стих 19. *Любезно бо приемлете безумныя, мудри суще.*

Это прямо бы следовало сказать после слов: *поне яко безумна мя примите*. Но нужно было вставить некоторые пояснительные понятия, что сделав, возвращается к тому слову. Им он ставил себя в ряд лжеапостолов, хвалящихся безумно. Это безумное хваление есть хваление не по Господе, одними плотскими преимуществами. Лжеапостолы так хвалились — вы их приняли любезно. Что вы таким образом любезно приемлете безумных, это дает и мне смелость стать в ряд их

и надеяться, что вы и меня примете. Сколько тут укора и обличения, как лжеапостолам, так и коринфянам! Хорошо бы, если б они безумных приняли, как безумных, из сострадания, а то они приняли их, как первых мудрецов, лучших даже святого Павла. Он говорит как бы: и этого-то вы не разобрали, а мудрецы! Слово: *мудри суще* есть укорное. Если б вы немудры были, было бы извинительно; но поелику вы мудры, то поступку вашему нет извинения. Сильнее нельзя отталкивать от лжеапостолов. Недостанет у коринфян более охоты принимать таковых. Вот как премудрый учитель, не защищая, а будто похваляя, налагает запрет принимать таковых и самое сердце отвращает от них! Святой Златоуст говорит: «Надлежало бы запретить и сказать: не принимайте людей безумных; он и делает сие, но с большим искусством. Прямо сказавши так, он подал бы мысль, что запрещает им, как бы не имеющий таких же преимуществ. А теперь, показав, что он по сим преимуществам не ниже их и, однако ж, почитает сие за ничто, тем гораздо более исправляет их» (коринфян).

Стих 20. *Приемлете бо, аще кто вас порабощает, аще кто поядает, аще кто не в лепоту проторит, аще кто по лицу биет вы, аще кто величается.*

Аще кто: хоть не указывает определенно ни на кого, но очевидно, что Апостол разумеет лже-

апостолов, и изображает, как они держали себя в отношении к коринфянам, — чтоб яснее было видно, что они не настоящие учители: ибо настоящие учители так действовать не могут. Впереди сказал Апостол: примите меня, хотя как безумного, потому что вы любезно принимаете безумных. И вслед за сим говорит: принимаете таких и таких, разумея лжеучителей, — следовательно, он очевидно их порицает; к коринфянам же изъявляет жалость, хотя на словах и «порицает их за их крайнее раболепство лжеапостолам и за то, что до такой степени подчинились им» (святой Златоуст).

Приемлете, аще кто вас порабощает. «Смотри, в каком раболепстве укоряет коринфян и как они сверх меры подчинились лжеапостолам!» (Феофилакт, Экумений). Καταδουλοῖ, в рабов превращает, вяжет вас во всем, не дает ни в чем свободы. «Вы, говорит, предали им и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имений только ваших, но и вас самих, значит уже гораздо более, нежели брать. О сем и прежде говорил он: *аще инии власти вашея причащаются, не паче ли мы* (1 Кор. 9, 12)» (святой Златоуст).

Аще кто поядает, аще кто не в лепоту проторит. Поядает, κατεσθίει в смысле объедает. — *Проторит*, λαμβάνει, берет. — *Не в лепоту* нет в подлиннике. «Видишь ли, теперь показывает, что

лжеапостолы берут, и не только берут, но до излишества, ибо то значит слово: *поядать*» (святой Златоуст). Следовательно, «они напрасно величаются презрением денег» (Феодорит). «И что выше сказал Апостол: *да о немже хвалятся* (стих 12), сказал об их похвальбе. Хвалились только, а истины не имели, лицемерствовали только, будто не берут» (Феофилакт).

Аще кто величается, ἐπαίρεται, высится, гордо поднимает голову, свысока на вас смотрит, ни во что ставя вас. Это последнее сильнее выражается метафорически: *аще кто по лицу биет вы.* «Сказал сие Апостол не потому, что лжеапостолы в самом деле били их по лицу, но что презирали их и бесчестили. Рабство ваше, говорит, не легко; у вас не кроткие повелители, но тяжкие и нестерпимые. Вы страждете не меньше тех, которых бьют по лицу. Видишь ли крайнюю степень тирании!» (святой Златоуст).

Этим заключает Апостол свою речь о благовествовании туне. Последние стихи, 16—20, разнообразными оборотами ведут к одному, чтобы представить, в какой противоположности стоят лжеапостолы к святому Павлу. Мы, говорит, и бескорыстны, и тихи, а те и корыстны, и величавы, и властолюбивы. Судите теперь, на чьей стороне должна быть истина?

Следующий 21-й стих одною частию вяжется с предыдущим, а другою с последующим указанием

Апостола своего истинно апостольского достоинства в том, что он перетерпел доселе.

в) Что претерпел Апостол в благовестии? (11, 21—32)

Стих 21. *По досаждению глаголю, зане аки мы изнемогохом; о немже аще дерзает кто, несмысленно глаголю, дерзаю и аз.*

«Сказанное Апостолом не ясно» (святой Златоуст). Чтоб прояснить это, возвратимся к предыдущему. Представил Апостол, как раболепно приняты коринфянами лжеапостолы. Спросим себя, как это возможно было? И другого ответа не найдем, кроме того, что, верно, они заявили какие-либо совершенства, показные, которые произвели сильное впечатление на коринфян и расположили их так подчиниться им. На эти преимущества указывал святой Павел в словах: *мнози хвалятся по плоти* (стих 18). Это *по плоти* указывает он в нижеследующем 22-м стихе, то есть что они евреи, что израильтяне, что семя Авраамле. Каким-нибудь образом успели они эти титла представить очень ценными в глазах коринфян: коринфяне так раболепно и отнеслись к ним. Приводя это коринфянам на мысль, Апостол говорит: да, а мы-то что ж? Мы-то у вас стали уж ничто, *изнемогохом*, представляемся вам немощными, никакого достоинства не имеющими, ничтожными?! — Нет, это несправедливо. Ибо, если смеет кто выставлять на вид какое-либо

плотское показное преимущество, смею это и я не меньше его. И затем перечисляет, какие преимущества предъявляли лжеапостолы, прибавляя вместе, что все они и у него есть. Одного только у них недостает, — страданий за Христа Господа. Этими-то мелочами величаться, и за то быть в почете и поедать достояние других они готовы; а коль скоро страдать нужно, то они прочь бегут, на это у них недостает смелости. Таким соображением речь Апостола приводится в строй и получает соответственную ясность.

По досаждению глаголю, κατὰ ἀτιμίαν, по бесчестию. Чье бесчестие разумеется? Можно и Апостолово бесчестие разуметь, и коринфян. Апостолово так: говорю это по чувству бесчестия, мне таким вашим отношением к лжеапостолам наносимого. Будто у меня ничего такого нет, чем те хвалятся и за что вы им так поработились! — Коринфян так: к стыду вашему говорю это. Как вам не видеть, что все то, чем они хвалятся, есть и у меня, а между тем жертв они потребовали у вас чрезмерных, тогда как я ничего от вас не требовал, а умолял только: примиритеся с Богом, спаситеся. «Что может быть хуже и какое господство несноснее того, когда отнявшие у вас и имение, и свободу, и честь, даже после сего не делаются кроткими и не обходятся с вами по крайней мере как с рабами, но поступают презрительнее, чем с последним невольником? Посему

вы не заслуживаете никакого извинения, когда тех, которые смиряются для вас, чтобы вас возвысить, презираете, а дивитесь тем, которые возвышаются над вами, чтобы вас унизить» (святой Златоуст).

Стих 22. *Евреи ли суть? и аз. Израильтяне ли суть? и аз. Семя ли Авраамле суть? и аз.*

Евреи от Евера; израильтяне от Иакова, названного Израилем после целонощной борьбы с неземным некиим лицом; семя Авраамово — наследники великих обетований, данных Аврааму. Вот чем величались лжеапостолы! Вот чем особенно повлияли на коринфян! Но все это, говорит, и у меня есть. Хотя Церковь Коринфская преимущественно состояла из язычников, но, сделавшись христианами, они вступили в духовное родство со всем, бывшим в Ветхом Завете; потому могли ценить и это, не само по себе, а по тому отношению, в каком все то стояло к христианству. «Апостол привел это потому, что лжеучители так говорили о себе, и в этом показал свое с ними равенство, а в преспеяниях произвольных показывает преимущество» (Феодорит). Это все такие отличия, которые доставались даром, по порядку естественного рождения. Но посмотрим, каковы-то они там, где надобно показать терпение и твердость веры?

Стих 23. *Служителие ли Христовы суть? не в мудрости глаголю, паче аз: в трудех множае, в*

ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи.

Служители Христовы — не дает мысли, что то были настоящие Апостолы, и вообще означает лица, служащие делу Христову, благовестию Евангелия, в видах спасения людей. Настоящие Апостолы свыше на то избраны и вооружены чрезвычайными благодатными силами. Близко к ним подходят помощники их, ими самими избранные и действовавшие по их указанию и руководству. Но бывали тогда и такие, которые сами по себе брали на себя дело благовестия, как показывает пример Акилы и Прискиллы, Аполлоса и других. Из этих одни шли прямою дорогой, желая только послужить делу Христову, со смирением и самоотвержением; другие кривили, примешивая к делу Божию свои виды и свои мудрования. Это настоящие лжеапостолы; и о них-то речь у Апостола. Их служение Христу Господу он ставит в вопросе; следовательно, не утверждает, что они действительно служат Христу, а говорит как бы так: если они говорят, что служители Христовы суть, то я паче их таков. Мысль будет, что, хотя они говорят так о себе, но не суть таковы, настоящий служитель Христов я. Святой Златоуст говорит: «Если они лжеапостолы, то ему надлежало не сравнивать свое преимущество с ними, но опровергнуть то, что они служители (Христовы). Он уже и опроверг сие,

сказав: *лживии апостолы, делатели лстивии, преобразующеся во апостолы Христовы* (стих 13). И здесь то же самое делает, только иначе. Наперед представляет мнения противников (как они о себе думают), говоря: *служителие ли Христовы суть*? А потом говорит: *паче аз*, показывая, что настоящий характер апостольства сохраняет он один».

Не в мудрости глаголю, παραφρονῶν, безумствуя; и в предыдущем тексте говорил: *несмысленно глаголю*, ἐν ἀφροσύνῃ, в бессмыслии. «Не довольно было для него этого прежнего извинения, но и здесь опять извиняется. И хотя имел ясное доказательство своего превосходства, однако же говорить о том называет безумием. Дерзостию и безумием называет он говорить о себе что-либо великое и важное, даже когда настоит в том нужда, а тем научает нас всеми силами убегать сего. Ибо если сотворивши все, должно нам называть себя непотребными (Лк. 17, 10), то без всякой побудительной причины превозносящийся и хвалящийся может ли быть достоин какого извинения? За сие и фарисей понес осуждение, и в самой пристани потерпел кораблекрушение, приразившись к скале самохвальства. По сей-то причине и святой Павел, видя тысячи нужд говорить о себе, отговаривается и непрестанно повторяет, что это дело безумное, и не прежде осмеливается,

как представив в свое защищение крайнюю необходимость» (святой Златоуст).

Сказавши, что настоящий характер апостольства сохраняет он один, Апостол «доказывает это самыми делами и, умалчивая о чудесах, начинает с искушений» (святой Златоуст); «выставляет на вид не чудотворения, не мертвецов воскрешенных, не хромых ходящих, не бегство демонов, не спасение вселенной, но страдания свои за Евангелие» (Феодорит). Чего ради так? — Ради того, что было бы некоторым образом оскорбительно для самых даров чрезвычайных отсутствием их у лжеапостолов доказывать их лжеапостольство и свое настоящее апостольство. Для сего достаточно было делом показать, что они только себя блюдут и свои выгоды стараются из всего извлекать, нося личину служителей Христовых; страдать же за Христа, что существенно необходимо для истинных служителей Христовых, они никогда не страдали и ступить на эту дорогу не умеют.

В трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи.

В трудех. «Очень большие, говорит, подъемлю труды, переходя с места на место, уча день и ночь и делая своими руками. Но, что еще больше, терплю при этом и *раны*» (Феофилакт). «Ибо терплю побои и бичевания выше первого, то есть подъятия трудов» (святой Златоуст). «Мало этого:

с ранами и *в темнице* сколько раз бывал заключаем!» (Феофилакт). Климент Римский (1 Кор. 1, 5) говорит, что святой Павел семь раз был заключаем в темницу. — *В смертех многащи. «По вся дни*, говорил он, *умираю* (1 Кор. 15, 31); но здесь разумеет смерть на самом деле. Ибо жизнь его часто подвергалась опасностям» (святой Златоуст). «Не произволением только умирал, но самим делом вдаваясь в опасности смертоносные» (Феофилакт).

Множае, преболе, излиха, многащи, — «не по сравнению с лжеапостолами говорится», полагает Экумений. А Феофилакт говорит: «Сравнительно с лжеапостолами будто говорится, но, предположительно, как бы так: пусть и они трудятся, но я тружусь множае и преболе. Другие же полагают, что это говорится не по сравнению, а просто для означения многочисленности и степеней страданий». Последнее ближе к делу.

Стих 24. *От Иудеи пятькраты четыредесять разве единыя приях.*

Объясняет, как получал раны. Пять раз, говорит, дано мне по тридцати девяти ударов. Закон говорил только, чтоб не больше сорока ударов давать оказавшимся виновными (Втор. 25, 3). Один удар отменили после старцы, чтоб как-нибудь, обсчитавшись, не дать больше сорока и не оказаться нарушителями закона (Феофилакт). Когда святой Павел терпел эти удары, Деяния

не указывают. В Филиппах били его, но не иудеи, а гражданское языческое начальство. Значит, книга Деяний далеко не все труды святого Павла изображает (Феофилакт). «Почему *разве единыя*? Древний был закон у иудеев, чтобы того, кто получал более сорока ударов, считать бесчестным (Втор. 25, 3). Почему, чтобы биющий в запальчивости и жару не дал лишнего числа ударов и тем не обесчестил наказываемого, положили давать сорок ударов без одного, чтобы биющий не превысил сорока, хотя бы и лишний раз ударил; но, всегда оставаясь в пределах узаконенного числа, не мог нанести бесчестия наказуемому» (святой Златоуст).

Стих 25. *Трищи палицами биен бых, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною: нощь и день во глубине сотворих.*

Трищи палицами, то есть палками биен был, ἐρραβδίσθην. Об одном таком случае поминают Деяния, именно в Филиппах (16, 22). Как это было от языческого начальства, то, вероятно, и все три случая биения от язычников же были. Для означения сего и помечены особо от тех пяти крат; а вместе и для того, что биения от иудеев, вероятно, были не палицами.

Единою каменем наметан бых. Это было в Листре (Деян. 14, 19). Ἐλιθάσθην значит: не наметан камнями, а побит камнями; как и в Деяниях

пишется: *камением побивше Павла*, λιθάσαντες, *извлекоша вне града, мняще его умерша* (14, 19).

Трикраты корабль опровержеся со мною. «Как это относится к Евангелию? – Так, что он предпринимал отдаленные путешествия, и притом по морям» (святой Златоуст). Где возможны такие случаи? Из Антиохии в Иерусалим и обратно можно переезжать морем, и тут не раз уже переезжал Апостол доселе. Далее между Антиохиею и Кипром море; между Кипром и Памфилиею море; от Троады в Филиппы море; от Берии в Афины море; из Коринфа в Ефес море; и теперь из Троады в Македонию море.

Нощь и день во глубине сотворих. Корабль опровержеся со мною, ἐναυάγησα, то есть три раза терпел кораблекрушение. Два раза легко избавлялся от беды, а один раз целые сутки носим был по морю, вероятно ухватившись за какой-нибудь корабельный отломок. Святой Златоуст говорит: «Одни объясняют сие, что он целые сутки находился среди моря, а другие, что (по разбитии корабля) сутки плавал во глубине морской; последнее согласнее с истиною, а первое не заслуживает удивления, и Апостол не поставил бы сего выше кораблекрушения». Феодорит прямо так и разумеет: «Когда ладия была разбита, я тогда целую ночь и целый день туда и сюда носим был волнами».

Стих 26. *В путных шествиих множицею; беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии.*

В путных шествиих множицею, страдал и терпел нужду, «потому что ради проповеди предпринимал труды путешествия» (Феодорит). Нередко отправляя своих сотрудников морем, сам переходил с места на место пешком, в чаянии встретить благоприятное для сеяния благовестия поле (Деян. 20, 13).

Беды в реках. Беды, κινδύνοις; — подразумевается, я находился — в бедах: *на реках*, «ибо принужден был переплывать реки» (святой Златоуст). Мостов и до сих пор там нигде почти нет, и реки небольшие. Переправляются вброд. Опасности — от быстрины течения, а во время дождей и от полноводия.

Беды от разбойник: бывал в бедах от разбойников, нападавших в пути. Палестина, Сирия, Малая Азия, Македония, Греция, — все эти страны, перехоженные святым Павлом, гористы. Ущелия — удобный притон недобрым людям. Так это и доселе.

Беды от сродник, ἐκ γένους, от рода, то есть находился в бедах от иудеев, «родственных мне, и притом больше, чем от других; они до зверства раздражались против меня по своей неразумной

ревности по вере и завидованию успехам Евангелия» (Феофилакт).

Беды от язык, ἐξ ἐθνῶν, бывал в бедах от язычников; иудеи не везде сами восставали на святого Павла, нередко разжигали они против него язычников. Эти и сами могли быть им недовольны, то по причине запустения храмов, то по причине умаления работы у мастеров, приготовлявших предметы языческого религиозного чествования, как было в Ефесе.

«Может быть, в городах не бывал ли он безопасен? – Нисколько» (Феофилакт). В бедах находился он и *во градех*, ἐν πόλει, в городе.«Сим означил бывшие против него возмущения» (Феодорит). «Не был ли он безопаснее в пустыни? – Ни даже в ней» (Феофилакт). *Беды в пустыни*, и в пустыни находился в бедах, «ибо многократно принужден был проходить пустынными местами» (Феодорит). Это не от разбойников беды, а от зверей, змий, бурь песчаных и подобное. *Беды в мори*. «И когда с суши сходил, беды сретали его на море» (Феофилакт). Разумеются беды не собственно от моря, ибо об этом уже сказал, а от корабельников и от тех, которые плыли вместе с ним. «Ибо должен был часто вдаваться и в мореплавание, промышляя о том, чтобы острова и сушу наполнить благочестием» (Феодорит).

Беды всюду, «везде предлежали мне подвиги, в различных местах, в селениях, в городах и в

пустынях» (святой Златоуст). «Диавол всюду возбуждал против меня брани. Не было для меня безопасного места: ни город, ни пустыня не укрывали меня от бед» (Экумений).

Беды от лжебратии. «Вот новый род ратования! Не только враги, но и имевшие личину братства вели брань с Апостолом; и в сем случае много требовалось великодушия, много благоразумия» (святой Златоуст). Разумеются уверовавшие из иудеев, которые, однако, не хотели расставаться с законом, они всюду много неприятностей причиняли святому Павлу, разоряя созидаемое им. По их зачину, немного спустя, в Иерусалиме произошло восстание на святого Павла, едва не стоившее ему жизни. «Этот род искушений — самый чувствительный и горький. И Давид с глубокою скорбию жалуется: *аще бы враг поносил ми, претерпел бых убо... Ты же, человече равнодушне* (Пс. 54, 13—14). И опять: *человек мира моего... возвеличи на мя запинание* (Пс. 40, 10)» (Феофилакт).

Стих 27. ***В труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и наготе.***

В труде и подвизе, ἐν κόπῳ καὶ μόχθῳ. — Μόχθος тоже труд, но усиленный, труд до утомления. «В труде учения и в подвиге при рукоделии» (Феодорит). Так у Апостола «за трудами беды, за бедами труды попеременно и постоянно следова-

ли и не давали ему ни малейшего покоя» (святой Златоуст). – *Во бдениих множицею*: «ибо и в убежищах не предавался я сну, как свидетельствует о сем бывшее в Филиппах» (Феодорит). Тут он в молитвах проводил ночь, а после в Троаде в беседе с верующими. Это примеры того, как и повсюду, и всегда действовал Апостол. «Не довольно было для него утеснений со стороны, но он еще и сам себя преутруждал трудами и потами и ночными бдениями» (Феофилакт).

В алчбе и жажде: «это один из непроизвольных трудов» (Феодорит). Ибо произвольные лишения сего рода заключаются в следующем слове. Претерпевать это мог он и когда бывал в пути, и когда был заключаем в темницу.

В пощениих многащи: «это один из произвольных подвигов» (Феодорит). Пост – пособник молитве, лучший приготовитель к проповеди с силою слова. Нужда в таком пособнике належала святому Павлу почти непрестанная.

В зиме и наготе. То есть терпел холод, по причине худой одежды, плохо согревавшей. «Это было следствием скудости и крайней нищеты» (Феодорит). «При всех сказанных страданиях, еще и необходимой пищи не имел, и одеться не имел во что учитель вселенной, но подвизался в наготе, и боролся, голодуя» (Феофилакт).

Стих 28. *Кроме внешних, нападение еже по вся дни, и попечение всех церквей.*

Кроме внешних, χωρὶς τῶν παρεκτὸς, кроме прочего: оставляю прочее. «Из многого, говорит, принужден я пересказать немногое» (Феодорит). Он хочет сказать: «Более опущено, нежели сколько изложено. Даже и перечисленного невозможно описать подробно. Ибо Апостол не означил каждого искушения порознь, но воспомянул только о тех, которых число было не велико и могло удержаться в памяти, говоря: пять крат, трищи, единою; о прочих же искушениях и сего не сказал, потому что много раз претерпевал оные» (святой Златоуст).

Нападение, еже по вся дни. «Бунты, мятежи, утеснения от народа и устремление целых городов. Ибо сим наиболее обнаруживали вражду свою к нему иудеи, потому что их более всех посрамлял Апостол, а наибольшим обличением их безумия было внезапное обращение его ко Христу. Великая брань воздвигалась против него от своих, от чужих, от лицемерствующих. Везде для него были волны и стремнины, в обитаемых и необитаемых местах, на суше и на море, вне и внутри» (святой Златоуст).

Попечение всех церквей. «Это верх всего: при сем и душа его терзалась, и сердце раздиралось. Если бы не было внешних скорбей, то многого стоила внутренняя брань, волны попечений, одна другую гонящие, тучи забот, борьба помыслов. Ибо если пекущийся об одном доме, хотя имеет

прислугу, приставников и экономов, часто не знает покоя от забот, когда никто его не беспокоит, то представь, что должен был терпеть Павел, который имел попечение не об одном доме, но о городах, о народах, племенах, о целой вселенной, и в делах столько важных, при таком множестве врагов, которые старались вредить ему всюду и во всем, трудился один и был так чувствителен, так о всех заботился, как не заботится отец о детях» (святой Златоуст).

Стих 29. *Кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся?*

«Чтобы ты не сказал: хотя Павел заботился, однако же заботился слегка, он показал, сколь велика была его забота, говоря: *кто изнемогает, и не изнемогаю*? Не сказал: я беру участие в скорби, но говорит: я так беспокоюсь и скорблю, как бы сам находился в том же недуге, страдал тою же болезнию. *Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (горю, как в огне, ревнуя о спасении). Смотри опять, сколь велика скорбь его, что показывает слово: *разжжение*. Воспламеняюсь, сгораю, говорит; и сия скорбь подлинно больше всех прочих. Другие скорби хотя были тяжки, но скоро проходили и приносили неувядаемое удовольствие, а эта скорбь — терпеть столько страданий за каждого немощного, кто бы он ни был, угнетала, стесняла, уязвляла его сердце. Ибо не о высших только так заботился, а низших оставлял

в небрежении, напротив, и непотребного считал в числе потребных. Посему и сказал: *кто изнемогает* (*кто соблазняется*), показывая, что разумеет всякого, кто бы он ни был. Как бы в одном себе заключая целую вселенскую Церковь, болезновал Павел о каждом члене ее» (святой Златоуст).

Стих 30. *Аще хвалитися ми подобает, о немощи моей похвалюся.*

Это заключение всего предыдущего. Он говорит как бы: так-то, если уж необходимо мне хвалиться, как вы понуждаете меня, то похвалюсь немощами моими, разумея все, что сказал пред сим о себе, то есть лишения, скорби, гонения. «Ибо все это обличает немощь человеческого естества. О чудесах не поминает, потому что они суть дар Божий, а это все при Божием мановении и покрове показывает и его терпение» (Феофилакт). «Апостол дал видеть, что мог бы указать и на то, что совершено им по благодати, но счел более приличным указать на подвиги терпения» (Феодорит). Почему же он так судил? — Потому, что «таков отличительный характер апостольский; сим утверждается благовествование» (святой Златоуст). А ему и предлежало указать коринфянам пояснее, что он настоящий Апостол. Перечислив все претерпенное, он как бы говорит им: не узнаете ли вы во мне одного из тех, коих Господь послал, как овец в среду волков? Это

печатлелось само собою и, следовательно, доказывало то, что намерен был доказать святой Павел: цель достигалась.

Стих 31. *Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа весть, сый благословен во веки, яко не лгу.*

К чему такое удостоверение в истине слов? Богом свидетельствуюсь, пред Богом говорю, что не лгу. Что подтверждает: истину сказанного уже или того, что имеет говорить еще? Но из сказанного многое коринфяне лично знали и видели своими глазами, а судя по этому, не имели повода сомневаться и в том, чего не видели. Следовательно, это надо отнести к последующему. К чему же? — Не к тому, что было в Дамаске, ибо это обстоятельство не так важно и невероятно, чтоб для удостоверения в истине события нужно было свидетельствоваться Богом. Скорее, следует это отнести к сказанию о восхищении до третьего небесе, как явлении, выходящем из ряда обыкновенных. Сказание же о гонении святого Павла в Дамаске вставлено здесь не потому ли, что сие событие стояло в каком-либо соприкосновении с восхищением на небо святого Павла, — и потому стоит здесь как введение?

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа. И Бог и Отец Господа же. Но и Господь есть Божеское имя, потому сим говорится то же, что: Отец Бога; и, следовательно, Господь Иисус Христос есть Бог от Бога. — *Сый благословен во веки.*

Любящее и благоговейно чтущее Бога сердце, и всегда Его созерцающее благопопечительным Отцом, не может удержаться, чтоб, в своих возношениях к Богу, не выразить таких расположений каким-либо благоговейным и любительным словом. Так и делает святой Павел и здесь, и во многих других местах. — *Весть, яко не лгу*. Пред Богом ходил и все мысли свои, и чувства, и расположения, и дела вел, как пред лицем Бога. Сознание не указывало ему никакой в себе кривости пред Богом, ни в каком отношении. Он с дерзновением и свидетельствуется Богом, и в том, что сказываемое им истинно, и в том, что оно Самим Богом одобрялось, устроялось, вспомоществовалось.

Стих 32. *В Дамаске языческий князь Арефы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя; и оконцем в кошнице свешен бых по стене, и избегох из руку его.*

Апостол Павел, по возвращении из Аравии в Дамаск, проповедал Евангелие здесь с такою ревностию, что раздражил и иудеев, и язычников. Те и другие совокупно возбудили против него языческого князя (εθνάρχης, народоначальник, или градоначальник, а может быть, и областной правитель); и он распорядился стеречь все входы и исходы Дамасские, чтоб уловить святого Павла. Город был окружен стеною, но дома городские, как и доселе, строились близко к сей стене и к

ней прилегали, поднимаясь иногда и выше стены. При таком порядке возможно окно, смотрящее за город. В него и свешен был святой Павел в корзине, и избежал от рук народоправителя и врагов своих. После этого он направился в Иерусалим соглядати Петра (Деян. 9, 23—26; Гал. 1, 17—18).

Святой Златоуст говорит: «Смотри, какова брань, ежели князь ради его стерег город. Когда же говорю о брани, разумею ревность Павлову. Если бы Павел не дышал таким огнем ревности, то не воспламенил бы такого неистовства в областном правителе. Таково свойство души апостольской, что столько терпеть и никогда не колебаться, но все, что ни встретится, переносить мужественно; однако же не вдаваться безрассудно в опасности и не бежать им навстречу. Смотри, на какое средство согласился он, чтобы избегнуть осады. *Оконцем в кошнице свешен бых*. Хотя желал он переселиться из сей жизни, но вместе искал и спасения человеческого. Посему и неоднократно изобретал подобные средства, чтобы сберечь себя для проповеди. И не отказывался пользоваться человеческими мерами, когда требовали того обстоятельства. Так он был осторожен и бдителен. Где зло было неизбежно, там прибегал к одной благодати; а где искушение не превышало человеческих сил, там много и от себя придумывал. Но и здесь опять все приписывает Богу. А как искра неугасимого огня, упадшая

в море, хотя поглощается множеством волн, но потом опять выходит на поверхность столь же светлою, так и блаженный Павел то как бы в бездну погружался, обуреваемый бедствиями, то освобождался и являлся блистательнейшим, оставаясь победителем в своих злостраданиях. Вот славная победа, вот победные знамения Церкви! Диавол много наводил напастей на святого Павла, но он во всем оставался победителем. Подобно воину, который один сражается против целой вселенной, окружен рядами неприятельскими и никакого не терпит зла, и Павел, один являяся у эллинов, у варваров, повсюду – на суше и на море, оставался непобедимым. И как искра, упадшая в солому или сено, все сгораемое превращает в одно с собою естество, так и он, к кому ни приходил, всех приводил к истине, а проходил всюду наподобие потока, разрушающего преграды. Как борец какой-нибудь, который один и борется, и преследует, и поражает; или как воин, который и осаждает стены, и сражается на море и на суше, так Павел вступал во всякий род брани, дышал огнем, для всех был неприступен, одним телом обнимал целую вселенную, одним языком всех рассеивал. Непрестанно являясь всюду, приходил к одним, спешил к другим, появлялся у тех, переносился к этим, налетал скорее ветра. И, управляя вселенною, как одним домом или одним кораблем, то извлекал утопающих, то укреплял

изнемогающих; то давал приказания корабельщикам, то сидел на корме; осматривал руль, натягивал канаты, управлял веслом, снимал паруса, смотрел на небо: один был все – и корабельщик и кормчий, и парус и корабль, все терпел, чтобы только других освободить от зла. И заметь, он терпел кораблекрушение, чтоб остановить кораблекрушение вселенной; ночь и день провел в глубине морской, дабы извлечь людей из глубины обольщения; был в трудах, чтоб успокоить трудящихся, терпел язвы, чтобы уврачевать изъязвленных диаволом; сидел в темницах, чтобы сидящих в узах и мраке извести на свет; многократно бывал при смерти, чтобы избавить других от лютой (греховной) смерти. Пять раз получал он по сорока ударов без одного, чтобы избавить от бичей диавольских тех, которые его бичевали; был бит палками, чтобы других привести под жезл и палицу Христову; наметан был камнями, чтоб освободить от окаменелой бесчувственности; был в пустыне, чтоб извлечь из опустошения греховного; был в путешествиях, чтоб остановить заблуждших и открыть путь, ведущий к небу; подвергался опасностям в городах, чтобы указать горний град; терпел голод и жажду, чтоб избавить от лютейшего глада духовного; был в наготе, чтобы бесстудных облечь в одежду Христову; терпел нападения от народа, чтоб отвести от нападения демонского; воспламенялся, чтоб угасить

раскаленные стрелы лукавого; был спущен в корзине в окно по стене, дабы поднять поверженных долу. Будем ли еще говорить, когда не знаем всего, что перетерпел Павел?!»

г) О восхищении Апостола до третьего небесе (12, 1—10)

Два предмета здесь: аа) самое восхищение на небо, стихи 1—6, и бб) данный Апостолу пакостник плоти, для прикрытия великих его совершенств духовных, да не превозносится, имея постоянно такого напоминателя о немощи нашего естества, стихи 7—10.

аа)

Глава 12, стих 1. *Похвалитися же не пользует ми; прииду бо в видения и откровения Господня.*

Прежде сказал: если должно мне хвалиться, немощами похвалюся. Теперь говорит: похвалиться же чем-либо блестящим, что само собою бросается в глаза, не полезно для меня (Фотий у Экумения), или не пристало мне. Ибо хотя и бывали великие Божии откровения, но при этом есть постоянно при мне пакостник, пакости мне деющий, который больше меня смиряет, нежели сколько то возвышает. Претерпеть все сказанное святым Павлом есть воистину преславное дело. Это окружает лик его славою возвышенного, не земного геройства. Но понять сию славу не всякий поймет сразу; надо ему ее растолковать и

представить пояснее, как это сделал святой Златоуст в конце предыдущей главы. Слава терпения сама себя прикрывала смиренною наружностию, или видимостию. Но блестящее что-нибудь само собою бросается в глаза и само трубит о славе своей. Почему святой Павел, имея нужду сказать о бывших ему откровениях, предваряет слово оговоркою: не полезно мне это, или не пристало мне это. И потом, сказавши о том, заключает: *да не превозношуся, дадеся ми пакостник*. Как бы так: вы из сказанного не делайте на мой счет излишних заключений и не думайте обо мне паче, нежели сколько есмь.

Похвалитися не пользует ми: прииду бо в видения. Прииду бо, — причину показывает, но на что? — На умолчанную мысль: говорю это потому, что перехожу к сказанию о бывших мне откровениях. «Повествование об этом для меня не полезно, но полезно для вас. Почему, промышляя о вашей пользе, вынуждаюсь сказать и то, что не почитаю для себя полезным» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Что это значит? Сказавши так много, говорит: *похвалитися не пользует ми*. В том ли смысле, что ничего еще не сказал? — Нет. Но поелику намерен перейти к другому роду похвалы, которая, хотя ведет не к такой же награде, как и прежняя, но по видимому более прославляет его в глазах многих, не умеющих вполне вникнуть в дело, то и говорит:

похвалитися не пользует ми. Ибо велики и вышеисчисленные предлоги к похвале, то есть искушения. Но он намерен представить другого рода предлоги: откровения и неизглаголанные тайны, почему и говорит так. Для чего же говорит: *не пользует ми*? – Для того, ответствует он, чтобы мне не впасть в высокоумие. Что ты говоришь? Разве не знаешь о сем, хотя бы и не сказал? Но не равно бывает наше превозношение, когда сами только знаем причину к тому и когда сообщаем ее другим. Ибо обыкновенно надмевают нас не заслуги сами по себе, но то, что многие о них свидетельствуют и знают. Посему и говорит Апостол: *не пользует ми*, а притом не хочет заставить и слушателей думать о нем выше надлежащего. Лжеапостолы рассказывали о себе и то, чего не бывало, а Павел, и что было, скрывает, даже когда самая нужда требовала не скрывать. *Не пользует ми*, говорит он, научая всех всячески избегать самохвальства. Ибо оно приносит не пользу, а вред, если не понуждает к похвале какая-либо необходимая и полезная причина».

Видение и откровение здесь у Апостола одну мысль содержат: откровение посредством видения. Откровение обнимает все, что Богу угодно бывает открыть нам. Бывает оно умно, когда в ум влагается ведение; бывает внешне, когда Бог или Ангел является и сказывает нужное; но бывает и посредством видений. Видение или в

образах представляет духовное, каковы, например, видения Иезекииля, Апокалипсиса, и требует нового откровения в уме, чтоб уразуметь его; или оно есть видение духовного мира в его существенности, когда дух человека необыкновенным образом вземлется и вводится в созерцание его, не в образах, а как он есть. О таком видении и рассказывает теперь святой Павел.

Стих 2. *Вем человека о Христе, прежде лет четыренадесяти, аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть, восхищена бывша таковаго до третияго небесе.*

Вем человека о Христе. Как будто о другом говорит, хотя очевидно: говорит о себе, — это потому, что он при этом был не действующим, а действуемым. Сознавал себя определенно и видел ясно все, что с ним делается; но как не сам действовал, а был действуем высшею силою, то ставит себя только в ряд наблюдателя, а то, что совершалось в нем и с ним, считает предметом или лицом наблюдаемым, будто отличным от себя. Слово Божие отличает в человеке особого некоего человека, внутреннего, или потаенного в сердце. Сей человек и был введен в видение, а обыкновенный человек только помнит то. При всем том ничто не препятствовало бы сказать: я восхищен был, вместо того, как сказал: *вем человека восхищена.* Если сказал так, верно, имел разумные причины. Мы можем только гадать, что

ход речи расположил его к тому, ибо во всем этом отделении Апостол и вынужден говорить о себе нечто необыкновенное, и хочет прикрыть себя. Так и здесь, — и говорит, и будто не говорит. Святой Златоуст говорит: «Скажет кто: если Павел хотел скрывать, то ему надлежало вовсе и намека не делать, и не говорить чего-либо подобного. А если хотел сказать, надлежало говорить ясно. Итак, для чего же и ясно не сказал, и не умолчал? — Для того, чтобы и сим показать, как неохотно приступает к делу».

Слова: *о Христе* можно сочетать различно: и *человека о Христе*, и — *вем о Христе*, и — *о Христе восхищена*. Человек о Христе есть верующий во Христа, облеченный во Христа, ставший едино со Христом. Если б не был таков восхищенный сей, то не был бы и восхищен. — *Вем о Христе*, ибо если Апостол о себе говорит, то *вем человека* будет то же, что: я испытал вот что; испытал же не своими силами или какими-либо умовыми изворотами, но о Христе. Но очевидно, что в таком случае — *вем о Христе* будет сливаться с: *восхищена о Христе*. Будет: как сочетавшийся со Христом и ставший едино с Ним, я восхищен был силою Его, по благоволению Его, во славу Его, в поспешество делу Его. Экумений и Феофилакт пишут: «Прибавил *о Христе*, чтоб лжеапостолы, от дерзости которых всего можно

ожидать, не сказали, что он был взят демонами, подобно Симону волхву».

Прежде лет четыренадесяти. Если послание писано в 58-м году, то видение падает на 44-й год голода, когда святой Павел с Варнавою носили милостыню в Иерусалим, а по возвращении оттуда Духом Божиим отделены были на проповедь. Итак, это видение было или в Иерусалиме, в бытность святого Павла с милостынею, или в Антиохии, пред отбытием в первый раз на проповедь языкам. То восхищение, о коем говорит святой Павел в речи к народу, когда схватили его в Иерусалиме и хотели убить (Деян. 22, 17), не сходно с этим по содержанию и было раньше его двумя или тремя годами,— именно по возвращении святого Павла из Дамаска в Иерусалим.— Чего ради помянул о времени Апостол, святой Златоуст и все наши объясняют так: «Определил и время,— за четырнадцать лет, ибо не без причины упомянул о сем, но желая показать, что, молчавши столько времени, и теперь не сказал бы, если бы не было великой нужды. Напротив, умолчал бы, если бы не видел погибающих братий.— А если Павел был таков, что в самом начале, когда не имел еще таких заслуг, удостоился великого откровения, то помысли, каков он стал чрез четырнадцать лет?» — Такое наведение и желательно было Апостолу восставить в умах коринфян, как догадывается Экумений: «Поелику

же лжеапостолы казались чем-то великим и тем влекли к себе всех, вынужден был и Апостол показать, что он гораздо больше их, чтоб убедить не им, а его словам внимать. Для того и внушает: прежде четыренадесяти лет удостоившийся таких откровений, каков есть теперь, после стольких трудов, поднятых Христа ради?»

Аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем. Бог весть. — Не могу сказать, говорит, душа ли одна была взята на небо, а тело оставалось на земле, или и тело туда же было вземлемо. Внимание было занято не этим; оно все было поглощено виденным и на себя не обращалось. После видения вопрос мог родиться и, вероятно, был; но прошло четырнадцать лет, и он остался нерешенным. Если же и для самого святого Павла осталось это нерешенным, то, верно, это такого рода дело, что его решить нельзя, или не следует решать. Святой Златоуст говорит: «Смотри, как и в сем самом скромен: об одном говорит, а о другом сознается, что не знает. Сказал, что был восхищен; а в теле или вне тела, того, говорит, не знаю. Довольно было бы сказать о восхищении, умолчав о прочем, но он по скромности и то присовокупляет. Итак, что же? Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? — Сего нельзя определить. Ибо если не знает сам Павел, который был восхищен и удостоился столь многих

и столь неизреченных откровений, то тем паче не можем знать мы. Что был он в раю, это знает; что был на третьем небе, и то ему не безызвестно, но как был восхищен, того не знает ясно».

Восхищена бывша таковаго до третияго небесе. Чтобы это сказать, надлежало раздельно видеть, как проходятся небеса — одни за другими — второе после первого и третье после второго. Как все видение было видение того, чего не видит телесный глаз, то и небеса сии нельзя определять по соответствию чему-либо, видимому горе для телесного глаза, простого ли или вооруженного. Небеса сии сокровенны, хотя для способного видеть различны одни от других, разные содержат предметы и разное имеют значение. Внутри, или во глубине, видимого нами мира сокрыт другой мир, столько же действительный, как и этот, — духовный, или тонко вещественный, Бог весть; но то несомненно, что в нем витают Ангелы и святые. По степени сих последних и степени небес. Как этих степеней много, то и небес, вероятно, много. Апостол был восхищен до третьего неба; но не говорит, что оно последнее. Притом смысл его слов такой, что он миновал два неба и на третьем остановился; но возможно миновать не только два, а пропустить десятки и остановиться на двадесятом.

Стих 3. *И вем такова человека; аще в теле, или кроме тела, не вем: Бог весть.*

Подтверждает, что был действительно восхищен, и ясно это сознавал, и знает, что это была действительность, а не мечтание какое призрачное. Не может только сказать того, в теле ли он был восхищен или кроме тела. Это, говорит, один Бог знает. Видно, для нас знание сего не нужно; верно, оно к существу дела не относится. Нечего и пытать. Он говорит как бы: изумительно это видение не по предмету только своему, но и по самому способу видения. «О предивном и вышеестественном возвещая деле, с настойчивостию подтверждает, что не знает способа, как оно совершилось» (Экумений).

Стих 4. *Яко восхищен бысть в рай, и слыша неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати.*

Этот рай и есть третье небо,— или сначала восхищен был до третьего неба, а с третьего неба в рай? Если принять последнее, то пройденные небеса будут не райские обители святых и Ангелов, а какие-нибудь небесные, но не райские устроения. Феодорит пишет: «*До третьяго неба*, как утверждали некоторые, сказал Апостол о третьей части расстояния между небом и землею, до которой он был восхищен и слышал неизреченные глаголы». По Феодориту выходит, что третье небо и есть рай. Экумений и Феофилакт различают рай от третьего неба. Феофилакт трем небесам нечто соответственное находит и в

видимом мире. Он говорит: «*Третье небо* вот как понимай! Писание и воздух называет небом, когда говорит — птицы небесные, роса небесная: вот одно небо! И твердь оно означает именем неба: *нарече*, говорит, *Бог твердь небо* (Быт. 1, 8): вот второе небо. Знает оно и еще небо, в начале сотворенное вместе с землею (Быт. 1, 1): вот третье небо. От этого-то третьего неба человек тот, говорит, восхищен был мгновенно в рай». Так и Экумений: «Восхищен был до третьего неба, и опять оттуда в рай». Экумений и двукратное повторение слов: *аще в теле, аще ли кроме тела, не вем* объясняет этим же двукратным как бы действием восхищения. И до третьего неба восхищен я был, не знаю, в теле или без тела, — и оттуда в рай восхищен, тоже не знаю, в теле или кроме тела. «Не думай, что Апостол излишне дважды повторил эти слова; но в первый раз сказал о восхищении на небеса, а во второй — о восхищении оттуда в рай». Большая, впрочем, определенность в этих подробностях и не требуется, и ожидать нельзя, чтобы кто-либо сказал об этом что-либо решительно верное, когда молчит сам святой Павел.

Не излишним, однако ж, считаем привесть здесь следующие мысли блаженного Феофилакта: «По букве выходит, что иное место есть третье небо и иное рай; но по аналогии (в духовном смысле, в применении к явлениям нравст-

венно-религиозной жизни) выходит, то — что будто они одно и то же, то — что не одно и то же. Аналогически многое можно сказать об этом, но скажем малое, — что более удобопонятно. Первое небо есть область нравственная, когда кто благоустрояет нрав свой. Второе небо — область ведения тварей, когда кто стяжевает ведение о всяком естестве созданном, сколько это доступно для нас. Третье небо — область ведения богословского, когда кто, в возможной для него мере, достигает ведения вещей Божественных и разум превосходящих посредством созерцания. Итак, святой Павел был конечно восхищен в места, так сказать, близ, или около, Святой Троицы находящиеся, то есть миновав и превыше став всего сотворенного, не зная, в теле ли он или вне тела. Чувствовать и сознать это невозможно было ему, ибо тут прекращается самодействие и самоопределение. Когда вводится человек в область вещей Божественных, самодеятельность его и понимание образа совершения того, что он видит, прекращается. Бог восхищает и вземлет человека, Им он бывает носим и воздействуем. Поелику же и в этих областях есть свои степени и восхождения на них, то бывает, что иной вдруг восхищается в рай, то есть вводится в созерцание сокровеннейших таинств Божества, коих, яко недомыслимых и неизреченных, никто вместить не может,

если наперед не изыдет из человеческой поврежденности».

И слыша неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати. Чьи глаголы? – Господа Спасителя или Бога невидимого, или Ангелов, или святых, Господом в рай введенных?! И видение всего этого неизреченно, а тем паче невместима для земного уха тамошняя речь, чья бы она ни была. Святые славят Бога, Ангелы песнь Ему поют, Спаситель дает повеления исполнителям Его благоволений. Все там в блаженном движении, но все в строе и гармонии пренебесной, для описания которой нет слов на языке нашем. Жалеть ли, что не сказал, что слышал? Поелику Апостолы посланы были сказать людям всю волю Божию, все, что необходимо для их спасения, – а эти глаголы нельзя было сказать; то надо полагать, что они не относятся к предметам, необходимым для спасения. Если так, то и жалеть нечего, что их нельзя было сообщать нам. Они, верно, касались лично самого Апостола Павла и нужны были только для него, понял ли он их вполне, или не понял. Ибо видения бывают нужны не для обогащения ведения, а для исторжения духа из связности плотской и вещественной. Это паче всего нужно было святому Павлу при вступлении в подвиг проповеди Евангелия. Это и дано ему испытать и вкусить. Блаженный Феодорит так пишет об этих глаголах: «Апостол

слышал неизреченные глаголы, каких *не леть есть человеку*, — не сказал: слышать, но *глаголати*. Ибо если бы не возможно было человеку слышать, то как услышал бы он? Но Апостол слышал, пересказать же их не осмелился. А иные говорят, что глаголы суть самые вещи; потому что Апостол видел красоту рая, лики в нем святых и всесторонний глас песнословия. Все сие в точности знает сам видевший это».

Стих 5. *О таковем похвалюся; о себе же не похвалюся, токмо о немощех моих.*

Святой Златоуст говорит: «Не то выражает, чтобы восхищенный был другой кто, но дает такой оборот речи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вместе избежать необходимости говорить открыто о себе. Иначе, какая была бы сообразность, рассуждая о самом себе, вводить другое лицо? Для чего же так выразился? — Для того, что не одно и то же значит сказать: я был восхищен, и: знаю человека, который был восхищен; или: о себе похвалюся, и: о таковом похвалюся. А если кто скажет, как возможно быть восхищену без тела? — то и я спрошу: как возможно восхищену быть с телом? Ибо последнее труднее первого, если рассуждать по разуму, а не покориться вере. А для чего восхищен Павел? — Для того, как думаю, чтобы его не почитали меньшим других Апостолов. Те были вместе со Христом, а он не был; посему Господь, в

показание славы его, и его восхитил в рай. Ибо слово «рай» многозначительно и всем известно. Таким образом, явно, что слова: *о таковем похвалюся* Апостол сказал о себе самом. А если присовокупил: *о себе же не похвалюся*, то сие значит только, или что без нужды, напрасно и легкомысленно не сказал бы ничего подобного, или что он хотел, сколько можно, закрыть сказанное». То же говорят и другие наши толковники. Так Экумений пишет: «Смотри, какая непритязательность! Как бы о другом ком сказывает это. *О таковем*, говорит, *похвалюся*. Это делает он, желая оставить себя в тени. *О себе же не похвалюся, токмо о немощех моих*, то есть о скорбях, лишениях и гонениях».

Может быть, и потому так сказал он, чтоб все в сем видении отнести к Богу. Богу да воздастся слава! Тут я не был действующим. Все совершившееся Богом совершено. Ему и слава! Ко мне это прикасается только потому, что во мне происходило; но как без моего ведома и без напряжения моих сил, то я и говорю об этом, как о чем-то не своем. Хвалюсь, яко славным, не присвояя, однако ж, себе ничего. Мои только немощи, унижения, оскорбления, презрения, побои. И это все перенесть Бог помогает, но есть часть и моя; в том же видении ничего моего нет. Все Божие.

Стих 6. *Аще бо восхощу похвалитися, не буду безумен, истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя, или слышит что от мене.*

Аще бо восхощу похвалитися, то есть сказанное будто о другом к себе отнести, *не буду безумен*, то есть не безумное дело сделаю, не ложь скажу, не введу в обман; *истину бо реку*, ибо так воистину было. И прямо говорит наконец, а все еще прикрывает себя и старается держать себя в тени. Так не хотелось ему окружить главу свою таким ореолом славы!

Прежде говорил, что похвала — безумие, а теперь говорит, что, похваляясь, не буду безумен. «Сие надобно разуметь не в отношении к похвале, но в отношении к справедливости того, чем хвалится. В сем последнем отношении и говорит: *не буду безумен*. Почему присовокупляет: *истину бо реку*» (святой Златоуст). И в том отношении не буду безумен, что делаю это наперекор своему нраву, вынуждаемый пользою, какая отсюда проистекает для вас. «Ибо не безумен тот, кто ради спасения и созидания душ, вынуждаемый необходимостию, возвещает о благодати, от Бога ему ниспосланной. Напротив, благоумному и человеколюбивому свойственно для спасения других пренебрегать даже подозрением в самовозношении» (Экумений).

Щажду же. Однако ж, хоть и нужда належит, и польза есть, все я скуп на похвалы себе, боюсь выставлять себя так светло. *Да не како кто вознепщует о мне паче*. «Не сказал: да не скажет кто паче, но: *да не вознепщует*, даже да не подумает о мне больше, чем я достоин. Вот настоящая причина, почему он все умалчивает о себе и скрывает свое; и даже когда нужда заставляет сказать что, говорит прикровенно, ставя себя в тени! Боится, как бы не подумали о нем больше, нежели что он есть. Ибо уже было однажды, что знамений ради сочли его и Варнаву за богов и собрались закалать в честь их волов. Что бы не придумали, если бы он объявил все свои откровения и выставил на вид все славное?» (Экумений).

Паче, еже видит мя, или слышит что от мене. Стань все рассказывать, раздражится воображение и станет представлять больше, нежели что говорят слова; а по причине разгорячения воображения и глаза будут видеть во мне больше, нежели что есть. «Поэтому боюсь сказывать все, чтобы не составил кто о мне большего, нежели о человеке, мнения» (Феодорит). Святой Златоуст говорит: «Как стихии мира создал Бог и немощными и блистательными, чтоб они чрез одно проповедали Его могущество, а чрез другое удерживали людей от заблуждения; так и Апостолы были вместе и чудны, и немощны, дабы самыми

делами могли научать неверных. Ибо если бы они, пребывая всегда чудными и не показывая в себе примеров немощи, стали одним словом убеждать людей, чтобы не думали о них больше надлежащего, то не только не успели бы в сем, но еще произвели бы противное. Ибо одни словесные отговорки скорее были бы причтены смирению и заставили бы еще больше им удивляться. Потому-то немощь нередко действительно обнаруживалась и в самых делах их. Примеры сему всякий может видеть и в ветхозаветных святых мужах. Илия был человек чудный, но некогда изобличил себя в боязливости (3 Цар. 19). Велик был и Моисей, но он по той же самой немощи предался некогда бегству (Исх. 2). А подвергались они сему, когда Бог отступал от них и попускал, чтоб изобличалась в них немощь человеческой природы. Когда Моисей вывел израильтян из Египта, они говорили: где Моисей? Чего же бы не сказали они, когда бы он ввел их в землю обетованную? По сей же причине и Павел говорит: *щажду же, да не како кто вознепщует о мне паче*».

бб)

Стих 7. *И за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся.*

И за премногая откровения, τῇ ὑπερβολῇ τῶν ἀποκαλύψεων, — преизбытком откровений *да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти*, σκόλοψ τῇ σαρκί, рожон в плоть, или для плоти, плоть поражающий и бодущий, — *да ми пакости деет* ἵνα με κολαφίζῃ, чтоб по щекам бил меня, давал мне пощечины, унижая и посрамляя меня.

Обыкновенно думалось, что пакостник плоти, ангел сатанин, есть нечто смущавшее и беспокоившее святого Павла со стороны плоти и находившееся в самой плоти. Новые толковники признали, что святой Павел говорит здесь о движениях похоти плотской. Но похоть плотская что за особенность? Ее испытывают все, и не только безбрачные, но и брачные. А святой Павел образом выражения своего дает мысль, что ему дано нечто особенное, что не всем обще. К тому же данный ему пакостник, κολαφίζει, бьет по щекам, немилостиво, жестоко действует, а похоть плотская есть самый льстивый и вкрадчивый враг. Потому эту мысль принять нельзя. Наши толковники полагают, что святой Павел говорит здесь, так же, как и прежде, о внешних бедствиях и о неприязненности со стороны врагов Евангелия, кои суть орудия сатаны. Так святой Златоуст говорит: «Что значат эти слова Апостола, определится само собою, когда откроем, кто пакостник и кто ангел сатанин. Некоторые говорили, что сие означало какую-то головную боль, произ-

водимую диаволом. Но сие невозможно. Ибо тело Павлово не могло быть отдано в руки диавола, потому что сам диавол уступал Павлу по одному его повелению. Павел назначал ему законы и пределы, когда, например, предавал ему блудника во измождение плоти, и диавол не смел преступать оных. Итак, что же значит сказанное? Сатана на еврейском языке значит противник. И Святое Писание в третьей книге Царств (Гл. 5, 4) называет сим именем противников. Повествуя о Соломоне, говорит: не было сатаны во дни его, то есть соперника, который бы воевал с ним или беспокоил его. Посему слова Апостола имеют такой смысл: Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение, но попустил противникам нападать на нас. Ибо сего достаточно было к низложению гордых помыслов, а головная болезнь не могла сего произвесть. Таким образом, под ангелом сатаниным разумеет он Александра ковача, сообщников Именея и Филита, и всех противников слова, которые вступали с ним в состязания и противоборствовали ему, ввергали его в темницу, били и влачили. Ибо они делали дела сатанинские. Так Священное Писание и иудеев называет сынами диавола, потому что они ревновали делам его, так и ангелом сатаны называет всякого соперника. Посему слова: *дадеся ми пакостник плоти, да ми*

пакости деет означают не то, что Бог Сам вооружал противников или наказывал и обуздывал чрез них Апостола,— да не будет сего! — а только, что он дозволял и попускал им на время». Феофилакт решает притом вопрос: почему говорится: ангел сатанин, когда восстававших было много? «Почему Апостол не сказал: ангелы сатаны, а — ангел? — Потому, что в каждом месте обычнее один какой-либо восставал против Павла супостат и поднимал против него народ, по его началу восставали и прочие. Или, что и гораздо лучше, Апостол назвал ангелом сатаны самое это дело, то есть сопротивление проповеди и причинение бед проповедникам. («Ангелом сатаны назвал обиды, поругания, народные восстания» — Феодорит). А слова: *да не превозношуся* некоторые поняли в смысле: да не славим буду от людей. Но не это говорит здесь Павел, хотя выше и сказал так, но то именно, да не востщеславлюсь, говорит, ибо и он был человек». Так Феодорит, Экумений, святой Дамаскин и Амвросиаст, так и Фотий у Экумения.

Стих 8. *О сем трикраты Господа молих, да отступит от мене.*

Да отступит, то есть пакостник плоти, ангел сатанин. По смыслу, какой дан святыми отцами сим словам, Апостол говорит: да угладится путь проповеди, да сократятся нападки, да не встречаю сопротивления в такой силе и непрерывности.—

«Апостол показал в сих словах немощь природы, ибо говорит: просил я избавления от искушений» (Феодорит). «*Трикраты*: многократно. И это показывает великое смирение Апостола, когда не скрывает того, что он не выносил вражеских наветов, но изнемогал и молился об освобождении от них» (святой Златоуст).

Стих 9. *И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается. Сладце убо похвалюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова.*

Довлеет ти благодать Моя; «то есть довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и творишь другие чудеса. Не домогайся того, чтобы жить в безопасности, без страха, и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя, терзают тебя, гонят и бьют тебя бичами. Сие самое и показывает Мою силу. *Сила бо Моя в немощи совершается*, то есть когда вы, гонимые, одерживаете верх над гонителями, когда вы, преследуемые, побеждаете своих преследователей, когда вы, связываемые, обращаете в бегство связывающих. Итак, не желай излишнего. Заметь же, что Апостол представляет одну причину, а Бог другую. Он говорит: *да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти*; а Бог сказал, что попускает сие для явления силы

Своей. Посему ты просишь не только излишнего, но даже помрачающего славу Моего могущества. Ибо слова: *довлеет ти* показывают, что не нужно уже ничего прибавлять, но что все сделано» (святой Златоуст). «Из вашей немощи сила Моя является во всей полноте и во всем совершенстве. Если бы для проповеди употреблены были какие-нибудь мудрецы и царственные особы, то покорение всех Евангелию мог бы иной приписать силе послуживших проповеди. Ныне же немощь служащих благовестию во всем свете показывает силу Божию; она одна является здесь действующею, и все, что ни совершается, к ней одной должно быть относимо» (Экумений).

«Услышав такой ответ, Павел говорит: *сладце убо похвалюся паче в немощех моих*. Чтобы коринфяне не упали в духе, видя, что Апостолы находятся в гонении, Павел показывает, что чрез гонения делается он славнее, что в сем особенно обнаруживается сила Божия и что совершающееся с ним достойно того, чтоб тем хвалиться. Посему и говорит: *сладце убо похвалюся*. Не от скорби сердца сказал я исчисленное мною выше, или уповаемое теперь, то есть что *дадеся ми пакостник*; напротив, я сим украшаюсь и еще большую силу привлекаю на себя от Бога. Почему и присовокупляет: *да вселится в мя сила Христова*. Сими словами дает разуметь и другое нечто, именно: в какой мере усиливались искушения, в

такой мере умножалась и пребывала в нем благодать» (святой Златоуст).

Стих 10. *Темже благоволю в немощех, в досаждениих, в бедах, во изгнаниих, в теснотах по Христе; егда бо немощствую, тогда силен есмь.*

«*Темже благоволю.* Не сказал: терплю, но *благоволю*, то есть радуюсь, веселюсь, благодушно принимаю встречающееся, потому что мнимая немощь доставляет мне истинную силу» (Феодорит).

Благоволю в немощех: какие же это немощи? – Досаждения, беды, изгнания, тесноты ради Христа. Этим Апостол сам определяет, кто именно у него пакостник плоти и ангел сатанин. Молился он, да отступит от него сей пакостник. Господь сказал ему: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается*, то есть является в тебе действующею при этом пакостнике и ангеле сатаны, обличающем твое бессилие и твою немощь. Апостол соглашается на такой порядок, говоря: *сладце убо похвалюся паче в немощех*, то есть не хочу уже освобождаться от пакостника и ангела сатанина, остаюсь с ним охотно и в похвалу себе вменяю, что он томит меня, – иначе: тем, что обложен немощами. Объяснив теперь, что такое немощи, именно, что это суть досаждения, беды, изгнания, тесноты по Христе, он показал, что они-то и суть пакостник

плоти и ангел сатанин. Такое наведение при сих словах делают все наши толковники.

Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, как ясно открыл теперь все? Ибо, говоря о роде немощей, наименовал не горячку или периодическую болезнь, или другую телесную немощь, но обиды, гонения и притеснения. Видишь ли, какая благопокорная душа? Апостол желал бы избавиться от бедствий; но, когда услышал от Господа, что сему не должно быть, не только не упал в духе, не получив просимого, но еще радовался тому. Посему и сказал: *благоволю*, радуюсь, желаю терпеть обиды, гонения и притеснения за Христа. Сказал же сие, желая и лжеапостолов смирить, и коринфян ободрить, чтоб они не стыдились Павловых страданий. Ибо таковое терпение скорбей может сделать нас сильнее всех. Потом выставляет и другую причину: *егда бо немоществую, тогда силен есмь*. Чему дивиться (что есть немощи), если в немощах наших обнаруживается сила Божия и я тогда бываю силен? Ибо тогда наипаче действует благодать Божия. *Зане якоже избыточествуют и страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. 1, 5). Где скорбь, там и благодать; а где благодать, там и утешение, и сила к подъятию скорби. Когда он ввержен был в темницу, тогда сотворил чудеса. Когда терпел кораблекрушение и занесен был в варварскую страну,

тогда особенно прославился. Когда, связанный, взошел в судилище, тогда победил самого судию. Так было и в Ветхом Завете. Среди искушений процвели праведники. Так три отрока, так Даниил, Моисей и Иосиф – все чрез искушения сделались славными и удостоились великих венцов. Ибо тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии от Бога и достойнее большей благодати; а делаясь любомудрою, сокровиществует себе великие блага, не говоря уже о тех наградах, какие отложены для нее у Бога. Ибо скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, уготовляет к терпению, обнаруживает ничтожность дел человеческих и в жизнь вводит много любомудрого. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев и весь рой душевных недугов. Если кто рассмотрит и настоящие наши дела, увидит, какую пользу приносят скорби. Ныне наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к сим собраниям (к Церкви), так и к слушанию (поучений). Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистою, светлою и ясною. Скорбь вводит в царство,

а утешная жизнь в геенну; посему к царству тесный, а в геенну пространный путь. Посему и Христос, как бы предлагая нам какое-либо великое благо, сказал: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33)».

д) О знамениях апостольства Павлова в Коринфе с напоминанием и еще о безмездной у них проповеди (12, 11—18)

Стих 11. *Бых несмыслен хваляся: вы мя понудисте. Аз бо должен бех от вас хвалим бывати: ничимже бо лишихся первейших Апостол, аще и ничтоже есмь.*

Апостол говорит как бы: но что я хвалюсь?! Ведь я же у вас был и действовал; и среди вас показал знамения моего апостольства не меньше, чем в других Церквах, не меньше, чем показывают то первые Апостолы. Все это вы знаете. Вам бы самим следовало защитить мое достоинство, когда лжеучители стали наводить тень на него, а вы этого не сделали. Когда бы вы это сделали, не было бы мне никакой нужды говорить о себе с похвалою. Вы виноваты сами в том, что я так делаю. Когда вы не защитили меня, нечего было делать, надо было взяться самому себя защитить. И хоть вижу, что это несмысленно, делаю, потому что это необходимо для вас.

Святой Златоуст говорит: «Окончив речь о похвалах себе самому, Апостол не останавливается

на нем, но снова защищается и просит извинения в сказанном, потому что сказано по необходимости, а не по собственному произволению. Впрочем, несмотря и на необходимость, называет себя несмысленным. Ибо, достигнув своею речью желаемого, он уже смело и нещадно нападает на сей недостаток, научая всех никак не хвалиться без нужды, когда и Павел, похвалившись по нужде, назвал себя за то несмысленным. Потом и всю вину сказанного слагает не на лжеапостолов уже, но на учеников: *вы*, говорит, *мя понудисте*. Если бы лжеапостолы хвалились, но тем не вводили вас в заблуждение и погибель, то я не дошел бы до того, чтобы дозволить себе такие слова. Но поелику они растлили всю Церковь, то, заботясь о пользе вашей, я принужден был сделаться несмысленным».

Ничимже бо лишихся первейших Апостол. Ничего такого не лишен я, говорит, что есть у первейших Апостолов. Все то есть и во мне, что есть у них; или вообще, что должен иметь всякий Апостол яко Апостол, все то имею я. Но мысль Апостола не та, чтобы показать, что он есть сам по себе, а та, чтоб напомнить им, каким он явился среди них. Причину представляет, почему они сами должны бы были защищать его пред другими и пред собою. Это должны были вы сделать, говорит, потому что я среди вас таким явился, каким мог явиться и кто-нибудь из первых

Апостолов. Но, сказавши так, Апостол опять подумал, как бы не стали считать его бо́льшим, нежели сколько он есть, и потому поспешил прибавить: *аще и ничтоже есмь*. «Все же не отступает от умеренности и от своего обычая; но, как будто сказавший нечто необычайное и высшее своего достоинства тем, что сопричислил себя к первейшим Апостолам, опять употребил это скромное о себе выражение» (святой Златоуст). Он хочет, чтоб они признали необычайности, в нем открывавшиеся, но вместе научает их понимать их так, чтоб на нем самом не останавливались они вниманием, а от него восходили к источнику таких проявлений и из сего извлекали выводы не в его восхваление, а в отдание должной веры и чести делу, которому он служит. Я ничем, говорит, не меньше других, но все это не мое. Я тут ничто. Я служу делу Божию и сила на то у меня есть — сила Божия.

Стих 12. *Знамения бо Апостолова содеяшася в вас во всяком терпении, в знамениих и чудесех и силах.*

А это доказательство на то, что он ничем не меньше первых Апостолов. Все, чем должен отличаться Апостол, сделалось чрез меня в вас, среди вас, на ваших глазах. Терпения ли хотите? Сколько его было? Знамений ли силы над природою взыщете? Были и они. Чудесных ли исцелений пожелаете? Не было недостатка и в них.

Власти ли над бесами требуете? Явлена и эта сила среди вас. Все, все, чего можете только ожидать от Апостола, как посланника Божия, и чем он должен являться, когда потребует того дело благовестия, видели вы во мне сами; и мне вам о моем апостольстве нечего бы и говорить. Хоть и ничто я, но Апостол, и, как Апостол, великими вооружен силами.

Святой Златоуст говорит на сие место: «Смотри, говорит, не на то, что я незначителен и мал, но на то, получил ли ты от меня, что от Апостола получить надлежало. И не сказал: незначителен, но, что еще ниже, *ничтоже*. Ибо какая польза быть великим и никому не приносить пользы? Нет пользы от искусного врача, который не вылечил ни одного больного. Посему, говорит он, не рассуждай о том, что я ничего не значу, но смотри на то, что во всем служившем к вашему благу я не отстал от других, а напротив, показал опыт моего апостольства. Посему мне не нужно говорить самому о себе. Говорил же сие не для того, чтобы действительно искал похвалы, но потому, что желал спасения учеников. — *Знамения Апостолова*. О, какую бездну заслуг выразил он в немногих словах! И смотри, что ставит на первом месте! — Терпение. Ибо признак Апостола — все переносить великодушно. И о терпении выразился кратко, одним словом; напротив, не одно слово употребил о знамениях, потому что

они были произведены не его силою. Но представь себе, сколько уз, сколько ударов, сколько опасностей, сколько наветов, какое множество искушений разумел он здесь; сколько браней, внутренних и внешних, сколько печалей, сколько нападений выразил одним словом: *терпение*! А словом: *знамения* не изобразил ли опять того, сколько им воскрешено мертвецов, сколько исцелено слепцов, сколько очищено прокаженных, сколько изгнано бесов? Слыша сие, научимся и мы, если даже поставлены будем в необходимость говорить о своих заслугах, не распространиться о них, подражая святому Павлу».

Стих 13. ***Что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей, разве точию, яко аз сам не стужих вам? Дадите ми неправду сию.***

Могли подумать: не отрицаем, что все это явлено среди нас; но в других Церквах, где действовали другие Апостолы, явлено это в большем количестве и в большей степени. Апостол говорит: осмотрите все Церкви, и ни в одной не найдете ничего такого, чего бы вы лишены были. Что у других есть, то есть и у вас. Будто жалобу слышит Апостол: пришел ты к нам, упредив других, мы приняли тебя с верою, а ты нам не дал того, что другие дают; лучше бы нам тех дождаться. Апостол говорит: не беспокойтесь, обойдите все Церкви, и увидите, что вы не умалены ни пред одною. — «Чтобы не сказал кто: хотя ты

велик и сделал много, однако же не столько, сколько Апостолы в других Церквах, Павел присовокупил: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей?* То есть и вы в сравнении с прочими Церквами причастны не меньшей благодати» (святой Златоуст).

Есть одно, чем вы обделены, то, что *аз сам не стужих вам*, не докучал вам содержанием. Все другие Церкви, и мною основанные, и другими Апостолами, не свободны от этого. В отношении к вам одним я так действую. Но если вы считаете это несправедливостию с моей стороны в отношении к вам, *дадите ми неправду сию*, χαρίσασθέ μοι, подарите, милость и снисхождение в сем покажите мне, или: сделайте милость, простите. «Если, говорит, вы обвиняете меня в сем, то прошу извинения, простите мне сию вину. Заметь, какое благоразумие! Поелику напоминание о сем могло казаться упреком и будто наносит бесчестие, то он всякий раз, как повторяет его, смягчает пояснительными словами. Так выше сего сказал: *есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится о мне в церквах Ахайских* (11, 10). И тотчас прибавил: *зане не люблю ли вас? Бог весть: но да отсеку вину хотящим вины* (11, 11—12). И в первом послании говорит: *кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово* (9, 18). И здесь опять говорит: *дадите ми неправду сию.*

Ибо везде старается не показать, что не берет по причине их немощи. Посему и здесь говорит: если ставите сие мне в вину, то прошу прощения» (святой Златоуст).

Стих 14. *Се третие готов есмь приити к вам, и не стужу вам: не ищу бо ваших, но вас. Не должна бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом.*

«Дабы не подумали, что Апостол часто обращается к одному и тому же с намерением получить что-нибудь от них, он отклоняет сие подозрение, сказав еще в первом послании: *не писах же, да тако будет о мне: добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (9, 15); а здесь выражается приятнее и благосклоннее. Как же именно? — *Се третие*, говорит, *готов приити к вам*. Я приходил уже в другой раз, и в третий готов идти, и опять не буду вам в тягость. И причина тому уважительна. Ибо не сказал: не хочу быть вам в тягость, потому что вы скупы, потому что вы сим обременяетесь, потому что вы немощны. Но что говорит? — *Не ищу бо ваших, но вас*. Я ищу не вашего достояния, но вас. Ищу большего: вместо денег — душ, вместо золота — спасения. Потом поелику оставалось еще место подозрению, что он огорчен ими, то вводит свое рассуждение. Ибо они могли сказать: разве нельзя искать и нас, и нашего? Посему оправдывает их с великою благосклонностию так: *не должна*

бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом. Вместо наименований: учители и ученики, употребляет слова: родители и дети, и показывает, что обращает для себя в обязанность и то, к чему не был обязан, ибо сего не повелел Христос; но Апостол из снисхождения к коринфянам говорит сие. Посему присовокупил нечто еще большее. Ибо сказал не только то, что дети не должны снискивать для родителей имения, но еще и то, что родители обязаны сие делать для детей» (святой Златоуст).

Обязанности родителей к детям, в вещественном отношении, не приложимы к Апостолам в их отношении к уверовавшим. Но в духовном отношении они более, чем приложимы. Апостол хочет внушить коринфянам, что делает это по родительской к ним любви, разумея попечение об их спасении. Но как он в первый раз, как начал об этом речь, сказал: *да не прекращение кое дамы благовествованию Христову* (1 Кор. 9, 12), так и всегда дает эту же причину доразумевать, как главную, хотя при этом приводит и другое нечто в основание такого образа действования. Почему именно в Коринфе успех благовестия этого требовал, для нас это теперь не так ясно. Апостол видел то и покорился необходимости. Сказать же прямо в послании не мог, потому что чрез это уничтожил бы то спасительное действие, которое из того исходило.

Стих 15. *Аз же в сладость иждиву и иждивен буду по душах ваших; аще и излишше вас любя, меньше любим есмь.*

Вот почему так действовал! Не достояние их щадил, а души,— иждивал свое, не потому что жалел ихнее, а потому что этого требовало спасение душ их. В других местах принимание таких услуг от обращаемых и обращенных не мешало их спасению, а в Коринфе мешало. Апостол видел это, Духом Божиим руководимый, потому ни за что не соглашался что-нибудь брать от коринфян, иждивал свое; и, иждивая то, не только не тяготился, но еще сладость в том находил. Эту сладость производило в нем видение блага для спасаемых от такого образа действования. Такую мысль выражает Апостол словами: *в сладость иждиву и иждивен буду по душах ваших*. Не о прошедшем говорит,— его только подтверждает,— а о будущем, что так у него решено действовать, навсегда, как и прежде поминал не раз. Притом усиливает дело: ибо, тогда как *иждиву* можно ограничивать одним коштом, а *иждивен буду* подает мысль, что иждивение не одного кошта касается, но и самого лица Апостолова: он изъявляет готовность и самим собою жертвовать ради блага их, себя самого иждивать, «себя самого отдавать за них» (Феодорит). «Родителям собирать имение для детей повелел закон естественный; а я, говорит, не только

сие исполняю, но даже отдаю самого себя. Верх щедрости не только ничего не брать, но отдавать свое и отдавать не просто, но с великим усердием, даже при недостатке, ибо сие показывают слова: *иждивен буду*. Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ее для вашего спасения» (святой Златоуст).

Другая половина текста: *аще и излишше любя вас, меньше любим есмь*, «выражает и любовь, и упрек. Я делаю сие, говорит Апостол, для тех, которых я люблю и которые не любят меня в той же мере» (святой Златоуст). «Этим он и опечалил их, обвинив в скудости любви, и обрадовал, показав самую сильную свою к ним любовь» (Феодорит). Намекает Апостол на то, что было прежде первого послания, когда некоторые стали отклоняться от него расположением и предпочитать ему других. Послание первое опять к нему обратило сердца всех, как сам же святой Павел засвидетельствовал, говоря, с каким жаром они поспешили приступить к исправлению всего указанного им. Зачем же говорит так теперь? — Затем, чтобы сильнее раздражить их любовь к себе и наперед предотвратить подобные же с их стороны уклонения. Ибо ничто так не раздражает любви, как сказать любимому: я тебя крепко люблю, а ты меня меньше любишь; и ничто так не воодушевляет к избежанию всяких случаев обнаружения умаления любви, как такое напоми-

нание. Он знал, что этот упрек не уколом отзовется, а будет ветром, раздувающим пламя, потому так и сказал.

Святой Златоуст заключает слова святого Павла о самоиждивении таким наведением: «Рассмотри же наконец, сколько здесь степеней: надлежало брать, а он не брал, это первая заслуга; не брал, находясь в бедности, это вторая; не брал, когда им проповедовал, это третья; сам дает им, это четвертая; и не просто дает, но с избытком, это пятая; отдает не имение только, но и самого себя, это шестая; отдает себя за тех, которые не очень его любят, это седьмая; и которых он весьма любит, это осьмая. Будем же и мы соревновать ему».

Стих 16. *Буди же, аз не отягчих вас: но коварен сый, лестию вас приях.*

Строит Апостол вероятные предположения со стороны своих недоброжелателей. Скажет кто про меня, что я лично действительно не обременял вас ничем; но эта была одна хитрая уловка. При этой бескорыстной личине, я, как хитрец, так ловко вел дело, что и незаметно для вас брал у вас. *Вас приях*, ὑμᾶς ἔλαβον, обирал вас, или брал у вас, или взял вас в руки, то есть овладел вашим достоянием, тогда как вы того и не замечали и продолжали считать меня безмездно действующим. — Но когда лично не брал, а брал как-либо стороною, — все же сие не невидимо как-либо

совершаться могло, а видимо. Видимо же как? — Не иначе, как чрез своих помощников и сослужителей. Апостол и указывает вслед за сим на это.

Стих 17. *Еда коим от посланных к вам лихоимствовах вас?*

Если сам не брал, а брал стороною чрез своих посланных, то скажите, кем из посланных я обирал вас, или покорыстовался чем вашим? Коринфяне знали, что этого не было, потому достаточно было и этого напоминания, но Апостол описывает и самые к ним посылания.

Стих 18. *Умолих Тита и с ним послах брата: еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихом? Не теми же ли стопами?*

Да и посылаемых-то сколько было?! Кроме меня был у вас от меня только Тит с некиим братом. Покорыстовался ли чем у вас Тит? — Нет. Это вы знаете. Так нечего и такие мысли принимать или такие речи слушать. Мы все в том же духе бескорыстия действуем, идем одною дорогою, ступаем по той же стезе.

Приводим слова святого Златоуста на все эти заключительные в сем отделении тексты, 16—18. «Очень неясно сказаны сии слова Павлом, но не без цели и не напрасно. Поелику речь идет о деньгах и Апостол защищается, что он ничего не берет, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же значит сказанное? Прежде гово-

рил, что он ничего не брал, даже готов отдать и издержать свое, и много рассуждал о том, как в сем, так и в первом послании. А теперь говорит нечто другое, как бы вводит слова из сделанного ему возражения, и предварительно оное разрешает. Вот смысл сказанного: я не искал от вас прибытков, но, может быть, скажет иной, что хотя сам я и ничего не брал, однако же, как человек хитрый, настроил посланных мною от своего лица просить у вас чего-либо и от них я получал, а, таким образом, получая чрез других, отклонял от себя подозрение, что беру сам. Но и сего никто не может сказать. Свидетели тому вы сами. И он ведет речь вопросами, говоря: *умолих Тита, и с ним послах брата: еда лихоимствова чим вас Тит?* Не так же ли он приходил к вам, как и я? То есть не так же ли и он ничего не брал? Видишь ли, с каким тщанием старался он не только себя сохранить чистым от корыстолюбия, но и посылаемых им удерживал от оного, чтобы не подать и малого предлога ищущим предлога. Это гораздо выше того, что сделал патриарх Авраам (Быт. 14), возвращаясь с победы. Тот, когда царь давал ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съели его домочадцы; а Павел, как сам не пользовался, так и сотрудникам своим не позволял пользоваться даже необходимою пищею, дабы таким образом совершенно заградить уста бесстыдных.

Посему не сам от себя говорит, что они ничего не брали, но, что гораздо важнее, представляет в этом свидетелями самих коринфян, чтобы свидетельство шло не от собственного его лица, но утверждалось на их приговоре. Так обыкновенно поступаем, когда идет дело о чем-либо очевидном и не подлежащем никакому сомнению. Скажите, говорит Апостол, кто из посланных нами воспользовался чем от вас? Не говорит: кто взял что у вас? но называет такое дело *лихоимством*, укоряя их тем, приводя в стыд и показывая, что брать у кого-либо против воли его значит лихоимство. И не сказал: Тит только, но и кто-нибудь; то есть вы не можете и того сказать, что хотя один не брал, но брал другой. Напротив, не брал ни один из посланных к вам. – *Умолих Тита*, и сие сказано не просто, ибо не говорит: я послал Тита, но *умолих*, показывая тем, что если бы и взял что у них, то взял бы по праву, однако же при всем том остался чистым. Посему опять спрашивает их: *еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихом*? Что значит: *тем же духом*? – То, что он все приписывает благодати и показывает, что все достойное похвалы произведено не нашими трудами, но есть дело духовного дара и благодати. Подлинно величайшая была благодать, когда имевшие во всем недостаток и терпевшие голод ничего не брали для назидания наставляемых. – *Не темиже ли стопа-*

ми? — То есть они нисколько не отступали от принятой мною осторожности, но сохранили то же правило».

3. ВООРУЖЕННЫЙ ТАКОЮ ВЛАСТИЮ, ПРИДУ, НЕ ПОЩАЖДУ (12, 19—13, 10)

Тут вывод из всего сказанного в сей третьей части послания и как бы заключение ее. Защитил свое достоинство и очистил от всех нареканий свою деятельность, теперь спрашивает: что же? Все это я говорил только для того, чтоб пред вами оправдаться и больше ни для чего? — Нет. Я имею в виду ваше назидание, — именно, чтоб, восстановив в себе убеждение в апостольской, присущей мне власти, поспешили вы исправиться прежде моего прихода и избавили, таким образом, меня от необходимости явить в вас сию власть и поступить с вами строго. Ибо, если, пришедши, найду вас неисправными, не пощажу. Одно это внушение в разных оборотах речи господствует во всем сем небольшом отделеньице, заключительном.

Стих 19. *Паки ли мните, яко ответ вам творим? Пред Богом, о Христе глаголем; вся же, возлюбленнии, о вашем созидании (и утверждении).*

Ответ творим, ἀπολογούμεθα, защищаемся, оправдываемся. Мысль Апостола та, что выражено пред сим: думаете, что мы только и имеем в виду, чтоб оправдаться пред вами? — Нет, мы

пишем все это к вашему созиданию. Или такая: думаете, что, говоря так, мы только личность свою очищаем и внешний образ своего действования оправдываем, а на душе у нас совсем другое? — Нет, мы говорим пред Богом, о Христе, — говорим о себе так, как мы есмы пред всевидящим оком Божиим. Ни лести, ни лукавства не скрывается в словах наших. Можно ту и другую мысль совместить, и одна будет соответствовать словам: *пред Богом во Христе глаголем*, а другая — словам: *вся же к вашему созиданию*. Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, как он везде опасался, чтобы не показаться ласкателем?» — «Не льстя вам и не оправдываясь только пред вами, говорим это, но как пред лицем Бога всевидящего, во Христе и чрез Христа говорим. Но возможно ли, чтобы тот, кто говорит пред лицем Бога и во Христе, говорил с ласкательством ради прикрывания только себя?» (Экумений).

Вся же, возлюбленнии, о вашем созидании. (*И утверждении* нет в подлиннике.) *Созидание* — οἰκοδομή, здание, устроение, упорядочение. Итак, говорит: все к тому у нас направлено, чтобы привесть в благообразный порядок и строй что у вас расстроилось и приняло превратное направление. К чему прибавлено и: *возлюбленнии*, чтоб показать, что побуждала к этому нас искренняя отеческая к вам любовь. Ею воодушевляясь, «мы унижаем ли себя или говорим о себе возвышенно,

обвиняем ли вас или хвалим, все делаем для вашей пользы» (Феодорит).

Стих 20. *Боюся же, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, яковаже не хощете: да не како (будут) рвения, зависти, ярости, рети, клеветы, шептания, кичения, нестроения.*

Пишу все затем, чтоб вы упорядочились и чтобы, когда упорядочитесь, я нашел вас во всем исправными, какими мне и желательно найти вас, и чтоб вы встретили во мне одну ласковость, одобрение и похваление вас. Боясь, чтоб не случилось противного, напоминаю вам, чего бы не желал я встретить среди вас. «Это уже показывает не высокомерие или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда он страшится более, нежели сами согрешившие, и с трепетом приступает к исправлению их. Но и в таком случае не нападает на них, и говорит не прямо, но в виде сомнения: *еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас*. Не сказал: добродетельными, но: *яцех же хощу*, везде употребляя слова, выражающие дружелюбие. И слово: *обрящу* выражает нечто неожиданное им, равно как и *обрящу вам*: то и другое, говорит, от самих вас зависит» (святой Златоуст). «*Боюся*, говорит. Видишь отеческую заботу? Другие согрешили, а Павел боится. *Еда како пришед*: не утверждает, но, будто ничего не знающий, боится, как бы не встретить чего

неисправного у них. *Не яцех же хощу обрящу вас*, то есть расстроенными и повредившимися (в нраве и мыслях), а вследствие того и сам буду в необходимости показаться вам таким, *якова же не хощете*, то есть строгим наказателем тех, которые окажутся неисцельно больными» (Экумений). «Он мог бы сказать: каковым я сам не хочу обрестись у вас, и тем показать свою любовь, но не хочет, чтобы ослабевал слушатель; притом и речь его в таком случае была бы гораздо строже. А теперь он и им сильнее дал почувствовать, и себя явил более кротким. Ибо благоразумию свойственно действовать так, чтобы и рана была глубже, и удар легче» (святой Златоуст).

Чего же именно не хотел бы он встретить у них? — Разлада и дел похотных. О разладе говорит в этом стихе, о похотных делах в следующем.

Да не како (будут) рвения, ἔρεις, споры, рвения поставить на своем, усилия переговорить всех, под чем всегда кроется презорство не только к мнениям других, но и к ним самим: знать никого не хочу; — *зависти*, ζῆλος, завиствование, извращенное соревнование, — первая дщерь самомнения и гордости, когда, не имея сил стать наравне или перевысить других, ресседаются от досады*, зачем те таковы и так у них все идет успешно; *ярости*, θυμοί, серчания, вспышки гнева

* Сетуют, досадуют. — *Ред.*

и раздражения, при столкновениях с другими не в свою пользу, находящие и отходящие, потому что случайное разгорячение самолюбия препобеждается симпатическим строем сердца; но есть опасность, что частые серчания могут превратиться в постоянное, которое есть злая ненависть; — *рети*, ἐριθεῖαι, ретивости, «когда кто вызывает другого на состязание в каком-либо деле» (Феофилакт), или из всех сил напрягается перегнать других и оставить их позади себя, причем, конечно, не делается строгого разбора в средствах и мало обращается внимания на то, будет ли от этого какое благо себе или другим: — *клеветы*, καταλαλιαί, оглаголания; не осуждение только, которое тайно в сердце строится, но и разглашение языком худа про других, без уверенности в истине того, а по одной догадке, нередко же и по злонамеренной лжи; *шептания*, ψιθυρισμοί, робкая клевета, которая, не смея говорить открыто, нашептывает худое о других на ухо людям более влиятельным, которые могут, если поверят, сделать что-либо неприятное тому, о ком речь: тут уместнее — ложная клевета (Феофилакт); *кичения*, φυσιώσεις, — надутость, спесивость, высокосердость, когда, не разбирая, есть ли какие достоинства, высятся над другими и презорливо к ним относятся, не скрывая даже того: это мыльный пузырь; — *нестроения*, ἀκαταστασίαι, неустройства, расстройства, когда все не на своем

месте, — прямое следствие всего предыдущего. Святой Златоуст все эти недобрые деяния производит из одной зависти, говоря: «Все сие: клеветы, обвинения, разногласия, порождено было завистию; зависть, как вредный корень, произращала раздражение, осуждение, высокоумие, а чрез них и сама возрастала».

В первом послании, начиная обличение коринфян, Апостол говорит: *рвения в вас суть* (1, 11). Из-за каких-то пустых соображений начали они разделяться на партии, становясь под знамена немногих выдававшихся среди них личностей: отсюда пошли распри, противодействия и нестроения (1, 10). Вразумив их как следует в первом послании и узнав от Тита, что его вразумление не осталось без влияния, предполагая, однако ж, что, может быть, и еще есть остатки того нестроения, снова убеждает, чтоб подобного ничего, даже и следов, не осталось среди их, пригрозив наперед, что он не будет смотреть на это снисходительно.

Стих 21. *Да не паки пришедши мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте и блужении и студоложствии, яже содеяша.*

Второй предмет, в котором святой Павел обличал в прежнем послании коринфян, было блужение, которого не встретишь и среди язычников. Писал он особенно об этом студодеянии; но как он и после дважды повторял уроки о воздер-

жании от блудных дел и пространно излагал правила жизни для брачных и безбрачных, то можно предполагать, что среди коринфян Апостол знал не одного того грешника, в этом роде грешности виновного, но многих, и что, пиша строгий приговор против одного, он имел в виду отрезвить и всех прочих. Действие отрезвления началось, надо предполагать, и было замечено святым Титом и возвещено святому Павлу. Но как в отношении к разделениям, так и здесь, Апостол не без основания мог думать, что остаются еще неисправившиеся, с которыми придется возиться ему самому, чтоб поставить их в должный чин, — что не может обходиться без неприятностей для него и для них. Желая избежать этой скорбной необходимости, он побуждает неисправных, чтоб исправились сами до его прихода, и обставляет это внушение самыми трогательными представлениями, говоря: *да не смирит меня Бог у вас*. Чем? — Тем, если буду иметь необходимость оплакивать согрешивших нечистотою, блужением и студоложствием, и непокаявшихся. Он говорит как бы: что согрешили, уж что делать? Не воротишь; но то горько, если я найду согрешивших не покаявшимися и упорно остающимися в нераскаянии. С таковыми что делать? Хоть и жаль, а придется отсекать от тела Церкви: ибо в Церкви не терпимы упорные грешники. Вот и плакать буду. И плакать буду,

а все же отсечь их необходимо будет, если не покаются. Этим-то смирит меня Бог у вас. Срамно мне будет и пред собою, и пред Богом, и пред людьми, что хвалился вами пред ними, и в себе, а между тем буду вынужден так поступить с вами. Чтоб не быть мне в таком посрамлении и в такой горести, и пишу вам все, с желанием, чтоб у вас все пришло в должный порядок и все стали в свой чин, и я, пришедши к вам, только радовался и веселился о вашем благообразии и благоуспеянии.

Святой Златоуст говорит на это место: «Видишь ли, как он выказывает и негодование, и отеческое сердоболие? Что же значит слово: *смирит*? Обвинять, наказывать, требовать отчета, представлять лицо судии составляет по видимому славу, а он называет сие смирением. Он не только не стыдился того, что пришествие тела его было немощно и слово уничиженно, но даже желал всегда быть таковым и просил, чтобы не дойти до противного состояния. О сем яснее говорит в продолжении речи. И дойти до необходимости наказывать других почитает для себя наибольшим унижением. Почему же не сказал: да не пришед смирюся, но — *да не пришедша смирит мя Бог мой*? Если бы сие было не для Бога, говорит он, я не обратил бы на то внимания, не позаботился бы о том. Ибо не самовластно и не самовольно налагаю наказание, но по Божию

повелению. Выше он то же самое выразил, сказав: *обрящуся, яковаже не хощете*, а здесь ослабляет речь и говорит с большею снисходительностию и кротостию: *и восплачуся многих согрешших*, не просто согрешивших, но — *не покаявшихся*. И не сказал: всех, но *многих*; даже не объявляет имена сих многих, доставляя тем удобство прийти им в раскаяние, давая знать, что покаяние может исправить их преступления, оплакивает только нераскаивающихся, неисцельно больных, остающихся в язвах. Итак, представь себе, какова добродетель Апостола? — Не зная за собою ничего худого, он плачет о чужих грехах и смиряется преступлениями других. Ибо в том особенно состоит долг учителя, чтобы соболезновать о несчастиях учеников, чтобы оплакивать и рыдать о язвах людей, ему подначальных».

Глава 13, стих 1. ***Третицею се гряду к вам: при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол*** (Втор. 17, 6).

Свидетелями называет свои личные увещания и письменные внушения. Какой же глагол станет при сих свидетелях? — Слово угрозы против вас; оно станет, наконец, будет непременно приведено в исполнение. Так святой Златоуст и другие. Экумений под тремя свидетелями разумеет три личные увещания и три не личные. Будто так: был дважды, в третий раз иду. Это будут три свидетеля. Также — писал в первом послании,

напоминал чрез Тита и вот еще напоминаю в этом втором послании. Это еще три свидетеля. Сходясь попарно, они усиливают значение свидетельств. — *Третицею гряду*, как и в предыдущей главе: *се третие готов есмь приити* (стих 14). Наши толковники не определяют, как этот счет выйдет, не указывают то есть, когда было второе посещение святым Павлом Коринфа. Оставим это и себе без определения, ибо та догадка, что во второй раз был Апостол в Коринфе прямо из Ефеса, как полагают иные, очень неудобна и возмущает весь порядок событий. Удобнее предположить, что Апостол в течение полутора лет отлучался из Коринфа и опять к ним возвратился, что может быть почтено вторичным пришествием к ним. Нельзя не заметить, что в настоящем месте — *третицею гряду*, по ходу речи, имеет большое различие от — *се третие готов есмь приити* предыдущей главы. Там говорится, что в третий раз идет и не будет стужать им, чего нельзя не относить к личному его присутствию. А здесь говорится о троекратном свидетельстве и затем только поминается: *се третицею гряду.* По ходу речи предмет этих случаев один — угрозы за неисправность. Следовательно, к первому посещению это не идет. Угрозы начались с первого послания, напомянуты были Титом и вот напоминаются теперь в третий раз. Не это ли и значит в настоящем месте: *третицею гряду*... то есть в

третий раз идет к вам угроза. – Затем прибавляет: *аще прииду паки*. Если после этого приду и найду вас неисправными, – не просите милости, *не пощажду*. Если это предположение принять, то нельзя ли и то положить, что второе пребывание было не что иное, как первое послание, в котором он писал, что при объявлении приговора о кровосмеснике он будет у них духом так же действительно, как бы был телом (5, 3)? Тогда счет определился бы проще, и не было бы необходимости строить предположения, которых негде поместить.

Стих 2. ***Прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу прежде согрешившим и прочим всем, яко аще прииду паки, не пощажду***.

Святой Златоуст говорит на оба эти стиха следующее: «Любомудрие Апостола Павла и его отеческое сердоболие можно видеть из многого другого, а преимущественно из того, что он в угрозах обилен и строг, а в наказаниях тих и медлителен. Ибо не тотчас наказывал согрешивших, но двукратно увещевал их; даже и преслушавших его увещания не наказывает, но опять увещевает, говоря: *се третицею гряду к вам*, а до пришествия пишу еще послание. А чтобы медленность не произвела беспечности, смотри, как и сие предотвращает, непрестанно угрожая, напрягая удар и говоря: *аще прииду паки, не пощажду*.

Так поступает он и говорит, подражая в сем Господу всех. Ибо и Бог, хотя непрестанно угрожает и многократно увещевает, но не часто наказывает. Так поступает и Апостол. *Третицею*, говорит, *се гряду к вам... при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол.* Вместо свидетелей представляет он свое неоднократное присутствие в Коринфе и свои увещания. Слова его имеют такое значение: раз и другой говорил я вам, приходивши к вам, а теперь говорю на письме. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желание; если же не послушаете, то надобно уже будет исполнить сказанное мною и наложить наказание. Ибо ежели *при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол*, а я уже два раза был у вас и говорил вам, теперь же говорю на письме, то мне надобно будет сдержать свое слово. Не думайте, чтобы послание мое к вам было маловажнее личного моего у вас присутствия. Как, быв у вас, я говорил, так и, находясь в отсутствии, пишу. Видишь ли отеческую попечительность Апостола? Видишь ли, каково его учение и какая подобающая учителю благопромыслительность? Он и не смолчал, и не наказал; несколько раз уже предваряет и не перестает грозить, но наказание откладывает. Если же и после сего не исправятся, тогда уже угрожает действительным наказанием. Что же ты прежде говорил, быв в Коринфе, и что пишешь теперь,

находясь в отсутствии? — *Яко аще паки прииду, не пощажду*. Сперва сказал, что не может сего сделать, если не будет к тому принужден, и необходимость наказывать назвал плачем и смирением для себя; даже оправдывался пред ними, что уже раз, и два, и три предварял их, что все делает и придумывает, как бы обойтись без наказания и исправить их словесными только угрозами; наконец уже произносит сии грозные слова, и говорит: *аще паки прииду, не пощажду*. Не сказал: отмщу, накажу, предам истязанию, но и о самом наказании выражается отечески, показывая свою любовь и сострадательность к ним, по которым, щадя их, доселе отлагал наказание. И только вынужден будучи, говорит: *не пощажду*, то есть не отложу уже наказания, ежели, — чего не дай Бог, — найду вас неисправившимися, но непременно накажу и исполню что сказал. Это прибавил он наконец, чтоб и теперь не подумали, что наказание опять будет отложено и угрозы только на словах».

Стих 3. *Понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа, Иже в вас не изнемогает, но может в вас.*

Приводит причину, почему *не пощадит*, и показывает, что сами они заставляют его так, а не иначе поступить. Он говорит как бы им: так сами вы поставили вопрос, что мне, если не исправитесь, неизбежно не пощадить вас, а явить на

вас данную мне апостольскую власть и силу Христову, во мне действующую. У вас начали говорить о мне: немощен он телом, и слово его не сильно, наводя таким образом и на самое учение, мною преподаваемое, будто и оно не Христово. Итак, поелику так у вас поговаривают о мне, то не яви я у вас строгости апостольской, вы в самом деле утвердитесь в таких мыслях, а это крайне повредит делу Евангелия и вашему спасению. Итак, одно из двух: или исправляйтесь, или я должен буду не пощадить вас, властно только отсекая непокоривых от Церкви или поражая их и прямою какою карою, как поразил слепотою волхва Елиму в Кипре. — И увидите вы тогда осязательно, что во мне и говорит, и действует Христос Господь.

Святой Златоуст говорит на это место: «Поелику вы хотите испытать, обитает ли во мне Христос, требуете от меня доказательств и потому смеетесь надо мною, как над человеком низким и презренным, не имеющим в себе силы Христовой, то узнаете, что я не лишен оной, если подадите к тому случай, чего, впрочем, не желаю. Говорит так, выражая свое негодование и желая дать почувствовать сие тем, которые его презирали. Я не хочу, говорит он, показать над вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай и захотите вызвать меня на то, то узнаете сие на самом деле».

Иже в вас не изнемогает, но может в вас. Там сказал: я должен буду показать над вами силу и власть Христову, потому что вы желаете видеть опытное удостоверение, что Он во мне говорит и действует. Итак, вы увидите во мне силу Христа, — *Иже в вас не изнемогает, но может в вас*, который не немощен есть в вас, — οὐκ ἀσθενεῖ, но мощен есть, — ἀλλὰ δυνατεῖ. Указывает на испытанную коринфянами силу Христову, и притом, что она продолжает еще явною быть среди них. Цель же, для чего это прибавил Апостол, или та, чтобы усилить у них страх, как бы говоря: а как Христос мощен, вы это знаете, испытали и испытываете. Потому, подразумевается, поостерегитесь раздражать силу Его на кару себе. Или та, чтобы пристыдить их, внушая, что им и не следовало подвергать его такому опыту, потому что если Христос мощен есть в них, то не по чьему посредству, как самого святого Павла. Если Христос мощен в вас, говорит как бы он, то не стыдно ли вам искушать глаголющего и действующего во мне Христа, когда вы познали Христа и вступили с Ним в общение чрез меня?

Вот мнения об этом наших толковников. Святой Златоуст говорит: «Апостол переносит здесь речь от себя ко Христу, дабы угрозы сделать более страшными. Слова его имеют такой смысл: если и сделаю, что накажу согрешающих, то разве я буду наказывать их? — Накажет Христос,

Который во мне живет. Христову же силу вы знаете. Он не *изнемогает, но может в вас*. Для чего Апостол прибавил — *в вас*, когда Христос везде силен? Захочет ли наказать неверных или кого другого, Он все может. Что же значит сие прибавление? — Апостол или хочет сильнее пристыдить их тем, что они сами уже испытали, или выражает то, что Христос и теперь показывает силу в них». Фотий у Экумения пишет: «Искусить хотите, Христос ли говорит во мне, смотря на меня, как на такого, который пуст от Христа, хотите искусить глаголющего во мне Христа, между тем как явно знаете силу Его во мне. Самое это покушение — искусить во мне силу Христову — есть грех. Ибо искушать это, особенно после таких (проявлений ее), есть дело неблагодарных, неверных и непостоянных. Таким образом, очевидно, что эти слова суть слова грозящего, — угрожательные». Феофилакт говорит: «Конечно, они прежде испытали силу Христову. Итак, Апостол говорит им, из того, какие имели вы опыты (благодатные), знаете, конечно, что Христос в вас не немощен, а силен». — Каких же еще, дополним сию речь, вам опытов силы Его?

Стих 4. *Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия; ибо и мы немоществуем в Нем, но живи будем с Ним от силы Божия в вас.*

Сказав, что Христос мощствует в коринфянах, напоминает: а ведь Он был в немощи, когда распят был, — и это обстоятельство берет в объяснение того, о чем у него речь к ним. Он как бы говорит: с нами, или в нас, Апостолах, то же действуется, что во Христе Иисусе. Когда Он страдал и распинаем был, все сочли Его не имеющим никакой силы; между тем как смертию на кресте Он уничтожил силу смерти, и когда полагали Его во гроб, разрушал ад и изводил из него всех от века содержимых в нем; потом воскрес и продолжает с силою действовать в душах верующих и в устроении Церкви Своей на земле; и в вас Он мощствует. Подобно сему и мы всем кажемся немощными, и гонят нас, и раны нам налагают, и ни во что нас ставят; но между тем сила Божия действует чрез нас всюду, она и в вас проявлена, и еще проявится, как не чаете. Мы будто замерли для вас: оживем Христом, и вы испытаете эту живую Христову Божескую силу в нас. Разумеет, когда, пришедши к ним и нашедши их неисправными, вынужден будет действовать среди них с апостольскою властию, которая есть сила Христова, в нем живущая.

Святой Златоуст говорит: «Что значит: *аще и распят бысть от немощи*? — То, что хотя Христос благоизволил пострадать, что имело вид немощи, но сие не уменьшает Его силы. Сила Его пребывает непобедимою, и имеющее вид немощи

нимало не повредило ей; но оно-то наиболее и показало Его крепость в том, что и страдание претерпел Он, и сила Его чрез то не сократилась. Итак, да не смущает тебя слово *немощь*. Ибо и в другом месте Апостол говорит: *буее Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть* (1 Кор. 1, 25); хотя в Боге нет ничего буиего*, ничего немощного, однако же так нарек крест, изображая мнение о нем неверных. Послушай, как сам Апостол толкует слова свои: *слово крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть* (1 Кор. 1, 18). Смотри, как везде излагает он мнение неверных, почитающих крест юродством и немощию. Так и здесь говорит не о действительной немощи, но о воображаемой неверующими. Итак, Апостол не то говорит, что Христос распят по немощи; да не будет сего! Ибо Он во всем показал, что мог быть и не распят; показал: то повергнув ниц на землю пришедших с Иудою (Ин. 18, 6), то помрачив солнце, то иссушив смоковницу, то ослепив очи хотевших взять Его и сотворив другие бесчисленные чудеса. Итак, выражение: *от немощи* так понимай, что хотя Христос и был распят, претерпев бедствие и наветы, однако Он не понес никакого вреда. И все сие Апостол сказал для того, чтобы применить к самому себе. Поелику Апостолы были гонимы, преследуемы, презирае-

* Безумного. — *Ред.*

мы, и Бог не отмщал за них, и сами они не вступались за себя; то, вразумляя, что терпят все сие не по немощи и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указывает на пример Господа. Ибо и Сам Господь был распят, связан, терпел бесчисленные мучения, но не мстил за Себя; напротив, понес все, что казалось немощию, и в этой немощи явил силу Свою, потому что не потерпел никакого вреда, хотя и не мстил, и не вступался за Себя. Крест не пресек жизни Его, не воспрепятствовал воскресению; напротив, Христос воскрес и живет. А когда слышишь о кресте и о жизни, разумей сие о домостроительстве спасения, ибо о нем идет сия речь. Так, когда Апостол говорит: *от силы Божия*, то не разумеет, что Христос не мог Сам оживотворить плоти Своей, а показывает только, что нет различия, сказать ли: силою Отца или силою Сына. И потому, сказав: от силы Божия, то же сказал, что и Своею силою. А что Христос действительно Сам воздвиг и воскресил плоть Свою, послушай, как Он Сам говорит о том: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. 2, 19). Если же принадлежащее Ему называет принадлежащим Отцу, не приходи от сего в смущение. *Вся бо*, говорит Он, *елика имать Отец, Моя суть* (Ин. 16, 15). И в другом месте: *и Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (Ин. 17, 10). Посему, говорит Апостол, как Христос, быв распят, не потерпел ника-

кого вреда, так и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас, не терпим вреда. Потому и присовокупил: *ибо и мы немощствуем в Нем, но живи будем в Нем от силы Божия*. Что значит: *немощствуем*? – Подвергаемся гонениям, притеснениям и терпим крайние бедствия. А что значит: *в Нем*? – То, что терпим за проповедь и за веру в Него. Если же терпим за Него все скорбное и тягостное, то, очевидно, получим и радостное. Почему Апостол и говорит далее: *но живи будем в Нем от силы Божия*».

Последние слова пополнее разъясняют Фотий у Экумения и Феофилакт. Первый говорит: «*Живи будем с Ним... в вас*. То есть покажемся в вас живыми, не просто, но с Самим Христом, имея жизнь от силы Его, коею и Он, поправ смерть и разрушив ад, воскрес и живет. Жизнь же сия и сила есть наказательная для тех, которые делают дела лукавого, как спасительная для тех, которые по грехам прибегают к покаянию. Сего-то ради, говорит, не презирайте нас, видя нас гонимыми и терпящими бесчисленные скорби. Так и Христос презрен был распинаемый, но, воскресши, сделал все, что хотел. И мы что терпим, ради Его терпим. Почему, хоть терпим, но как Он жив и мощствует, так и мы с Ним, по Его благоволению, и живы есмы, и мощны сделать в вас что хотим, и особенно в вас, потому что по причине оказанного среди вас непокорства имеем многие

праведные причины против вас». — Второй пишет: «Гонят нас и преследуют за Христа и проповедь о Нем; но как Он не потерпел вреда, будучи наветуем, так и мы живы будем с Ним, то есть окажемся непобежденными в вас, то есть ради вашей пользы. Но, может быть, он и еще устрашает их, говоря как бы: хотя и кажется вам, что мы немощны, но мы живы для вас, то есть чтобы наказать вас, если не исправитесь».

Стих 5. *Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте.*

Апостол говорит как бы: но что я доказываю вам, что во мне Христос? Он и в вас есть. Итак, вместо того, чтобы меня искушать, себя искушайте, в вере ли вы. Если вы в вере, то Христос в вас; если же Он в вас, тем паче во мне. Вот вам и удостоверение, что во мне говорит и действует Христос. Или не знаете, что Христос в вас? — В вас Он: *разве точию чим неискусни есте.* — *Неискусни*, ἀδόκιμοί, не выдерживаете пробы. Проба христиан — вера, любовию споспешествуемая. Не выдерживает пробы кто или в вере храмлет, или в жизни по вере слаб и скуден. Апостол говорит как бы: если вы не выдерживаете такой пробы, то, конечно, в вас и Христа нет. Отсюда такое наведение: осмотритеся, не потому ли и во мне искушаете глаголющего Христа, что сами Его потеряли? Если б имели Его, не смогли бы сомневаться,

что Он и во мне, ибо вы чрез меня Его познали. Таким образом, слова: *себе искушайте* вели и к тому, чтобы, нашедши в себе Христа, удостовериться, что Он и во святом Павле, и к тому, чтоб, не нашедши Его, восскорбеть о том и озаботиться снисканием Его, что опять привело бы к тому же, то есть чтоб удостовериться, что Он есть, говорит и действует и в святом Павле.

Святой Златоуст говорит: «Что мне говорить о себе, учителе, который имею столько попечений, которому вверена целая вселенная, который сотворил столько чудес? И вы сами, находящиеся в числе учеников, если захотите испытать самих себя, усмотрите, что Иисус Христос обитает и в вас. Если же в вас, то тем паче в учителе. Ибо если имеете веру, то Христос в вас. Мне кажется, что Апостол говорит здесь о вере чудодействующей, потому что верующие в то время чудодействовали. Если вы имеете, говорит он, такую веру, то Христос в вас, разве только вы не то, чем должны быть. Здесь, кажется, Апостол указывает коринфянам и на жизнь. Поелику одна вера недостаточна к получению духовной силы, а он сказал, что если вы пребываете в вере, то имеете в себе Христа, между тем как многие, имея веру, не имели силы чудодейственной, то, разрешая недоумение, говорит: *разве точию чим неискусни есте*, то есть разве порочна жизнь ваша. Но не говорит так прямо, чтоб не оскорбить их, а слегка

намекает на сие; не говорит утвердительно: вы неискусны, а представляет будто не совсем возможный у них случай: *разве точию*».

Блаженный Фотий у Экумения другие оттенки мыслей находит в этих словах Апостола: «Не подвергаете ли вы чрез то пробе свою собственную веру? Не заставляете ли искать подтверждения, в вере ли вы? Ибо искать искушения глаголющего во мне Христа и не быть твердо убеждену, что в учителе говорит Христос, — что другое значит, как не искушать и себя самих, верные ли вы, как не сомневаться в себе самих? Это значит даже более, — не знать совсем, что в вас Христос. Ибо если в учителе нѐт Христа, то тем более в учениках. Но как же, говорит, вы не знаете, что Христос в вас, когда Он обогатил вас разными дарами благодатными? Или, представив себя неискусными в делах (худо живя), вы и их потеряли? Этим он хочет еще сказать: если вы приняли и имеете благодатную силу на духов нечистых (если только, сделавшись непотребными, не лишились ее), не тем ли паче я имею власть на тех, которые исполняют волю нечистых демонов, если такие имеются среди вас? Или так: во мне искушения ищете? — Себя искушайте, потщательнее испытайте, в вере ли вы. Уж не отпали ли вы от нее, ибо иначе, вероятно, не стали бы искушать меня. Потом, как бы смягчая сильный укор, говорит: *или не знаете, яко Иисус*

Христос в вас есть. Как бы так: я так вас понимаю, что в вас есть Христос. Если вы сами этого не знаете, ваша в том вина. Смотрите, не стали ль вы тем, чем не должно вам быть? Вместе и пристыжает он их: если я признаю, что в вас Христос, разве точию неискусни есте, то как вы еще ищете искушения Его во мне пребывания? Но как могли они знать, что Христос в них? — Из знамений, какие творили, если еще творили их. Слова: *разве точию чим неискусни есте* намекают на худую жизнь. Если вы, говорит, и в вере находитесь, но не имеете соответственной ей жизни, то вы неискусны и Христа в вас нет, и не показывает уже Он присутствия Своего среди вас чрез знамения».

Стих 6. *Уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни.*

Речь будто так течет: если б вы не стали неискусными, то знали бы, что Христос в вас, а от себя и о нас заключили бы, что и в нас Христос. Но поелику, как видится, так о вас судить нельзя, то приходится мне иным образом доказывать, что во мне Христос, что я не стал неискусен, как вы, и не лишился присутствия во мне силы Христовой. Уповаю, что это вы узнаете делом, когда то есть я приду и карательно отнесусь к виновным. «И здесь опять великая угроза, большой страх. Поелику хотите, чтобы я доказал вам сие, наказав вас, то мы в состоянии дать вам такое

доказательство. Впрочем, он не так говорит, но с большею строгостию и угрозою: *уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни*. Вам и без сего, говорит он, надлежало знать нашу силу и то, что в нас говорит и действует Христос. Но поелику хотите испытать сие на самом деле, то узнаете, *что мы несмы неискусни*» (святой Златоуст). «*Несмы неискусни*, не лишились мы дара знамений и силы благодатной, или не растлили мы жизни своей, чтоб Христос выселился из нас, но Он в нас, при благоискусной жизни нашей, и покарает не слушающих нас» (Феофилакт).

Стих 7. ***Молимся же Богу, не сотворити вам ни единаго зла: не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем.***

Слова: *несмы неискусни* однозначительны со словами: мы можем явить действующую в нас силу Христову карательным судом над согрешившими и не покаявшимися. Но, говорит Апостол, в таком проявлении власти и силы, или искусства нашего, мы не находим удовольствия, оно не составляет предмета наших желаний. Напротив, мы молим Бога, чтоб не быть нам в необходимости произвесть в вас какую-либо кару, наложить на вас какое-либо наказание, неприятное для вас; желаем лучше, чтобы вы, покаявшись и исправившись, добро чрез то сотворили и тем отняли у нас повод являть себя сильными силою Христовою, или искусными. Пусть лучше мы

останемся неискусными, нежели вам потерпеть что от нас, хоть и по справедливости.

Святой Златоуст говорит: «Поелику угрозу простер далеко, наказание, так сказать, поставил у самых дверей, привел коринфян в трепет и заставил ожидать казни, то смотри, какою сладостию опять растворяет слово свое, как умеряет их страх, сколько открывает в себе невзыскательности, попечительности об учениках, любомудрия, высоты и нетщеславия. Все же сие открывает в следующих словах: *молимся же к Богу, не сотворити вам ни единаго же зла*, и проч. Где можно найти душу, подобную Павловой? Его презирали, уничижали, осмеивали, над ним издевались, как над человеком низким, ничего не значащим, хвастливым, который величается только на словах, а на деле нисколько не может показать силы своей; а он не только медлит и не хочет наказывать, но еще молит Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. Прошу и молю Бога, говорит он, чтобы мне не найти никого не исправившимся и нераскаянным. И не только о сем молю, но и о том преимущественно, чтобы вы не начинали грешить,— *не сотворити вам*, говорит, *ни единаго зла* (чтоб вы никакого зла не делали); а если согрешите, то чтобы вы спешили покаяться, предварили меня исправлением и предотвратили гнев. Я забочусь не о том, чтоб явиться пред вами искусным, но, совершенно напротив, о том, чтобы

не быть в необходимости показать это искусство на самом деле. Ибо, говорит, если вы пребываете во грехах нераскаянными, то необходимо нужно наказать вас, подвергнуть истязанию ваши тела, как поступлено было с волхвом (Деян. 13, 11), над которым мы явили опыт силы своей. Но не о сем молимся, а, напротив, чтобы нам не показывать себя искусными в таком деле, то есть чтобы не делать опыта силы, какая в нас, наказывая вас и истязуя согрешивших и болящих неисцельно. Но о чем же молимся? – *Да вы доброе сотворите*; молимся, чтобы вы всегда пребывали в добродетели, всегда были исправны; *мы же, яко неискусни будем*, не обнаруживая в себе карающей силы (Христовой). И не сказал: мы неискусни будем, ибо не стал бы неискусен, хотя бы и не наказывал, напротив, чрез сие и показал бы себя искусным. Но хотя некоторые, говорит, и почитают нас презренными и недостойными уважения, потому что не показываем силы своей, однако я нимало о том не забочусь. Лучше нам навлечь на себя от них такое мнение, нежели данную нам от Бога силу являть в наказании людей, ожесточенных сердцем».

Стих 8. *Ничтоже бо можем на истину, но по истине.*

«Ибо если идете путем, каким и следовало (истинным), то как можем показать карательную силу?» (Феодорит). «Чтоб не показаться делающим

сие (то есть вышеизложенную молитву и уступку) из угождения, что чуждо для духа, не знающего тщеславия, – а, напротив, показать, что делает то, чего требует самое свойство дела, Апостол сказал: *ничтоже бо можем на истину*. Если найдем вас благоустроенными, сложившими с себя грехи чрез покаяние и имеющими дерзновение к Богу, то нам, хотя бы и захотели, нельзя будет наказывать вас; напротив, если бы решились на то, Бог не будет нам содействовать. Ибо Он для того дал нам силу, чтобы мы произносили приговор верно, праведно, а не вопреки истине. Видишь ли, как везде смягчает слово свое и умеряет тяжесть угрозы?» (святой Златоуст).

Стих 9. ***Радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же силни бываете; о сем же и молимся, о вашем совершении.***

«Тому особенно радуемся, когда не имеем нужды наказывать вас, видя, как вы благоугождаете Богу, когда не находим, чтобы вы подавали нам причину показать силу нашу в наказании вас. И хотя и чрез то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаем противного, то есть чтобы вы были искусны и непорочны, а мы из того не приобрели себе славы. Потому и говорит: *радуемся, егда мы немощствуем*. Что значит: *егда немощствуем*? – Когда нас почитают немощными, не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными. А таковыми почитали Апос-

толов враги за то, что не являли карающей силы своей. Впрочем, радуемся, говорит Апостол, когда вы так живете, что не подаете нам повода наказывать вас. И для нас приятно, что почитают нас в сем немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляет: *вы же силни будете*, то есть искусны и тверды в добродетели. И мы не только желаем, но и молимся о том, чтобы вы были непорочны, совершенны и не подавали нам никакого повода (наказывать вас). Подлинно отеческая любовь — спасение учеников предпочитать личной своей славе!» (святой Златоуст).

Стих 10. *Сего ради не сый у вас сия пишу, да не пришед безщадно сотворю по власти, юже Господь дал ми есть в создание, а не на разорение.*

Вот цель, к которой направлено было все, что говорилось в этом последнем отделении (12, 19—13, 10). Если, говорил он, пришедши, найду неисправных неисправившимися, *не пощажду*. Теперь же говорит: пишу же об этом для того, чтоб мне в самом деле не поступить у вас *нещадно*. Никакого желания нет у меня поступить так с вами. «Желаю, чтобы строгость моя была только на словах, а не на деле; желаю, чтобы послания были строги; чтобы угрозы продолжались, но не приходили в исполнение» (святой Златоуст). Но, чтобы такое желание мое исполнилось, надобно, чтобы вы во всем исправились и явились совер-

шенными. Ибо не на поблажку вам говорю, что не хочу поступить с вами нещадно, а чтоб побудить вас самих самоохотно исправиться, а не от мер карательных. Ведайте, что *власть, юже даде ми Господь*, всегда присуща мне. Она дана мне *на создание, а не на разорение*. Если я найду вас неисправными, надобно будет исправлять вас властно, и чрез то созидать, ибо, оставив вас неисправными, я сделаю послабление вам не на созидание, а на разорение. Вы еще более расстроитесь. Итак, одно из двух: или исправьтесь, или ждите нещадного карания вас. Но все же ведайте, что я не желаю этого, но сделаю так потому, что того требует существо данной мне власти. «Все оставил им самим на размышление» (святой Златоуст).

ПОСЛЕСЛОВИЕ (13, 11—13)

Стих 11. *Прочее же, братие, радуйтеся, совершайтеся, утешайтеся, тожде мудрствуйте, мир имейте: и Бог любве и мира будет с вами.*

«Что значит *прочее же, братие, радуйтеся*? Ты опечалил, устрашил, поверг в скорбь, заставил трепетать: как же велишь радоваться? — Посему самому, говорит он, и повелеваю радоваться. Ибо если вы с своей стороны будете соответствовать тому, что я обязан сделать с своей стороны, то не будет препятствия к радости. А с моей стороны все сделано: я долго терпел, медлил, не отлучал вас, убеждал, увещевал, устрашал, угрожал, чтобы как-нибудь произвести в вас плоды покаяния. Теперь вам должно сделать свое дело, и радость ваша не помрачится» (святой Златоуст). Если исправятся, значит вступят на путь добродетели; «преуспевающим же в добродетели свойственно духовное веселие» (Феодорит), независимо от внешнего благосостояния. Может быть, и потому говорит: *радуйтеся*, что не все были неисправны, и потому не всех страшила угроза. Ко всем же исправным очень идет: *радуйтеся*. Радуйтеся, что вы христиане, уверовали в Господа, получили отпущение грехов, благодать Духа приняли, освящающую вас и на всякое добро укрепляющую, и имеете несомненную надежду, что, пребыв верными Господу, наследуете вечноблаженное царство

небесное. Как не радоваться, приняв все сие к сердцу?!

Совершайтеся. «Будьте совершенны, и восполните, чего недостает» (святой Златоуст). Се цель жизни! Вступившему во двор Христов, в стадо Его, нельзя не радоваться, смотря на то, что получает и что имеет надежду еще получить. Но, вступивши в такой чин жизни, нельзя спать. Много дано, большее несравненно дастся. Но первое есть безусловный дар, второе — подусловный. Надо привнесть труд, обращая его на то, чтоб отрезать несовершенное и прилагать одно к другому совершенное. Это и есть совершенствование себя самого.

Утешайтеся. «Так как искушений много и опасности велики, то ищите утешения друг в друге и в нас, и в собственном исправлении. Ибо если радость ваша от чистой совести и если вы совершенны, то ничего недостает к вашему благодушию и утешению, ибо ничто не доставляет столько утешения, как чистая совесть, хотя бы вы окружены были бесчисленными искушениями» (святой Златоуст).

Тожде мудрствуйте: «теснее связуйтесь единомыслием, держитесь все одного образа мыслей» (Феодорит). «О сем просил он и в начале первого послания» (святой Златоуст). Может быть, это главное в последних кратких наставлениях. Ибо они из пустого увлечения какими-то

личностями начали было расходиться между собою и группироваться в партии. Первое послание отрезвило их. Они решились исправиться. Надо было запечатлеть это решение, что и делает здесь Апостол.

Мир имейте. «Случается, что люди тоже мудрствуют, однако же не имеют мира; например, когда в догматах веры согласны, но друг против друга враждуют. Напротив, Апостол Павел требует здесь и единомыслия, и согласия» (святой Златоуст). — *Мир имейте.* Εἰρηνεύετε, мирствуйте, может иметь и всеобъемлющее значение, то есть и в себе мирствовать, и с Богом, а не только с другими. Феодорит так и пишет: «*Мир имейте* и с нами, и друг с другом, а прежде всего со спасшим вас Богом».

И Бог любве и мира будет с вами. «Ибо, видя сии преспеяния, Бог сподобит вас всякого промышления, потому что Он законоположник всего» (Феодорит). «Не только увещевает и советует иметь мир, но и молит о том Бога. Ибо он или молит здесь (то есть да будет с вами Бог мира), или предсказывает будущее (то есть что будет с вами за показанные доброты); а вернее, то и другое вместе. Если, говорит, будете так поступать, то есть тожде мудрствовать и мир иметь между собою, то и Бог будет с вами. Потому что Бог есть Бог любви и мира. Сему Он радуется (то есть любви и миру), и о сем веселится. Отсюда —

от любви Его и в вас будет мир. Отсюда избавление от всех зол. Сия любовь спасла вселенную; она прекратила застарелую на земле вражду, она соединила землю с небом, она соделала людей ангелами. Возлюбим же ее и мы, ибо любовь есть матерь бесчисленных благ. Ею мы спасены, чрез нее получили неизглаголанные блага» (святой Златоуст).

Стих 12. *Целуйте друг друга лобзанием святым. Целуют вы святии вси.*

«*Целуйте друг друга лобзанием святым*; то есть нельстиво, целомудренно, как члены друг друга и тело Христово» (Феодорит). «Что значит: *святым*? – Не притворным и льстивым, каким Иуда лобызал Христа. Ибо на то и лобзание, чтобы возбуждало любовь, чтобы воспламеняло искреннее расположение, чтобы мы так любили друг друга, как братья братьев, как чада отцов и отцы чад, или еще и больше: ибо сия любовь есть естественная, а наша духовная. Чрез лобзание соединяются между собою души. Посему-то, возвращаясь из путешествий, целуем друг друга, когда души наши приходят во взаимное общение. Ибо уста особенно выражают расположение души. Можно и еще нечто сказать о сем лобзании святом. Что же такое? — Мы храм Христов. Уста – дверь сего храма, коею входил и входит к нам Христос, когда мы причащаемся. Причастники таинств! Вы понимаете, что говорю? Не

простой чести сподобляются уста ваши, приемлющие Тело Господне. Потому наипаче в сие время лобызаем друг друга. Да слышат сие срамно лобызающиеся, и да ужасаются при мысли, как они сквернят уста свои!» (святой Златоуст).

Целуют вы святии вси. «В один с ними состав совокупил и всех веровавших во вселенной» (Феодорит). «Видишь ли, как он соединяет между собою всех дальних и близких, первых посредством Писания, а последних посредством лобзания?» (святой Златоуст).

Стих 13. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь.*

Спасение всех и каждого совершается действом Пресвятой Троицы нераздельным. Разные действия в производстве нашего спасения Слово Божие именует разными именами и относит их когда к одному, когда к другому, когда к третьему Лицу Пресвятой Троицы, чем показывает, что не распределяет их по Лицам так, чтобы одно принадлежало исключительно одному, другое другому. Так и здесь «не в означение раздельности выразился так Апостол, и не иное уделил Христу Господу, иное Отцу, иное же Духу, ибо неоднократно любовь приписывал он Духу, общение Сыну, благодать Богу Отцу. Так в первом послании, приписав действо Отцу (1 Кор. 12, 6), чрез несколько слов приписывает оное Ду-

ху (11). В ином же порядке поставил Лица, не извращая порядок, указанный Господом (Мф. 28, 19), но научая, что иной порядок имен не означает инаковости естества, или силы, или разности достоинств» (Феодорит). «Так все, принадлежащее Троице, нераздельно! И где общение Духа, там и общение Сына, и где благодать Сына, там благодать Отца и Святого Духа. Говорю сие, не как смешивающий Ипостаси; нимало: напротив, знаю как то, чем они различаются и разделяются, так и единство их сущности» (святой Златоуст).

«Будем и мы и догматы сии содержать со всею точностию, и привлекать к себе любовь Божию. Ибо Он прежде возлюбил нас, когда мы еще ненавидели Его; и примирил с Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочет любить нас, уже любящих Его; будем же постоянно любить Его, чтобы и Он любил нас. И если, пользуясь любовию сильных людей, для всех бываем страшны, то тем паче, когда будем в любви у Бога. Если из любви к Нему нужно будет отдать имущество, тело свое, даже самую душу, не пощадим сего. Ибо недостаточно свидетельствовать любовь свою к Нему только на словах, нужно показать ее и делами. Ибо Он Сам явил Свою любовь к нам не словами только, но и делами. Покажи и ты сие на самом деле и твори угодное Ему. В таком случае сам же ты опять получишь

пользу, потому что Он ни в чем нашем не нуждается. То и служит особенным доказательством искренней любви Его к нам, что, не нуждаясь в нашей любви, все делает для того, чтобы мы Его любили. Посему и Моисей сказал: *что бо ищет Господь Бог у вас, точию еже любити Его, и готову быти еже ходити во след Его* (Втор. 10, 12). Посему когда повелевает тебе любить Его, тогда наипаче показывает, что любит тебя. Ибо никогда не бывает столько надежно наше спасение, как когда любим Его» (святой Златоуст).

«Будем молиться и мы, чтобы сподобиться апостольского благословения и улучить обетованные блага по благодати и человеколюбию Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. С Ним Отцу, со Святым Духом, слава и велелепие, ныне и всегда, и во веки веков! Аминь» (Феодорит).

СОДЕРЖАНИЕ

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЕ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ

Редактор *Раиса Букреева*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректоры *Татьяна Савинская, Лина Егорова*
Набор *Ирины Музыченко*

Подписано в печать 06.03.06. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 18,125 печ. л. Тираж 4000 экз. Заказ 1265.

Саввино-Сторожевский монастырь.
143096, Московская обл., г. Звенигород.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.
Тел.: 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94.
E-mail: pravilo-very@yandex.ru.

Книга-почтой: E-mail: prvera777@bk.ru
или 129346, Москва, а/я 17. Морзину В.Б.

ISBN 5-94759-044-1